3 1761 06739655 6

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/odavnostiporussk00ngel

О ДАВНОСТИ

ПО РУССКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ.

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ИВАНА ЭНГЕЛЬМАНА

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИЗДАНІЕ «СУДЕБНАГО ВѢСТНИКА».

188529

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1868.

LIBRARY
SEP 2 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

K
E5746
V417
1868

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИМПЕРАТОРСКОМУ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ

ВЪ ДЕНЬ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЕГО ЮБИЛЕЯ

АВТОРОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію изслѣдованія моего о давности [1]), на русскомъ языкѣ, я воспользовался, какъ возраженіями сдѣланными мнѣ на публичномъ диспутѣ, такъ и критическими замѣчаніями на мой трудъ, помѣщенными въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» и «Юридическомъ Вѣстникѣ» все, что въ нихъ я считалъ истиннымъ, принято мною во вниманіе при дополненіи и исправленіи настоящаго сочиненія. Такимъ образомъ, нынѣшнее изданіе представляетъ не одну простую передачу нѣмецкаго текста на русскій языкъ, но есть изданіе второе дополненное и исправленное.

Двоякаго рода измѣненія сдѣланы мною:

Съ одной стороны постановленія русскаго права разсмотрѣны съ большей противъ прежняго подробностью, въ особенности по отношенію къ характеру и значенію давности: такъ между прочимъ, мною представлены мотивы и соображенія законодательства при изданіи закона о давности отъ 23 апрѣля 1845 г., конечно, на сколько они были доступны мнѣ какъ частному лицу.

Съ другой стороны я убѣжденъ, что нѣкоторые выводы сдѣланы въ первомъ изданіи моего сочиненія должны быть измѣнены.

Внимательный пересмотръ моего изслѣдованія, въ особенности ознакомленіе съ соображеніями, на коихъ основанъ законъ о давности 1845 года, убѣдили меня вполнѣ въ правильности того положенія, что въ русскомъ правѣ только исковая давность имѣетъ дѣйствительное практическое значеніе. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать существованія въ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ, постановленія о давности владѣнія: о немъ говорится въ законѣ и зачатки его существуютъ. Однако, признаніемъ существованія постановленія о давности владѣнія не измѣняется общій характеръ исковой давности по русскому праву. Давность владѣнія, существующая по буквѣ закона, осталось и остается мертвою буквою,

---

[1]) Die Verjahrung nach russischem Privatrecht. Dorpat. 1867.

безъ практическаго, юридическаго значенія. Напротивъ того, обстоятельное изслѣдованіе постановленій X тома убѣдило меня, что въ русскомъ гражданскомъ правѣ исковой, погашающій характеръ давности проведенъ до послѣдней крайности, что право собственности на вещи недвижимыя теряется чрезъ давность, но формою его пріобрѣтаемо быть не можетъ. Вслѣдствіе истеченія давности владѣлецъ защищается ею въ своемъ владѣніи, точно такъ, какъ будто бы имъ пріобрѣтено было право собственности, но по закону онъ не признается собственникомъ, а остается владѣльцемъ, ограниченнымъ въ распоряженіи вещью.

Указывать здѣсь на другія измѣненія въ частностяхъ было бы излишнемъ: гдѣ измѣненія противъ перваго изданія были значительны, я считалъ необходимымъ указать на нихъ въ самомъ текстѣ.

Помѣщенная въ изданномъ недавно № 7 «Московскихъ Университетскихъ Извѣстій» 1868 г. статья А. М. Хоткевича, о давности по русскому гражданскому праву, ни что иное, какъ безпорядочный наборъ разныхъ болѣе или менѣе общихъ замѣчаній объ отдѣльныхъ постановленіяхъ о давности и о судебныхъ срокахъ русскаго и французскаго законодательствъ. Научнаго значенія эта статья не имѣетъ и даже непонятно, какъ могла она появиться въ печати, да еще въ извѣстіяхъ университета.

И. Энгельманъ.

Дерптъ, 19 декабря, 1868 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

Понятіе объ отвлеченной давности . . . . . 1.

Критика и опроверженіе этого понятія на основаніи римскаго права. 5.

Ученіе римскаго права о давности владѣнія и давности исковой. 10.

Литература русскаго права о давности . . . . . 12.

РАЗДѢЛЪ I.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ

постановленій русскаго гражданскаго права о давности.

1. Давность владѣнія по псковской судной грамотѣ. . . 16.
2. Мнѣніе Неволина о зачаткахъ давности; несуществованіе таковой на Руси до конца XIV вѣка . . . . . 20.
3. Установленіе давности исковой по дѣламъ вотчиннымъ закономъ великаго князя Василія Дмитріевича . . . 27.
4. Давность исковая въ дѣлахъ вотчинныхъ по Судебникамъ . 30.
5. Давность исковая въ началѣ XVII вѣка по Уложенію 1649 г. 35.
6. О пріобрѣтеніи примѣрной земли владѣніемъ . . . 41.
7. Пятнадцатилѣтняя давность исковъ по обязательствамъ. . 45.
8. Давность иска о бѣглыхъ крестьянахъ . . . . . 47.
9. Установленіе десятилѣтней давности . . . . . 52.
10. Составленіе закона о давности владѣнія . . . . . 67.

Стр.

РАЗДѢЛЪ II.

ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ

постановленій русскаго гражданскаго права о давности.

ГЛАВА I. ПОНЯТІЕ О ДАВНОСТИ.

1. Понятіе выработанное исторіею въ сравненіи со взглядомъ на него русскихъ писателей и съ понятіями признанными въ новѣйшихъ законодательствахъ . . . 69.
2. Русскому праву чуждо понятіе общей отвлеченной давности 74.
3. Общіе мотивы закона о давности отъ 23 апрѣля 1845 г.
   Объ общемъ срокѣ земской давности . . . 85.
   О свойствѣ земской давности . . . . 88.
   Опроверженіе мнѣнія будто давности подлежитъ лишь то, что можетъ быть предметомъ свободнаго отчужденія 91.
   Дѣйствіе давности распространяется и на земли казенныя, находящіяся во владѣніи крестьянъ . . . 94.
   О разныхъ условіяхъ давности владѣнія . . 95.
   Значеніе закона 1845 года. . . . . 100.
4. Существующая въ русскомъ правѣ давность владѣнія совершенно неразвита.
   Мнѣніе Мейера и Побѣдоносцева о давности владѣнія по русскому праву . . . . . 104.
   Объясненіе законныхъ постановленій:
   Владѣніе въ видѣ собственности . . . . 108.
   Владѣніе непрерывное . . . . . 109.
   Владѣніе безспорное. . . . . 111.
   Владѣніе спокойное . . . . . —
   Владѣніе превращается въ право собственности . 115.
   Объясненіе значенія 533 ст. 1 ч. X т. въ сравненіи съ характеромъ:
   давности по русскому праву . . . . 118.
   землевладѣнія по русскому праву . . . 120.
   Пріобрѣтается право собственности давностью при посредствѣ судебнаго рѣшенія? . . . . 122.
   Неразвитость давности владѣнія проявляется:
   1. въ происхожденіи 533 ст. 1 ч. X т. . . . 126.
   2. въ дѣйствіи приписанномъ давности на практикѣ . —
   3. въ томъ что давностный владѣлецъ не можетъ получать ввода во владѣніе. Дѣло Керстъ. Вопросъ о значеніи толкованія законовъ кассаціонными рѣшеніями Сената . . 131.

Стр

4. въ невозможности для давностнаго владѣльца продавать или закладывать имѣніе . . . . . 140.
5. въ томъ что ст. 533 лишняя . . . . . 142.
Дѣло о Прокудино-алексинскомъ борѣ . . . 145.
Дѣло Агвздиныхъ съ Филипповымъ . . . . 146.
5. По русскому праву сервитуты не могутъ быть ни пріобрѣтаемы пользованіемъ ни прекращаемы не пользованіемъ.
А. Право участія общаго . . . . . 148.
Б. Право участія частнаго . . . . . 149.
а) Право дороги . . . . . —
б) Право запрещать устройство запрудъ на рѣкахъ. —
в) Право примыкать мельничную плотину къ чужому берегу. —
г) право перевоза . . . . . 150.
д) право водопоя . . . . . —
е) право въѣзда . . . . . 151.
ж) право сосѣдства . . . . . —
6. Въ русскомъ правѣ практическое значеніе имѣетъ одна только давность исковая.
Толкованіе статей 213 2 ч. X т. и 692 1 ч. X т. 153.
Безусловной характеръ давности . . . . 154.
Два случая изъ судебной практики . . . 155.
Право потерянное давностью по винѣ повѣреннаго не возстановляется . . . . 157.

ГЛАВА II. ОБЪЕМЪ ДАВНОСТИ.

1. Давности не подлежитъ право на возстановленіе потерянныхъ правъ состоянія или семейственныхъ . . . 161.
2. Давности не подлежатъ заповѣдныя имѣнія . . 163.
4. Давности не подлежатъ межи генеральнаго межеванія . 164.
Общее значеніе этого правила . . . . . —
Толкованіе 563 ст. 1 ч. X т. въ судебной практикѣ и въ литературѣ. . . . . 165.
Соображеніе на коихъ основана 563 ст. изъ мн. гос. сов. отъ 23 апр. 1845 г. . . . . 167.
Соображенія на коихъ основано мн. гос. сов по дѣлу Бекъ. 180.
4. Давности не подлежатъ права соучастника на раздѣлъ общаго имѣнія. . . . . 190.
5. Давности не подлежатъ права участія общаго въ выгодахъ чужаго имущества и право дороги . . . 198.

Стр.

6. Давности не подлежатъ безсрочныя довѣренности. . 198.
7. Давности не подлежитъ искъ отдавшаго вещь на сохраненіе. —
8. Давности не подлежатъ вещи изъятыя изъ обращенія между частными лицами . . . . . 200.
9. Давности не подлежитъ взысканіе недоимокъ . . —
Замѣтка о мнимыхъ случаяхъ непримѣненія давности. —
Примѣненіе давности къ дѣламъ казеннымъ . . 201.

ГЛАВА III. УСЛОВІЯ ДАВНОСТИ.

I. НАЧАЛО ТЕЧЕНІЯ ДАВНОСТИ.

Положительное право на искъ и значеніе его для примѣненія давности по спорамъ какъ объ обязательствахъ такъ и о правахъ вещныхъ . . . . . 203.
Постановленіе о началѣ теченія давности . . . . 204.
1. Начало теченія давности по искамъ о правѣ собственности. 207.
2. Начало теченія давности по искамъ о правѣ залога . 213.
3. Начало теченія давности по искамъ о наслѣдствѣ:
А. По искамъ о признаніи права наслѣдства . . 214.
Б. По искамъ о выдачѣ принадлежащихъ къ наслѣдству вещей . . . . . 216.
4. Начало теченія давности по личнымъ искамъ . . —
А. По искамъ изъ обязательствъ, по коимъ началось исполненіе . . . . . —
Б. По искамъ изъ обязательствъ срочныхъ . . 217.
В. По искамъ изъ обязательствъ безсрочныхъ . . 218.
5. Начало теченія давности по судебнымъ рѣшеніямъ . 220.

II. ИСТЕЧЕНІЕ СРОКА ДАВНОСТИ.

1. Общій срокъ давности . . . . . 221.
2. Частные сроки давности . . . . . 222.

ГЛАВА IV. ПРЕПЯТСТВІЯ ДАВНОСТИ.

I. ПРІОСТАНОВЛЕНІЕ ДАВНОСТИ . . . . . 227.
1. По искамъ лицъ недѣеспособныхъ . . . . —
2. По искамъ лицъ находящихся въ плѣну . . . 232.
3. По случаю остановленія судебной расправы . . —
4. По иску объ указной части супруговъ . . . —

II. ПЕРЕРЫВЪ ДАВНОСТИ.

А. Устраненіемъ нарушенія права . . . . 233.
1. Вслѣдствіе признанія нарушеннаго права по всѣмъ искамъ 234.

Стр.

2. Вслѣдствіе потери владѣнія нарушителемъ, по искамъ о правѣ собственности . . . . . 235.
Б. Предъявленіемъ иска . . . . . —
1. Подачею формальнаго исковаго прошенія . . . —
2. въ установленномъ порядкѣ . . . . . 236.
а) надлежащему присутственному мѣсту . . —
б) въ случаѣ принятія прошенія. . . 237.
В. Понятіе о хожденіи по дѣламъ . . . . 238.
Г. Перерывъ по дѣламъ о начетахъ частныхъ лицъ на казну 239.

ГЛАВА V. ДѢЙСТВІЕ ДАВНОСТИ . . . 241.

—

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Измѣненіе характера давности Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства 20 ноября 1864 г. 243

ВВЕДЕНІЕ.

Слово *давность* употребляется обыкновенно для означенія того вліянія, которое приписывается въ законахъ истеченію опредѣленнаго срока времени, по отношенію къ пріобрѣтенію или потерѣ какого либо права. Истеченіе времени само по себѣ неспособно сдѣлаться основаніемъ юридическаго учрежденія, потому что понятіе это не имѣетъ опредѣленнаго, самостоятельнаго содержанія, на основаніи котораго можно было бы опредѣлить образъ и степень его значенія въ области права, и такимъ образомъ построить цѣльное юридическое учрежденіе. Въ обыденной жизни, конечно, со словомъ *давность* соединяется понятіе о вліяніи времени на разныя юридическія учрежденія, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи этого понятія, оно оказывается лишеннымъ практическаго значенія. Не всѣ понятія, вращающіяся въ обыденной жизни, могутъ быть признаваемы дѣйствительными въ области науки. Впрочемъ, въ теоріи права давность долгое время принимаема была за цѣльное самостоятельное учрежденіе, основанное на общемъ значеніи времени. Слѣдя за возникновеніемъ и образованіемъ этого понятія, мы видимъ, что въ новѣйшихъ законодательствахъ оно явилось подъ вліяніемъ ученія римскаго права. Для правильной оцѣнки этого понятія, необходимо поэтому изслѣдовать его значеніе въ римскомъ правѣ, этомъ первообразѣ и основаніи всякаго цивилизованнаго и развивающагося законодательства. Опредѣливъ значеніе этого понятія въ римскомъ правѣ, у насъ будетъ вѣрная мѣрка для теоретической оцѣнки того значенія, которое имѣетъ давность въ русскомъ правѣ.

Итакъ, спрашивается: считается-ли давность, по ученію римскаго права, цѣльнымъ и самостоятельнымъ учрежденіемъ права, имѣющимъ въ своемъ основаніи понятіе о всеобъемлющемъ, всеизмѣняющемъ вліяніи времени? Еще не очень давно на этотъ вопросъ писатели по римскому праву отвѣчали утвердительно.

По этой теоріи давность есть измѣненіе въ правахъ чрезъ осуществленіе или неосуществленіе ихъ въ теченіе извѣстнаго времени. Она дѣлится на различные виды, смотря по характеру вліянія, оказываемаго ею на юридическія отношенія, по различію времени, необходимаго для ея полнаго дѣйствія, и по происхожденію ея. Обращая вниманіе на *дѣйствіе*, производимое давностью, различали давность *пріобрѣтающую* (praescriptio acquisitiva) отъ давности *погашающей* (praescriptio exstinctiva), смотря по тому, обращалось-ли главное вниманіе на пріобрѣтеніе или на потерю какого либо права. Этими названіями означались собственно не подраздѣленія давности, но лишь различныя стороны одного и того же учрежденія, притомъ стороны, соотвѣтствующія другъ другу и находящіяся въ постоянномъ взаимодѣйствіи между собою. Полагали, что въ каждомъ случаѣ примѣненія давности она для того лица, которое теряетъ свое право, есть погасительная, а для того, кто пріобрѣтаетъ въ силу ея положительное право или освобождается отъ обязательства, она есть пріобрѣтательная. Можно бы спросить, что же такое пріобрѣтается въ послѣднемъ случаѣ? На это со стороны отвлеченной теоріи отвѣтятъ: свобода отъ обязательства. Изъ этого отвѣта уже видна несостоятельность этой теоріи: она говоритъ о пріобрѣтеніи, когда рѣшительно ничего не пріобрѣтается. Въ экономическомъ отношеніи освобожденіе отъ долга можетъ быть равнозначительно пріобрѣтенію, въ юридическомъ же отношеніи въ такомъ случаѣ о пріобрѣтеніи говорить нельзя. Пріобрѣтеніе предполагаетъ что нибудь положительное.

Если пріобрѣтается именно то же самое право, которое потеряно другимъ, то называли давность *переводящею* (praescriptio translativa), потому что здѣсь производился только переводъ одного и того же права отъ одного лица на другое. Если же, напротивъ того, давностью пріобрѣталось право, которое до того времени вовсе не существовало какъ отдѣльное право, напримѣръ сервитуты, то она называлась давностью *учреждающею* (praescriptio constitutiva). *По времени*, необходимому для полнаго осуществленія вліянія давности, она называлась *опредѣленною* (praescriptio definita)—если дѣйствіе ея было въ зависимости отъ точно опредѣленнаго срока времени, и *неопредѣленною* (praescriptio immemorialis, unvordenkliche Zeit) — если такого положительно установленнаго срока не было, но принадлежность какого либо права извѣстному лицу основывалась на испокониемъ, стародавнемъ обладаніи имъ. Наконецъ, *по происхожденію* того правила, на основаніи коего истеченіе извѣстнаго срока должно было имѣть вліяніе на пріобрѣтеніе или потерю права, различали давность *законную* (praescriptio legalis) отъ давности *по опредѣленію суда* (praescriptio judicialis) и *произвольной*, по одностороннему распоряженію одного лица (напр. завѣщателя) или по условію (praescriptio testamentaria, pr. conventionalis). Говорили даже о давности *мгновенной* (praescriptio momentanea), примѣняя ее къ такимъ случаямъ, гдѣ, какъ наприм. при необходимой оборонѣ, право на оборонительныя дѣйствія, нарушающія неприкосновенность чужой личности, существуетъ только въ томъ случаѣ, когда оныя послѣдуютъ непосредственно вслѣдъ за нападеніемъ. Впрочемъ, въ подобныя крайности впадали только немногіе по

слѣдователи этой теоріи; большинство же отвергло подобное распространеніе понятія о давности.

Разсматривая ближе отдѣльные случаи примѣненія отвлеченной давности, представляемые, по приведенной теоріи, выводами изъ одного общаго понятія, отпрысками цѣлостнаго учрежденія, съ перваго взгляда замѣтно, что, несмотря на всю кажущуюся стройность этого учрежденія, отдѣльные случаи, гдѣ время оказываетъ вліяніе на какое либо учрежденіе, чрезвычайно плохо вяжутся другъ съ другомъ и, вмѣстѣ взятые, представляютъ собою какой-то разнородный, нескладный видъ.

Въ источникахъ римскаго права мы не находимъ ни юридическаго термина, выражающаго то, что по упомянутой теоріи означается словомъ *давность*, ниже самаго понятія о ней. То, что по вышеизложенной теоріи является выраженіемъ одного общаго понятія, оказывается весьма различнаго свойства. Такъ называемыя стороны одного и того же учрежденія суть отдѣльныя учрежденія, неимѣющія общаго основанія, несостоящія между собою въ непосредственной связи. Однако, не всегда это различіе сознавалось, и въ литературѣ римскаго права уже довольно рано стало употребляться для означенія давности слово praescriptio. При внимательномъ разсмотрѣніи источниковъ оказывается, что praescriptio означало exceptio, т. е. отводъ противъ иска на томъ основаніи, что онъ предъявленъ уже по пропущеніи долгаго времени. Exceptio seu praescriptio temporis означала просрочку или давность иска.

Савиньи доказалъ, что глоссаторы впервые стали употреблять слово praescriptio въ болѣе общемъ значеніи, для означенія того вліянія, которое теченіе времени вообще и истеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока времени имѣютъ на измѣненіе какого либо права, смотря по тому, было-ли оно осуществляемо или нѣтъ. Въ каноническое право это выраженіе перешло изъ сочиненій глоссаторовъ.

Поэтому можно было бы подумать, что каноническое право замѣнило и исправило узкую будто бы точку зрѣнія римскаго права болѣе широкимъ взглядомъ, такъ что начало отвлеченной давности дѣйствительно зиждется на почвѣ положительнаго права. Однако, изученіе памятниковъ каноническаго права доказываетъ, что оно не усвоило себѣ отвлеченнаго понятія о давности, и это послѣднее образовалось лишь впослѣдствіи. Составители декреталій приняли только то, что дано было имъ наставниками ихъ—легистами, и сами по себѣ вовсе не думали установлять новой теоріи. Поэтому поправка допущеннаго уклоненія, по всей справедливости, относится и къ нимъ [1]). Такимъ образомъ оказывается, что отвлеченная давность не есть учрежденіе законодательства, но лишь произведеніе теоріи, притомъ теоріи неправильно понятой. На неправильность, какъ выраженія, такъ и понятія, указывали уже *Мюретъ*, *Доно* и *Кюжасъ*, но тщетно. Слово praescriptio не только осталось для означенія общаго понятія о вліяніи времени на правоотношенія, но на основаніи этого общаго понятія стали

---

[1]) Savigny. System d. heut. römischen Rechts. V, §§ 237—255.

даже строить систему цѣлостнаго, самостоятельнаго учрежденія, подъ которое подыскали, наконецъ, даже философскую основу. Съ тѣхъ поръ общее понятіе отвлеченной давности стало господствующимъ въ юриспруденціи.

Подводили подъ давность всѣ права, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, именно отъ нея изъятыхъ, между тѣмъ какъ само по себѣ истеченіе времени не можетъ и не должно имѣть вліянія на правоотношеніе, развѣ въ законѣ объ этомъ именно постановлено было. Наконецъ, стали видѣть давность даже тамъ, гдѣ какому либо праву, съ самаго возникновенія его, назначенъ срокъ дѣйствія закономъ или частнымъ распоряженіемъ. Не всѣ юристы доходили до подобныхъ крайностей. Но въ наукѣ сдѣлалось почти общимъ убѣжденіе, что права всякаго рода пріобрѣтаются и погашаются давностью. Мнѣніе это въ особенности развито и примѣнено къ отдѣльнымъ правоотношеніямъ въ извѣстномъ сочиненіи *Унтергольцнера* [1]), который сдѣлалъ попытку ограничить общепринятое понятіе о давности, для того чтобы спасти его. Другіе писатели, принимая понятіе объ отвлеченной давности, оставались, по крайней мѣрѣ, настолько на почвѣ положительнаго права, что не допускали примѣненія давности общимъ правиломъ на всѣ правоотношенія, но требовали, относительно каждаго отдѣльнаго правоотношенія, чтобы примѣненіе давности къ нему основывалось на правилѣ положительнаго закона. Критическое направленіе новѣйшаго времени возстало противъ всей теоріи, возведшей давность въ столь общее и отвлеченное начало, и доказало, что такого общаго начала не существуетъ, что давность не имѣетъ общаго основанія, что ей не подлежатъ всѣ правоотношенія вообще, но что тамъ, гдѣ вліяніе времени на правоотношенія допускается, проявленіе и осуществленіе онаго должны быть различаемы соотвѣтственно характеру и свойству правоотношенія, на которое оно вліяетъ. Первый доказалъ всю неосновательность общаго отвлеченнаго понятія о давности *Пухта* [2]). Онъ говоритъ: «Противъ подведенія подъ одно общее названіе *давности*, usucapio (Ersitzung, пріобрѣтеніе права собственности давностью владѣнія), пріобрѣтенія сервитутовъ давностью, usucapio libertatis (освобожденіе имущества отъ сервитута вслѣдствіе неосуществленія онаго), non usus (потеря права на сервитутъ вслѣдствіе неосуществленія тѣхъ отдѣльныхъ дѣйствій, на которыя имѣешь право), наконецъ давности исковой (Klageverjährung)—собственно нечего было бы [illegible]ать, кромѣ того, что въ томъ нѣтъ никакой надобности. Но на этомъ не остановились: подъ это названіе стали подводить особое понятіе, въ силу котораго давность возводилась на степень самостоятельнаго учрежденія въ области права, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она есть произвольный сборъ совершенно различныхъ между собою учрежденій. Всѣ эти учрежденія подведены подъ одну точку зрѣнія: признаны общими началами такія, которыя вовсе не имѣютъ этого свойства; такимъ образомъ смѣшаны различныя учрежденія и явно искажено ученіе рим-

---

[1]) Ausführliche Entwickelung der gesammten Verjährungslehre. 2 Aufl. 1858.

[2]) Pandecten. 1844. § 71; Lehrbuch der Institutionen. 1851. II. § 109; Vorlesungen über das heutige römische Recht. 1847. I. § 73.

скаго права. На такомъ же основаніи было бы возможно соединить происходящія въ различныхъ правахъ измѣненія посредствомъ дѣйствій, напримѣръ подъ названіемъ производства (Verhandlung), признавъ это послѣднее юридическимъ началомъ, вмѣщающимъ въ себѣ передачу (traditio), завладѣніе (occupatio), договоры, проступки, завѣщанія и т. д.» Возраженія эти противъ отвлеченнаго понятія о давности подкрѣплялись еще слѣдующимъ доводомъ *Кіерульфа* [1]): «Означенное, мнимо-юридическое начало установляется въ явный ущербъ отдѣльнымъ учрежденіямъ, чрезъ устраненіе ихъ существенныхъ, характерныхъ признаковъ. Выигрывается чрезъ это произвольное понятіе и нѣсколько раздѣленій, облегчающихъ память, но не получается ничего такого, что имѣло бы дѣйствительно юридическую, т. е. практическую цѣну, и что безъ того не могло бы быть вывезено изъ самой сущности тѣхъ отдѣльныхъ юридическихъ учрежденій. Теряется, напротивъ того, чрезвычайно много, такъ какъ стираются существенныя черты различныхъ учрежденій и становится невозможнымъ прослѣдить, въ подробностяхъ каждаго отдѣльнаго учрежденія, выраженіе основнаго начала, лежащаго въ его основаніи».

Самой основательной критикѣ подвергъ начало отвлеченной давности *Савиньи* въ знаменитомъ своемъ сочиненіи: «Система нынѣдѣйствующаго римскаго права» [2]). Онъ прежде всего останавливается на основаніи давности и находитъ его: 1) въ томъ, что цивилизованное общество прежде всего нуждается въ стойкости и ненарушимости существующихъ правоотношеній. Въ интересѣ твердаго строя взаимныхъ правоотношеній частныхъ лицъ, конечно, нельзя требовать отъ кого бы то ни было отказа отъ своего права, но можно требовать отказа отъ безпечности въ правоотношеніяхъ, отъ нерѣшенности, которое можетъ имѣть послѣдствіемъ неясность оныхъ. Хотя, конечно, большая или меньшая неясность въ отдѣльныхъ правоотношеніяхъ почти неизбѣжна, но, по крайней мѣрѣ, ее должно ограничить на возможно краткое время. Опредѣляя, что чрезъ давность владѣнія или usucapio пріобрѣтается безспорная и ненарушимая собственность, а чрезъ потерю, за истеченіемъ извѣстнаго срока времени, права иска (Klageverjahrung, давность исковую, praescriptio s. exceptio temporis) пріобрѣтается право отвода противъ иска (actioni praescribitur), установляется огражденіе противъ дальнѣйшихъ притязаній—законъ прежде всего имѣетъ въ виду замѣнить случайный недостатокъ доказательствъ правъ, пріобрѣтенныхъ на законномъ основаніи. При этомъ, конечно, можетъ случиться, что настоящій собственникъ теряетъ свою собственность, свою вещь или, когда дѣло идетъ о правѣ обязательственномъ, кредиторъ лишается своего требованія. Это, конечно, несправедливо. Но несправедливость оправдывается тѣмъ, что лицо, обладающее правомъ, имѣло возможность предупредить потерю своевременнымъ осуществленіемъ онаго. Выраженіе, что лицо лишается своего права, въ видѣ наказанія за небрежность,

---

[1]) Theorie des gemeinen Civilrechts. I. 1839. стр. 190—191 примѣч.

[2]) System des heutigen römischen Rechts. 1841. Bd. IV. §§ 177, 178, 195. V. §§ 237—255.

не совсѣмъ вѣрно и употребляется лишь съ тою цѣлью, чтобы нагляднымъ образомъ доказать неосновательность упрека въ жестокости и несправедливости подобныхъ постановленій. 2) Далѣе *Савиньи* находитъ основаніе давности иска въ предположеніи отмѣны или уничтоженія того права, которое оставалось безъ осуществленія въ теченіе долгаго времени, такъ какъ невѣроятно, чтобъ имѣющій право иска не предъявлялъ его, если бы не утратилъ на самомъ дѣлѣ это право какимъ либо способомъ, который теперь лишь трудно доказать. 3) *Савиньи* находитъ основаніе давности въ возможности злоупотребленія со стороны истца, который, откладывая предъявленіе иска, этимъ желаетъ затруднить или сдѣлать невозможнымъ защиту со стороны отвѣтчика. Затѣмъ онъ доказываетъ, что вліяніе истеченія времени на отдѣльныя правоотношенія установлено, въ положительномъ правѣ, особенно по отношенію каждаго отдѣльнаго учрежденія, и только вслѣдствіе неяснаго пониманія этихъ постановленій, въ теоріи образовалось отвлеченное начало давности. Въ этомъ ученіи usucapio, пріобрѣтеніе собственности вслѣдствіе долгаго владѣнія превратилось въ какую-то общую пріобрѣтательную давность посредствомъ осуществленія права. Изъ давности исковой сочинили общую погасительную давность, вслѣдствіе неосуществленія права, съ причисленіемъ къ ней даже всѣхъ процесуальныхъ и другихъ сроковъ, не имѣющихъ, въ юридическомъ отношеніи, ничего общаго съ давностью. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, существенное измѣненіе въ обоихъ учрежденіяхъ, объявляли ихъ видами одного рода, каковымъ выставляли начало отвлеченной давности, и стали примѣнять это начало всюду, даже въ явное противорѣчіе римскому праву, напр. къ праву залога и къ праву по обязательствамъ. Въ заключеніе Савиньи, рѣшительно отвергая общее начало отвлеченной давности, говоритъ: конечно, эти учрежденія имѣютъ между собою точки соприкосновенія; можетъ даже встрѣтиться надобность примѣнить къ одному изъ нихъ начало, установленное для другаго; но это должно совершаться на основаніи аналогическаго примѣненія права, а не подведеніемъ разныхъ учрежденій подъ одно будто общее родовое понятіе. Важное различіе между тѣмъ и другимъ способомъ примѣненія заключается въ томъ, что аналогическое примѣненіе заставитъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, доказать необходимость и законное основаніе примѣненія, между тѣмъ какъ, при гуртовомъ подведеніи отдѣльныхъ случаевъ подъ общее отвлеченное начало, дѣло рѣшается безъ всякой критической повѣрки правильности примѣненія въ отдѣльномъ случаѣ. Конечно, способъ этотъ весьма простъ и удобенъ, но правильность примѣненія давности, въ каждомъ отдѣльномъ учрежденіи, предоставляется случаю.

Съ тѣхъ поръ, и на основаніи критическихъ изслѣдованій *Савиньи*, большинство германскихъ ученыхъ юристовъ оставило отвлеченное понятіе о давности, наприм. *Бекингъ*, *Синтенисъ*, *Арндтсъ*, *Келлеръ*, *Унгеръ* [1]) и др., хотя тамъ и сямъ являются еще послѣдователи сей теоріи.

---

[1]) Въ особенности обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на книгу Унгера «System des oesterreichischen allgemeinen Privatrechts.» По отношенію къ вопросу, насъ занимающему, весьма поучительно доказательство его, что, несмотря на то, что по буквѣ закона отвлеченное

Въ новѣйшее время *Виндшейдъ* [1]) опять пытается возстановить отвлеченное понятіе о давности, не приписывая ему, однако, какого бы то ни было вліянія въ частности. Онъ прямо говоритъ, что римское право не знаетъ этого понятія, но полагаетъ, что не слѣдуетъ исключать изъ теоріи права понятія о давности, такъ какъ оно существуетъ въ жизни и непремѣнно проявится на практикѣ, въ подрывъ закону, если ему не отводятъ мѣста въ системѣ права. «Правда, прибавляетъ онъ, границы давности отмѣняющей легко стираются, и, принимая это отвлеченное понятіе о давности, становишься на весьма шаткій грунтъ, и прежняя теорія служитъ примѣромъ въ какія бездонныя неясности можно попасть, строя на такомъ грунтѣ». Поэтому, по его мнѣнію, принимая отвлеченное понятіе о давности въ систему права, слѣдуетъ всячески остерегаться подобныхъ ошибокъ и постоянно имѣть въ виду, что отвлеченное понятіе о давности, такъ какъ оно, по неопредѣленности своей, легко превращается въ другія понятія, неспособно стать основаніемъ юридической теоріи. Но все это, будто, не можетъ служить доказательствомъ, чтобъ не существовало подобнаго понятія и теорія права будто не содѣйствуетъ разъясненію сущности этихъ отношеній, не обращая вниманія на понятіе отвлеченной давности. Основаніе давности, по его мнѣнію, лежитъ въ сферѣ внѣ-юридической, въ общемъ значеніи времени, вліянію котораго подчиняется всякій человѣкъ.

Всѣ эти доводы, имѣющіе цѣлью доказать необходимость принятія въ теорію права отвлеченнаго понятія о давности, не убѣдительны. *Виндшейдъ* самъ объясняетъ, что на этомъ понятіи нельзя построить цѣльнаго учрежденія; что, по его неясности, неопредѣленности, нельзя допускать изъ него общихъ выводовъ, о примѣненіи давности къ отдѣльнымъ правоотношеніямъ; что подобные выводы возможны единственно изъ положительныхъ правилъ закона о каждомъ учрежденіи. Т. е. *Виндшейдтъ* также приходитъ къ заключенію, что это отвлеченное понятіе не имѣетъ практической важности, и что по этой же причинѣ и въ теоріи слѣдуетъ остерегаться его примѣненія, такъ какъ оно легко ведетъ въ заблужденіе. Изъ всего, что самъ *Виндшейдъ* говоритъ объ этомъ понятіи, намъ кажется, что наука, по отношенію къ этому понятію, обязана лишь доказать его несостоятельность, и затѣмъ уже вправѣ не обращать на него болѣе никакого вниманія.

Но *Виндшейдъ* утверждаетъ, что это понятіе существуетъ въ жизни, что ему слѣдуетъ отвести мѣсто въ системѣ. Спрашивается, какимъ образомъ можетъ быть признаваемо существующимъ въ дѣйствительной жизни то, что не имѣетъ практическаго значенія, отъ примѣненія чего слѣдуетъ остерегаться? Если онъ

понятіе о давности принято въ общее гражданское уложеніе Австріи, все-таки такого понятія въ системѣ права не существуетъ. Признанное in abstracto, это понятіе, какъ невѣрное, лишенное практическаго значенія, осталось мертвымъ, безъ всякаго примѣненія. Въ общемъ австрійскомъ правѣ вліяніе времени на различныя правоотношенія является весьма различно, смотря по характеру ихъ и далеко не вездѣ.

[1]) Lehrbuch des Pandectenrechts. 2 изд. 1868. §§ 105—113

этимъ хочетъ сказать, что отвлеченное понятіе о давности употребляется въ обыденной жизни, то это такъ, но мало-ли какія понятія вращаются въ обыденной жизни и все-таки должны быть отвергаемы наукою.

Итакъ, въ римскомъ правѣ нѣтъ отвлеченнаго понятія о давности. Вліяніе времени на различныя правоотношенія проявляется въ слѣдующихъ учрежденіяхъ:

Usucapio, Ersitzung, на русскомъ языкѣ нѣтъ слова, вполнѣ соотвѣтствующаго этому понятію, ближе всего подходитъ къ нему выраженіе «давность владѣнія.» Подъ usucapio разумѣется пріобрѣтеніе собственности вслѣдствіе продолжительнаго владѣнія извѣстною вещью, въ видѣ собственности. Usucapio имѣетъ значеніе укрѣпленія неполнаго, несовершеннаго пріобрѣтенія. Для примѣненія usucapio поэтому прежде всего требуется: чтобы предметъ самъ по себѣ былъ способенъ состоять въ собственности и не изъятъ былъ изъ обращенія; чтобы завладѣніе этимъ предметомъ произошло на непротивозаконномъ основаніи; чтобы дѣйствительное владѣніе этимъ предметомъ продолжалось въ теченіе опредѣленнаго срока; т. е. требуется фактическое господство надъ нимъ въ качествѣ хозяина, съ желаніемъ (волею) имѣть предметъ своимъ. Притомъ владѣніе должно быть добросовѣстное, для чего, впрочемъ, не требуется, чтобы владѣлецъ считалъ себя собственникомъ, но только чтобъ онъ убѣжденъ былъ, что владѣніемъ не нарушаетъ права другаго лица.

При чрезвычайной давности владѣнія, usucapio extraordinaria, условія гораздо болѣе упрощены: требуется лишь добросовѣстное владѣніе въ теченіе узаконеннаго срока.

Въ учрежденіи usucapio, давности владѣнія, римское право опредѣлило то вліяніе, которое время можетъ имѣть на пріобрѣтеніе и потерю права собственности на вещи. Право собственности не можетъ прекращаться для собственника непользованіемъ вещью, но только чрезъ usucapio со стороны другаго лица.

Далѣе, usucapio примѣняется еще къ сервитутамъ, причемъ соблюдаются подобныя условія, какъ при пріобрѣтеніи права собственности. Но кромѣ того, отмѣна сервитутовъ можетъ произойти также вслѣдствіе простаго бездѣйствія лица, имѣющаго право пользоваться чужимъ имуществомъ въ извѣстномъ отношеніи. Въ римскомъ правѣ говорится о прекращеніи сервитутовъ вслѣдствіе неупотребленія (non usus) и объ освобожденіи отъ нихъ (libertatis usucapio) вслѣдствіе пользованія отягченнымъ имѣніемъ безъ тягости, какъ будто оно свободное. Non usus относится къ сервитутамъ, вслѣдствіе которыхъ субъектъ права имѣетъ право предпринимать извѣстныя, повторяющіяся дѣйствія, напр. право водопоя, въѣзда; usucapio libertatis—къ сервитутамъ постояннымъ, т. е. къ такимъ, кои состоятъ въ какомъ либо постоянномъ положеніи отягченнаго имущества, напр. право примыкать бревно къ чужой стѣнѣ, право обратить водостокъ на чужой дворъ. Въ томъ и другомъ случаѣ отъ лица, имущество котораго освобождается отъ сервитута, требуется bona fides. Отсюда видно, что и въ этихъ случаяхъ все еще дѣло идетъ объ usucapio, а не объ отвлеченной давности.

Совершенно другой характеръ имѣетъ *давность иска* (Klageverjährung), т. е. уничтоженіе иска вслѣдствіе бездѣйствія лица, имѣющаго право на оный. Искъ

уничтожается давностью, когда онъ просуществовалъ въ теченіе извѣстнаго срока и, несмотря на то, не осуществлялся, между тѣмъ какъ слѣдовало его предъявить и предъявленіе это было возможно. Условія давности исковой слѣдующія: право не должно быть осуществляемо, такъ что не только отвлеченное право на искъ, но самый искъ считался бы конкретно возникшимъ. Всякій, кому принадлежитъ какое либо право, имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и право на искъ для защиты своего права или для осуществленія его. Пока онъ пользуется, какимъ бы то ни было образомъ, выгодами, вытекающими изъ своего права, ему незачѣмъ искать ихъ судомъ. Онъ имѣетъ отвлеченное право на искъ, но не имѣетъ повода примѣнять его: искъ не сдѣлался еще наступившимъ, конкретнымъ. Какъ скоро же онъ вовсе не получаетъ слѣдующія ему выгоды, возникаетъ конкретный искъ, наступило время для предъявленія иска суду. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то съ самаго момента возникновенія конкретнаго иска считается теченіе срока, истеченіемъ коего искъ погашается. Для точнаго исчисленія этого срока дѣло первой важности опредѣлить моментъ, съ котораго возникаетъ конкретный искъ (actio nata); ученіе о немъ развито въ римскомъ правѣ до тончайшихъ подробностей, съ строго-логическою послѣдовательностью.

Необходимо, далѣе, для давности исковой, чтобы срокъ продолжался непрерывно въ теченіе узаконеннаго времени. Непрерывнымъ считается только такой срокъ времени, въ теченіе коего право нисколько не осуществлялось. Если, напротивъ того, оно осуществилось какимъ бы то ни было образомъ, теченіе давности считается прерваннымъ. Теченіе давности прерываютъ: осуществленіе права, хотя и частное и разъ только, признаніе права со стороны противника, хотя бы не прямое, а молчаливое, наконецъ дѣйствительное начатіе иска. Перемѣна въ лицахъ не прерываетъ давности, такъ что тотъ, въ пользу котораго течетъ давность, равно тотъ, противъ котораго она течетъ, считаются совокупно съ лицами, вступившими въ ихъ права, однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Изъ этого изложенія выходитъ, что давность владѣнія и давность исковая суть учрежденія неодинаковыя, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать между собою. Между тѣмъ какъ давность владѣнія относится лишь къ праву собственности на вещи осязаемыя, гдѣ возможно владѣніе, которое и есть въ этомъ учрежденіи главный двигатель, давность исковая распространяетъ свое дѣйствіе на всѣ права, по отношенію къ отысканію и къ защитѣ ихъ искомъ по суду. Давностью исковой не отмѣняется самое право, но только возможность защищать оное, требовать его признанія. Притомъ дѣлается различіе между личными и вещными исками: первые погашаются истеченіемъ давности безусловно, вторые небезусловно, если только владѣлецъ не былъ добросовѣстнымъ и его владѣніе переходило черезъ usucapio (давность владѣнія) въ собственность. Когда собственникъ пропустилъ срокъ на вчинаніе иска противъ недобросовѣстнаго владѣльца, то въ этомъ случаѣ онъ не теряетъ своей собственности безусловно, потому что владѣніе недобросовѣстное не можетъ обращаться въ собственность, и владѣлецъ пріобрѣлъ давностью лишь отводъ, praescriptio temporis, которымъ онъ лично можетъ отвести искъ собственника. Если же вещь переходитъ въ руки третьяго

лица, которое не представляетъ собою лицо недобросовѣстнаго владѣльца, не есть его законный преемникъ, то это лицо не можетъ ссылаться на владѣніе перваго и собственникъ можетъ съ успѣхомъ требовать отъ него возвращенія своей вещи. Такъ какъ вещь не пріобрѣтена въ собственность давностью владѣнія (usucapio), то право собственности прежняго собственника все еще существуетъ и можетъ проявляться въ дѣйствительности, какъ скоро отводъ, недопустившій его осуществленія, устраненъ.

Изслѣдовавъ сущность давности владѣнія и давности исковой по римскому праву, перейдемъ къ разсмотрѣнію того значенія, которое приписывается давности въ литературѣ русскаго права. Въ ней теорія отвлеченной давности явилась почти съ самаго начала ученой разработки русскаго гражданскаго права [1]).

Выдвинутая въ особенности *Вельяминовымъ-Зерновымъ*, она принималась послѣдующими писателями почти безъ всякой критики еще въ то время, когда въ Германіи давнымъ давно покончили съ отвлеченнымъ понятіемъ о давности. Основанія давности объяснялись различно. Между тѣмъ какъ по мнѣнію г. *Морошкина* общая давность основана единственно на государственной пользѣ, г. *Кранихфельдъ* полагаетъ, что она основана на предположеніи объ отказѣ собственника или кредитора отъ своего права, а *К. А. Неволинъ* выводитъ ее

---

[1]) *Терлаичъ*, «Краткое руков. къ истор. познанію гражд. частн. права Россіи». I. Спб. 1810.—*В. Кукольникъ*, «Начальныя основанія русс. частн. гражд. права». I. Спб. 1813.—Проектъ гражд. уложенія росс. имп. II. Спб. 1814.—*В. Вельяминовъ-Зерновъ*, «Опытъ начертанія росс. частн. гражд. права». Спб. 1814. 3 изд. Москва. 1826.—*Андреевскій*, «Разсужд. о давность». Харьковъ. 1814.—*Ѳ. Морошкинъ*, «О владѣніи по началамъ росс. законодат.» М. 1837.—Dr. F. G. v. *Bunge*, Ueber die nach Curländischem Recht zur Ersitzung erforderlichen Fristen, отпечатано въ Theoretisch-practische Erörterungen. Dorpat. 1842. III. ч. стр. 78—104.—*Кранихфельдъ*, «Начертаніе росс. гражд. права». Спб. 1843.—*К. Неволинъ*, «Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ». Т. II и III. Спб. 1851.—*И. Бѣляевъ*, «Какъ понимали давность въ разное время и русское общество въ своей жизни и русскіе законы». М. 1855.—*Варадиновъ*. «Изслѣдованія объ имущ. или веществ. правахъ по зак. русскимъ». Спб. 1855.—*Ѳ. Дмитріевъ*, «Исторія судебныхъ инстанцій и гражд. аппеляц. судопр. отъ Судебника до учрежд. о губ.» М. 1859.—*Делисъ*, «Юридическій словарь». I. Спб. 1859.—*И. Энгельманъ*, «О пріобрѣтеніи права собственности на земли по русскому праву». Спб. 1859.—(*И. Зарудный*), «Охранительные законы частнаго гражданскаго права.» 1859.—*А. Пестржецкій*, «Владѣніе какъ условіе перехода права собств. по русск. пр.». «Ж. М. Ю.» 1860. №№ 1 и 3 —*Д. И. Мейеръ*, «Русское гражданское право». Спб. 1861.—*П. Мулловъ*, «Вопросъ о давности». «Юрид. Вѣстникъ». 1860—1861 гг. вып. 12.—*И. Бѣляевъ*, «Крестьяне на Руси». М. 1860.—*А. Любавскій*, «О давности въ гражд. дѣлахъ». «Ж. М. Ю.» 1863. № 12; «Опытъ комментарія русск. зак. о давности». «Юр. Вѣстн.» 1864, апрѣль.—*А. Куницынъ*, «Пріобрѣтеніе права собственности давностью владѣнія». «Ж. М. Ю.» 1864, №№ 10—12.—*Н. Калановъ*, «О давности по русскому гражданскому праву» (по поводу 1 изд. нашего сочиненія). «Юрид. Вѣстникъ» 1867—1868. I.—*Кр. М.*, Рецензія на 1 изд. наш. соч. «Ж. М. Ю.» т. XXXIII, стр. 477—504; XXXIV стр. 133—155.—*К. Побѣдоносцевъ*, «Курсъ гражданскаго права». Часть I. Вотчинныя права. Спб. 1868.—Въ первомъ изданіи моего сочиненія я указалъ на главное содержаніе отдѣльныхъ сочиненій, сопровождая это изложеніе критическими замѣчаніями. Такъ какъ эти замѣчанія не относятся непосредственно къ рѣшенію моей задачи и имѣютъ главнымъ образомъ библіографическое значеніе, то я здѣсь ихъ опускаю. Желающій изучить нашу прежнюю литературу по этому предмету найдетъ въ 1 изд. полный указатель къ тому.

изъ сущности права и правомѣрной дѣятельности человѣка. Послѣдній говоритъ [1]): «Жизнь, дѣятельность, внѣшнее себя обнаруженіе въ такой мѣрѣ принадлежатъ къ существу права, что по законамъ всѣхъ народовъ человѣкъ, не пользуясь своимъ правомъ, не приводя его въ дѣйствіе продолженіе извѣстнаго времени, наконецъ совершенно теряетъ его; что, напротивъ, обладающій извѣстнымъ правомъ какъ своимъ, хотя въ самомъ дѣлѣ оно ему не принадлежитъ, наконецъ, съ истеченіемъ опредѣленнаго времени, пріобрѣтаетъ это право. Для того, чтобы владѣлецъ имущества могъ спокойно владѣть имъ, не опасаясь никакихъ на него притязаній, не страшась потерять его по какому нибудь иску, для возбужденія и утвержденія довѣрія къ существующему порядку вещей, установленіе давности совершенно необходимо». Опредѣленіе срока давности подлежитъ случайности и произволу и не можетъ быть тотчасъ сдѣлано. Ясно только, что пріобрѣтеніе и прекращеніе правъ давностью должны существовать. Почему въ древнѣйшихъ русскихъ законахъ, равно какъ и въ древнѣйшихъ законахъ другихъ народовъ, совсѣмъ не находится опредѣленія срока давности. Дѣйствительность сихъ положеній *Неволинъ* старается доказать изъ исторіи русскаго права. Ниже мы увидимъ, что въ тѣхъ выраженіяхъ, въ которыхъ авторъ видитъ проявленіе права давности, свидѣтельствуется о совершенно другихъ отношеніяхъ. На прочіе доводы слѣдуетъ замѣтить, что нельзя основывать давность на одномъ бездѣйствіи уже по той простой причинѣ, что бездѣйствіе—понятіе слишкомъ неопредѣленное; что, смотря по характеру права, о которомъ рѣчь идетъ, оно можетъ имѣть весьма различное значеніе. Когда напр. собственникъ, полный господинъ своей вещи, не желаетъ ее употреблять, а желаетъ, чтобы она оставалась безъ употребленія, то онъ именно въ этомъ неупотребленіи выражаетъ свое господство надъ вещью. Напротивъ того, если имѣющій право на сервитутъ, не пользуется имъ, то дѣйствительно его право остается безгласнымъ, не осуществляется, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ власть собственника выражалась именно бездѣйствіемъ. Бездѣйствіе само по себѣ даетъ слишкомъ шаткое понятіе, которое получаетъ точное значеніе лишь по отношенію къ извѣстному праву. По отношенію къ праву собственности фактическое господство владѣльца надъ вещью дѣйствительно заключаетъ въ себя такія данныя, изъ которыхъ можетъ возникать право. По отношенію же къ правамъ семейственнымъ и общественнымъ, ни фактическое господство, ни бездѣйствіе, не могутъ имѣть никакого значенія, потому что въ нихъ произволъ частнаго лица ограниченъ тѣмъ, что всѣ его права суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанности, даже прямо возникаютъ изъ обязанностей. Далѣе, историческій опытъ доказываетъ невѣрность положенія, что давность будто существовала во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Противное доказывается изъ исторіи какъ русскаго (см. слѣд. отдѣлъ), такъ и римскаго правъ. Usucapio долгое время примѣнялась лишь къ немногимъ опредѣленнымъ случаямъ; давность иска была неизвѣстна въ древнѣйшее время. Первые слѣды ея встрѣчаются въ законахъ императора Константина и она вве-

[1]) «Ист. Росс. Граж. Зак.» II. § 230.

дена вполнѣ законами императора Ѳеодосія. Въ первыя времена сроки были весьма кратки и точно опредѣлены; лишь впослѣдствіи образовались долгіе сроки. Всего позднѣе, подъ вліяніемъ каноническаго права и общихъ германскихъ законовъ, развилась незапамятная давность, которою право защищается, потому что оно существуетъ издавна и начала его никто не помнитъ. Въ этомъ случаѣ законъ предполагаетъ, что право имѣетъ законное основаніе, которое, за истеченіемъ времени, только не можетъ быть доказано. У римлянъ vetustas имѣла лишь весьма ограниченное значеніе. Замѣтимъ здѣсь же, что незапамятная давность или unvordenkliche Zeit, впрочемъ, вовсе не можетъ быть причислена къ случаямъ примѣненія давности.

Д. И. Мейеръ былъ первый изъ русскихъ юристовъ, который, на основаніи критики *Савиньи*, отвергнулъ отвлеченную теорію давности [1]). «Давность», говоритъ онъ, «различна, смотря по тому, къ какому праву относится, такъ что нельзя представить общую теорію не только давности пріобрѣтенія и прекращенія права, но и давности прекращенія права только, а должно сказать, что условія пріобрѣтенія и прекращенія права по давности точно опредѣляются самымъ правомъ, о пріобрѣтеніи или прекращеніи котораго идетъ рѣчь. Такъ, существуютъ извѣстныя условія для пріобрѣтенія по давности права собственности; другія условія существуютъ для прекращенія по давности права обязательственнаго, особыя условія для прекращенія права иска по давности и т. д. Такъ что давность представляется совокупностью различныхъ учрежденій, между которыми общаго только одно—это понятіе о значеніи времени для юридическихъ отношеній». Весьма подробно онъ объясняетъ основанія давности и доказываетъ неосновательность мнѣнія, по которому она будто основана на предположеніи объ отказѣ лица отъ своего права.

Однако, несмотря на столь правильный взглядъ на давность, *Мейеръ* въ другомъ мѣстѣ своихъ лекцій даетъ такое опредѣленіе давности, какъ будто признаетъ правильность отвлеченной теоріи. Впрочемъ, это не имѣетъ никакаго вліянія на изложеніе его въ частностяхъ. *Н. В. Калачовъ*, въ своей, еще неоконченной, статьѣ по поводу перваго изданія нашего сочиненія [2]), приходитъ также къ заключенію о необходимости различія между давностью владѣнія или пріобрѣтающею и давностью исковой или погашающею. Онъ полагаетъ, что въ практикѣ настоящую силу, т. е. рѣшительное свойство производить измѣненіе въ извѣстномъ правѣ, можетъ имѣть только давность исковая. Онъ, впрочемъ, не различаетъ съ надлежащею точностью между давностью владѣнія (usucapio) и давностью исковой и, вслѣдствіе этого, онъ приходитъ къ тому заключенію, что погашающая и пріобрѣтающая давность идутъ параллельно другъ съ другомъ и должны находиться въ постоянномъ соотвѣтствіи между собою. Такое соотвѣтствіе, между тѣмъ, вовсе не необходимо, напримѣръ, если сроки usucapio и давности исковой неодинаковы. Давностный владѣлецъ (Usucapient) пріобрѣтаетъ,

---

[1]) «Русское гражданское право»: I. Спб. 1861, стр. 356—364.

[2]) «Юрид. Вѣстн.» 1867. № 1, стр. 1—18.

по римскому праву, право собственности истеченіемъ 10 и 20 лѣтъ. Искъ о правѣ собственности на вещь недвижимую погашается лишь истеченіемъ 30 лѣтъ, но противъ давностнаго владѣльца этотъ искъ недѣйствителенъ, а дѣйствителенъ противъ недобросовѣстнаго владѣльца, непріобрѣвшаго вещь черезъ usucapio.

Г. Кр. М. [1]) считаетъ необходимымъ, для рѣшенія вопроса объ отвлеченной давности, не только изслѣдованіе постановленій римскаго права, но и теоретическихъ мотивовъ различія между давностью пріобрѣтательной и исковой. Не находя въ первомъ изданіи моего сочиненія изслѣдованій о послѣднихъ, онъ самъ предлагаетъ таковые. Исходною точкою онъ беретъ понятіе объ usucapio и давности иска римскаго права, изслѣдуетъ ихъ сущность и доказываетъ, что происходитъ пріобрѣтеніе права собственности при usucapio непосредственно и что при давности исковой возникаетъ право на отводъ иска и только судебнымъ приговоромъ можетъ быть установлено право собственности.

Такимъ образомъ, чисто теоретическое изслѣдованіе мотивовъ упомянутыхъ учрежденій привело къ тѣмъ же самымъ выводамъ, къ коимъ мы дошли на основаніи римскаго права, что давность владѣнія и давность исковая суть совершенно различныя учрежденія.

Результатъ этотъ, при логичности, съ какою развиты изслѣдуемыя учрежденія въ ученіи римскаго права, не могъ подлежать никакому сомнѣнію; не даромъ же римское право названо ratio scripta. Для такихъ лицъ, которыя римское право считаютъ обветшалымъ, это изслѣдованіе можетъ служить повѣркою раціональности его ученія.

Г. К. Побѣдоносцевъ въ своемъ «Курсѣ гражданскаго права» смотритъ на давность права съ точки зрѣнія современной науки и весьма отчетливо и ясно проводитъ различіе между давностью владѣнія и давностью исковой.

—

Опредѣленіе значенія давности въ системѣ русскаго гражданскаго права будетъ предметомъ нашего изслѣдованія. Прежде всего обратимся къ исторіи и изслѣдуемъ, когда и какъ возникла давность въ русскомъ правѣ и въ какой формѣ историческій матеріалъ принятъ въ дѣйствующее законодательство. Затѣмъ уже обратимся къ системѣ дѣйствующаго законодательства и опредѣлимъ значеніе, какое давности принадлежитъ въ ней.

---

[1]) «Ж. М. Ю.» 1867, XXXIII, стр. 180—185.

РАЗДѢЛЪ I.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ РУССКАГО ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА О ДАВНОСТИ.

1. Давность владѣнія по псковской судной грамотѣ.

Въ источникахъ исторіи русскаго права упоминается въ первый разъ о давности въ псковской судной грамотѣ [1]). Постановленіе о давности помѣщено въ первой, древнѣйшей части грамоты, данной городу *Александромъ Невскимъ*, самое позднее въ половинѣ XIII вѣка, между 1242 и 1263 г. [2]), но, по всей вѣроятности, существовало еще прежде, въ видѣ постановленія обычнаго права, образовавшагося самостоятельно и не введеннаго *Невскимъ*, а лишь принятаго въ его грамоту. Опредѣленіе Псковской судной грамоты состоитъ въ слѣдующемъ [3]).

«А коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли о полней или о водѣ, а будетъ на той земли дворъ, или нивы розстрадни, а стражетъ и владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, іно тому исцю сьслатся на сосѣдъ, человѣкъ на 4 или на 5. А сусѣди ставъ, на коихъ шлются, да скажутъ какъ правъ предъ Богомъ, что чистъ, и той человѣкъ, которой послался стражетъ и владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, а супротивенъ въ тѣ лѣта ни его судилъ, ни на землю наступался или на воду, ино земля его чиста или вода, и цѣлованіа ему нѣтъ, а тако недоискался, кто не судилъ ни наступался въ ты лѣта. О лѣшей [4]) земли будетъ судъ, а положатъ грамотыи двои на одну землю а зяйдутъ грамоты за грамоты а исца оба возмутъ межниковъ, да оба изведутца.., ино имъ присужати поле».

---

[1]) *Г. Бѣляевъ*, въ своемъ сочиненіи: «Какъ понимали давность въ разное время и русское общество въ своей жизни и русскіе законы». М. 1855. (отпечатанное въ Сборникѣ: Въ воспоминаніе 12 января 1855 г.), утверждаетъ, что уже въ «Русской Правдѣ» есть постановленія о давности. Неосновательность этого положенія видна съ перваго взгляда: во всей «Правдѣ» о давности нѣтъ и помина.—Ср. статью *Яневича-Яневскаго*, «Объ уголовной давности», въ «Юридическихъ Запискахъ» т. V. Спб. 1862 г. Подробное опроверженіе этого мнѣнія находится также въ первомъ изданіи моего сочиненія, вышедшемъ на нѣмецкомъ языкѣ.

[2]) Ср. *И. Энгельманъ*, «Гражданскіе законы псковской судной грамоты». Спб. 1855: Стр. 1—11.; *А. Энгельманъ*, «Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи». Спб. 1858. Стр. 125—130.

[3]) *И. Энгельманъ*. Гражд. зак. пск. с. гр. § 7. с. 20; § 88, с. 126.

[4]) Слово *лѣшия* происходитъ отъ слова лѣсъ, на что указываетъ еще до сихъ поръ употребляемое слово лѣшій. *Г. Бѣляевъ* (Какъ понимали давность», с. 11—13) придаетъ этому слову значеніе: необработанный, пустынный, пустой. По сущности это объясненіе близко къ истинѣ, но какъ словопроизводство невозможно. *Г. Бѣляевъ* неправильно раздѣляетъ статьи грамоты, по примѣру *Мурзакевича*, несмотря на то, что неосновательность этого дѣленія уже давно доказана *Неволинымъ*. Вслѣдствіе этого, онъ приходитъ къ совершенно превратному толкованію послѣдней статьи.

Сущность этого закона состоитъ въ томъ, что четырехъ или пяти-лѣтнее непрерывное владѣніе, соединенное съ обработываніемъ земли [1]), установляетъ собственность на оную. Изъ этого видно, что въ псковской судной грамотѣ говорится объ usucapio, о давности владѣнія. Первое условіе есть владѣніе. Это владѣніе должно быть такое, чтобы исключало чужое вліяніе и выражалось или обработкою земли, или владѣніемъ, въ которомъ бы ясно выражалось желаніе владѣльца пріобрѣтать землю въ собственность. Это желаніе можетъ выражаться различнымъ образомъ: или тѣмъ, что владѣлецъ поселяется на землѣ, ставитъ на ней дворъ, или что онъ, обработывая землю, или ловя рыбу въ водѣ, пользовался бы землею или водою постоянно, какъ собственникъ. Пользованіе другимъ образомъ, напр. употребленіемъ деревьевъ на ульи, рубка лѣса, охота или тому подобное, еще не доказываетъ, что желаніе владѣльца направлено было на пріобрѣтеніе земли въ собственность. Владѣніе съ означенными свойствами должно было существовать 4 или 5 лѣтъ и притомъ непрерывно. Прерывается владѣніе тяжбою (*судомъ*) или завладѣніемъ со стороны другаго лица (*наступленіемъ на землю или воду*). Если дѣйствительность владѣнія въ теченіе означеннаго срока доказана показаніями свидѣтелей, то земля или вода признавались собственностью владѣльца. Въ псковской судной грамотѣ прежде всего имѣется въ виду земля, которая въ первый разъ обработывалась и передъ тѣмъ была нетронутая, ничья, или принадлежала государству (Пскову). Неизвѣстно, признавалась-ли на такомъ же основаніи давность владѣнія относительно земли уже обработанной, принадлежавшей частнымъ лицамъ. Права пользованія, существовавшія до завладѣнія на завладѣемой землѣ, оставались ненарушимыми и послѣ пріобрѣтенія земли владѣніемъ въ собственность. Это видно изъ одной грамоты XV вѣка, изъ которой мы въ то же время заимствуемъ, что, при производимыхъ отъ времени до времени дополненіяхъ земскихъ писцовыхъ книгъ, сообщалось вѣчу о ново-заимочныхъ земляхъ. Отъ вѣча уже зависѣло признаніе права собственности владѣльца на основаніи давности владѣнія. О признаніи права собственности записывалось въ книги съ выдачею грамотъ на собственность (*дерноватая грамота*). За это признаніе права собственности платилась пошлина, называемая *дерномъ* [2]).

Въ концѣ вышеприведеннаго постановленія, о пріобрѣтеніи права собственности давностью владѣнія, помѣщено правило для рѣшенія тяжебъ о лѣсныхъ участкахъ, когда съ обѣихъ сторонъ ссылаются на грамоты, доказывающія права спорящихъ. Спрашивается: слѣдуетъ-ли изъ этого вывести заключеніе, что давность владѣнія примѣнялась лишь къ пашнѣ и не находила примѣненія къ землѣ, на-

---

[1]) Слово *стражетъ* мы производимъ отъ глагола *страдать*: работать, обработать. Можно, однако, производить это слово отъ слова *сторожить*. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы понятіе о землѣ, которая извѣстное время находилась во власти кого нибудь, которую сторожили, такъ чтобы никто другой не могъ ею ни пользоваться, ни владѣть.

[2]) *Востоковъ*, «Описаніе рукописей Румянцевскаго музея», стр. 87: «А что въ томъ же ободу изборской волости стражют лядины и пожни, ино тѣм людемъ страдати постарине, а Господин Искова с тѣх лядинъ и с пожней дерну не имал, а посылалъ господинъ князь Псковскій и всѣ посадники и вес Господин Искова с веча той слободѣ Св. Живоначальныя Троицы

ходящейся подъ лѣсомъ? *Неволинъ*[1]) весьма остороженъ при отвѣтѣ на этотъ вопросъ; онъ повторяетъ собственно только главное содержаніе закона: «Псковская судная грамота, повидимому, не признаетъ давности относительно земли, находящейся подъ лѣсомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, гдѣ для рѣшенія спора представлены грамоты. Причина такого различія понятна. Пользованіе лѣсомъ не представляетъ такого непрерывнаго, явнаго владѣнія, какъ пользованіе пашнею или водою; далѣе, пользованіе лѣсомъ возможно и безъ намѣренія присвоить себѣ землю, на которой онъ находится». *Г. Бѣляевъ* рѣшаетъ безъ дальнихъ разсужденій: давность владѣнія примѣнялась только къ пашнѣ, а не къ лѣшей землѣ. Посмотримъ, такъ-ли это.

Въ псковской судной грамотѣ говорится о рѣшеніи споровъ о правѣ собственности на земли еще въ трехъ мѣстахъ [2]). Во всѣхъ трехъ случаяхъ говорится о доказательствѣ собственности по грамотамъ. Если грамоты противорѣчатъ одна другой, то споръ рѣшается: по статьѣ изъ древнѣйшей части судной грамоты—поединкомъ или присягою, по статьѣ же изъ позднѣйшей части, принадлежащей можетъ быть къ XV вѣку—одной присягой. Вышеприведенная статья о давности владѣнія оканчивается постановленіемъ, что доказавшій свое владѣніе свидѣтелями не обязанъ давать присяги. Отъ 1483 года сохранилась псковская правая грамота [3]), содержащая въ себѣ приговоръ, постановленный въ тяжбѣ о земляхъ и водахъ. Обѣ стороны представляютъ грамоты; назначенными для того членами суда производится осмотръ на мѣстѣ, снимается планъ земли. Но, должно быть, однѣхъ грамотъ было недостаточно для рѣшенія спора, потому что судъ требуетъ доказательства чрезъ свидѣтелей. Обѣ стороны ссылаются на одного и того же свидѣтеля, общую правду, по показанію котораго присуждается истцу часть воды и онъ тутъ же вводится во владѣніе и проводится межа. Если мы сличимъ различныя постановленія судной грамоты одно съ другимъ и съ этимъ рѣшеніемъ, то выйдетъ, что отношеніе различныхъ способовъ доказательства между собою, было слѣдующее. Если при судебномъ спорѣ о правѣ поземельной собственности представлялись грамоты, то дѣло рѣшалось на основаніи этихъ грамотъ; если же грамоты противорѣчили одна другой, то тогда споръ о собственности рѣшался прежде всего по показанію свидѣтелей, и только въ такомъ случаѣ, если бы свидѣтели не могли быть представлены, дѣло рѣшалось, какъ и въ другихъ дѣлахъ, по древнѣйшему праву—поединкомъ или присягою, по по-

---

переписати... и дали Господину Пскова тѣ слобожани серебро водерень. Да и грамоту тѣм слобожанам дахомъ дерноватую всѣмъ Псковомъ на вечѣ в лѣто 6999 а изборяне вкого нивы и пожни втомъ ободу и тые люди тутож были спословицы с слобожаны і влар положили тѣ грамоты. а что втом ободѣ борть церковная и полюдная и тѣмъ бортникомъ знати своя борть по старинѣ по своим грамотамъ. а что втом же ободу Псковичи стражут лядины и пожни и нивы и тѣмъ людямъ Псковичем страдати по старине. а Господинъ Пскову стѣх лядин и с пожней и снивъ дерну не имал.»

[1]) «Ист. росс. гражд. зак.» II, стр. 182.

[2]) *И. Энгельманъ*, «Гражд. зак. псковской судной грамоты». § 19, с. 34; § 87, с. 126; § 91, с. 129.

[3]) А. Ю. № 2.

вѣйшему же—одною присягою. Если тяжба была такова, что ни съ какой стороны право не могло быть доказано документами, потому что пашня образовалась обработкою владѣльца, надворное строеніе сооружено имъ, слѣдовательно прежній собственникъ могъ заявить притязаніе только на одну необработанную землю, то она рѣшалась на основаніи доказанной свидѣтелями давности владѣнія. Если тяжба шла о лѣсѣ, въ которомъ кто нибудь поставилъ дворъ, то, конечно, она рѣшалась такимъ же образомъ и допускалось примѣненіе давности владѣнія къ лѣсной землѣ. Если же, напротивъ, тяжба шла собственно о лѣсѣ, то, при отсутствіи всякихъ доказательствъ о существованіи лѣснаго хозяйства, которыми можно было бы доказать чье нибудь владѣніе лѣсомъ, съ намѣреніемъ пріобрѣсти лѣсъ въ собственность, не могло быть и рѣчи о давности владѣнія, потому что для нея нужна была или обработка, или возвореніе и стороженіе. Поэтому весьма понятно, что при спорѣ о лѣсѣ упоминаются только грамоты, давность же владѣнія вовсе не исключается, но о ней неупомянуто лишь потому, что она, въ большей части случаевъ, не могла имѣть мѣста [1]).

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что въ псковской судной грамотѣ говорится о давности владѣнія, а не о давности иска. Конечно, эта давность владѣнія отличается отъ usucapio по римскому праву, но всетаки не на столько, чтобъ уже нельзя было ее назвать однимъ и тѣмъ же институтомъ. Это тоже usucapio, только не столь развитая, какъ въ римскомъ правѣ. Главнѣйшія условія состоятъ въ слѣдующемъ: дѣйствительное господство надъ землею посредствомъ обработыванія, постояннаго пользованія или исключительнаго владѣнія ею. Только тамъ, гдѣ существуетъ послѣднее, истеченіе времени можетъ имѣть вліяніе на пріобрѣтеніе собственности. Что истеченіе времени считалось на второмъ планѣ, видно уже изъ образа опредѣленія срока времени: *4 или 5 лѣтъ*. Недостатокъ опредѣленія о bona fides и justus titulus объясняется изъ различія экономическихъ отношеній. При весьма развитыхъ экономическихъ отношеніяхъ usucapio римскаго права составляла охрану матеріально-справедливой дѣятельности противъ строгости формальнаго закона. Матеріальное право доказывалось существованіемъ bona fides и justus titulus. Давность владѣнія псковской судной грамоты образовалась при весьма неразвитыхъ, экономическихъ отношеніяхъ. Земля безъ обработки сама по себѣ почти не имѣла никакой цѣнности, и только работа придавала ей цѣну. Работа собственно воспроизводила собственность, потому что понятіе о правѣ собственности на извѣстную вещь предполагаетъ, чтобы вещь эта имѣла какую бы то ни было цѣнность: на абсолютно безцѣнную вещь не существуетъ права собственности. При такихъ обстоятельствахъ весьма понятно, что не обращалось вниманія на bona fides. Къ этому присоединяется еще то, что было въ интересѣ государства, получавшаго доходы (подати) по преимуществу съ обработанныхъ земель, какъ можно болѣе содѣйствовать развитію земледѣлія

---

[1]) Касательно псковской судной грамоты *Бѣляевъ* говоритъ совершенно справедливо, что въ этомъ законѣ дѣло идетъ объ охраненіи труда.

и покровительствовать его расширенію. Именно съ этой точки зрѣнія объясняется образъ выраженія закона.

Вотъ въ какомъ видѣ существовала давность владѣнія (Ersitzung, usucapio) въ Псковѣ въ XIII вѣкѣ. Пока нѣтъ, и вѣроятно никогда и не будетъ, достаточныхъ данныхъ, чтобы доказать, какія измѣненія вызваны дальнѣйшимъ развитіемъ экономическихъ отношеній въ позднѣйшее время въ этомъ самобытномъ учрежденіи русской юридической жизни. Съ уничтоженіемъ самостоятельности Пскова, со введеніемъ московской «правды или «кривды», какъ выражаются псковскіе лѣтописцы [1]), исчезаетъ тамошнее самобытное мѣстное право, а съ нимъ вмѣстѣ и всякій слѣдъ давности владѣнія.

На основаніи общаго сходства государственнаго, общественнаго и бытоваго строя въ Псковѣ и Новгородѣ, въ особенности по причинѣ сходства поземельныхъ отношеній въ томъ и другомъ, можно предполагать, что въ Новгородѣ существовало подобное учрежденіе давности владѣнія [2]). Но и въ Новгородѣ оно исчезло послѣ покоренія Москвою. Позднѣйшее время не сохранило намъ никакихъ свѣдѣній о существованіи такого учрежденія. Когда оно исчезло и какъ долго существовало еще какъ общепринятый обычай, хотя бы только на сѣверѣ въ Двинской области, куда не проникло помѣстное право—неизвѣстно.

2. Мнѣніе Неволина о зачаткахъ давности; несуществованіе таковой на Руси до конца XIV вѣка.

Поземельному праву московскаго великаго княженія учрежденіе давности владѣнія (usucapio) было совершенно чуждо. Ни въ законахъ, ни въ актахъ не находимъ никакихъ слѣдовъ подобнаго учрежденія. Въ Москвѣ поземельныя отношенія развились въ тѣсной связи съ помѣстною системою и служебными отношеніями служилыхъ людей, въ Новгородѣ и Псковѣ безъ этой примѣси. Поэтому, существованіе давности владѣнія въ Псковѣ и Новгородѣ не доказываетъ вовсе, что она существовала и въ прочей Руси. *Неволинъ*, въ своей «Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ», выходя изъ той мысли, что давность владѣнія основана на сущности отношенія лица къ своимъ правамъ, что существованіе ея необходимо въ интересѣ общаго спокойствія и утвержденіи порядка, полагаетъ, что давность существовала въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, хотя въ законахъ

---

[1]) Псковская первая лѣтопись. 7018 (1510) (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV. С. 287, 288): И у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо и кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая въ нихъ, быша немилостивы до Псковичь; а Псковичи бѣдныя не вѣдаша правды Московскія.

[2]) Въ одной жалованной грамотѣ Великаго Новгорода, которою жители погоста ограждались противъ неправильной раскладки податей, находится слѣдующее постановленіе: «А цѣмъ владѣлъ Савелій Григорьевичь и его братья, землею и водою и лѣсы и полѣшими мѣсты солоными въ Уиской губѣ и всякими ловищами и имъ тѣмъ владѣти и дѣтямъ ихъ». (А. И. I. № 17). Это мѣсто, впрочемъ, не указываетъ вполнѣ на давность владѣнія: здѣсь можетъ быть говорится просто объ обычномъ правѣ наслѣдства.

не находится опредѣленія срока давности. Она, по его мнѣнію, существовала какъ вообще владѣніе долговременное, изъ временъ незапамятныхъ, изстари, изъ вѣка, отъ отцовъ и дѣдовъ, по старинѣ, по пошлинѣ, по обычаю. Однако, эти выраженія, какъ мы увидимъ ниже, вовсе не указываютъ на давность, но на обычное право. Точно также нельзя признать доказательствомъ существованія давности, что князья въ подтвержденіе своего права, занимать ту или другую область, приводили, что въ этой области сидѣли ихъ отецъ, дѣдъ, вообще предки, и право другихъ князей опровергали тѣмъ, что предки искателя не сидѣли въ ней. Здѣсь, очевидно, дѣло не идетъ о давности, но о правѣ на наслѣдство. Точно также нельзя видѣть указанія на давность въ томъ, что новгородцы въ договорахъ съ князьями основаніемъ заключаемыхъ условій ставили старину, пошлину. Напротивъ того, этимъ они указываютъ на существующій у нихъ порядокъ, на бытовыя особенности ихъ государственнаго и общественнаго строя. Равно указываютъ не на давность, а на занятіе (occupatio), выраженія, которыми опредѣляются границы поземельныхъ владѣній: «куда потягло», «куда плугъ и соха и коса и топоръ ходили» и т. п. [1]).

Наконецъ, *Неволинъ* указываетъ, что въ мирныхъ докончаніяхъ князей прежде всего стали появиться условія, въ силу которыхъ всѣ прошедшія неудовольствія и непріязненныя дѣйствія между князьями и ихъ подданными предавались совершенному забвенію, или назначался опредѣленный срокъ, за который нельзя было уже простирать исковъ по обидамъ прошедшаго времени. Но отъ дѣйствія этихъ условій прямо были исключаемы дѣла извѣстнаго рода по которымъ назначался судъ отъ вѣка, или вообще судъ по исправѣ. *Неволинъ* этимъ, очевидно, хочетъ сказать, что эти постановленія указываютъ на существованіе давности исковой, равно, что извѣстныя дѣла были изъяты изъ дѣйствія оной [2]). Въ доказательство такого мнѣнія онъ ссылается на три договорныхъ грамоты. Прежде всего замѣтимъ, что договорныхъ грамотъ съ подобными постановленіями отпечатано въ *Собраніи Румянцева* и изданіяхъ *Археографической Коммисіи* 23. Это какъ мирные договоры, заключенные для окончанія войны между Москвою, Тверью, Рязанью, Великимъ Новгородомъ, Псковомъ и Литвою, такъ союзные говоры между великими и удѣльными князьями, равно между удѣльными князьями противъ великаго князя. Древнѣйшая изъ этихъ грамотъ относится къ 1375 году, позднѣйшая къ 1484 г.

Во всѣхъ этихъ грамотахъ постановляется, что споры между подданными различныхъ княжествъ должны быть разрѣшаемы судомъ общимъ, изъ прежняго времени принимаются къ разбирательству лишь иски и притязанія, возникшіе до

---

[1]) При этомъ замѣтимъ, что слово *пошлина* въ актахъ, на которые ссылается *Неволинъ*, не употребляется для означенія принадлежностей недвижимыхъ имѣній; для означенія этого понятія употребляется слова *пошлая земля*. Сколько намъ извѣстно, *пошлина* въ древнихъ актахъ означаетъ всегда обычное право, обычай.

[2]) Уже *Мурзакинъ* видѣлъ въ постановленіяхъ этихъ договоровъ первые начатки давности. Ср. «О владѣніи по началамъ русскаго права». Стр. 103—107.

опредѣленнаго времени; все, что случилось до этого срока, должно быть забыто и погребено. Въ частностяхъ эти договоры разнятся во многомъ. На основаніи этихъ различій можно ихъ раздѣлить на нѣсколько категорій. Замѣтимъ, однако, что въ большинствѣ напечатанныхъ мирныхъ договоровъ нѣтъ никакихъ подобныхъ постановленій: ихъ нѣтъ въ договорахъ Новгорода съ князьями, за исключеніемъ двухъ, 1456 и 1471 годовъ [1]), въ которыхъ сказано только: «А что война была тому всему погребъ»; ихъ нѣтъ въ многочисленныхъ договорахъ князей между собою, изъ времени отъ 1427 по 1531 годъ [2]), въ которыхъ, напротивъ того, сказано, что споры и притязанія должны быть рѣшаемы судомъ. Эти договоры заключены между великими князьями московскими и удѣльными князьями можайскимъ, волоцкимъ, углицкимъ, состоящими въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ между собою: ихъ удѣлы были частями московскаго княжества, лежали посреди московскихъ волостей, сношенія жителей этихъ княжествъ между собою были постоянныя, были необходимы, столкновенія привыкли рѣшать судомъ. Кромѣ того, между княжествами не было различія ни въ правѣ, ни въ обычаяхъ. Въ этихъ договорахъ, за исключеніемъ одного, мы и не находимъ никакого ограниченія права иска. Только въ договорѣ великаго князя *Ивана III* съ братомъ своимъ, удѣльнымъ княземъ углицкимъ, сказано [3]): *а о землѣ и о водѣ межи насъ судъ по отца нашего живота*. Т. е. судомъ должны быть рѣшаемы тяжбы, возникшія послѣ смерти отца; значитъ: по притязаніямъ изъ прежняго времени никакого суда не производится. Впрочемъ, въ договорѣ того же князя изъ слѣдующаго года уже нѣтъ этого постановленія [4]).

Изъ договоровъ, въ которыхъ встрѣчается ограниченіе права иска, прежде всего слѣдуетъ отдѣлить договоры съ князьями *суздальскими* [5]). Они были князья московскаго дома, равно сношенія между Москвою и Суздалью, очевидно, были болѣе близкія, нежели съ Рязанью или Тверью и друг. Въ этихъ договорахъ постановляется: «*А что были межи насъ въ наше нелюбье войны и грабежи или даны иманы или гдѣ что взято и положенное и тому погребъ на обѣ сторонѣ... А суженое, положенное, заемное, поручное, кабалное по исправѣ дати; а холопа, робу, должника, поручьника, бѣглеца, татя, разбойника по исправѣ выдати* (въ другихъ: *отъ вѣка судъ*). *А суженого не посужати.*» Т. е. споры, возникшіе изъ войны, должны быть забыты, но всякіе иски, возникшіе изъ разныхъ постоянныхъ гражданскихъ отношеній, именно исчисляемыхъ въ договорахъ, должны быть рѣшаемы судомъ.

Во всѣхъ другихъ договорахъ постановляется объ уничтоженіи, кромѣ притязаній изъ времени войны, еще *всѣхъ* исковъ, возникшихъ прежде опредѣлен-

---

[1]) А. Э. I. №№ 58, 91.

[2]) А. З. Р. I. № 33; А. Э. I. № 29; Собр. Рум. I. №№ 64, 67, 69, 70, 75, 90—93, 91—100, 106—111, 113, 114, 118, 123—128, 133, 134, 160, 161.

[3]) Собр. Рум. I. № 95. *1472* г.

[4]) Собр. Рум. I. №№ 99, 100. *1473* г.

[5]) Собр. Рум. I. №№ 43, 44. *1428* г.; № 48. *1433* г. Между великимъ княземъ рязанскимъ и удѣльными князьями галицкими; №№ 49, 50. *1433* г.

наго происшествія, болѣе или менѣе важнаго для опредѣленія взаимныхъ отношеній князей или княжествъ между собою: наприм. день послѣдняго докончанія, мамаева побоища, взятія Смоленска, смерти предшественника на великокняжескомъ престолѣ, отца, дѣда одной или обѣихъ договаривающихся сторонъ. Образъ опредѣленія срока уже доказываетъ, что въ этихъ договорахъ дѣло не идетъ объ установленіи давности, но о мѣрѣ, принимаемой съ политической цѣлью и поставленной въ зависимость отъ происшествія, опредѣлившаго такъ или иначе взаимныя отношенія княжествъ между собою. Весьма часто случается, что разъ опредѣленный моментъ времени остается исходною точкою и при заключеніи послѣдующихъ договоровъ, такъ что срокъ, въ теченіе коего право иска объявляется неограниченнымъ, дѣлается все болѣе и болѣе продолжительнымъ. Такъ, въ разныхъ договорахъ срокъ, въ теченіе котораго дозволяется искать по разнымъ дѣламъ, исчисляется со дня смерти великаго князя Дмитрія Донскаго. При заключеніи договора 1398 года этотъ срокъ былъ 11 лѣтній, а при заключеніи договора 1484 года срокъ, опредѣленный на томъ же основаніи, разросся въ столѣтній [1]). Кажется, это обстоятельство одно уже наглядно доказываетъ, что въ этихъ договорахъ не говорится вовсе о давности.

Дѣла, на которыя распространяется дѣйствіе упомянутыхъ сроковъ, опредѣляются въ договорахъ различно. По договорамъ великаго князя литовскаго Казиміра съ Псковомъ и Великимъ Новгородомъ, съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ, съ великимъ княземъ Михаиломъ тверскимъ дѣйствіе этого срока распространяется на всѣ иски, даже частные и уголовные [2]). Въ всѣхъ этихъ договорахъ встрѣчаются постановленія слѣдующаго рода: «*А межы собою будучы въ любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерча, за татя и за розбойника не стояти ни мнѣ ни вамъ, а выдати по исправѣ. А обидными дѣломъ уложили есмо рокъ: которыи будуть вчынилися отъ В. К. Витовтовы смерти до сихъ мѣстъ, тѣмъ дѣломъ ни обѣ стороны судъ и справу учынити; а которіи будуть пени вчынили перьво В. К. Витовтовы смерти или пожжено, или силно пороблено, или головы побиты и иными такъ дѣлы то есмо такъ все на обѣ стороны вчынили, отложили, того не подобѣ искати*».

Въ договорахъ между великими князьями московскимъ и тверскимъ къ подобнымъ постановленіямъ прибавляется еще, что изъ времени передъ срокомъ нельзя искать даже на основаніи приговоровъ общихъ судовъ. Кромѣ того, упоминаются изъ гражданскихъ исковъ не только иски по обязательствамъ и объ убыткахъ и обидахъ, но и тяжбы о правѣ собственности. О послѣднихъ упоминается только еще въ договорѣ великаго князя Ивана III съ братомъ своимъ, удѣльнымъ княземъ угличскимъ [3]). Въ договорахъ между московскими и тверскими великими князьями постановляется [4])

---

[1]) А. Э. I. № 14; Собр. Рум. I №№ 119, 120.

[2]) А. З. Р. I. №№ 38, 39. *1440* г.; № 50. *1449* г.; № 79. *1485* г.

[3]) Собр. Рум. I. № 95. *1472* г.

[4]) А. Э. I. № 14. *1398* г.; № 33. *1457* г.; Собр. Рум. I №№ 76, 77. *1451* г.; №№ 88, 89. *1462* г.; №№ 119, 120. *1484* г.

«А на кого будетъ пеня давная и въ ратное время, а того не имати ни искати на обѣ стороны... и что судили суды наши обчіе и грамоты подавали; и что будетъ взять то взяти, а что будетъ не взять а то есмы погренули, и грамоты подрати тѣхъ судовъ... Абидному всему межи насъ судъ чистъ обчей, отъ того времени, какъ отецъ нашъ Кн. Вел. Дмитрей Ивановичъ къ Богу отшелъ;... а суженою не посужати. А татя и душегубца и разбойника и грабежника, гдѣ имутъ тутъ судятъ;... А холопу, робѣ, данному, положеному, заемному, поручному, землѣ, водѣ судъ отъ вѣка.»

Въ приведенныхъ до сихъ поръ договорахъ, съ Литвою, равно въ договорахъ между Москвою и Тверью, за исключеніемъ самаго древняго договора, заключеннаго великимъ княземъ *Дмитріемъ Донскимъ*, примѣненіе срока самое обширное: онъ распространяется на всѣ дѣла, возникшія до извѣстнаго времени.

Гораздо болѣе ограничено значеніе этого срока въ упомянутомъ договорѣ *Дмитрія Донскаго* съ великимъ княземъ тверскимъ, равно во всѣхъ договорахъ между Москвою и Рязанью, какъ видно изъ слѣдующихъ мѣстъ:

«А какъ есми сталъ подъ городомъ подъ Тфѣрью до Семеня дни за мѣсяцъ, что будешь у мене взялъ войной въ тотъ мѣсяцъ, тому всему межи насъ погребъ: а какъ еси къ намъ сложилъ целованье, а что мы у тобе поимали и повоевали, а тому всему межи насъ погребъ, а всему обидному дѣлу межи насъ судъ вопчий отъ первого нашего целованья... рубежника по исправѣ выдати. А суженого не посужати; суженое, положенное, даное, поручное, холопу, робѣ, судъ отъ вѣка; холопа, робу, татя, розбойника, душегубца выдати по исправѣ» [1]).

«А что была рать... а грабежу всему погребъ. А судъ вопчи по приставленью отца моего; а которыхъ дѣлъ не искали при отце моемъ пристава не было, за поруку не данъ, тому погребъ; а хто за порукою и за приставомъ былъ тому судъ; а которые дѣла суженые или поле ся не коньчяло, а то кончяти... А суженого не посужати; а суженое, положеное, поручьное отдати по исправѣ; холопа, робу, должника, поручьника, татя, розбойника, душогубца, рубежьника выдати по исправѣ отъ вѣка. А мыты ны держати старые пошлые» [2]).

Въ договорахъ между Москвою и Рязанью всѣ иски, возникшіе послѣ смерти великаго князя *Дмитрія Донскаго*, должны быть рѣшаемы судомъ общимъ; тому же суду подлежатъ иски, возникшіе во время передъ этимъ происшествіемъ, если по нимъ производство уже было, т. е. если по нимъ отвѣтчики представили поруки или находятся за приставомъ, тѣмъ болѣе, если по дѣлу уже было

---

[1]) Договоръ Дмитрія Донскаго съ великимъ княземъ тверскимъ. Собр. Рум. I. № 28. *1375* г.—Ср. *Н. Савельева* «Историческое значеніе Дмитрія Донскаго». «Жур. Мин. Народ. Просв.» 1857 г. т. XIV стр. 386—387.

[2]) Договоры между Москвою и Рязанью. Собр. Рум. I. № 32. *1381* г.; № 36. *1403* г.; 65. *1447* г.; № 115. *1485* г.

дальнѣйшее производство, наприм. назначено поле и оно только еще не имѣло мѣста, или приговоръ уже постановленъ, но только не исполненъ. Въ двухъ договорахъ изъ времени *Дмитрія Донскаго* также принимается болѣе ограниченное значеніе срока: притязанія, возникшія изъ времени передъ срокомъ, не могутъ быть отыскиваемы судомъ, развѣ по нимъ послѣдовало какое либо соглашеніе или судебное опредѣленіе, на нарушеніе коего можно искать. Во всѣхъ договорахъ, въ которыхъ опредѣленному въ нихъ сроку приписывается болѣе ограниченное значеніе, тамъ опредѣляется, что *суженое* (т. е. присужденное кому либо по суду), *положеное* (т. е. отвѣтчикомъ предъ судъ съ отдачею истцу и исяги), *данное* (по договору и вообще по условію), *поручьное* (т. е. искъ, въ обезпеченіе котораго отвѣтчикъ представилъ поруки) *отдати по исправѣ*; признанный по суду холопомъ или рабою, должникомъ, поручителемъ, татемъ, разбойникомъ, душегубцемъ, рубежникомъ, должны быть *выданы по исправѣ отъ вѣка*. Значитъ, всѣ эти дѣла изъяты изъ дѣйствія упомянутаго правила о неотысканіи притязаній изъ прежняго времени. Напротивъ того, по договорамъ, по которымъ упомянутый срокъ имѣетъ болѣе пространное дѣйствіе, иски по подобнымъ дѣламъ подлежатъ взысканію, на общемъ основаніи сихъ договоровъ, т. е. если дѣло возникло послѣ означеннаго въ договорѣ происшествія.

Что касается до выраженій «*судъ отъ вѣка*», «*судъ по исправѣ*», «*исправа отъ вѣка*» и «*исправа*», то «*исправа* употребляется, какъ и нынѣ слово «*расправа*», въ смыслѣ равнозначительномъ съ словомъ «*судъ*»; выраженіе «*отъ вѣка*» означаетъ *какъ всегда*, *какъ обыкновенно*, *какъ слѣдуетъ*. Въ договорахъ съ сходнымъ или тождественнымъ содержаніемъ и даже въ однихъ и тѣхъ же договорахъ одинъ разъ употребляется выраженіе «*судъ отъ вѣка*», а другой разъ для выраженія того же самаго положенія—«*выдати по исправѣ*.» Тѣмъ и другимъ выражается одна и та же мысль, что въ извѣстныхъ дѣлахъ жалобы допускаются и по нимъ должно быть судебное производство. Въ договорахъ съ Тверью встрѣчается выраженіе *пеня давная*, т. е. *вина*, возникшая долгое время тому назадъ, давно. Слово *пеня* нынѣ означаетъ штрафъ, но глаголъ *пенять* теперь еще употребляется въ смыслѣ выговаривать. Очевидно, значеніе *вина* болѣе древнее, нежели *штрафъ* и послѣднее выведено изъ первой. Въ приведенномъ мѣстѣ смыслъ требуетъ предложенное нами объясненіе. Съ совершенною ясностью это значеніе слова видно изъ договора между Литвою и Псковомъ 1440 года [1]). Слова: *давній*, *давно*, *издавна*, встрѣчаются въ разныхъ актахъ того времени. При сравненіи между собою этихъ мѣстъ ясно съ перваго раза, что эти выраженія вовсе не употребляются въ техническомъ значеніи давности, но въ значеніи: *старый*, *изстари*, *долго*. Точно также и нынѣ: при употребленіи нарѣчія *давно*, не говорятъ о давности въ техническомъ смыслѣ, но о происшествіи, случившемся тому назадъ долгое время. Точно также и прилагательное *давній* и нынѣ еще имѣетъ значеніе *старый*, *долголѣтній*.

---

[1]) См. выше стр. 23.

Выводъ изъ всего этого изслѣдованія оказывается слѣдующій. Въ приведенныхъ договорахъ дѣйствительно есть постановленіе объ отмѣнѣ разныхъ притязаній гражданскаго и уголовнаго свойства, непредъявленныхъ до извѣстнаго срока, однако о давности тутъ вовсе не говорится. Эти притязанія не уничтожаются за непредъявленіемъ ихъ въ теченіе опредѣленнаго срока времени, но при отмѣнѣ ихъ обращается вниманіе единственно на опредѣленную точку времени, важную въ политическомъ отношеніи, такъ что срокъ, въ теченіе коего допускается предъявленіе притязаній, со-временемъ дѣлается все болѣе продолжительнымъ. Также нельзя видѣть, въ приведенныхъ постановленіяхъ, назначеніе судебнаго срока, потому что точка времени, съ которой прекращаются всѣ иски, опредѣляется лишь тогда, когда она давно прошла, ей приписывается означенное значеніе ex post. Въ упомянутыхъ договорахъ дѣло идетъ объ исключительныхъ мѣрахъ, установленныхъ изъ причинъ политическихъ. Они заключены для прекращенія войны, поэтому прежде всего опредѣляется, что все учиненное во время войны должно быть забыто и уничтожено. Та же политическая цѣль руководствовала договаривающимися сторонами при установленіи особыхъ сроковъ, съ тѣмъ, чтобы дѣла, возникшія до нихъ, не могли быть начаты предъ судомъ. Эта цѣль существенно различается отъ цѣли, съ какой установляется давность. Установленіемъ этого срока ограждается не стойкость юридическаго строя внутри княжества, что бываетъ главною цѣлью, съ которою установляется давность, но спокойствіе и твердость внѣшнихъ отношеній. Только что заключенный миръ, окончившій кровавую вражду, долженъ быть по возможности огражденъ отъ нарушеній. Устраняется тщательно все, что могло бы подать поводъ къ пререканіямъ и столкновеніямъ. Такъ какъ при тогдашнемъ частномъ характерѣ правительства князей вотчинниковъ, при тогдашнихъ узкихъ отношеніяхъ, даже частные споры и притязанія могли вызвать столкновеніе между цѣлыми княжествами, то всякіе поводы къ таковымъ по возможности предупреждаются.

Итакъ, изъ содержанія этихъ договоровъ видно, что они не только ничего не содержатъ въ себѣ о давности исковой, но служатъ доказательствомъ, что во время ихъ заключенія давности исковой еще не существовала, по крайней мѣрѣ въ видѣ общаго закона. Еслибы существовала исковая давность во всѣхъ княжествахъ, то не зачѣмъ было бы установлять многихъ правилъ, которыя встрѣчаемъ въ вышеприведенныхъ договорахъ. На основаніи всего изложеннаго мы вправѣ утверждать, что давность исковая въ русскомъ правѣ не существовала съ древнѣйшихъ временъ и не развилась обычаемъ и практикой, какъ это полагаютъ *Неволинъ* и *Мейеръ*. По XV вѣкъ не видно никакихъ признаковъ существованія такого общаго исконнаго обычая. Напротивъ того, по всему видно, что давность иска въ русскомъ правѣ, подобно какъ въ римскомъ, есть учрежденіе не древняго, а позднѣйшаго времени, и установлено не обычаемъ, а государственною законодательною властью.

3. Установленіе давности исковой по дѣламъ вотчиннымъ закономъ великаго князя Василія Дмитріевича.

Въ первомъ дошедшемъ до насъ свѣдѣніи о существованіи давности исковой вмѣстѣ съ тѣмъ содержится извѣстіе о законѣ, которымъ она введена была. Мы говоримъ о грамотѣ великаго князя *Ивана III* отъ 1492 г. [1]); въ ней читаемъ слѣдующее:

А противу Олексина далъ смѣну дѣдъ мой... Кипріану митрополиту, слободку Всеславлу также со всѣмъ..., что потяло со всѣмъ и зъ борьтью, и зъ бобровою ловлею по слободской сторонѣ опричь болрскіе купли старые, или чья будетъ отчина отъ сего времени за пятнадцать лѣтъ взадъ. Какъ дѣдъ мой учинилъ, князь великій, въ своей отчинѣ въ великомъ княженіи судъ тогды о земляхъ и о водахъ за пятнадцать лѣтъ, такъ и мнѣ, князю великому, послати своего боярина; а хто будетъ отецъ нашъ митрополитъ въ нашей отчинѣ, и отцу нашему послати своего боярина: и они ѣхавъ въ слободку также учинятъ исправу за пятнадцать лѣтъ землямъ. А которые села болрская купля старая ихъ; а кто имѣетъ жити въ тѣхъ селѣхъ людей, а тѣ потянутъ данью, и судомъ и всѣми пошлинами къ слободкѣ.

Отсюда видно, что великій князь *Василій I Дмитріевичъ* (1389—1425 гг.) издалъ первый законъ о погашеніи исковъ о правѣ собственности на земли и воды за истеченіемъ пятнадцатилѣтняго срока. О какихъ бы то ни было условіяхъ давности не упоминается. Какъ видно изъ приведеннаго акта, законъ этотъ былъ не общій, а мѣстный; конечно, съ распространеніемъ предѣловъ великаго княжества московскаго, вслѣдствіе присоединенія удѣловъ, примѣненіе онаго все болѣе и болѣе распространялось, пока онъ не сдѣлался общимъ закономъ во всей восточной, московской Руси.

Выше, изъ содержанія нѣсколькихъ договорныхъ грамотъ, мы вывели, что, во время ихъ заключенія, не существовало на Руси общаго закона о давности исковой. Этому не противорѣчитъ приведенное нынѣ доказательство о существованіи уже въ то время въ московскомъ великомъ княженіи мѣстнаго закона о давности. Собственный интересъ требовалъ, чтобы условія договоровъ, заключаемыхъ съ княжествами, гдѣ не существовало давности, постановлялись такимъ образомъ, какъ будто и въ Москвѣ не существовало закона о давности. Напротивъ того, въ договорахъ московскихъ великихъ князей съ московскими удѣльными князьями, въ волостяхъ которыхъ несомнѣнно дѣйствовало московское право, значитъ также и законъ о пятнадцатилѣтней давности, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ удѣловъ образовались лишь послѣ смерти *Василія Дмитріевича*, вовсе не находится постановленій объ ограниченіи права иска какимъ бы то ни было образомъ. Равно въ договорахъ съ суздальскими удѣльными князьями, во владѣніяхъ которыхъ, по всей вѣроятности, дѣйствовало московское право, встрѣ-

[1]) *Неволинъ*, по примѣру г. *Бѣляева*, относитъ эту грамоту къ 1483 г. Однако, въ самой грамотѣ, отпечатанной у *Иванова*, въ «Описаніи государственнаго архива старыхъ дѣлъ». М. 1850. Стр. 212—14, означено: «17 марта 6900 лѣта».

чаются только постановленія объ уничтоженіи притязаній, происшедшихъ отъ войны, но не говорится о какомъ либо общемъ срокѣ. Въ договорахъ съ тѣми и другими княжествами подобныя постановленія были излишними, за существованіемъ въ этихъ княжествахъ того же закона о давности, какъ и въ Москвѣ.

Съ конца XV столѣтія по 1497 годъ, т. е. до изданія перваго Судебника, сохранилось нѣсколько правыхъ грамотъ, изъ которыхъ видно, какимъ образомъ примѣнялась тогда давность.

Въ правой грамотѣ изъ московскаго великаго княженія, выданной послѣ 1485 г., вѣроятно около 1490 г., во всякомъ случаѣ раньше 1497 г. [1]), упоминается, что одна изъ сторонъ ссылается на пропущеніе семилѣтняго срока со стороны истца. Оставленіе этого отвода безъ вниманія, и рѣшеніе дѣла на основаніи другихъ доказательствъ объясняется достаточно тѣмъ, что до 1497 г. въ московскомъ великомъ княжествѣ существовала лишь пятнадцатилѣтняя давность.

Изъ двухъ приговоровъ, постановленныхъ великимъ княземъ *Иваномъ Ивановичемъ*, старшимъ сыномъ *Ивана III*, видно, что истеченіе пятнадцатилѣтняго срока не имѣло безусловнаго значенія, не сдѣлало невозможнымъ предъявленіе иска. Истцы, требующіе возвращенія принадлежавшей имъ земли, сами заявляютъ, что отвѣтчикъ владѣлъ спорнымъ имѣніемъ уже *лѣтъ съ двадцать*, въ другомъ дѣлѣ *лѣтъ за полтретьядцать* (т. е. болѣе 25 лѣтъ), и, несмотря на то, въ принятіи иска имъ не отказывается; напротивъ, допускается представленіе различныхъ доказательствъ права собственности. Повѣрки представленныхъ съ обѣихъ сторонъ доказательствъ не производится, но *о семъ судья ялься доложити Государя своего Великого Князя. И Князь Великій Иванъ Ивановичъ велѣлъ* отвѣтчика *оправити а наволоки велѣлъ присудити* ему, *а истцовъ велѣлъ обвинити. И по государя своего слову Великого Князя Ивана Ивановича судья* отвѣтчиковъ *оправилъ и спорныя земли присудилъ монастырю, а истцовъ обвинилъ и грамоту на нихъ правую далъ.* Въ правой грамотѣ, данной на основаніи рѣшенія великаго князя, къ сожалѣнію, основанія рѣшенія не изложены. Мы поэтому должны выводить оныя изъ самаго дѣла. Повѣрки представленныхъ доказательствъ ни предъ судьею, ни предъ великимъ княземъ произведено не было, значитъ приговоръ не могъ быть основанъ на нихъ, въ частности онъ не могъ быть основанъ на представленной неформальной грамотѣ [2]). Кромѣ того, имѣлось въ виду еще пропущеніе иска въ теченіе 20 лѣтъ. Въ столь долгомъ молчаніи сознались сами истцы. Очевидно, приговоръ основывался на пятнадцатилѣтней давности. Спрашивается только, съ какой стати искъ принимался, если съ самаго начала ясно было, что срокъ предъявленія онаго пропущенъ? По нашему мнѣнію, это объясняется тѣмъ, что истцы заявили

---

[1]) А. Ю. № 3.—*Дмитріевъ*, въ своей Исторіи гражданскаго судопроизводства отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ, приводитъ эту правую грамоту, равно отпечатанную тутъ-же подъ № 4, доказательствомъ несоблюденія установленныхъ въ Судебникѣ сроковъ, что совершенно неосновательно, такъ какъ обѣ постановлены до изданія Судебника.

[2]) *И. Энгельманъ*, О пріобрѣтеніи права собственности на землю. С.-Петербургъ, 1859 г. Стр. 25—43.

объ отнятіи земель силою. Весьма вѣроятно, что при установленіи пятнадцатилѣтняго срока законодатель подразумѣвалъ, что онъ примѣняется лишь къ владѣнію, неоснованному на насиліи. Однако, заявивъ о насиліи, истцы не представляютъ доказательствъ насильнаго отнятія земли. Такимъ образомъ, оказывается, что давность въ этомъ дѣлѣ можетъ имѣть примѣненіе и дѣло рѣшается на основаніи давности.

Въ другомъ приговорѣ изъ того же времени истцу отказывается потому, что *о той землѣ молчалъ митрополичимъ 50 лѣтъ и князю великому о той землѣ не бивилъ челомъ и сторожилци его за поле не поималисъ*, т. е. по причинѣ давности иска и неосновательности представленнаго доказательства [1]).

Въ третьемъ случаѣ, гдѣ обѣ стороны ссылаются на давность и стараются доказывать ее показаніями свидѣтелей, земля присуждается отвѣтчику, коего свидѣтели дали показанія гораздо болѣе подробныя, нежели свидѣтели истца. Кромѣ того, въ пользу перваго говоритъ уже то обстоятельство, что онъ владѣетъ землею, и показанія свидѣтелей о владѣніи имъ землею уже этимъ однимъ являются болѣе правдоподобными [2]).

Въ приговорѣ звенигородскаго князя *Андрея Васильевича* [3]), постановленномъ до 1491 г., потому что въ этомъ году его удѣлъ присоединенъ былъ къ Москвѣ, спорная земля присуждается монастырю *того дѣля, что Сѣменько* (истецъ) *кажетъ тому шостой годъ, какъ сѣлъ на той выти, а отъ тѣхъ мѣстъ Сѣмянко вѣдаетъ, что Ивашко* (отвѣтчикъ, представитель монастыря) *дѣлаетъ городскую землю, его двора выть, а енъ* (онъ) *на немъ не искалъ*. На основаніи выраженія *шостой годъ*, г. *Бѣляевъ* [4]) утверждаетъ, что между закономъ Судебника великаго князя *Ивана III*, о трехлѣтней и шестилѣтней давности, и узаконеніемъ великаго князя *Василія Дмитріевича*, о пятнадцатилѣтней давности, было еще узаконеніе, или въ судебной практикѣ пятнадцатилѣтняя давность уже потеряла свою силу и замѣнена другою давностью, на основаніи которой постановленъ этотъ приговоръ. Между тѣмъ, изъ правой грамоты видно, что шестой годъ также прошелъ и что дѣйствительно дѣло шло о шестилѣтнемъ срокѣ. Наконецъ г. *Бѣляевъ* совершенно упускаетъ изъ виду, что приговоръ этотъ постановленъ въ удѣльномъ княжествѣ, гдѣ могъ существовать мѣстный законъ. Если же существовалъ такой, то изъ приговора видно, что этотъ законъ былъ того же содержанія, какъ постановленіе Судебника 1497 года. Судебникъ постановляетъ по спорамъ между тяглыми имуществами и частными (боярскими или монастырскими) шестилѣтній срокъ, а здѣсь именно примѣняется къ спору между владѣльцемъ тяглаго имущества и монастыремъ шестилѣтній срокъ. Что въ звенигородскомъ удѣльномъ княжествѣ дѣйствительно существо-

---

[1]) А. Ю. *Калачова*. I. № 103, III. 1481—1505 гг.

[2]) А. Ю. *Калачова*. I. № 52. II 1462—1505 г.

[3]) А. Ю. № 7.

[4]) «Какъ понимали давность». Стр. 15.

валъ короткій, вѣроятно шестилѣтній, срокъ давности—это дѣлается почти несомнѣннымъ изъ другаго приговора, въ которомъ дѣло рѣшается на основаніи непредъявленія иска въ теченіе 8 лѣтъ [1]).

Оба приведенные приговора, по содержанію своему, какъ будто постановлены на основаніи Судебника 1497 г. Такъ какъ они постановлены раньше сего года, то мы не ошибемся, предполагая, что въ звенигородскомъ княжествѣ существовалъ еще до изданія Судебника законъ о давности, сходный съ постановленіемъ Судебника. Судебникъ изданъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ присоединенія этого княжества къ московскому государству, поэтому-то весьма вѣроятно, что постановленіе Судебника о срокахъ исковой давности основано на законѣ, развившемся въ звенигородскомъ княжествѣ.

4. Давность исковая въ дѣлахъ вотчинныхъ по Судебникамъ.

Статья Судебника 1497 года великаго князя *Ивана Васильевича* о давности слѣдующаго содержанія:

О земляхъ судъ. А взыщетъ бояринъ на бояринъ или монастырь на монастырь, или боярской на монастырь, или монастырской на бояринъ, ино судити за 3 года, а далѣ трехъ годовъ не судити. А взыщетъ черной на черномъ, или помѣстникъ на помѣщикъ, за которымъ земли Великого Князя, или черной или селской на помѣщикъ, или помѣщикъ на черномъ и на селскомъ, ино судити по томужъ за 3 годы, а далѣ трехъ годовъ не судити. А взыщутъ на бояринъ или на монастыри Великого Князя земли, ино судити за 6 лѣтъ, а далѣ не судить. А которые земли за приставомъ въ судѣ, и тѣ земли досуживати.

Какъ въ прежнихъ постановленіяхъ, такъ и здѣсь, дѣло идетъ о давности иска о правѣ собственности на землю. О какихъ бы то ни было условіяхъ ея не упомянуто. Различіе противъ прежняго закона *Василія Дмитріевича* состоитъ въ краткости срока и въ различіи его, смотря по предмету спора. Различіе сроковъ по различію предметовъ основано на казенномъ интересѣ, весьма сильно преобладавшемъ во всѣхъ учрежденіяхъ московскаго государства. Различіе дѣлается между землею, состоявшею въ частной собственности, и землею, состоявшею въ собственности великаго князя, т. е. казны. Общаго выраженія для частной собственности еще не существовало. Понятіе о собственности поземельной развилось первоначально по отношенію къ землѣ князей, монастырей и бояръ. Право собственности монастырей расширялось въ право духовенства вообще, право бояръ—въ право служилыхъ людей. Умножилось число лицъ, состоящихъ въ отношеніи собственности къ землѣ, но отношеніе это само по себѣ осталось въ прежнемъ объемѣ, поэтому не было повода измѣнить означеніе онаго. Гдѣ нынче говорили бы о частныхъ собственникахъ—Судебникъ говоритъ о боярахъ и монастыряхъ, подразумѣвая всѣхъ частныхъ лицъ, могущихъ состоять въ такихъ же отношеніяхъ къ землѣ. Гдѣ нынѣ говорят я о частной собственности—въ Су-

[1]) А. Ю. *Калачова*. I. № 103. I. Третейскій приговоръ великаго князя *Ивана Васильевича*, изъ времени отъ 1462 по 1464 годъ, по спору между крестьянами звенигородскаго князя и митрополитомъ.

дебникѣ употребляется выраженіе боярская и монастырская земля. Двумъ этимъ видамъ частной собственности противополагается земля казенная, т. е. земля князя, называемая въ удѣльныхъ княжествахъ иногда княжщиною. Между землями великаго князя различаются: *помѣстья*—земли на которыхъ сидѣли служилые люди, помѣщики, на правахъ пожизненныхъ владѣльцевъ, впрочемъ съ нѣкоторыми правами ихъ наслѣдниковъ; *земли черныя*, на которыхъ жили черные люди, каждый на своемъ участкѣ, пока платилъ оброкъ или подать, съ правомъ передачи земли дѣтямъ по наслѣдству, другимъ по договору, его право такимъ образомъ не было срочное, а могло считаться вѣчнымъ. Наконецъ, были еще *земли дворцовыя*, которыя состояли въ непосредственномъ владѣніи князя, и которыми онъ управлялъ чрезъ приказщиковъ или дворцовыхъ крестьянъ, платившихъ оброкъ.

Искъ о правѣ собственности на частныя земли потеряетъ свою силу истеченіемъ трехлѣтняго срока. Равно иски о правѣ владѣнія казенною землею между различными владѣльцами ея прекращаются истеченіемъ такого же срока. Иски же великаго князя о правѣ собственности на земли, и решедшія въ частныя руки, прекращаются лишь шестилѣтнею давностью. Постановленіе, очевидно, имѣетъ въ виду обезпечить права великаго князя, назначая для истеченія давности по отношенію къ его искамъ болѣе пространный срокъ. Изъ закона не видно, чтобы иски частныхъ лицъ противъ великаго князя погашались истеченіемъ того же пространнѣйшаго срока, хотя это было бы вполнѣ справедливо и вполнѣ послѣдовательно. Обращая вниманіе на образъ выраженія первой части этой статьи, гдѣ подробно объясняется, что иски съ обѣихъ сторонъ погашаются истеченіемъ трехъ лѣтъ, мы принуждены предположить, что казна, когда являлась отвѣтчикомъ, пользовалась короткимъ срокомъ давности для огражденія своихъ правъ. *Г. Бѣляевъ*, который во всякомъ постановленіи древняго права видитъ воплощеніе правды и справедливости, полагаетъ, что примѣненіе этихъ сроковъ основано на переходѣ земель изъ одного вѣдомства въ другое, но забываетъ, что боярскія земли и монастырскія состояли въ различныхъ вѣдомствахъ.

На послѣднія двѣ строки упомянутой статьи Судебника до сихъ поръ никто не обратилъ вниманія, между тѣмъ, онѣ содержатъ въ себѣ чрезвычайно важное постановленіе. Въ нихъ сказано, что иски, которые не только предъявлены суду, но приставомъ сообщены отвѣтчику, и по которымъ отвѣтчики представили приставу поруки, или земли поступила подъ его надзоръ, должны быть оканчиваемы, какъ бы долго ни продолжалось производство по нимъ. Такимъ образомъ, здѣсь постановлено, что одно предъявленіе иска не прерываетъ давности, но только дѣйствительное начатіе судебнаго спора.

Краткость сроковъ старались объяснить различно: заимствованіемъ изъ псковской судной грамоты, виленцкаго статута, причемъ сроки будто бы измѣнены, но это вовсе невѣроятно. Болѣе вѣроятія представляетъ мнѣніе *Неволина*, что при назначеніи трехлѣтняго срока давности принята была въ соображеніе существовавшая въ Россіи издревле система трехпольнаго хозяйства. Одина-

кій срокъ трехпольнаго сѣвооборота принятъ для поземельныхъ исковъ частныхъ лицъ и монастырей; двойной срокъ такого же сѣвооборота—для исковъ о землѣ со стороны казны противъ частныхъ лицъ и монастырей. Упоминая о томъ, что до Судебника существовалъ пятнадцатилѣтній срокъ, ни *Неволинъ*, ниже г. *Бѣляевъ*, не указываютъ на поводы столь значительнаго сокращенія онаго. Мы доказали уже, что, по всей вѣроятности, Судебникомъ возведено въ общій законъ правило, развившееся въ одномъ изъ удѣльныхъ княжествъ. Причины заимствованія Судебникомъ этого правила были, вѣроятно, политическія. При великомъ князѣ *Иванѣ III* большая часть удѣловъ присоединилась къ московскому великому княжеству; въ интересѣ великаго князя было какъ можно скорѣе покончить съ спорами и привязаніями изъ прежняго времени. Полагаютъ [1]), что пятнадцатилѣтній срокъ давности объясняется финансовымъ взглядомъ на судъ, что, напротивъ того, при великомъ князѣ *Иванѣ III*, частно-владѣльческій, финансовый взглядъ на судъ значительно ослабѣлъ и къ удержанію продолжительнаго срока не было прежняго мотива. Этому объясненію противорѣчитъ, что во время Уложенія, когда взглядъ на судъ сдѣлался еще болѣе правильнымъ и финансовый характеръ его исчезъ, срокъ давности дѣлается опять болѣе продолжительнымъ и весьма значительно. Несостоятельность своего объясненія должно быть почувствовалъ самъ авторъ, и поэтому прибавилъ, что вообще сроки, назначенные Судебниками, онъ не считаетъ слишкомъ краткими для періода неразвитаго судопроизводства и для эпохи быстрыхъ и многообразныхъ преобразованій.

Въ царскомъ «Судебникѣ» 1550 года, въ 84 статьѣ, повторяется постановленіе о трехъ и шести-лѣтнихъ срокахъ. Ст. 85, озаглавленная: «*А о вотчинахъ судъ*», содержитъ въ себѣ постановленіе о правѣ выкупа и говоритъ, по отношенію къ этому праву: «*а судити о вотчинѣ за 40 лѣтъ; а далѣ 40 лѣтъ вотчичемъ до вотчины дѣла нѣтъ и до купель дѣла нѣтъ*». Несмотря на кажущуюся общность выраженія «судити», подъ этимъ словомъ можетъ быть понимаемъ лишь судъ о правѣ выкупа.

Краткость назначенныхъ въ Судебникахъ сроковъ, погашающихъ право собственности на землю, въ особенности въ сравненіи съ сорокалѣтнимъ срокомъ для иска о правѣ выкупа родственниковъ, возбудила разныя сомнѣнія. На томъ основаніи, что въ разныхъ правыхъ грамотахъ упоминается объ отказѣ въ искахъ, на основаніи болѣе длинныхъ сроковъ, полагали, что постановленія Судебниковъ о краткихъ срокахъ не соблюдались на практикѣ, примѣнявшей болѣе длинные сроки [1]). Но уже *Неволинъ* доказывалъ, что отказъ въ искѣ на основаніи болѣе длиннаго срока не отвергаетъ примѣненія закона о болѣе краткомъ

[1]) Напр. критикъ перваго изданія нашего сочиненія въ «Журн. Мин. Юст.», тт. XXXIII и XXIV.

[2]) *Морошкинъ*, О владѣніи. Стр. 106, 107.—*Дмитріевъ*, Исторія гражданск. судопроизводства и т. д. Стр. 174—178. Акты, на которые ссылаются тотъ и другой, не оправдываютъ вовсе того, что они утверждаютъ. *Дмитріевъ* слѣдовалъ, очевидно, авторитету *Морошкина*, такимъ образомъ, случается, что онъ приводитъ въ доказательство несоблюденія сроковъ Судебника приговоры, постановленные до изданія его, или такой, въ которомъ лишь упоминается о давности, но она вовсе не полагается въ основаніе рѣшенія и даже оказывается недоказанною.

срокѣ. Разсматривая тѣ изъ правыхъ грамотъ, которыя изданы послѣ Судебника 1497, и гдѣ дѣло именно идетъ о примѣненіи или отверженіи давности, мы убѣждаемся, что мнѣніе о несоблюденіи закона, высказанное *Морошкинымъ*, не имѣетъ достаточнаго основанія.

1. *Правая грамота 1499 г.* [1]). Истцы требуютъ возвращенія тяглой земли, но сознаются, что въ теченіе 40 лѣтъ не предъявляли иска. На основаніи показаній свидѣтелей и писцовыхъ книгъ оказывается, что земля въ теченіе 40 лѣтъ находилась во владѣніи митрополита, вслѣдствіе чего истцамъ отказывается въ искѣ. Но такъ какъ, несмотря на заявленіе истцовъ о пропущеніи сорокалѣтняго срока, искъ не только принимается, но съ отвѣтчиковъ требуются доказательства ихъ права, то изъ этого видно, что истеченіе срока давности не имѣло безусловнаго значенія и не исключало производства тяжбы. Напротивъ того, давность является однимъ изъ доказательствъ, подлежащихъ обсужденію и оцѣнкѣ суда относительно значенія, которое она могла имѣть въ отдѣльномъ случаѣ. Замѣтимъ, что крестьяне обвиняются, между прочимъ, и потому, что утверждаютъ, будто земли противозаконно занята митрополитомъ, но не упомнятъ какой митрополитъ поималъ тѣ земли за себя. Мы уже выше упомянули о подобномъ случаѣ, изъ котораго слѣдуетъ заключить, что давность не примѣнялась къ случаямъ, гдѣ владѣніе основывалось на насиліи. И здѣсь, значитъ, крестьяне утверждали, что земли у нихъ отнята насиліемъ, когда же съ нихъ требуютъ доказательствъ о томъ, кто и когда землю у нихъ насиліемъ отнялъ, они отзываются невѣдѣніемъ, чѣмъ сами устраняютъ препятствіе къ примѣненію давности.

2. *Правая грамота 1503 г.* [2]). Дѣло сходно съ предыдущимъ въ томъ, что истецъ также самъ сознается въ пропущеніи двадцатипятилѣтняго срока для предъявленія иска, но извиняетъ просрочку тѣмъ, что отвѣтчикъ ввелъ его въ заблужденіе. Искъ принимается судомъ, но такъ какъ отвѣтчикъ доказываетъ свое право собственности документами, то истцу отказывается. Отсюда опять видно, что давность не имѣла безусловнаго значенія и что на основаніи пропущенія давности никому не отказывается въ искѣ, что всегда разсматриваются представленныя доказательства, а затѣмъ дѣло рѣшается на основаніи совокупности ихъ.

3. *Правая грамота изъ времени съ 1505 по 1508 г.* [3]). По обсужденіи представленныхъ доказательствъ, которыя оказываются недостаточными, дѣло рѣшается на основаніи пропущенія тридцатилѣтняго срока давности. Истецъ утверждалъ, что владѣніе отвѣтчика было насильное, но, очевидно, онъ не успѣлъ доказать своего положенія.

---

[1]) А. Ю. № 8. *Археографическая коммисія* относитъ ее ко времени отъ 14 апрѣля 1498—1505 гг. Первое число основывается на томъ, что тогда дана жалованная грамота, на которой отвѣтчики основываютъ свое право. Такъ какъ изъ грамоты видно, что отвѣтчики владѣли землею въ теченіе одного года и, по всей вѣроятности, вступили во владѣніе вскорѣ послѣ пожалованія, то мы не ошибемся, если станемъ утверждать, что споръ происходилъ въ 1499 году.

[2]) А. Ю. № 9.

[3]) А. Ю. № 12.

4. *Правая грамота 1511 г.* [1]). Дѣло идетъ о правѣ выкупа земли изъ залога. И въ этомъ дѣлѣ пропущеніе двадцатилѣтняго срока со стороны истца очевидно съ перваго взгляда; несмотря на то, ему отказывается въ искѣ лишь тогда, когда оказывается, что онъ даже не въ состояніи доказать, что имѣніе, которое онъ желаетъ выкупить, дѣйствительно было имъ заложено. Очевидно, нельзя отсюда вывести заключеніе, что право выкупа могло задавнѣть истеченіемъ меньшаго срока, нежели какой назначенъ по Судебнику, какъ это дѣлаютъ *Морошкинъ* и за нимъ г. *Дмитріевъ*. Наконецъ, замѣтимъ еще, что приговоръ этотъ постановленъ до изданія царскаго Судебника, въ которомъ въ первый разъ упоминается о сорокалѣтнемъ срокѣ выкупа.

5. *Правая грамота 1530 года* [2]). Отвѣтчикъ утверждаетъ, что спорная земля тяглая великаго князя, и что онъ ею владѣлъ 6 лѣтъ. Истецъ ссылается на бывшій приговоръ о той же землѣ. Отвѣтчикъ обвиняется, такъ какъ не можетъ даже назвать свидѣтелей, которыми онъ желаетъ доказать дѣйствительность своего владѣнія, обвиняется потому, что самъ объявляетъ представленіе и повѣрку доказательства, на которое сослался, невозможными.

6. *Правая грамота 1612 г.* Отвѣтчики насильно завладѣли спорною землею и сознаются, что истецъ, монастырь, 26 лѣтъ владѣлъ землею, но утверждаютъ, что они прерывали давность неоднократною подачею жалобъ. Однако, такъ какъ они не въ состояніи доказать, что дѣйствительно начинали судебный искъ и, напротивъ того, монастырь доказываетъ свою собственность на землю, то земля присуждается монастырю.

Итакъ, приведенные приговоры доказываютъ несомнѣнно, что на исковую давность всегда обращалось вниманіе и дѣло рѣшалось по ней, если она была доказана. Только давность не имѣла того безусловнаго значенія, какое получила въ позднѣйшее время, по которой, въ случаѣ доказаннаго истеченія срока давности, исключается представленіе другихъ доказательствъ. Напротивъ того, давность считалось однимъ изъ средствъ судебнаго доказательства, подлежащимъ, наравнѣ съ другими, оцѣнкѣ суда.

Изъ дѣйствія давности, установленной Судебниками, существовали изъятія, по нѣкоторымъ дѣламъ: иски не погашались давностью на основаніи соображеній политическаго свойства. Такъ напр., изъ дополнительнаго указа къ царскому Судебнику видно, что пріобрѣтеніе вотчинъ противъ запретительныхъ о томъ указовъ не покрывается давностью. Уже во времена великаго князя *Василія Васильевича*, значитъ во всякомъ случаѣ раньше 1533 года, запрещено было потомкамъ бывшихъ удѣльныхъ князей продавать свои вотчины старинныя, княженецкія, лицамъ непринадлежащимъ къ ихъ роду. Это запрещеніе повторяется въ 1551 году [3]). Въ указѣ 1562 года [4]) опредѣляется, что вотчины княженецкія, проданныя въ послѣднія 10 лѣтъ, т. е. послѣ повторенія запрети-

[1]) А. Ю. № 15.
[2]) А. Ю. № 18.
[3]) А. Э. I. № 227.
[4]) А. И. I. № 154, XVIII.

тельнаго указа, должны быть отписаны на царя, причемъ царь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлитъ, слѣдуетъ-ли вознаградить покупщика или нѣтъ. Вотчины же княженецкія, купленныя за 20 и за 15 лѣтъ, приказано понимать на Государя безденежно. Видно по всему, что здѣсь не обращается вниманіе на давность, но что дѣло идетъ о политической мѣрѣ, принимаемой въ интересѣ государственномъ.

5. Давность исковая въ началѣ XVII вѣка и по Уложенію 1649 г.

Независимо отъ мнѣнія о несоблюденіи установленныхъ Судебниками краткихъ сроковъ давности, *Морошкинъ* [1]) полагаетъ, что впослѣдствіи времени иски о землѣ подчинялись давности сорокалѣтней, наравнѣ съ правомъ выкупа изъ продажи и залога. Свое мнѣніе онъ основываетъ на правой грамотѣ, данной патріархомъ *Филаретомъ* 1627 г. февраля 20 Богоявленскому монастырю. Въ этой грамотѣ судья будто приводитъ слѣдующее: *«по Судебнику и по указу царя Михаила Ѳеодоровича насильно завладѣнное вельно отыскивать за 40 лѣтъ»*. *Морошкинъ* ссылается при этомъ на рукопись г. *П—ва*. Правая грамота эта была бы весьма важна, если-бы она была отпечатана [2]). Теперь же, не зная въ чемъ именно состояло существо спора, по которому она была выдана, по словамъ, приводимымъ *Морошкинымъ*, нельзя опредѣлить точный смыслъ упоминаемаго въ ней указа. Впрочемъ, сообщенное подтверждаетъ то, что мы вывели изъ двухъ правыхъ грамотъ, относительно владѣнія, основаннаго на насиліи, именно: что къ насильному владѣнію не примѣнялись короткіе сроки давности исковой. *Неволинъ* [3]) говоритъ, что весьма вѣроятно, что еще до Уложенія царя *Алексѣя Михайловича* 40 лѣтъ сдѣлались общимъ срокомъ для отысканія вотчинъ. Кажется, назначенные Судебникомъ *Ивана IV* сорокъ лѣтъ для выкупа вотчинъ были потомъ отчасти указомъ *Михаила Ѳеодоровича* (о которомъ мы, впрочемъ, ничего навѣрно не знаемъ), отчасти судебною практикою, примѣнены вообще ко всѣмъ искамъ о вотчинахъ, тѣмъ болѣе, что Судебникъ неопредѣленностью своихъ выраженій благопріятствовалъ такому примѣненію. Это мнѣніе *Неволина* подтверждается тѣмъ, что въ одномъ указѣ 1622 года [4]) говорится, что *вотчины застарѣли въ монастыряхъ многими лѣты*, и что на основаніи этой давности *многими лѣтами*, исключается право выкупа, несмотря на то, что эти вотчины поступили въ монастыри въ противность запретительному указу царя *Ивана Васильевича* отъ 1554 года. Эта давность распространяется на всѣ пріобрѣтенія монастырей до начала царствованія царя *Михаила Ѳеодоровича*. Со времени пріобрѣтенія большей части вотчинъ не прошло даже 40 лѣтъ. Мѣра эта, впрочемъ, объясняется исключительными обстоятельствами

---

[1]) О владѣніи, стр. 106—107.

[2]) Несмотря на мои старанія, я не могъ узнать, существуетъ-ли еще такая рукопись или нѣтъ.

[3]) Ист. росс. гр. зак. II, стр. 186.

[4]) Указная книга царя *Михаила Ѳедоровича*, отпечатанная въ Русск. Вѣстн. 1842. №№ 1 и 2, стр. 9 и 10.

того времени, гдѣ надлежало привести въ порядокъ весьма запутанныя дѣла, оставшіяся, вслѣдствіе перелома всего общественнаго строя, всеобщихъ перемѣнъ въ правахъ и владѣніяхъ въ началѣ XVII вѣка. Въ то время встрѣчается много подобныхъ исключительныхъ мѣръ. Такъ указъ 1614 или 1615 года опредѣляетъ: *Что измѣнничьи вотчины, которые при царѣ Василѣ даваны въ помѣстья, а тѣ помѣщики чьи помѣстья даваны бьютъ челомъ о своихъ помѣстьяхъ о поворотѣ, Бояре приговорили: противъ ихъ челобитья сыскивать московскими сидѣльцы на крѣпко, да по сыску тѣ вотчины отдавать по 123 году, а которые учнутъ бить челомъ впредь и тѣмъ отказывать потому что застарѣлось* [1]). Хотя здѣсь употреблено слово, указывающее какъ будто на давность, но о давности во всемъ указѣ рѣчи нѣтъ. Сыскъ, о которомъ говорится, не былъ сыскомъ о правѣ собственности—такія прошенія принимались лишь отъ людей, прежнее право собственности коихъ доказано было несомнѣнными актами,—но о политическомъ ихъ поведеніи. Именно допрашиваются московскіе сидѣльцы, т. е. которые были въ Москвѣ во время войны и осады. Выраженіе «застарѣлось» означаетъ только, что послѣ 1615 года не должны быть принимаемы челобитни подобнаго рода. Въ подобномъ же смыслѣ употребляется выраженіе *что ужъ задавнѣло*, для означенія, что извѣстное происшествіе произошло еще до воцаренія *Михаила Ѳедоровича* и поэтому не можетъ быть принимаемо во вниманіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ *въ томъ межъ людей будетъ многая ссора и рознь»* [2]). Подобный указъ изданъ въ 1623 году [3]); въ другихъ указахъ постановлено, что дѣла, рѣшенныя до московскаго пожара 1626 г. и до смерти патріарха *Филарета*, не могутъ быть возобновляемы [4]).

Доводы, на которыхъ основаны эти чрезвычайныя мѣры, суть тѣ же самые, на которыхъ основывается давность: твердость и ненарушимость правъ и устраненіе споровъ и исковъ. Эти мѣры доказываютъ, что тогдашняя давность иска была недостаточна и не имѣла столь широкаго значенія, какое приписывается ей нынѣ. Наконецъ, даже весьма вѣроятно, что въ дѣлахъ, въ которыхъ замѣшанъ былъ интересъ казны, давность не имѣла примѣненія. Это дѣлается почти несомнѣннымъ изъ слѣдующаго: при переворотѣ въ началѣ XVII вѣка, множество вотчинниковъ и помѣщиковъ, потерявъ вотчинныя и помѣстныя крѣпости, ходатайствовали о выдачѣ имъ новыхъ крѣпостей. Въ цѣломъ ряду указовъ, начиная съ 1625 г., постановляется [5]): *про то сыскать вправду и прямыхъ вотчинъ ни у кого отнимать не вѣлено и они бы видя къ себѣ государское жалованье государямъ бы служили... а у которыхъ грамоты утеряны и тѣ бо имати по сыску новыи грамоты на прямыя свои вотчины.*

Итакъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ производится изслѣдованіе о правѣ и выдаются каждому крѣпости лишь на то, что ему принадлежало. Въ чемъ-же

---

[1]) Указная книга царя *Михаила Ѳедоровича*. Р. В. 1842. №№ 11 и 12, стр. 35, 36.

[2]) Тамъ же, стр. 30.

[3]) Тамъ же, стр. 37—39.

[4]) Тамъ же, стр. 120—122.

[5]) Тамъ же, стр. 37—39.

состояло жалованье? Въ томъ, что на несомнѣнно принадлежавшія имъ вотчины и помѣстья выдавались крѣпости. По понятіямъ тогдашней приказной бюрократіи дѣйствительно только то право, какое могло быть доказано крѣпостями: кто потерялъ крѣпость, потерялъ собственно и право на землю. Можетъ быть, впрочемъ, что вышеприведенное выраженіе объясняется также московскимъ обычаемъ, основывать каждое право на царской милости, даже если оно возникло совершенно независимо отъ оной. Если бы даже предполагать, что упомянутое начало не проводилось приказами до крайней послѣдовательности, то во всякомъ случаѣ право собственности на землю и, въ частности, на границы поземельныхъ владѣній, могло быть доказываемо лишь письменными актами. Земли, находящіяся у владѣльца, сверхъ означенныхъ въ крѣпостяхъ, отписались на государя [1]), какъ въ случаѣ, если владѣльцы утаили прежнія книги (владѣніе подложное), такъ и въ случаѣ простаго завладѣнія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ о давности не упоминается и по всему видно, что земли отбирались, сколько бы лѣтъ ни прошло со времени завладѣнія.

Напротивъ того, гдѣ завладѣніе землею, со стороны вотчинника и помѣщика, происходило такимъ образомъ, что онъ къ землѣ, безспорно ему принадлежащей, пашахалъ пустопорожнюю, тамъ земля записывается ему въ помѣстье. Очевидно, дѣло идетъ только о частномъ правилѣ: въ пользу извѣстныхъ лицъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ, по отношенію къ граничивающей къ имѣнію пустопорожней казенной землѣ, которою они завладѣли не неправдою, т. е. не утаивая противорѣчащія ихъ праву документы и не утаивая самовольности завладѣнія. Требуется, чтобы они сами заявили о завладѣніи и просили о справкѣ за ними лишнихъ земель въ помѣстье. О срокѣ времени, въ теченіе котораго владѣніе должно было продолжаться, не говорится. Все это учрежденіе носитъ болѣе характеръ приращенія, занятія, нежели давности владѣнія. Такое приращеніе допускается лишь по отношенію прежняго времени: гдѣ имѣнія снова размежеваны, тамъ подобное пріобрѣтеніе не допускается болѣе. Оно допускается какъ мѣра чрезвычайная, для прекращенія прежнихъ неясныхъ отношеній между землевладѣльцами. Въ случаѣ спора между ними, однако, дѣло рѣшается единственно на основаніи актовъ. Изъ всѣхъ относящихся сюда постановленій самое важное то, по которому лицамъ, за которыми въ дозорныхъ книгахъ написано болѣе земли, чѣмъ имъ слѣдовало по прежнимъ переписнымъ книгамъ, вся земля оставляется, если она заселена была ими. [2]) Въ объясненіе этого постановленія приводится, что этою мѣрою устраняются споры и тяжбы; тамъ же, гдѣ дошло до тяжбы, хотя бы о межахъ, тамъ примѣрная земля отписывается на царя [3]). Наконецъ, встрѣчается что-то въ родѣ давности исковой по отношенію къ

[1]) Тамъ же, стр. 15, 39, 40, 41, 45, 46. Да буде которые люди завладѣли сторонними землями сверхъ своихъ дачь, и тѣ земли отписывати на государя... Потому что они тѣ земли имали исправно—многія земли за малыя чети, утая прежнія писцовыя книги... также доп. указъ къ Судебнику Ср. А. И. III, № 92. XIII.

[2]) Указная книга, стр. 37. Указъ 1620 года повторяется на стр. 41, подтверждается въ 1635 году, стр. 115.

[3]) Тамъ же, стр. 143, указъ 1647 года.

поземельнымъ искамъ. Въ 1636 году постановляется [1]), что *служилые люди которые были въ плѣну 10 лѣтъ и больше, если помѣстья ихъ отцовъ розданы челобитчикомъ и они бьютъ челомъ о позоротѣ отцовскихъ помѣстьевъ до истеченія 10 лѣтъ со дня раздачи ихъ, тѣмъ отцовскія помѣстья поворачивать за 10 лѣтъ, а далѣ 10 лѣтъ не поворачивать, а изпомѣщивать ихъ вновь напередъ всѣхъ челобитчиковъ.*

Изъ всего изложеннаго видно, что давность исковая, существовавшая въ московскомъ государствѣ, носила чрезвычайно шаткій характеръ. Она не имѣла безусловнаго значенія: ея примѣненіе зависѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ приговора судьи. Въ дѣлахъ, въ которыхъ дѣло шло объ интересѣ казны, она большею частью не примѣнялась: въ такихъ дѣлахъ обращалось вниманіе на интересъ казны и на административныя соображенія. Въ иныхъ случаяхъ, когда тому не противорѣчилъ интересъ казны, она примѣнялась, въ другихъ она примѣнялась въ видѣ *жалованья*, а въ большей части случаевъ, кажется, не имѣла примѣненія. Какъ вообще, такъ и по отношенію къ давности, Уложеніе 1649 года даетъ болѣе опредѣленныя, болѣе точныя правила, нежели всѣ предшествовавшія законоположенія. Постановленія о срокѣ давности исковъ о правѣ собственности помѣщены въ XIII главѣ, въ ст. 13 и 30. Въ началѣ 13 ст. говорится, что если по смерти вотчинника остаются сыновья и они владѣютъ вотчиною сообща, то продажа и залогъ могутъ быть совершаемы лишь сообща, для предупрежденія присвоенія имѣнія со стороны старшаго брата, управляющаго имѣніемъ. Затѣмъ продолжается:

А будетъ большой братъ ту вотчину кому продастъ, или заложитъ, съ меньшими братьями не поговоря, хотя быти одинъ корыстенъ, а не для платежу отцова долгу, а братья у него въ тѣ поры будутъ малы; а какъ они будутъ въ возрастѣ, и они о той отцовской вотчинѣ на того своего большаго брата и на купца, кто у него ту отца ихъ вотчину купитъ, или въ закладъ возметъ, учнутъ государю бити челомъ въ указные въ сорокъ лѣтъ, и съ суда про то сыщется допряма, что тотъ ихъ братъ ту ихъ вотчину продалъ, безъ ихъ вѣдома, для своего пожитку, а не для платежу отцова долгу: и тое вотчины ихъ жеребьи взявъ у того, кому та ихъ вотчина будетъ продана, или заложена, отдать имъ; а на большомъ ихъ братѣ велѣти за тѣ вотчинные жеребьи по купчей, или по закладной тому, кому тѣ вотчинные жеребьи проданы, или заложены, доправить деньги сполна; а большаго ихъ брата вотчинному жеребью быти въ продажѣ по прежнему. А будетъ тотъ вотчинной жеребей похотятъ меньшіе братья выкупити: и имъ тотъ жеребей выкупити по государеву указу, какъ о томъ писано выше сего.

Ст. 30. *А судити о вотчинѣ за сорокъ лѣтъ, а которыя вотчины будутъ въ купли, или въ закладѣ болши сорока лѣтъ, а вотчинники о такихъ вотчинахъ учнутъ послѣ сорока лѣтъ бити челомъ на выкупъ: и такихъ вотчинъ послѣ указныхъ сорока лѣтъ на выкупъ ни кому не давать.*

---

[1]) Тамъ же, стр. 122 и 123. Въ этомъ указѣ впервые является десятилѣтній срокъ. Въ 1641 году является такой же срокъ по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ.

Послѣдняя, 30, статья говоритъ только о давности иска о выкупѣ; это видно не только изъ ея содержанія, но и изъ того, что въ предшествующей и послѣдующей статьяхъ говорится только о выкупѣ [1]). О давности иска въ дѣлахъ о правѣ собственности на земли говорится только въ ст. 13. Эта статья есть первый по времени законъ, въ которомъ упоминается о сорокалѣтнемъ срокѣ давности для исковъ о правѣ собственности на земли. *Неволинъ* справедливо говоритъ, что изъ выраженія этой статьи видно, что сорокалѣтній срокъ не введенъ Уложеніемъ, но приводится въ немъ, какъ учрежденіе уже прежде существовавшее. Въ приведенной статьѣ говорится: *учнуть бити челомъ въ указные въ сорокъ лѣтъ*, т. е. въ законные сорокъ лѣтъ, введенные закономъ (указомъ). Если бы этотъ срокъ былъ введенъ лишь Уложеніемъ, то это выраженіе не могло бы быть употребляемо, нельзя было бы указывать на *узаконенный* сорокалѣтній срокъ. Это значеніе слова *указный* видно изъ самаго Уложенія; такъ, въ немъ сказано: что прежде искъ о бѣглыхъ прекращался истеченіемъ *указныхъ лѣтъ*, т. е. сначала пятилѣтняго, затѣмъ десятилѣтняго срока; оба срока въ свое время были введены указами.

По отношенію къ иску о правѣ выкупа въ первое время послѣ Уложенія допускалось прерваніе сорокалѣтняго срока, что отмѣняется только въ 1679 году [2]), гдѣ постановлено, что въ теченіе сорокалѣтняго срока долженъ былъ не только воспослѣдовать приговоръ о правѣ выкупа, но производиться и самый выкупъ, иначе право выкупа прекращалось, несмотря на признаніе въ приговорѣ. Срокъ считался со времени первой продажи имѣнія. Постановленію этому, впрочемъ, не было дано обратной силы на дѣла прежняго времени. Этимъ доказывается неправильность мнѣнія г. *Дмитріева*, который видитъ въ допущеніи прерванія срока предъявленіемъ иска только уловку, предлогъ для нарушенія закона. Если бы дѣйствительно это была только уловка, то указу 1679 года дали бы обратную силу.

Кромѣ общаго сорокалѣтняго срока существовали или устанавливались еще частные, по разнымъ случаямъ. Прежде всего упоминаемъ о тѣхъ, которые установлены по разнымъ случаямъ споровъ о помѣстьяхъ. Такъ, въ случаѣ раздѣла наслѣдства послѣ помѣщика, искъ о передѣлѣ допускается лишь въ теченіе года. Хотя г. *Дмитріевъ* полагаетъ, что годичный срокъ давности по подобнымъ дѣламъ введенъ лишь Уложеніемъ, но изъ указа 1636 года [3]) видно, что въ передѣлъ велѣно давать, общимъ правиломъ, до году, а какъ годъ минетъ и передѣлу давать не велѣно. Этимъ же указомъ допускается искъ о передѣлѣ въ томъ случаѣ, когда одни изъ наслѣдниковъ управляли и распоряжались общимъ имѣ-

---

[1]) *Неволинъ*, Ист. росс. гражд. зак. II, стр. 185—6, прим. 299.—*Г. Бѣляевъ*, впрочемъ, не стѣсняясь объявляетъ, что этою статьею введена общая исковая давность. Ср. Какъ понимали давность, стр. 29.

[2]) Пол. Собр. Зак. Рос. Имперіи, т. II. № 752.

[3]) Ук. кн., стр. 141.

ніемъ и были, кажется, опекунами другихъ,—хотя бы первоначальный раздѣлъ имѣлъ мѣсто болѣе, нежели за десять лѣтъ. Въ основаніе этого постановленія приводится: *что они де вотчимы и дядья ихъ не токмо что помѣстьями ихъ владѣли и они де и ими владѣли... а за нихъ было вступиться и побить челомъ некому, и въ дѣлѣ они изобижены, и тѣхъ ставить съ очей на очи и розыскивая давать передѣлъ.* Изъ этого опредѣленія ясно видѣнъ взглядъ тогдашняго времени на давность, въ особенности на значеніе краткосрочной: гдѣ она противорѣчила положительно доказанному праву, тамъ искъ допускался, несмотря на истеченіе срока. Въ Уложеніи для подобныхъ случаевъ допускается пятилѣтній срокъ, а иной разъ и болѣе, именно: несовершеннолѣтній получаетъ право, по достиженіи 15 лѣтъ и раньше, до достиженія 20-лѣтняго возраста, искать о передѣлѣ [1]). Кромѣ того, предписываются разныя мѣры, съ тѣмъ чтобы предупредить нарушеніе правъ малолѣтнихъ при раздѣлѣ помѣстьевъ. *Г. Дмитріевъ* [2]) видитъ въ этомъ постановленіи общее правило, о давности по искамъ малолѣтнихъ, но образъ выраженія статьи не допускаетъ такого распространяющаго толкованія; притомъ было бы довольно странно, что ограничивается право иска несовершеннолѣтнихъ въ сравненіи съ совершеннолѣтними. Хотя пятилѣтній срокъ не считается со времени открытія наслѣдства, но со времени достиженія совершеннолѣтія, однако, при существованіи сорокалѣтняго срока для несовершеннолѣтнихъ, примѣненіе послѣдняго было бы гораздо выгоднѣе. Въ статьѣ о малолѣтнихъ говорится лишь о раздѣлѣ наслѣдственныхъ помѣстьевъ, и по отношенію къ такимъ искамъ имъ дѣйствительно дано болѣе пространное право иска, нежели какое принадлежало совершеннолѣтнимъ, для которыхъ право иска о передѣлѣ существуетъ, на основаніи Уложенія, лишь въ теченіе года [3]).

При искахъ о возвращеніи животныхъ искъ на приплодъ уничтожается истеченіемъ годичнаго срока: *для чего онъ того всего на немъ не искалъ въ томъ году какъ у него кто чьмъ завладѣлъ* [4]). Какой срокъ примѣнялся къ искамъ о возвращеніи животныхъ—изъ Уложенія не видно [5]).

Прежде, нежели обратимся къ изслѣдованію о дальнѣйшей судьбѣ установившагося сорокалѣтняго срока давности по искамъ о правѣ собственности, займемся участью другихъ учрежденій, именно: 1) пріобрѣтенія примѣрной земли помѣщиками и вотчинниками владѣніемъ; 2) пятнадцатилѣтняго срока давности исковъ по обязательствамъ; 3) иска о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ.

---

[1]) Уложенія гл. XVI, ст. 54.

[2]) Ист. суд. инст., стр. 358.

[3]) Уложеніе гл. XVI, ст. 55.

[4]) Уложеніе X, ст. 285.

[5]) Въ первомъ изданіи моего сочиненія я выразилъ догадку, что въ такихъ случаяхъ, можетъ быть, примѣнялся пятилѣтній срокъ. Критикъ перваго изданія моего сочиненія справедливо указалъ, что этого изъ выраженія упомянутой статьи вывести нельзя. Ср. Ж. М. Ю. 1867 г., т. XXXIII, стр. 488—489.

6. О пріобрѣтеніи примѣрной земли смежными землевладѣльцами завладѣніемъ.

Примѣрными землями назывались земли, которыми кто нибудь владѣлъ сверхъ того количества, какое слѣдовало ему по крѣпостямъ. Происхожденіе этого владѣнія могло быть различное. Иногда должностное лицо, отводившее извѣстному лицу землю отъ правительства, отводило ее въ большемъ противъ назначеннаго количествѣ, или потому, что остававшійся за назначеннымъ количествомъ участокъ земли былъ уже слишкомъ малъ, или по злоупотребленію власти, или по ошибкѣ неумышленной; иногда поземельный владѣлецъ расчищалъ землю подъ пашню изъ-подъ лѣсовъ и луговъ, которые принадлежали ему въ полную собственность, или въ пользованіе, и, такимъ образомъ, увеличивалъ количество своей пахотной земли, значившееся въ крѣпостяхъ [1]).

Правила о пріобрѣтеніи примѣрной земли вотчинниками и помѣщиками, изданныя при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ [2]), продолжали дѣйствовать и послѣ изданія Уложенія [3]). Извѣстная часть этихъ земель оставлялась владѣльцамъ для удобрѣнія помѣстьевъ, другая продавалась имъ же по умѣренной цѣнѣ. Уже выше мы объяснили, что въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о пріобрѣтеніи земли не давностью владѣнія, но скорѣе завладѣніемъ (occupatio) и обработываніемъ или, по мнѣнію Неволина, въ видѣ приращенія. Мало по малу право землевладѣльцевъ на примѣрныя земли ограничивается. Въ писцовомъ наказѣ 1684 года [4]) опредѣляется, что примѣрная земля, за исключеніемъ отдаваемой для удобрѣнія, отписывается на царя, но при этомъ не запрещались просьбы о пожалованіи остальной земли: исполненіе просьбъ, конечно, зависѣло отъ царской милости [5]). Приказы придерживались того начала, что земля, на которую частныя лица не въ состояніи доказать своего права письменными актами, принадлежитъ казнѣ. Во всей строгости это правило примѣнялось лишь къ землямъ духовенства: хотя бы доказано было, что монастырь или церковь владѣли землями изстари, но если у нихъ не было грамотъ, то земли отписывались, а если оставлялись, то лишь изъ царской милости [6]). Для другихъ владѣльцевъ изъ этого правила допускались исключенія съ цѣлью предупрежденія споровъ и тяжебъ. Именно, гдѣ при размежеваніи не произойдетъ спора, тамъ вся земля межуется по показаніямъ владѣльцевъ, и если лишнія земли дошли къ нимъ по

---

[1]) Ср. Неволинъ. Объ успѣхахъ государственнаго межеванія до императрицы Екатерины II стр. 247—248.

[2]) См. выше, стр. 37—38.

[3]) Полное Собраніе Законовъ Росс. Имп. № 773, 1679 г.; №№ 813, 832, 1680 г.; № 890, пп. 9, 10, 1681 г.; № 1013, п. 21, 1683 г.

[4]) П. С. З. № 1071, пп. 9, 39, 46, 61.

[5]) Тамъ же, п. 14.

[6]) А. Э. IV, № 278, 1683 г.; П. С. З. Р. И. № 89, № 1071, п. 16.

наслѣдству, то вся земля оставляется за ними. Въ противномъ случаѣ землю слѣдуетъ отписать на царя, но не раздавать въ раздачу. Послѣднее выраженіе даетъ поводъ заключить, что по просьбѣ владѣльцевъ земля жаловалась имъ. Начала, принятыя въ этомъ наказѣ, положены въ основаніе межевой инструкціи 1754 года, съ пополненіемъ, впрочемъ, во всѣхъ частяхъ, согласно съ новымъ порядкомъ вещей, образовавшимся со времени Петра Великаго, при которомъ именно въ отношеніи поземельной собственности произошли весьма важныя перемѣны [1]). При межеваніи слѣдовало повѣрять права каждаго лица на поземельное владѣніе и предписано было межевать за каждымъ владѣльцемъ землю не иначе, какъ по представленіи имъ законныхъ актовъ на право владѣнія. Если кто не могъ представить актовъ, то велѣно было отбирать отъ него землю въ казну. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ земля оставлялась незаконному владѣльцу ея, причемъ, однако же, слѣдовало взыскивать съ него за каждую десятину опредѣленную сумму денегъ. Примѣрныя земли отбирались въ казну и смежнымъ владѣльцамъ продавались за опредѣленную плату [2]). При этомъ примѣрныя земли раздѣлялись между смежными владѣльцами по числу душъ и не обращалось никакого вниманія на давность. Такое постановленіе было сдѣлано изъ уваженія къ общей государственной пользѣ. Въ инструкціи по этому поводу сказано было [3]): А хотя же у котораго владѣльца изъ его писцовой межи или владѣнія нѣсколько примѣрной земли, лѣсовъ и сѣнныхъ покосовъ и выбудетъ, и то ему, въ разсужденіи общей государству пользы, обидно быть не можетъ, да по самой справедливости оное ему никогда и не принадлежало, а только прежними межевщиками, сверхъ надлежащаго числа, отмежевано ему излишне изъ государственныхъ земель, по какому либо пристрастію неправильно, что за дѣйствительно нынѣ таковой межи и утвердить не должно.

По всему видно, что здѣсь дѣло идетъ главнымъ образомъ о мѣрахъ, принимаемыхъ въ интересѣ казны и отчасти для устраненія споровъ.

Въ частныхъ правилахъ этой инструкціи встрѣчается много неясностей и противорѣчій. Такъ напримѣръ сказано, что насильно завладѣнная земля должна быть возвращена собственнику, причемъ о давности и не упоминается; казенная же земля, въ подобныхъ случаяхъ, продается владѣльцу за извѣстную умѣренную плату; такимъ образомъ, насилію въ томъ и другомъ случаѣ придается совершенно различное значеніе. При безспорномъ издревле владѣніи, земля остается за владѣльцемъ безплатно, а земля по нынѣшнему владѣнію съ платою [4]), а въ другихъ случаяхъ говорится, что вся земля, принадлежность которой не до-

---

[1]) П. С. З. № 10237, гл. XIV, пп. 1 и 2; гл. XV, пп. 4; гл. XIX, пп. 4 и 10.

[2]) Ср. Неволинъ. Объ усп. госуд. межеванія, стр. 283.

[3]) П. С. З. № 10237, гл. XIV, п. 1.

[4]) Тамъ же, гл. XIV, пп. 3, 4 и 6.

казана актами, отбирается въ казну. Наконецъ, въ 1764 году постановляется, что земля, которою кто завладѣлъ, продается ему по умѣренной платѣ, если онъ объявитъ о ней въ теченіе года со дня изданія указа. По истеченіи этого года, земля продается тому кто о ней донесетъ, но болѣе дешевой цѣнѣ, а съ владѣльца взыскивается штрафъ [1]).

Изъ всего изложеннаго видно, что при размежеваніи земель происходили разборъ и утвержденіе правъ поземельной собственности частныхъ лицъ, монастырей, церквей, городовъ, казны; оно было соединено съ ревизіею и редукціею, давность не имѣла примѣненія, владѣніемъ и обработкою земли владѣлецъ, только подъ извѣстными условіями, пріобрѣталъ предпочтительное предъ другими право на полученіе земли за опредѣленную плату.

Манифестъ о генеральномъ межеваніи [2]) свидѣтельствуетъ, что введеніемъ въ прежней межевой инструкціи напрасныхъ и затруднительныхъ видовъ ревизіи и редукціи причинены безчисленные и нескончаемые споры. Между тѣмъ какъ, по общимъ государственнымъ законамъ, изслѣдованіе о правѣ собственности могло произойдти лишь предъ судомъ и лишь на основаніи иска, предписано общее изслѣдованіе о правѣ собственности на земли. Чрезъ таковую спокойные владѣльцы поставлены въ опасность лишиться своего имущества по распоряженію одного офицера, отправленнаго только для межеванія земель. Безпокойные владѣльцы и сутяги получили возможность умножить свое имѣніе на счетъ другихъ. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ постановляется, что отнынѣ при межеваніи не будетъ никакой ревизіи или редукціи, и межеваніе предпринимается только для развода владѣній по настоящимъ границамъ. Споры о правѣ собственности должны быть разрѣшаемы въ судахъ по искамъ интересованныхъ лицъ. Въ основаніе размежеванія берется прежде всего владѣніе 1765 года. День съ точностью не опредѣленъ, въ узаконеніяхъ послѣдующаго времени таковымъ считается иной разъ 1 января 1765 года, а также 19 сентября, день публикаціи указа. Гдѣ нѣтъ спора, тамъ примѣрная земля раздѣляется между сосѣдями по числу душъ. Въ случаѣ спора границы опредѣляются межевою канцеляріею, но споровъ о правѣ собственности она не вправѣ разбирать. Для устраненія споровъ объявляется, что въ случаѣ таковыхъ не вся примѣрная земля, но лишь часть ея, будетъ раздѣлена между спорящими; остальная берется въ казну. Владѣніе въ 1765 году удостовѣряется, въ случаѣ спора, 12 свидѣтелями [3]). Завладѣвшій казенною землею и обработавшій оную пріобрѣтаетъ ее уплатою тройныхъ пошлинъ, казеннымъ крестьянамъ она предоставляется даромъ. Но и въ этомъ законѣ придерживаются теоріи, о правѣ собственности казны на всю землю, владѣніе коей не основано на актахъ; землевладѣльцамъ лишная земля остав-

---

[1]) П. С. З. № 12178.

[2]) П. С. З. № 12171.

[3]) П. С. З. № 12171; № 12570, пп. 14, 41—43 и 49; № 12659, гл. IV, XXIV и XXVII.

ляется лишь изъ милости, когда они при межеваніи не заводятъ спора. Земля, которою кто либо завладѣлъ насильно, отбирается у него [1]), причемъ, кажется, не обращается вниманія на владѣніе 1765 года.

Такимъ образомъ видно, что и въ манифестѣ о генеральномъ межеваніи нѣтъ рѣчи о какой либо давности. Признается лишь владѣніе издревле, старинное, неограниченное опредѣленнымъ срокомъ, безспорное существованіе котораго всѣмъ извѣстно или котораго никто не опровергаетъ, и владѣніе существовавшее безспорно до 1765 года, за исключеніемъ возникшаго по насилію. При владѣніи до 1765 г. не обращается вниманія на срокъ, въ теченіе коего владѣніе продолжалось и съ коимъ могло быть связано предположеніе о правѣ собственности. Все это относится, впрочемъ, лишь до границъ. Споры о правѣ собственности рѣшаются судомъ на основаніи общихъ законовъ, по прежнимъ писцовымъ книгамъ и написаннымъ въ оныхъ по тѣмъ дачамъ урочищамъ.

Цѣль, которую правительство желало достигнуть генеральнымъ размежеваніемъ, состояла въ опредѣленіи и означеніи въ натурѣ окружности сосѣдственныхъ имѣній, для опредѣленія пространства земли въ уѣздахъ и губерніяхъ, для устраненія, по возможности, постоянныхъ, нескончаемыхъ споровъ о пространствѣ и границахъ владѣнія, и для рѣшенія разъ навсегда вопроса о примѣрныхъ земляхъ искорененіемъ ихъ. Поэтому, послѣ размежеванія, споры о границахъ должны быть разрѣшаемы уже на основаніи результатовъ его. Съ этою цѣлью постановлено въ межевой инструкціи 1766 года [2]): «Повелѣли по сему государственному генеральному межеванію во всякое селеніе планы давать, въ утвержденіе къ непоколебимому и непремѣнному на всѣ будущія времена владѣнію всѣми тѣми землями и всякими урочищами и угодьями, кои къ которому селенію и именамъ пустошей положенными знаками примежеваны будутъ: впредь всѣмъ тѣмъ селеніямъ и ихъ владѣльцамъ владѣть по тѣмъ уже даннымъ планамъ и межевымъ книгамъ. И для того о всѣхъ тѣхъ земляхъ, которыя въ нынѣшнее генеральное межеваніе, какъ по полюбовнымъ разводамъ, такъ и по спорамъ, обмежеваны и о коихъ со дня рѣшительнаго опредѣленія въ одинъ годъ просьбы не будутъ, и планы отъ сего государственнаго межеванія даны имъ будутъ, или и прежніе другихъ межеваній утверждены, на всѣ тѣ межи и пріурочиванія, которыя тѣми данными отъ сего государственнаго межеванія планами утвердятся, всѣ прежнія писцовыя книги и всякія пріурочиванія совсѣмъ симъ отрѣшаются и уничтожаются». Поэтому, «о тѣхъ дачахъ, при случаяхъ споровъ, во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ никакими прежними писцовыхъ дачь книгами и всякими разными въ оныхъ пріурочиваніями, споровъ ихъ не разнимать и не рѣшать; а разнимать и рѣшать оные единственно тѣми данными, какъ и содержащимися въ архивахъ таковыми же сочиненными вновь планами и межевыми книгами, кромѣ тѣхъ,

---

[1]) П. С. З. № 12659, гл. XXVII, пп. 4, 7.
[2]) П. С. З. № 12659, гл. XXXIII, пп. 1 и 2.

кои во внутреннемъ общемъ владѣніи спеціально симъ государственнымъ межеваніемъ размежеваны не будутъ».

Итакъ, чтобы разъ навсегда покончить съ безпорядками и неурядицею, вслѣдствіе неясности границъ и пространства поземельныхъ владѣній, и рѣшать окончательно вопросъ о примѣрныхъ земляхъ, въ основаніе государственнаго генеральнаго межеванія берется дѣйствительное безспорное владѣніе 1765 года, но не давность владѣнія, о которой въ межевыхъ законахъ вовсе не говорится. Необходимымъ послѣдствіемъ объявленія 1765 года нормальнымъ, по отношенію къ владѣнію поземельною собственностью, было, какъ мы видѣли, съ одной стороны— устраненіе всѣхъ прежнихъ доказательствъ на владѣніе, даже документовъ, при разборѣ споровъ о границахъ дачъ генерально и спеціально обмежеванныхъ, съ другой стороны—признаніе за актами этого межеванія, планами и межевыми книгами, исключительной силы доказательствъ пространства поземельнаго владѣнія: «планы и книги впредь владѣльцамъ будутъ неоспоримымъ доказательствомъ и утвержденіемъ о всѣхъ принадлежащихъ къ селеніямъ и пустошамъ земляхъ».

Конечно, все это относилось только до дачъ генерально и спеціально обмежеванныхъ: вездѣ гдѣ генеральнаго межеванія еще произведено не было или гдѣ внутри генеральной межи оставалось общее или чрезполосное владѣніе, тамъ споры должны были рѣшаться на основаніи прежнихъ документовъ и доказательствъ.

7. Пятнадцатилѣтняя давность исковъ по обязательствамъ.

Какъ мы видѣли выше, уже съ конца XIV вѣка существовала въ московскомъ государствѣ пятнадцатилѣтняя давность иска о правѣ собственности. Извѣстно далѣе, что въ XVI вѣкѣ существовала пятнадцатилѣтняя давность исковъ по обязательствамъ. Нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія въ какихъ отношеніяхъ между собою состояли эти сроки. Мы знаемъ только, что пятнадцатилѣтній срокъ исковой давности, вѣроятно, введенъ былъ однимъ изъ дополнительныхъ къ Судебнику указовъ [1]):

Лѣта 1588, февраля въ 8 день, всѣ бояре въ Верху приговорили: по старымъ кабаламъ которые люди повинятца (сознаются въ долгу), и на тѣхъ людехъ денги правити, да росту на 15 лѣтъ, а далѣ того росту не присужати; а которые люди по старымъ кабаламъ не учнутъ винятца, и по тѣмъ кабаламъ судъ давати за 15 лѣтъ, а далѣ того суда не давати.

Этотъ указъ содержитъ въ себѣ два правила: одно—о примѣненіи давности къ искамъ о капиталѣ, и другое—о примѣненіи давности къ искамъ о ростѣ. По отношенію къ заемнымъ обязательствамъ (кабалами) давность примѣняется лишь

---

[1]) А. И. I. № 221, I.—Въ первомъ изданіи мы выразились въ томъ смыслѣ, что срокъ этотъ существовалъ еще прежде. Но уже введеніе къ боярскому приговору 1588 г. указываетъ, что дѣло идетъ не столько о примѣненіи существующаго, сколько о введеніи новаго закона. Это подтверждается еще тѣмъ, что этотъ боярскій приговоръ записанъ дополнительнымъ къ Судебнику указомъ; такими записывались лишь указы, вводившіе важныя перемѣны.

къ такимъ, дѣйствительность которыхъ оспаривалась должникомъ: когда онъ сознался въ долгу, признавъ кабалу дѣйствительною, то долгъ взыскивался съ него, несмотря ни на какую давность; когда же должникъ не признавалъ долга, то судъ, т. е. судоговореніе, разбирательство предъ судомъ, допускалось лишь по такимъ кабаламъ, по которымъ не прошло 15 лѣтъ.

По отношенію къ росту примѣненіе давности было болѣе обширное, взысканіе роста, какъ по спорнымъ, такъ и по безспорнымъ кабаламъ, всегда погашалось истеченіемъ пятнадцатилѣтняго срока давности.

Изъ одного указа 1622 г. [1]) видно, что пятнадцатилѣтняя давность примѣнялась къ искамъ о займѣ, основаннымъ на кабалахъ. По отношенію къ искамъ изъ поклажи и объ ущербѣ и убыткахъ дано особое правило:

По прежнему указу въ поклажеѣхъ, которые люди клали поклажеи до московскаго розоренья, и въ боѣхъ и въ грабежѣхъ, что дѣлалось до розоренья и въ розоренье и по кабаламъ въ долгѣхъ, болши 15 лѣтъ, которые кабалы не подписаны и челобитья по которымъ кабаламъ не бывало, суда не давати.

Въ этомъ указѣ должно различать два правила:

Во-первыхъ, что во вниманіе общаго неустройства и безпорядковъ смутнаго времени, для прекращенія ябедническихъ и бездоказательныхъ споровъ, запрещается въ судахъ принятіе исковъ о поклажѣ, совершаемой тогда словесно, передачею вещей на сохраненіе, равно исковъ объ обязательствахъ, возникшихъ изъ преступленій, т. е. запрещается принятіе исковъ, неоснованныхъ на письменныхъ актахъ.

Другое правило относится къ заемнымъ обязательствамъ, основаннымъ на письменныхъ актахъ; по отношенію къ нимъ подтверждается правило о примѣненіи пятнадцатилѣтней давности, если искъ основывался на кабалахъ неподписанныхъ. Очевидно, смыслъ этого закона, какъ и дополнительнаго къ Судебнику указа, тотъ, что требованія признанныя должниками не подлежатъ давности. Подпись на кабалѣ равняется признанію долга, законъ только точнѣе опредѣлился: требуется письменное сознаніе въ дѣйствительности долга. Въ то время собственноручная подпись должника на обязательствахъ не была еще общимъ обычаемъ: въ большей части случаевъ обязательства подписывались лишь свидѣтелями, хотя также встрѣчаются акты съ подписями самихъ должниковъ. Обязательною сдѣлалась подпись должника подъ кабалою лишь въ 1628 г. [2]). Поэтому понятно, что противъ акта, подписаннаго самимъ должникомъ, не могло быть спора съ его стороны: подписью онъ признавалъ дѣйствительность его, развѣ могъ доказать уплату долга.

Выраженіе кабала подписанная можетъ, однако, быть объяснено и въ томъ смыслѣ, что подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвается актъ, записанный въ книги приказа, на которомъ подписано (засвидѣтельствовано) о та-

[1]) А. И. III. № 92, III.

[2]) А. И. III. № 92, XV; № 167, стр. 308.

ковой запискѣ. Подобная записка требовалась уже въ Судебникѣ и о необходимости ея подтверждалось въ дополнительныхъ къ Судебнику указахъ [1]). Постановленіе о пятнадцатилѣтней давности заемныхъ кабалъ повторяется нѣсколько разъ: въ указѣ 1626 г. [2]), гдѣ постановленіе о давности по отношенію къ росту замѣняется правиломъ: что какъ истина (капиталъ) съ ростомъ сравняется въ пять лѣтъ, и ростъ имать на 5 лѣтъ, а за тѣмъ сверхъ пяти лѣтъ росту не имать. Далѣе правило о пятнадцатилѣтней давности повторяется въ указѣ 1646 года, запрещающемъ вообще взысканіе роста, и въ Уложеніи, въ которое перешло это запрещеніе [3]).

Какъ долго дѣйствовали правила о пятнадцатилѣтней давности—неизвѣстно. При введеніи десятилѣтней давности императрицею Екатериною II о ней уже не упоминается. Вѣроятно, она выходила изъ употребленія въ началѣ XVIII вѣка, гдѣ часто постановленія Уложенія не соблюдались на практикѣ, на что указываютъ нерѣдкія подтвержденія о строгомъ соблюденіи постановленій Уложенія по разнымъ вопросамъ.

8. Давность иска о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ.

Давность эта введена въ 1597 году и существовала до 1646 года. Указъ которымъ она введена—вмѣстѣ съ тѣмъ, первый указъ, изъ котораго мы узнаемъ о запрещеніи перехода крестьянъ. Однако, пока искъ о бѣглыхъ могъ прекращаться давностью, укрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не могло считаться полнымъ. Лишь отмѣною давности, когда право требовать возвращенія бѣглыхъ крестьянъ не имѣло уже никакого ограниченія по времени, укрѣпленіе сдѣлалось полнымъ. Уничтоженіемъ ограниченій праву иска о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ развивается крѣпостное право.

Вслѣдствіе назначенія осенняго Юрьева дня единственнымъ временемъ для перехода крестьянъ, возникло право помѣщика или вотчинника требовать возвращенія крестьянъ, ушедшихъ не въ срокъ или безъ соблюденія законныхъ условій. Равно крестьянинъ, которому не былъ объявленъ отказъ во-время, могъ требовать, чтобы его оставили еще на годъ въ дворѣ. Можетъ быть, впрочемъ, что въ случаѣ спора тотъ и другой имѣли только искъ о вознагражденіи. Весьма вѣроятно, что этотъ искъ прекращался истеченіемъ краткаго срока давности.

Чичеринъ [4]) доказалъ, что тяглымъ крестьянамъ уже въ половинѣ XVI вѣка запрещенъ былъ переходъ: они возвращались къ прежнимъ мѣстамъ, если оставили ихъ противъ закона, не представивъ другихъ на ихъ мѣсто. О прекращеніи иска казны давностью не говорится.

Уже въ XV и затѣмъ въ XVI столѣтіяхъ нѣкоторымъ монастырямъ и частнымъ лицамъ предоставляется право, не допускать перехода поселенныхъ на ихъ

[1]) Царскій Суд., ст. 76, 77, 80; А. И. I. № 151, XIII; № 221, II.

[2]) А. И. III, № 92, XIV.

[3]) А. И. IV, № 6, V; Уложеніе, X, 256.

[4]) Опыты по исторіи русскаго права. М. 1858, стр. 190, 191.—Бѣляевъ (Крестьяне на Руси) также приводитъ это запрещеніе (стр. 50, 52, 84 и 85).

земляхъ крестьянъ. Вслѣдствіе того, эти монастыри или частныя лица должны были имѣть право, требовать возвращенія ушедшихъ крестьянъ. О давности этого иска не говорится.

Общее укрѣпленіе крестьянъ произошло въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Первый указъ изданъ 24 ноября 1597 г. [1]).

Уже Погодинъ [2]) и за нимъ Бѣляевъ [3]) доказали, что изъ этого указа нельзя вывести, будто крестьянскій переходъ былъ запрещенъ 5 лѣтъ тому назадъ, но только что назначается пятилѣтній срокъ иску о возвращеніи крестьянъ. Спорно до сихъ поръ, воспослѣдовало-ли передъ тѣмъ запрещеніе перехода или нѣтъ.

Въ самомъ указѣ читаемъ:

Которые крестьяне..., изъ помѣстей и изъ вотчинъ..., выбѣжали до нынѣшняго 106 году за пять лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ... изъ-за кого они выбѣжали..., давати судъ и сыскивати накрѣпко, всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ..., возити назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 г. лѣтъ за 6 и за 7 и за 10 и больше, а тѣ..., изъ-за кого они выбѣжали... на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ... за кѣмъ они... выбѣжавъ живутъ... не бивали челомъ, отказывати и суда... не давати... А которые дѣла въ бѣглыхъ крестьянѣхъ засужены и до нынѣшняго... указу не вершены... вершити по суду и по сыску.

Для нашей цѣли достаточно того результата, что въ 1597 году установляется пятилѣтній срокъ давности для погашенія иска землевладѣльца, о возвращеніи ушедшихъ отъ него бѣглыхъ крестьянъ. Въ 1606 г. это постановленіе повторяется [4]).

Указъ Василія Шуйскаго отъ 1607 г. [5]), который, по господствующему мнѣнію, заключаетъ собою рядъ указовъ, установившихъ крѣпостное состояніе, важенъ и для нашего вопроса. Онъ содержитъ въ себѣ два постановленія. Прежде всего установляется общій чрезвычайный срокъ, 1 сентября (начало слѣдующаго года), для подачи жалобъ о происшедшихъ въ послѣднее время противозаконныхъ переходахъ крестьянъ. По всѣмъ до истеченія года предъ-

---

[1]) А. И. I, № 221, III, стр. 220—222.—Чичеринъ (тамъже, стр. 223) относитъ этотъ указъ неправильно къ 1598 году; очевидно, онъ не обратилъ вниманія на то, что въ то время въ Россіи годъ начинался первымъ числомъ сентября.

[2]) Архивъ историческихъ и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи. 1859. III. Критика стр. 57.

[3]) Крестьяне на Руси, стр. 105, прим.

[4]) А. Э. II, № 40.

[5]) Судэбникъ, изд. Татищевымъ. М. 1786, стр. 241 — 245.

явленнымъ искамъ крестьяне должны быть возвращаемы, на основаніи книгъ, сочиненныхъ 15 лѣтъ тому назадъ, въ 159²/₃ году. Крестьяне же, о коихъ до этого срока иска не будетъ, должны быть записаны въ книги за тѣми лицами, за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредь за 15 лѣтъ о крестьянахъ суда не давати и крестьянъ не вывозити. Въ концѣ указа устанавляется пятнадцатилѣтній срокъ для исковъ о возвращеніи крестьянъ, холоповъ или рабынь [1]).

Первая часть указа не даетъ повода къ сомнѣнію. Въ ней назначается общій срокъ, до истеченія коего допускается предъявленіе исковъ о прежнемъ времени, съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда покончить съ дѣлами и исками, унаслѣдованными изъ смутнаго времени.

Во второй половинѣ этого указа дѣйствительно установляется пятнадцатилѣтній срокъ давности, какъ для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, такъ и о холопахъ и рабахъ. Это постановленіе дѣйствительно можетъ породить сомнѣніе. Прежде всего весьма сомнительно, чтобы существовалъ срокъ для предъявленія исковъ о возвращеніи холоповъ. Во-вторыхъ, положительно извѣстно, что съ самаго начала царствованія Михаила Ѳедоровича пятнадцатилѣтній срокъ давности къ этимъ искамъ не примѣнялся, но лишь пятилѣтній срокъ. Но и эти обстоятельства не доказываютъ еще подложности этого указа.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ безсомнѣнно, что съ самаго начала царствованія царя Михаила Ѳедоровича примѣнялся, къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ, пятилѣтній срокъ давности, установленный указомъ 1597 года. Вскорѣ же изъ этого указа допускаются изъятія: марта 10 года 1615 Троицкому монастырю предоставляется право, искать о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 10 лѣтъ [2]). По указу 19 марта 1621 г. предписывается возвратить въ Чердынь, къ прежнимъ мѣстамъ, всѣхъ ушедшихъ съ нихъ крестьянъ, между тѣмъ изъ содержанія челобитья чердынцевъ видно, что нѣкоторые крестьяне ушли тому 13 лѣтъ. Отсюда, можетъ быть, слѣдуетъ вывести, что

---

[1]) Этотъ указъ заподозрѣнъ Карамзинымъ и за нимъ Погодинымъ въ подлинности. Можно отвергать его свидѣтельство на томъ основаніи, что мы не имѣемъ подлинника, даже не имѣемъ списка, которымъ пользовался Татищевъ. Но Погодинъ оспариваетъ его подлинность на основаніи внутреннихъ причинъ, на основаніи его содержанія и образа выраженія. Его доводы оказываются неосновательными, какъ это доказывалъ Костомаровъ, съ чѣмъ отчасти соглашается и Погодинъ (ср. ст. Погодина въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 г., IV: Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права, и ст. Костомарова подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ «Архивѣ» Калачова 1859, II, и ст. обоихъ въ III книжкѣ того же изданія).

Бѣляевъ, не упоминая даже объ изслѣдованіяхъ Погодина и Костомарова, просто повторяетъ прежніе доводы о неподлинности указа, прибавляя, что этотъ указъ составленъ на основаніи указовъ Петра и одно мѣсто даже Екатерины II?. Но онъ не говоритъ какія мѣста, даже не приводитъ тѣ указы, изъ которыхъ, по его мнѣнію, взяты постановленія. Наконецъ, удивительно, что, кажется, ни одинъ изслѣдователь не потрудился отыскать подлинника или удостовѣриться въ томъ, что онъ уже болѣе не существуетъ. Къ сожалѣнію, послѣднее весьма вѣроятно.

[2]) А. Э. III, № 66.—Хотя въ указѣ говорится за 9 лѣтъ, но изъ него видно, что право иска распространяется и на текущій годъ, а запрещается искать крестьянъ, ушедшихъ тому 11 лѣтъ.

давность не имѣла примѣненія къ искамъ о возвращеніи тяглыхъ людей, потерявшихъ право выхода прежде помѣщичьихъ и церковныхъ крестьянъ.

По писцовому наказу 1646 года [1]), данное Троицкому монастырю право, искать возвращенія бѣглыхъ крестьянъ за девять и, какъ мы видѣли, собственно за десять лѣтъ, распространяется на дворянъ и дѣтей боярскихъ украйныхъ и замосковныхъ городовъ, во вниманіе затруднительности своевременнаго иска по причинѣ отсутствія по службѣ.

Въ 164°/₁ г. эта привилегія распространяется на всѣхъ служилыхъ людей, бывшихъ для службы на Москвѣ [2]). На челобитьѣ же служилыхъ людей объ отмѣнѣ срочныхъ лѣтъ, на предъявленіе иска о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, послѣдовалъ отказъ, но десятилѣтняя давность, введенная въ видѣ сперва мѣстнаго, потомъ особеннаго закона, объявляется, 9 марта 1642 года, общимъ закономъ и вносится, 11 марта того же года, въ списокъ дополнительныхъ къ Судебнику указовъ [3]). Въ томъ же году, для исковъ о возвращеніи насильно увезенныхъ крестьянъ, вводится пятнадцатилѣтняя давность, но по отношенію къ бѣглымъ указывается на законъ 1642 г. [4]).

На новое челобитье служилыхъ людей объ отмѣнѣ срочныхъ лѣтъ, поданное въ 1645 году (7153), 19 октября того же 1645 г. (7154) опредѣляется, той статьѣ о крестьянехъ быть по уложенью прежнихъ государей и какъ учинено въ 7149 (164°/₁) году, потому что передъ уложеньемъ прежнихъ государей прибавлено пять лѣтъ и учинено вдвое, десять лѣтъ [5]). Однако, несмотря на этотъ прямой отказъ въ удовлетвореніи притязаній служилыхъ людей, въ 1646 году, въ писцовомъ наказѣ, на будущее время, давность иска о возвращеніи бѣглыхъ отмѣняется. Въ этомъ наказѣ постановляется [6]):

А какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ переписшутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ, и которые породятся послѣ той переписки и учнутъ жить дворами вновь, а тѣхъ дворовъ лишними дворами неставить, потому что отцы ихъ въ переписныхъ книгахъ написаны.

Изъ прочаго содержанія наказа видно, что при составленіи писцовыхъ книгъ производилось изслѣдованіе о правѣ землевладѣльцевъ и о правильности припи-

[1]) А. Э. IV, № 14.

[2]) А. Э. IV, № 14, стр. 24, 25.

[3]) А. Э. IV, № 14, стр. 24; А. И. III, № 92, XXXIII, стр. 109, 110; А. Э. III, № 350.

[4]) А. И. III, № 92, XXXIII, стр. 109, 110.—Г. Бѣляевъ (Крестьяне на Руси, стр. 112, 113) говоритъ, что указъ, на который здѣсь ссылаются, потерянъ. Между тѣмъ, указъ отпечатанъ подъ тѣмъ же №, какъ и первый. Археографическая коммисія отпечатала подъ вышеозначеннымъ № цѣлый рядъ указовъ, вызванныхъ однимъ и тѣмъ же челобитьемъ служилыхъ людей. Эти указы весьма различнаго содержанія; общее между ними лишь то, что они вызваны однимъ и тѣмъ же челобитьемъ.

[5]) А. Э. IV, № 14, стр. 24, 25.

[6]) Тамъ же, стр. 26.

ски крестьянъ. Запискою, на основаніи такого слѣдствія, пресѣкались всѣ дальнѣйшіе иски изъ прежняго времени, причемъ споры въ будущемъ должны были быть рѣшаемы единственно на основаніи вновь составленной писцовой книги. До тѣхъ поръ, пока существовала пяти- и десятилѣтняя давность, крестьяне имѣли возможность бѣжать отъ слишкомъ тяжкаго угнетенія, если имъ удалось скрыться въ теченіе пяти- или десятилѣтняго срока. Но теперь уже они ни коимъ образомъ не могутъ отдѣлаться отъ господъ и всегда могутъ быть возвращены къ нимъ. Писцовыми книгами 1646 г. закончено введеніе крѣпостнаго права, начатое составленіемъ писцовыхъ книгъ 159²/₃ года.

Для прежняго времени давность пока еще оставалась въ дѣйствіи. Хотя изъ нѣкоторыхъ грамотъ видно, что пятнадцатилѣтняя давность «или малымъ чѣмъ больше» примѣняется иной разъ и къ дѣламъ, гдѣ крестьяне не были увелены насильно [1]), но по отношенію къ прежнему времени десятилѣтняя давность иска о бѣглыхъ отмѣнена лишь указомъ 2 января 1649 г., вошедшимъ въ Уложеніе [2]). Поводомъ служило опять челобитье служилыхъ людей. По обсужденіи онаго въ коммисіи объ Уложеніи и по совѣщанію съ духовенствомъ и служилыми людьми, какъ сказано въ указѣ:

«Мы указали и соборомъ уложили: бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ отдавать сыскивая писцовыми книгами 1626 года безъ срочныхъ лѣтъ».

Единственное исключеніе постановляется относительно дѣлъ рѣшенныхъ и бѣглыхъ, ушедшихъ до составленія писцовыхъ книгъ 1626 года; наконецъ, принятіе бѣглыхъ запрещается формально и установляется взысканіе за нарушеніе этого запрещенія.

Уложеніе, такимъ образомъ, отмѣнило примѣненіе давности къ крѣпостному праву. Какъ вообще крѣпостное состояніе, такъ и въ частности эта мѣра, произошли изъ стремленія ввести стойкость въ государственныя отношенія. Укрѣпленіе крестьянъ было такая же государственная мѣра, какъ и наложеніе службы на служилыхъ, приписка тяглыхъ къ тяглой землѣ и посадскихъ къ городамъ. На крѣпостныхъ налагалась обязанность платить подати, исправлять повинности на государство и кромѣ того работать на помѣщика. Отмѣна давности иска о бѣглыхъ была логическимъ послѣдствіемъ государственнаго характера крѣпостнаго права.

Со-временемъ въ этихъ отношеніяхъ произошелъ переворотъ. Вслѣдствіе реформъ Петра Великаго значеніе помѣщиковъ и вотчинниковъ въ государствѣ измѣнилось: они дѣлаются землевладѣльцами; обязанность службы налагается не на землю, которою владѣютъ, но лично на нихъ, какъ дворянъ. Господство ихъ надъ крестьянами теряетъ прежній государственный характеръ; стали основывать оное на правѣ собственности, принадлежащемъ землевладѣльцу на крестьянъ. Само государство признаетъ частный характеръ помѣщичьей власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, права землевладѣльцевъ расширяются все болѣе и болѣе и дѣлаются

[1]) Доп. къ А. И. III, №№ 32, 33.

[2]) Уложеніе, XI, 1—3.

неограниченными; осуществленіе ихъ дѣлается все болѣе и болѣе жестокимъ. Вслѣдствіе того, число бѣглыхъ умножается, иски и жалобы возрастаютъ и дѣлаются все сложнѣе и запутаннѣе, такъ какъ давности по нимъ не существуетъ. Иски о возвращеніи потомковъ крестьянъ, ушедшихъ за 100 лѣтъ, не рѣдкость. Для предупрежденія слишкомъ запутанныхъ исковъ, въ 1754 году постановляется, что не допускается искать о возвращеніи бѣглыхъ изъ времени до первой ревизіи. О давности не говорится, но первая ревизія считается крайнимъ предѣломъ исковъ, потому что за прежнее время уже рѣшительно нѣтъ никакихъ доказательствъ. Однако, списки ревизій не имѣютъ безусловной доказательной силы: если помѣщикъ докажетъ, что такой-то крестьянинъ пропущенъ въ спискахъ ошибкою, то тотъ признается его крѣпостнымъ и записывается. Лишь въ видѣ исключенія, основателямъ извѣстныхъ фабрикъ, учрежденіе которыхъ государство желало облегчить, или сдѣлать возможнымъ, дозволяется принимать и записывать къ этимъ фабрикамъ бѣглыхъ. Здѣсь изъ государственныхъ расчетовъ ограничивается право частнаго лица на возвращеніе его крѣпостныхъ.

9. Установленіе десятилѣтней давности.

Изъ всего нашего изложенія видно, что въ исторіи русскаго права давность установилась довольно поздно, законодательною властью, для устраненія разныхъ неудобствъ въ строѣ гражданскаго быта, притомъ не въ видѣ общаго правила для всѣхъ или многихъ отношеній права, но особо по разнымъ учрежденіямъ права. Всѣ эти отдѣльные случаи имѣютъ то общее между собою, что ими устанавливается давность исковая, которой срокъ не только, но и другія условія различны, смотря по предмету, о которомъ производится искъ.

Сорокалѣтняя давность выкупа вотчинъ родовыхъ образовалась, кажется, подъ вліяніемъ греко-римскаго права. Впослѣдствіи опредѣлены нѣкоторыя подробности этой давности отдѣльными указами. Такъ напримѣръ, указомъ 1679 года [1]) исключена возможность прерванія этой давности подачею иска, чѣмъ характеръ этого срока существенно измѣненъ былъ, такъ что его нельзя болѣе причислять къ срокамъ давности. Такой же характеръ приданъ назначенному въ 1737 году трехлѣтнему сроку выкупа [2]).

Сорокалѣтній срокъ давности примѣнялся далѣе, къ искамъ о правѣ собственности на вещи недвижимыя. Такъ какъ прерваніе срока исключено лишь по отношенію къ выкупу, то мы вправѣ заключить, что по другимъ искамъ оно допускалось. Впрочемъ, о примѣненіи сорокалѣтней давности не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

По искамъ объ обязательствахъ по договорамъ существовала еще по Уложенію пятнадцатилѣтняя давность. О ней существуютъ довольно подробныя правила и она болѣе развита, нежели прочіе случаи исковой давности. Она примѣнима лишь къ такимъ дѣламъ, въ которыхъ оспаривается самое основаніе, самое

---

[1]) П. С. З. № 752.

[2]) Историческое изложеніе основаній къ сокращенію срока выкупа, ср. у Неволина, Ист. росс. гражд. зак. III, стр. 89—98.

существованіе обязательства. Не допускается примѣненіе ея тамъ, гдѣ дѣйствительность обязательства безспорна, или вслѣдствіе сознанія, или вслѣдствіе собственноручнаго письменнаго акта. Въ этихъ случаяхъ не допускается отказа отъ платежа подъ предлогомъ истеченія срока давности. Такимъ образомъ, для примѣненія давности требуется что-то въ родѣ bona fides, требуется со стороны отвѣтчика, ссылающагося на давность, чтобы онъ оспаривалъ основательность самаго иска. Теченіе этой давности прерывается предъявленіемъ челобитья о взысканіи или исполненіемъ части обязательства.

О срокахъ давности по искамъ объ имуществахъ движимыхъ мы знаемъ только, что искъ о приплодѣ животныхъ, бывшихъ въ чужомъ владѣніи, прекращался истеченіемъ одного года.

О примѣненіи этихъ различныхъ сроковъ давности въ XVIII вѣкѣ на практикѣ, намъ пока ничего неизвѣстно, хотя, конечно, изъ дѣлъ прошлаго вѣка это можно бы было опредѣлить, если бы они были публикованы. Мы знаемъ только, что въ указахъ Екатерины II, вводившихъ десятилѣтнюю давность, о ней говорится какъ о чемъ-то совершенно новомъ, о ней говорится какъ о новой милости. Нигдѣ не сказано, что прежніе сроки давности отмѣняются или замѣняются новымъ, что новый срокъ давности примѣняется къ дѣламъ и отношеніямъ, на которыя до тѣхъ поръ давность не имѣла примѣненія, какъ это дѣлается впослѣдствіи, при примѣненіи десятилѣтней давности къ привилегированнымъ губерніямъ, въ которыхъ существовали разные сроки давности. Десятилѣтняя давность объявляется совершенно новоустановленнымъ основнымъ закономъ. Нигдѣ не указывается на преждесуществовавшіе сроки, какъ бы таковыхъ совершенно не было. Мы заключаемъ отсюда, что постановленія Уложенія вышли изъ употребленія и не примѣнялись на практикѣ, въ которой во все продолженіе XVIII вѣка господствовалъ, по всей вѣроятности, произволъ.

Узаконеніе, въ которомъ въ первый разъ упоминается о десятилѣтней давность, есть манифестъ 17 марта 1775 г. [1]). Въ этомъ законоположеніи сказано:

41. Повелѣваемъ всякаго рода взысканія о дѣламъ казеннымъ или уголовнымъ, долѣе 10 лѣтъ продолжающіяся и въ теченіи таковаго времени не кончаны суть, оставить, и если по подобнымъ дѣламъ гдѣ содержится, кто въ тюрьмѣ, то не мѣшкавъ освободить.

44. Всякаго рода преступленія, коимъ 10 лѣтъ прошло, и чрезъ таковое долгое время они не сдѣлались гласными, и по нихъ производства не было, всѣ таковыя дѣла повелѣваемъ отнынѣ предать, если гдѣ объ нихъ взыскатели, истцы или доносители явятся, вѣч-

[1]) П. С. З. № 14275.

ному забвенію, и по сей статьѣ и впредь поступать во Всероссійской Имперіи непремѣнно [1]).

Въ первой статьѣ говорится о взысканіяхъ, какъ изъ противозаконныхъ дѣйствій, такъ и изъ договоровъ и по начетамъ. Таковыя взысканія прекращаются вслѣдствіе давности, если они въ теченіе 10 лѣтъ не были приведены въ дѣйствіе, или хотя по нимъ начато производство, но не доведено до конца и оставлено, или, наконецъ, даже производство окончено, но присужденное или вовсе или частью не было взыскано. Въ ст. 44 говорится о преступленіяхъ, оставшихся негласными въ теченіе 10 лѣтъ, и прибавляется, что это правило должно быть примѣняемо и на будущее время, между тѣмъ относительно 41 ст. этого не сказано. Это различіе въ редакціи доказываетъ, что въ ст. 41 дается правило только на этотъ разъ, между тѣмъ какъ ст. 44 объявлена общимъ закономъ.

Манифестомъ 28 іюня 1787 г. [2]) вводится давность въ дѣлахъ гражданскихъ. Въ ст. 4 сего манифеста сказано:

Манифестомъ 17 марта 1775 г. узаконивъ, что всякое дѣло или преступленіе уголовное, которое въ теченіи 10 лѣтъ не сдѣлалося гласнымъ, долженствуетъ предано быть вѣчному забвенію. Право сего десятилѣтняго срока распространяемъ на всѣ дѣла гражданскія, какъ между частными людьми, такъ между ними и казною; и потому, о недвижимомъ или движимомъ имѣніи кто не учинилъ, или не учинитъ иска 10 лѣтъ, или предъявя оный, 10 лѣтъ по оному не будетъ имѣть хожденія, таковый искъ да уничтожится, а дѣло да предастся вѣчному забвенію.

Въ 8 статьѣ повторяется правило манифеста 1775 года о прекращеніи давностью казенныхъ исковъ и взысканій, причемъ оно объявляется общимъ закономъ, обязательнымъ и на будущее время.

---

[1]) Эта статья повторена въ жалованной россійскому дворянству грамотѣ отъ 21 апрѣля 1785 г. П. С. З. № 16187, ст. 14, и городовомъ положеніи, тамъ же, № 16188, ст. 89.

[2]) П. С. З. № 16551.—По мнѣнію Неволина, при введеніи въ Россіи десятилѣтней давности имѣли въ виду постановленія о ней литовскаго статута. Онъ ссылается при этомъ на межевую инструкцію 1783 г. (П. С. З. № 15654, ст. 26) для губерній витебской и полоцкой. Въ этомъ законѣ дѣйствительно указывается на постановленія литовскаго статута о десятилѣтней давности. Однако, эта ссылка означаетъ лишь, что при межеваніи въ упомянутыхъ губерніяхъ должно быть обращено вниманіе на постановленія мѣстнаго права. Дѣйствительно, 10 лѣтъ считаются общимъ срокомъ въ литовскомъ статутѣ, но постановленія его, основанныя на римскомъ правѣ, столь различны отъ общей десятилѣтней давности исковъ, установленной Екатериною II, что впослѣдствіи оказалось нужнымъ ввести десятилѣтнюю давность въ тѣ губерніи, въ которыхъ дѣйствовалъ литовскій статутъ (П. С. З. № 18828, 1799 г.). Поэтому, нельзя утверждать, что десятилѣтняя давность заимствована изъ литовскаго статута. Однако, заимствовано изъ него очевидно выраженіе «земская давность»,—выраженіе, которое не встрѣчается въ указахъ 1775 и 1787 годовъ. Кажется, въ этомъ заключается все вліяніе литовскаго статута на русское право по этому учрежденію.

Изъ всего содержанія этого закона видно, что дѣло идетъ о давности иска, если бы даже не было ссылки на уголовную давность. Давность исковая въ этомъ законѣ установлена безусловная и широкая; единственное условіе есть истеченіе десятилѣтняго срока. Она примѣняется ко всѣмъ искамъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые именно изъяты отъ ея дѣйствія. Въ случаѣ пропущенія ея не допускается возстановленія правъ, хотя бы въ просрочкѣ виновенъ былъ лишь уполномоченный [1]). Постановленія о ней были такъ общи и коротки, что, при отсутствіи юридическаго образованія судей и чиновниковъ, законъ возбуждалъ самыя странныя недоразумѣнія, для разъясненія коихъ изданы разные отдѣльные указы. Такъ, сенатскимъ указомъ 1798 года [2]) объясняется, что лишь тотъ можетъ ссылаться на давность иска, на котораго могъ быть предъявленъ искъ, и что лицо, которому предоставлено право пользованія или владѣнія самимъ собственникомъ, не можетъ пріобрѣсть права собственности на это имущество никакою давностью. Въ банкротскомъ уставѣ опредѣляется [3]), съ ссылкою на манифестъ 1787 г., что «ежели обязательства по просрочкѣ ихъ предъявлены будутъ ко взысканію по минованіи уже отъ написанія ихъ 10 лѣтъ... таковые иски и взысканія уничтожаются». Изъ этого постановленія видно, какъ неразвито и неясно было понятіе о давности иска: здѣсь она понимается такъ, какъ будто вслѣдствіе ея уже невозможно заключеніе или существованіе обязательства на болѣе нежели 10 лѣтъ, такъ какъ истеченіемъ 10 лѣтъ со дня написанія оно уничтожается. Если передъ введеніемъ десятилѣтней давности обращали слишкомъ мало вниманія на давность, то теперь впали въ противоположную крайность: въ давности видѣли основной законъ [4]), который слѣдуетъ примѣнять, по возможности, ко всѣмъ случаямъ, гдѣ только случайно прошло 10 лѣтъ. Неясное и недостаточное постановленіе 1798 года лишь только въ 1822 году [5]) дополнено было въ томъ смыслѣ, что при договорахъ, заключенныхъ на нѣсколько лѣтъ, давность считается со дня истеченія срока договору. Наконецъ, въ 1824 году [6]) опредѣлено, что давность начинается лишь съ того дня, съ котораго кредиторъ вправѣ былъ требовать уплату должной суммы, и что давность прерывается какъ искомъ, такъ и, относительно казеннаго мѣста, просьбою о выдачѣ. Если же выдача со стороны казны пріостановлена распоряженіемъ начальства, впредь до рѣшенія какого либо спора или за неокончаніемъ расчетовъ и т. п., то во все время, до устраненія этого обстоятельства, теченіе дав-

---

[1]) П. С. З. № 23282, именной ук. 22 сент. 1808 г., распубликованъ при сенатскомъ указѣ 16 февр. 1823, № 29315; № 29601. Выс. утв. мн. гос. сов. 31 авг. 1823.

[2]) П. С. З. № 18645.

[3]) П. С. З. № 19692, II, 69.

[4]) П. С. З. №№ 23282 и 29601.

[5]) П. С. З. № 28905. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 30 января. Для привилегированныхъ губерній то же самое правило было уже издано въ 1815 году № 25883.

[6]) П. С. З. № 29832. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 9 марта, п. 4.

ности пріостанавливается; затѣмъ она уже не можетъ быть продолжаема, но можетъ лишь начинаться снова по прекращеніи этого обстоятельства, мѣшавшаго предъявленію или осуществленію иска. Эти постановленія распространяются, мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 21 іюля 1825 г.[1]), на всѣ обязательства, причемъ указывается, что ими не дополнены постановленія банкротскаго устава, но измѣнены.

Несмотря на общее правило, о примѣненіи давности ко всѣмъ случаямъ, если они именно не изъяты изъ ея дѣйствія, встрѣчаются разныя постановленія, въ которыхъ предписывается примѣненіе давности къ разнымъ отдѣльнымъ случаямъ [2]). Въ другихъ узаконеніяхъ установляются правила о перерывѣ давности. Высочайше утвержденнымъ докладомъ сената въ 1805 году [3]) опредѣляется, что при началѣ войны всегда должно быть издано постановленіе о пріостановленіи теченія давности для тѣхъ лицъ, которыя по дѣламъ службы отправятся заграницу.

Съ другой стороны, при рѣшеніи разныхъ частныхъ случаевъ, установлялись исключенія изъ давности, въ явное противорѣчіе закону 1787 года.

Прежде всего установилось исключеніе относительно дѣлъ рѣшенныхъ именными указами. Поводомъ къ тому было слѣдующее дѣло:

Въ 1770 году завѣщаніемъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Хитрово были отпущены на волю дворовые его люди. Споръ его законныхъ наслѣдниковъ противъ завѣщанія былъ отвергнутъ юстицъ-коллегіей въ 1772 г.; въ 1776 г. опредѣленіе это было подтверждено императрицею. Но, несмотря на то, оно относительно отпущенныхъ на волю людей въ исполненіе приведено не было, «затѣмъ, что сіи люди, нѣкоторые якобы не доказали о своей вольности, а вообще начали о свободѣ просить пропустя десятилѣтнюю давность». Противозаконность и несостоятельность этого объясненія были ясны сами по себѣ. Свобода— не учрежденіе частнаго, а государственнаго права. Кромѣ того, въ 1775 г. опредѣлено было, что отпущенныхъ на волю людей ни за кого уже укрѣплять не велѣно, поэтому отпущенные на волю завѣщаніемъ, пріобрѣвшіе свободу утвержденіемъ завѣщанія въ высшей инстанціи императрицею, не могли быть лишены свободы на основаніи давности. Подобные доводы были бы неопровержимы. Но на оные не обращали никакого вниманія, а основывали правильное рѣшеніе дѣла на совершенно лишнее неосновательное правило,—на то, что будто дѣйствіе давности отнюдь не распространяется на дѣла, рѣшенныя именными указами, по которымъ потребно единое исполненіе, несмотря на то, есть-ли о томъ частная просьба или нѣтъ оной, потому что, при неимѣніи просьбы, присутственное мѣсто само было обязано наблюдать за точнымъ исполненіемъ именнаго указа. Эти доводы рѣшительно противорѣчатъ закону о десятилѣтней давности, ибо отмѣняютъ всякую давность. Дѣйствіе десятилѣтней давности со-

---

[1]) П. С. З. № 30429.

[2]) П. С. З. № 24225, 1810 г.; № 29832, 1824 г.; N 27039, 1817 г.; № 27137, того же года.

[3]) П. С. № 21975, п. 6.

стоитъ именно въ томъ, что, вслѣдствіе просрочки иска или недоведенія его до конца или неисполненія приговора въ теченіе десятилѣтняго срока, прекращаются дѣйствительныя, на законѣ основанныя и закономъ признанныя права, которыя безъ того были бы дѣйствительными. Именной указъ есть законъ. Право, основанное на именномъ указѣ, есть право, основанное на законѣ. Но закономъ признанное право можетъ прекращаться давностью, слѣдовательно право, установленное именнымъ указомъ, также. Въ одномъ рѣшеніи правительствующаго сената, отъ 30 го января 1835 года [1]), приводится постановленіе о неподчиненіи дѣйствію давности дѣлъ, рѣшенныхъ именными указами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждается, что во всѣхъ прочихъ дѣлахъ давность примѣняется. Въ рѣшеніи же отъ 13-го апрѣля 1844 года [2]), въ явное противорѣчіе съ приговоромъ 35 года, объявляется: такъ какъ указы сената исполняются какъ именные указы Императорскаго Величества, то и дѣла, рѣшенныя ими, не могутъ подлежать давности. Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта отъ 23-го апрѣля 1845 года [3]) доказывается неосновательность этихъ исключеній и прямо объявляется, что и дѣла, рѣшенныя именными и сенатскими указами, въ случаѣ неисполненія ихъ, должны подлежать давности.

Въ этомъ законѣ говорится: исполненіе судебныхъ рѣшеній должно подходить подъ давность, также какъ и самое судопроизводство. Судебный приговоръ есть лишь признаніе или подтвержденіе какого либо права, а потому и дѣйствіе онаго, ни въ чемъ не отличное отъ дѣйствія всякаго инаго основанія права, должно быть подчинено тѣмъ же ограниченіямъ. А какъ договоры, купчія крѣпости и всякіе акты, отъ дѣйствія давности неизъятые, бывъ оставлены въ безгласности болѣе 10 лѣтъ, теряютъ свою силу, то нѣтъ достаточной причины освобождать отъ дѣйствія давности и судебные приговоры, при молчаніи о томъ закона; ибо правило о твердости и неизмѣнности судебныхъ рѣшеній не состоитъ въ противорѣчіи съ правиломъ о давности: рѣшеніе твердо и неизмѣнимо пока не прошелъ въ безгласности опредѣленный срокъ, но какъ скоро онъ минулъ, то вступаетъ въ силу законъ о давности. Обращаясь отъ сихъ общихъ разсужденій въ особенности къ статьѣ закона, по которой дѣла, рѣшенныя именными указами, изъяты отъ дѣйствія давности, государственный совѣтъ принялъ во вниманіе, что при существующемъ нынѣ образѣ наблюденія за исполненіемъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній, рѣшительно не можетъ послѣдовать, чтобы какое либо Высочайшее повелѣніе осталось въ безгласности болѣе десяти лѣтъ, но еслибъ это и случилось, то право тяжущагося должно признать уничтоженнымъ силою давности. Соображеніе сіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что всѣ судебныя рѣшенія, даже и въ низшихъ инстанціяхъ, постановляются отъ Высочайшаго имени.

Вслѣдствіе того, въ разныхъ опредѣленіяхъ сената признается, что рѣшенія

---

[1]) Сборникъ рѣшеній правительствующаго сената. I. Спб. 1863. № 14.

[2]) Тамъ же, № 27.

[3]) П. П. С. З. № 18952.

сената, объ исполненіи которыхъ не было просьбы въ теченіе срока давности, теряютъ свою силу [1]).

Другое исключеніе изъ примѣненія давности, равно неосновательное, образовалось слѣдующимъ образомъ. Манифестомъ 17-го марта 1775 г. личная свобода объявлена изъятой изъ частнаго произвола. Въ манифестѣ сказано было:

Всѣмъ отпущеннымъ дозволяемъ впредь ни за кого не записываться, а при ревизіи должны они объявить въ какой родъ нашей службы, или въ мѣщанское или купеческое состояніе войтить желаютъ по городамъ.

Изъ всего содержанія манифеста, равно изъ другихъ указовъ [2]), видно, что эти слова должны быть приняты какъ запрещеніе укрѣпленія свободныхъ лицъ. Однако выраженіе *дозволяемъ не записываться* могло быть истолковано въ томъ смыслѣ, что отъ воли свободныхъ зависѣло записываться или незаписываться. Между тѣмъ, не таково было намѣреніе закона. Образъ его выраженія объясняется постановленіемъ въ инструкціи ко II ревизіи, по которой всѣ непринадлежавшіе къ какому либо состоянію или классу *обязаны* были записаться въ крѣпостные. Въ виду неясности этого выраженія, объясняется въ сенатскомъ указѣ 6 апрѣля того же 1775 г. [3]), что послѣ 17 марта сего года вольноотпущенные ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть записаны въ крѣпостные. Изъ одного сенатскаго указа 1780 г. [4]) видно, что запрещеніе укрѣпленія свободныхъ считалось безусловнымъ. Въ дѣйствующихъ законахъ (ст. 223 2 ч. X т. Св. Зак. Гражд., изд. 1857) сказано, что запрещеніе укрѣпленія воспослѣдовало *28 іюля 1781 г.* [5]). Въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ этимъ числомъ есть только одинъ указъ, въ которомъ упомянуто о вольности крѣпостныхъ. Въ этомъ указѣ сказано, что «военноплѣнные, принявшіе православную вѣру, съ женами ихъ, хотя бы они и на крѣпостныхъ... женаты были, съ дѣтьми ихъ быть свободными и дать имъ волю избрать себѣ такой родъ жизни, какой сами заблагоразсудятъ». Очевидно, этого указа нельзя считать запрещающимъ укрѣпленіе свободныхъ лицъ. По нашему мнѣнію, при составленіи 223 ст. X т. могли имѣть въ виду лишь манифестъ 16 ноября 1781 г. [6]) о новой ревизіи, въ которомъ подтверждается, относительно вольноотпущенныхъ, 46 ст. манифеста 17 марта 1775 г. и сенатскій указъ отъ 10 декабря того же года [7]), о распоряженіяхъ касательно ревизіи. Въ этомъ указѣ также прямо сказано, что уже манифестомъ 1775 года

---

[1]) Сборникъ. I. №№ 186, 309.

[2]) П. С. З. № 21186.

[3]) Тамъ же, № 14294.

[4]) Тамъ же, № 15070.

[5]) Въ другихъ указахъ упоминается объ указѣ отъ 20 іюля 1781 г., но подъ этимъ числомъ въ Полн. Собр. нѣтъ никакого указа.

[6]) П. С. З. № 15278, п. 11.

[7]) Тамъ же, № 15296.

запрещено вступленіе свободныхъ въ крѣпостное состояніе. Однако, несмотря на всю ясность указовъ, на практикѣ все еще бывали случаи обращенія свободныхъ въ крѣпостное состояніе. Это мы заключаемъ изъ того, что указомъ 20 октября 1783 г. [1]) подтверждается, что, по указу *28 іюля 1781 года*, ни подъ какимъ предлогомъ свободный человѣкъ не можетъ быть записанъ крѣпостнымъ, что свобода не подлежитъ давности; и въ этомъ указѣ ссылаются на манифестъ 1775 года, въ которомъ запрещено свободныхъ людей укрѣплять.

Но въ томъ же самомъ году, передъ тѣмъ, когда въ третій разъ провозглашалась ненарушимость личной свободы, указомъ 3 мая [2]) въ Малороссіи введено было крѣпостное право, до тѣхъ поръ въ ней не существовавшее. Тринадцать лѣтъ спустя, указомъ 12 декабря 1796 г. [3]), оно же вводится въ новороссійскій и кавказскій край. Въ первомъ случаѣ—изъ политическихъ видовъ, съ цѣлью уничтоженія мѣстнаго самоуправленія и мѣстныхъ особенностей казацкой вольницы [4]), въ другомъ—изъ причинъ, чисто административныхъ, подобныхъ тѣмъ, которыми руководствовались въ Великой Россіи въ концѣ XVI вѣка. Впрочемъ, выраженіе «крѣпостное состояніе» въ этихъ указахъ не употребляется. Въ первомъ изъ нихъ говорится: «Для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородскомъ Сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и отъ тающихся въ селеніяхъ обитателей, каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ изданія сего указа поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ». Въ другомъ же сказано: «Извѣстно, что въ полуденномъ краю государства (нынѣшнихъ новороссійскихъ губерніяхъ, на Дону и на Кавказѣ), своевольные переходы поселянъ съ мѣста на мѣсто, наносили многимъ изъ тамошнихъ обитателей великіи въ заведеніяхъ ихъ разстройства и даже разоренія, и что вкоренившемуся злу сему, поколику оно дѣлалося тамо общимъ, до приведенія всѣхъ жителей тѣхъ губерній въ извѣстность, воспрепятствовать не было средства безъ употребленія самыхъ крайнихъ мѣръ. А между тѣмъ подавало сіе поводъ корыстолюбцамъ, забывшимъ присягу, отваживаться на подговоры туда къ побѣгу крестьянъ изъ самыхъ внутреннихъ губерній... Для прекращенія всего того и дабы единожды навсегда водворить въ вышепомянутыхъ мѣстахъ по сей части порядокъ, и утвердить въ вѣчность собственность каждаго владѣльца, за благо призвали мы постановить: 1) чтобы... каждый изъ поселянъ остался въ томъ мѣстѣ и званіи, какъ онъ по нынѣшней ревизіи написанъ будетъ; 2) удовлетворить владѣльцевъ, которые... до сего указа отыскали своихъ бѣглыхъ... принеся о томъ жалобы...; жалобы поданныя послѣ указа считать недѣйствительными; 3) утвер-

---

[1]) П. С. З. № 15853

[2]) Тамъ же, № 15724, п. 8

[3]) Тамъ же, № 17638

[4]) Лохвицкій, Губернія I, стр. 16—17

дивъ непремѣнное пребываніе поселянъ на мѣстахъ ими обитаемыхъ, и воспрещая отнынѣ своевольному ихъ перехожденію, если послѣ сего селенія (помѣщичьи или казенныя) бѣглыхъ людей къ себѣ примутъ и держать будутъ, съ таковыми поступать по законамъ».

Текстъ этихъ указовъ чрезвычайно любопытенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ собою лучшій комментарій указамъ, которыми въ концѣ XVI вѣка введено было крѣпостное право. Изслѣдователи по этой части, какъ напр. М. П. Погодинъ, старались объяснить образъ происхожденія крѣпостнаго права при помощи точнаго толкованія отдѣльныхъ словъ указовъ, строили цѣлыя предположенія на томъ, что въ указѣ упомянуто о *бѣглыхъ*, значитъ, чего-то уже было, запрещенія или тому подобнаго. Между тѣмъ здѣсь мы видимъ, что о бѣглыхъ говорится, несмотря на то, что переходъ крестьянъ передъ сими указами былъ совершенно законнымъ. Послѣ этого какое возможно толкованіе отдѣльныхъ словъ! Далѣе, подобно тому какъ при общемъ введеніи крѣпостнаго права, запрещается крестьянамъ оставлять мѣста, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были записаны, и при этомъ каждому предписывается оставаться, гдѣ кто записанъ по ревизіи, которая между тѣмъ, какъ во время оно перепись, была вовсе не произведена съ цѣлью ввести крѣпостное право, и лишь впослѣдствіи, при введеніи крѣпостнаго права, была принята въ основаніе для окончательнаго устройства крестьянскаго дѣла.

Хотя послѣ 1783 г. уже не могло болѣе подлежать сомнѣнію то, что личная свобода не можетъ быть уничтожена давностью, но все-таки въ отдѣльныхъ случаяхъ проявлялся прежній взглядъ, и въ интересѣ помѣщиковъ ограничивалось примѣненіе общаго правила.

Мы видѣли, что уже манифестъ 1775 г. содержалъ въ себѣ запрещеніе укрѣпленія свободныхъ лицъ, но указомъ 21 сентября 1815 года [1]), запрещающими укрѣпленіе вольныхъ людей объявляются указы 20 іюля 1781 и 20 октября 1783 годовъ, такъ что не подлежитъ давности лишь свободное состояніе лицъ, бывшихъ послѣ 1781 и 1783 годовъ вольными и только укрѣпленные послѣ сихъ указовъ должны получить свободу, несмотря на истеченіе десятилѣтней давности; къ дѣламъ происшедшимъ изъ прежняго времени давность примѣняется. По отношенію же къ новороссійскому и малороссійскому краямъ постановлено, что изъ крѣпостнаго состоянія только тѣ могутъ быть исключены, «которые *доказывать начали*, что они въ крестьяне записаны подложно и заочно, если о семъ по изысканію дѣйствительно будетъ доказано. На будущее же время, за прошествіемъ многихъ лѣтъ о семъ въ безгласности, новыхъ просьбъ не принимать, поелику неограниченное на сіе дозволеніе можетъ нанести въ томъ краѣ не малый вредъ и замѣшательство». Итакъ, здѣсь допускается опять примѣненіе давности на прежнее время, если теченіе ея не было прервано начатіемъ иска о свободѣ, до времени состоянія этого указа.

---

[1]) П. С. З. № 25947.

Въ XVII вѣкѣ крѣпостное состояніе введено было въ интересѣ государства, которое не имѣло другаго лучшаго средства принудить низшіе классы къ исправленію повинностей, лежавшихъ на нихъ въ пользу государства. Поэтому объявленіе, что крѣпостное состояніе не прекращается давностью, было лишь логическимъ послѣдствіемъ государственнаго характера крѣпостнаго права. Но когда, напротивъ того, въ концѣ XVIII вѣка убѣдились, что личная свобода гражданъ есть необходимое условіе правильныхъ отношеній къ государству, что государство не нуждается въ крѣпостномъ правѣ, и стали освобождать подданныхъ отъ обязательной службы, потому что видѣли гораздо больше пользы въ свободномъ трудѣ, то объявлено было, что личная свобода не можетъ прекращаться и не подлежитъ потери вслѣдствіе давности. Слѣдствіе этого, крѣпостное право изъ учрежденія государственнаго сдѣлалось учрежденіемъ гражданскаго права. Поэтому, было совершенно послѣдовательно, что давность стала примѣняться къ нему, какъ къ большей части учрежденій частнаго права. По словамъ манифестовъ, вводившихъ давность безусловно и безъ исключеній, она должна была примѣняться къ искамъ о бѣглыхъ. Бѣглый, которому удалось прожить гдѣ нибудь въ качествѣ вольнаго въ теченіе 10 лѣтъ, не будучи застигнутъ искомъ, долженъ былъ сдѣлаться свободнымъ: его преступленіе (побѣгъ) было покрыто давностью, искъ помѣщика также былъ погашенъ давностью. Дѣйствительно, долгое время на практикѣ не было никакого сомнѣнія о примѣненіи давности къ искамъ о бѣглыхъ [1]). Лишь впослѣдствіи изъ случайнаго выраженія одного указа вывели, что крѣпостное состояніе не подлежитъ давности.

Это сдѣлалось вотъ какимъ образомъ.

Помѣщики и общества имѣли право, чтобы крестьяне, которые добровольно вступили въ военную службу, или отданы были на поселеніе по приговору суда, общества или помѣщика, зачитались въ рекруты. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 14 іюля 1810 года [2]) постановляется, что просить о выдачѣ рекрутской квитанціи можно лишь до истеченія срока давности, со дня вступленія крѣпостнаго въ службу, или отдачи его на поселеніе. Но въ пунктѣ 12 сказано:

По уваженію, что помѣщики и общества, не имѣя точнаго свѣдѣнія, гдѣ бѣглые ихъ люди обрѣтаются, не могутъ объ нихъ произвесть въ положенное время иска, постановить что, буде кто изъ владѣльцевъ или обществъ бѣжавшихъ своихъ крестьянъ отыщутъ въ службѣ ли военной, или въ работѣ, или въ казенномъ вѣдомствѣ, и на принадлежность имъ оныхъ представятъ ясныя доказательства, такъ и о томъ, что о побѣгѣ ихъ сдѣланы явки въ положенный срокъ; таковымъ не смотря на время предъявленія ихъ просьбъ выдавать квитанціи на законномъ основаніи.

---

[1]) Ср. напр. указъ сената 11 авг. 1805 г., на него дѣлается ссылка въ указѣ 14 ноября 1832 г. П. П. С. З. № 5718.—Именной указъ отъ 7 января 1810 г. П. С. З. № 24071; мнѣніе государственнаго совѣта отъ 25 іюня 1815 года (тамъ же, № 25883).

[2]) П. С. З. № 24296.

Итакъ, казна отказывается отъ примѣненія давности въ такомъ случаѣ, если помѣщикъ или общество, имѣющіе право на вознагражденіе за отошедшаго въ казенное вѣдомство крестьянина, во время заявили о бѣгствѣ. Вотъ ясный смыслъ этого закона. Даже нѣсколько лѣтъ спустя, въ вышеприведенномъ мнѣніи государств. совѣта отъ 25 іюня 1815 года, ясно говорится о непремѣнномъ примѣненіи къ искамъ о бѣглыхъ десятилѣтней давности. Въ этомъ законѣ сказано: такъ какъ въ губерніяхъ на особыхъ правахъ состоящихъ на дѣла по закладамъ или заставамъ имѣній, также по долгамъ облиговымъ, объ отысканіи бѣглыхъ крестьянъ... давности положено не было... то всѣ сіи статьи и случаи кромѣ отдаваемыхъ въ заставу или въ залогъ имѣній, подвержены дѣйствію давности, во всей силѣ манифеста 1787 года. Несмотря на то, сенатскимъ указомъ отъ 14 ноября 1832 года [1]) сказано, что мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 14 іюля 1810 года весьма ясно разрѣшается, что законы о десятилѣтней давности не распространяются на отысканіе бѣглыхъ, буде только о побѣгѣ поданы были въ узаконенное время явочныя прошенія.

Указъ этотъ состоялся по слѣдующему поводу. Бѣглый крѣпостной человѣкъ записался подъ чужимъ паспортомъ въ мѣщане города Газенпотъ, гдѣ и проживалъ 14 лѣтъ. Когда помѣщица, отыскавъ его въ Ригѣ, требовала возвращенія его себѣ, лифляндское губернское правленіе встрѣтило затрудненіе въ удовлетвореніи этой просьбы по причинѣ истеченія десятилѣтней давности. Военный губернаторъ представилъ дѣло сенату. Помѣщица объяснила, что послѣ побѣга крѣпостнаго подала явочное прошеніе, но въ теченіе 13 лѣтъ нигдѣ его отыскать не могла, да и слуховъ о немъ не имѣла, а потому о возвращеніи не могла искать. По этому дѣлу министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ финансовъ дали свое мнѣніе, что десятилѣтняя давность распространяется на всѣ вообще дѣла, не исключая и по искамъ бѣглыхъ; что и въ указѣ правительствующаго сената 1805 г. августа 11 истолковано, что срокъ оной давности слѣдуетъ считать со дня явки помѣщиками о побѣгѣ; что если со времени подачи явки не будетъ хожденія впродолженіе десяти лѣтъ, въ такомъ случаѣ новыя просьбы не должны быть принимаемы, что подтверждено Высочайшимъ указомъ 1810 года января 7, и что поэтому просительницѣ слѣдуетъ отказать. Несмотря на все это, сенатъ приказалъ—какъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 14 іюля 1810 г., разрѣшающимъ въ какихъ случаяхъ на дѣла о зачетахъ помѣщикамъ за рекрутъ людей, поступившихъ въ военную службу, распространяется десятилѣтняя давность, въ 12 пунктѣ изъяснено (см. выше), то считаетъ, что симъ весьма ясно разрѣшается, что законы о десятилѣтней давности не распространяются на отысканіе бѣглыхъ, буде только о побѣгѣ ихъ поданы были въ узаконенное время явочныя прошенія. Мы видѣли выше, что въ упомянутомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта это вовсе узаконено не было, что

---

[1]) П. П. С. З. № 57

никакимъ толкованіемъ изъ онаго нельзя вывести, что въ немъ отвергается примѣненіе давности по дѣламъ объ отысканіи бѣглыхъ за подачею явочныхъ прошеній. Между тѣмъ, такое толкованіе имѣло мѣсто и чрезъ оное введено было правило о непримѣненіи давности къ искамъ о бѣглыхъ, къ которымъ она примѣнялась съ самаго изданія манифеста 1775 года. Впрочемъ, правило это не вошло въ Сводъ Законовъ 1832 г., — оно появилось лишь въ изданіи 1842 года (ст. 956 IX тома). Въ изданіи 1857 года (ст. 1040 т. IX) оно ограничивалось тѣмъ, что искъ о бѣглыхъ не подлежитъ давности только тогда, когда явочныя прошенія о побѣгѣ возобновляемы были, не пропуская десяти лѣтъ; кромѣ того, не подлежали возврату сыновья женатые и дочери замужнія, когда будетъ доказано, что они хотя участвовали въ побѣгѣ родителей, но прежде достиженія 14-ти-лѣтняго возраста, или родились послѣ побѣга. Вообще въ постановленіяхъ послѣдующаго времени видно стараніе смягчить жестокость закона о непокрытіи бѣгства давностью. Съ отмѣною крѣпостнаго права пало какъ это постановленіе, такъ и многія другія, лежавшія тяжкимъ бременемъ на гражданскомъ и государственномъ бытѣ Россіи.

Въ третьемъ случаѣ, вслѣдствіе неяснаго сознанія различія между учрежденіями гражданскаго и таковыми же государственнаго права, установленными въ видахъ административныхъ, но соприкасающимися къ учрежденіямъ гражданскимъ, возникло другое исключеніе изъ дѣйствія давности, которое только въ самое послѣднее время заключено въ правильные предѣлы, а передъ тѣмъ распространялось на дѣла, къ которымъ собственно не могло имѣть примѣненія. Мы говоримъ о законѣ, по которому межи генеральнаго межеванія изъяты изъ дѣйствія давности и который въ практикѣ понимался въ распространительномъ смыслѣ, что имъ будто исключается пріобрѣтеніе части генерально обмежеванной земли посредствомъ давности владѣнія.

Какъ мы видѣли выше, законодательство наше XVI и XVII вѣковъ допускало пріобрѣтеніе примѣрныхъ земель, вслѣдствіе завладѣнія и обработыванія сосѣдними помѣщиками и вотчинниками, въ видѣ приращенія. Затѣмъ, это право стало ограничиваться, пока оно не отмѣнилось почти совершенно межевою инструкціею 1754 года. Манифестомъ о генеральномъ межеваніи 1765 и межевою инструкціею 1766 года, наконецъ, рѣшено, что въ случаѣ, если не произойдетъ спора, примѣрная земля раздѣляется между сосѣдними помѣщиками по числу душъ. Однако, этимъ не признавалась или устанавливалась давность владѣнія или право владѣльцевъ вслѣдствіе долголѣтняго владѣнія и обработыванія. Мѣра эта имѣла цѣлью содѣйствовать успѣхамъ генеральнаго межеванія, посредствомъ устраненія, по возможности, споровъ и тяжебъ. Въ инструкціи 1766 года отстранена повѣрка частныхъ правъ на владѣніе по документамъ, и признано за основаніе дѣйствительное и бесспорное владѣніе землею, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно находилось въ 1765 году. Этимъ на будущее время разъ навсегда искоренены споры о примѣрныхъ земляхъ. Цѣль была бы достигнута, если бы только удалось, при примѣненіи этого закона, строго отдѣлить дѣла межевыя отъ дѣлъ гражданскихъ. Генеральное межеваніе имѣло цѣлью утвер-

дить безспорно границы существующихъ дачъ, совершенно не касаясь вопроса, принадлежитъ-ли извѣстная дача въ собственность А или Б. Дѣло шло только объ опредѣленіи пространства и границъ отдѣльныхъ дачъ. Для достиженія этой цѣли совершенно достаточно опредѣлить существующее безспорно до 1765 года владѣніе. Далѣе генеральное межеваніе, имѣющее цѣлью опредѣленіе пространства всѣхъ поземельныхъ владѣній или дачъ въ государствѣ, вовсе не имѣло цѣлью сдѣлать дачи неотчуждаемыми или нераздѣльными. Каждая дача и послѣ того могла быть отчуждаема цѣликомъ и по участкамъ, раздѣляема всякими законными способами, чѣмъ вовсе не уничтожалась бы цѣль генеральнаго межеванія. Если всѣ дачи какой либо мѣстности разъ измѣрены и положены на планъ, то на основаніи этихъ плановъ легко опредѣлить пространство и границы тѣхъ дачъ, которыя образовались раздѣленіемъ одной изъ прежнихъ или соединеніемъ участковъ разныхъ дачъ.

Это различіе между дѣлами межевыми и вотчинными, равно отношеніе закона о десятилѣтней давности къ межевой инструкціи 1766 года, весьма удачно изъяснены г. Побѣдоносцевымъ [1]), слѣдующимъ образомъ:

Генеральное межеваніе не касалось разбора вотчинныхъ правъ, и при изслѣдованіи наличнаго владѣнія, найденнаго въ дачѣ, и титуловъ, его изъясняющихъ, вопросъ о томъ: крѣпко-ли то или другое вотчинное право, на коемъ опирается владѣніе, вопросъ объ основаніяхъ вотчиннаго права не имѣетъ для межевыхъ цѣлей существеннаго значенія. Съ опредѣленною, срочною давностью владѣнія соединяется юридическое предположеніе о томъ, что владѣніе основано на безусловномъ правѣ собственности; а для межеванія имѣло важность только существующее безспорно до 1765 г. владѣніе въ извѣстной мѣстности, независимо отъ срока, въ теченіе коего такое состояніе продолжалось, и съ коимъ могло быть связано предположеніе о правѣ собственности; притомъ въ 1765 году не былъ еще установленъ общій десятилѣтній срокъ давности. Отсюда понятно, почему межевая инструкція вовсе не поминаетъ о давности въ числѣ межевыхъ доказательствъ. Когда явился законъ о срочной земской давности, то, по существу межеваго дѣла, примѣненіе ея къ межевымъ дѣламъ не представлялось юридическою невозможностью. Давность получила общую силу для всѣхъ гражданскихъ правъ по имуществу, по крайней мѣрѣ общую отрицательную силу, т. е. срокомъ давности утрачивалось вообще право на искъ съ одной стороны, съ другой стороны пріобрѣталось право утвердить юридически извѣстное состояніе владѣнія, отразить отъ этого состоянія всякое притязаніе во имя права. Въ этомъ смыслѣ ничто не препятствовало примѣнить давность и къ межевому праву, съ тѣмъ только, чтобы признаніе владѣнія въ дачѣ для межеванія не смѣшивалось съ утвержденіемъ владѣнія въ качествѣ вотчиннаго права. Одно дѣло—можетъ-ли извѣстное владѣніе, безспорно продолжавшееся въ теченіе давности, служить законнымъ основаніемъ для того, чтобы признать владѣльца участникомъ въ дачѣ и показать его на планѣ: это

---

[1]) Курсъ гражданскаго права. II, стр. 158—160.

есть право временное, условное, право значиться владѣльцемъ, участвовать въ государственномъ актѣ межеванія. Другое дѣло—можетъ-ли такое владѣніе превратиться въ безусловное вотчинное право посредствомъ давности. Одинъ вопросъ отъ другаго не зависѣть, и самое названіе безспорное владѣніе имѣетъ неодинаковый смыслъ въ межевомъ и вотчинномъ дѣлѣ. Межевой споръ о владѣніи можетъ еще не касаться до основаній вотчиннаго права, имѣя спеціальную цѣль доказать, что владѣніе противника не таково, какимъ или не тамъ, гдѣ ему быть слѣдуетъ, либо вовсе не должно имѣть мѣста. Межевой споръ о владѣніи—это столкновеніе смежныхъ и противоположныхъ отводовъ, причемъ каждая сторона указываетъ гдѣ она владѣетъ, гдѣ владѣла, гдѣ ей слѣдуетъ владѣть; и если даже при семъ объясняетъ, почему именно слѣдуетъ владѣть, со ссылкою хотя бы на крѣпости, все-таки такой споръ не пріобрѣтаетъ еще значенія спора о вотчинномъ правѣ.

Однако на практикѣ это различіе между межевыми и вотчинными дѣлами не всегда правильно проводилось. Это смѣшеніе понятій началось еще до введенія десятилѣтней давности по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ. Именно, когда въ 1775 г. введена была давность по дѣламъ уголовнымъ и казеннымъ взысканіямъ, то межевая канцелярія, очевидно неправильно понимая значеніе нормальнаго по межеванію года, предложила уничтожить разныя тяжбы о лѣсахъ, когда о завладѣніи ихъ до 1765 года челобитель не было. Сенатъ, однако, указомъ 15 мая 1778 года [1]) отклонилъ эту мѣру, потому что «ежели почитать и въ земляхъ десятилѣтнее промолчаніе, то ни живыя урочища, ни смежства, ни мѣры, ни крѣпости, не будутъ имѣть силы, нужно будетъ имѣть одно свидѣтельство о владѣніи стороннихъ людей, которыхъ легко преклонить можно. Притомъ не каждый владѣлецъ могъ до межеванія имѣть точное свѣдѣніе о числѣ владѣемыхъ земель, отчего и при завладѣніи отъ просьбъ удерживался, тѣмъ болѣе, что еще съ 1731 года велѣно послать межевщиковъ, слѣдовательно каждый и ожидалъ межеванія, да и въ манифестѣ 1765 г. объявлено, чтобъ никто не дерзалъ искать до начатія межеванія, если прежде 1765 года не искалъ; еслижъ владѣльцы имѣли въ томъ запрещеніе, то какъ обвинить ихъ въ молчаніи? Изъ этого указа видно, что межевая канцелярія хотѣла десятилѣтній срокъ примѣнить къ спорамъ о поземельной собственности, между тѣмъ какъ такое примѣненіе вовсе еще не было узаконено. Кромѣ неправильнаго понятія о значеніи нормальнаго года, въ представленіи межевой канцеляріи замѣтно и полное смѣшеніе межеваго и вотчиннаго производствъ.

Распространеніемъ десятилѣтняго срока, на всѣ иски по дѣламъ гражданскимъ, манифестомъ 1787 года, давность стала примѣняться и къ тяжбамъ о собственности поземельной. Изъ законовъ видно, что законодательство совершенно правильно различаетъ между дѣлами вотчинными и межевыми. Такъ, въ одномъ указѣ, 1808 г. отъ 22 сентября [2]), упомянуто, что «всякое прикосновеніе къ об-

---

[1]) П. С. З. № 14750.

[2]) Тамъ же, № 23282.

щимъ, коренным законамъ, каковы суть: земская давность, пропущеніе апелляціонныхъ сроковъ и выданныя установленнымъ порядкомъ межевыя книги и планы, можетъ подать поводъ къ размноженію тяжебъ и тѣмъ поколебать собственность владѣній, законами окончательно утвержденныхъ». Сопоставленіе земской давности на ряду съ межевыми книгами и планами, какъ коренныхъ законовъ, которые не должны быть нарушаемы, доказываетъ, что и въ это время законодательство, по отношенію къ примѣненію давности, изъ дѣйствія ея не исключало поземельное владѣніе, обведенное генеральными межами, но совершенно правильно отдѣляло производство по дѣламъ межевымъ отъ производства по дѣламъ о правѣ собственности.

То же самое видно изъ одного указа 1823 года отъ 12 апрѣля [1]), въ которомъ сказано: «Не слѣдуетъ отнюдь дѣлать никакихъ обысковъ о древнемъ владѣніи, бывшемъ до утвержденія межевыми правительствами межъ, а надлежитъ изыскивать однѣ положенныя генеральнымъ межеваніемъ границы, гдѣ сіе потребуется, но не иначе, какъ по выданнымъ отъ межевыхъ правительствъ планамъ и межевымъ книгамъ, и ими только, а не другими крѣпостями, въ разборѣ споровъ о границахъ руководствоваться. А если кто жаловаться будетъ, что сосѣдственныхъ, особо обмежеванныхъ дачъ владѣльцы, перешедъ за межу, утвержденную между ними по генеральному межеванію, сдѣлали вновь завладѣніе, или произойдутъ споры у общественныхъ, въ одномъ планѣ значущихся владѣльцевъ, между собою, по завладѣнію однимъ у другаго или заселенію, также и по отдѣленію казенныхъ поселянъ особо отъ помѣщиковъ, внутри обмежеванной въ общую округу дачи, то въ таковыхъ случаяхъ, при разборѣ сихъ споровъ руководствоваться существующими на то особыми правилами, не нарушая отнюдь межъ, утвержденныхъ генеральнымъ межеваніемъ». Изъ словъ этого указа, равно изъ того, что въ немъ выписывается вышеизложенное мѣсто указа 1808 года, видно, что сенатъ считаетъ примѣненіе давности къ обмежеваннымъ генерально дачамъ возможнымъ, и отвергаетъ только примѣненіе обыска и ссылки на древніе документы, какъ несовмѣстное съ правиломъ о межеваніи и о значеніи межевыхъ актовъ. Особыя правила, по которымъ должны быть рѣшаемы споры о новыхъ завладѣніяхъ чрезъ межу и внутри межи, ни что иное, какъ общія постановленія о завладѣніи и давности. Такимъ образомъ, видно, что въ этомъ указѣ правильно различается между вотчиннымъ и межевымъ производствомъ и ясно сознается, что межевая инструкція 1766 года не имѣла въ виду пріурочивать межуемыя земли къ лицамъ владѣльцевъ и подчинять всѣ споры о владѣніи землями въ дачахъ генерально обмежеванныхъ межевому разбирательству. Напротивъ того, въ самомъ манифестѣ о генеральномъ размежеваніи 1765 г. ясно выражено, что «симъ государственнымъ размежеваніемъ селъ, деревень и пустошей къ владѣльцамъ не утверждается, и споры во владѣніи ими предоставляются, по прежнему, установленному общему государственному на то обыкновенному суду

---

[1]) П. С. З. № 29421

и правительству, т. е. вотчинной коллегіи, для чего симъ генеральнымъ межеваніемъ утверждаются единственно и навсегда земли только къ селамъ, а пустоши къ ихъ старымъ названіямъ, но отнюдь не къ именамъ владѣльческимъ. То же самое повторяется въ межевой инструкціи 1766 года. Что той же мысли держалось правительство еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія—доказывается Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 1 декабря 1828 г. [1]), которымъ, между прочимъ, разъяснено, что непоказаніе владѣльца по плану генеральнаго межеванія само по себѣ не можетъ служить къ присужденію частныхъ лицъ въ вотчинномъ правѣ на землю, потому что одно есть дѣло межевое, а другое вотчинное; границы генеральнаго межеванія утверждаются къ селеніямъ и пустошамъ, а не къ лицамъ владѣльцевъ; а межеваніе внутреннимъ владѣльцамъ дачи въ крѣпость не поставляется.

Такимъ образомъ, до самаго составленія Свода Законовъ, въ постановленіяхъ законодательства всегда является полное сознаніе о различіи между дѣлами межевыми и вотчинными. Правило о томъ, что межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія и что, равнымъ образомъ, не могутъ быть разрушены и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ, которое на практикѣ толковалось въ томъ смыслѣ, что давность не примѣняется къ завладѣніямъ чрезъ межу или даже внутри земли, вошло въ Сводъ Законовъ лишь въ 1845 году. О значеніи и толкованіи этого закона см. въ догматической части нашего изслѣдованія.

10. Составленіе закона о давности владѣнія.

Въ исторіи русскаго гражданскаго права развилась до конца первой четверти XIX вѣка, какъ мы видѣли, одна лишь давность исковая. Но, какъ справедливо замѣчается въ запискѣ втораго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, въ практической жизни установленіе давности исковой имѣло необходимымъ послѣдствіемъ и, такъ сказать, дополненіемъ—признаніе давности владѣнія. Право собственности на вещи, а именно на вещи недвижимыя, стало пріобрѣтаться посредствомъ десятилѣтней давности ихъ владѣнія. «Потеря права отыскивать вещь, говоритъ Неволинъ, весьма естественно влечетъ за собою потерю самаго права на вещь, къ возстановленію котораго искъ долженъ былъ служить. Но съ потерею права на вещь однимъ лицомъ, она, какъ безхозяйная, необходимо пріобрѣтается тому, кто владѣлъ и теперь хочетъ владѣть ею въ видѣ собственности; тотъ кто противъ притязаній прежняго господина вещи защищается судомъ въ своемъ спокойномъ владѣніи, справедливо разсматривается какъ истинный и законный господинъ вещи [2]). Поэтому, сообразно общему духу существующихъ узаконеній и послѣдовавшихъ по част-

---

[1]) П. П. С. З. № 2474.

[2]) Неволинъ, Ист. росс. гражд. зак. II, стр. 394, 395

нымъ дѣламъ рѣшеній, въ Сводѣ Законовъ 1832 года была составлена особенная статья, которою формально признана давность владѣнія, именно ст. 316 X тома. Спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности превращается въ право собственности, когда оно продолжится въ теченіе установленной закономъ давности.

Но этимъ постановленіемъ при составленіи Свода ограничились. На существенное различіе между давностью исковою и давностью владѣнія не обратили вниманія. Такимъ образомъ, условія и вся прочая обстановка оставались для давности владѣнія тѣ же самыя, какъ и для давности исковой. Другими словами, давность владѣнія, хотя ея существованіе оффиціально признано было въ законѣ, оставалась совершенно неразвитою. Всѣ частныя правила относятся исключительно къ давности исковой. Прерывается теченіе давности единственно начатіемъ дѣйствительнаго иска, а не явкою о нарушеніи права. Такимъ образомъ, Сводъ 1832 г. прямо и положительно противорѣчитъ вышеупомянутому толкованію объ исключеніи давности, вслѣдствіе явки о побѣгѣ крѣпостнаго. По Своду 1832 года земской давности не подлежитъ и изъято отъ дѣйствія свободное состояніе: оно никакою давностью не можетъ быть утеряно.

Неполнота и недостатки дѣйствующихъ законовъ о давности не оставались незамѣченными правительствомъ. По Высочайше утвержденному 10 декабря 1832 г. мнѣнію государственнаго совѣта, предоставлено сенату войдти въ подробный разборъ всѣхъ случаевъ, къ коимъ десятилѣтняя давность примѣняется, равно о томъ, съ какого именно времени должно считать начало и окончаніе десятилѣтія. Собранный матеріалъ и заключеніе сената объ ономъ обсужены въ консультаціи при министерствѣ юстиціи и во второмъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и затѣмъ поступили въ государственный совѣтъ. Государственный совѣтъ опредѣлилъ: начертаніе новаго и полнаго закона о давности отложить до общаго пересмотра законовъ гражданскихъ; разрѣшеніе сомнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ, по Высочайшему утвержденію, публиковать, въ видѣ дополненія къ существующимъ законамъ. Послѣднее сдѣлано Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 23 апрѣля 1845 года, отдѣльныя постановленія коего мы разсмотримъ въ подробности при обсужденіи дѣйствующаго права. Здѣсь упомянемъ только, что важнѣйшія касались вопросовъ объ исчисленіи давности при переходѣ правъ отъ одного лица къ другому, по дѣламъ малолѣтнихъ и умалишенныхъ, о давности по завладѣнію казенныхъ земель, о силѣ и дѣйствіи давности въ отношеніи межевыхъ актовъ, о давности для признанія имѣнія выморочнымъ, о давности по имѣніямъ принадлежащимъ нѣсколькимъ лицамъ, по обязательствамъ принятымъ русскими за-границею, по срочнымъ обязательствамъ и договорамъ, по отношенію къ имѣніямъ заложеннымъ въ кредитныхъ установленіяхъ.

РАЗДѢЛЪ II.

ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ

ПОСТАНОВЛЕНІЙ РУССКАГО ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА

О ДАВНОСТИ.

ГЛАВА I.

ПОНЯТІЕ О ДАВНОСТИ.

1. Понятіе, выработанное исторіею въ сравненіи со взглядомъ на него русскихъ писателей и съ понятіями, признанными въ новѣйшихъ законодательствахъ.

Исторія русскаго права выработала, какъ мы видѣли, одну только давность исковую въ развитое юридическое учрежденіе. Давность владѣнія (usucapio), существовавшая въ псковскомъ правѣ, исчезла съ уничтоженіемъ самостоятельности Пскова; зачатки давности владѣнія, впрочемъ скорѣе похожіе на occupatio, захватъ, или даже приращеніе, возникшіе въ помѣстномъ правѣ московскаго государства, постепенно разрушались съ начала XVII вѣка, а въ XVIII вѣкѣ отмѣнены были послѣдніе слѣды ихъ. При изданіи закона о десятилѣтней давности, въ концѣ XVIII вѣка, имѣлась въ виду законодателя лишь давность исковая,—о давности владѣнія (usucapio) и помину не было. Въ законахъ 1775 и 1787 годовъ даже не встрѣчаются выраженія *давность*, *земская давность*, но говорится лишь о десятилѣтнемъ срокѣ; въ манифестѣ 1787 г. новое учрежденіе называется *правомъ десятилѣтняго срока*. Выраженіе давность владѣнія встрѣчается лишь въ Сводѣ 1832 года, когда, наконецъ, составлена была отдѣльная статья о ней.

Разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какомъ видѣ выразились эти два учрежденія въ системѣ 1 ч. X т. Свода Законовъ, т. е. опредѣленіе общаго значенія давности въ русскомъ гражданскомъ правѣ, будетъ первою задачею нашего изслѣдованія.

Прежде нежели перейдемъ къ разсмотрѣнію самыхъ законовъ, обратимся къ литературѣ этого вопроса [1]).

Большинство писателей по русскому гражданскому праву исходятъ отъ той мысли, что въ наукѣ права признается общее начало отвлеченной давности, что отдѣльные случаи, въ которыхъ проявляется вліяніе времени на извѣстное учрежденіе права, ничто иное, какъ стороны одного и того же учрежденія отвлеченной давности. Изъ вышеприведенныхъ сочиненій системы Терлапча, Кукольника, Вельяминова-Зернова, Краниxфельда положительно устарѣли. Изъ нихъ только сочиненіе Вельяминова-Зернова въ свое время имѣло большое значеніе, выразившееся въ дѣйствительномъ вліяніи на тогдашнюю практику. Сочиненія Морошкина, Неволина, Бѣляева, Дмитріева касаются лишь исторической стороны нашего предмета. Другія, какъ напр. статья Муллова, посвящены лишь рѣшенію отдѣльныхъ вопросовъ. Изъ новѣйшихъ сочиненій можно указать на изложеніе Варадинова, которое, впрочемъ, далеко не исчерпываетъ предмета. Статьи Любавскаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній, лишены почти всякаго научнаго значенія. Изъ всѣхъ сочиненій, въ которыхъ проводится мысль о существованіи начала отвлеченной давности въ русскомъ гражданскомъ правѣ, самая важная статья проф. А. Куницына: «Пріобрѣтеніе права собственности давностью владѣнія» [2]). Хотя мы рѣшительно несогласны съ воззрѣніемъ автора, но не можемъ не признать научнаго достоинства его изслѣдованій, и если даже полагаемъ, что съ теоретической точки зрѣнія авторъ долженъ былъ придти къ другимъ результатамъ, но должны признать, что вездѣ, гдѣ авторъ разбираетъ и объясняетъ дѣйствующіе законы, его статья представляетъ весьма подробное и обстоятельное толкованіе ихъ. Первый правильно характеризовалъ русскіе законы о давности пр. др. Ф. Г. ф. Бунге. Юристъ, вполнѣ освоившійся съ духомъ римскаго права, онъ, хотя въ своей статьѣ касался русскаго права лишь мимоходомъ,—съ чутьемъ знатока, съ перваго взгляда замѣтилъ, что въ русскомъ правѣ развита лишь давность исковая. Д. И. Мейеръ и К. Побѣдоносцевъ отвергаютъ существованіе отвлеченной давности и прямо становятся на научно правильную точку зрѣнія.

Характерные признаки отвлеченной давности выражаются въ слѣдующихъ двухъ правилахъ:

1) *Все то, что можетъ быть пріобрѣтаемо, можно пріобрѣсти также давностью.* 2) *Всѣ права погашаются непользованіемъ или промолчаніемъ въ теченіе срока давности.*

Подробное изученіе какъ римскаго права, такъ и теоретическихъ мотивовъ науки права, доказываетъ несостоятельность и несообразность этихъ началъ, а вслѣдствіе того—и всего отвлеченнаго понятія о давности. Однако, есть приверженцы отвлеченной давности, которые, можетъ быть, полагаютъ, что уложенія новѣйшаго времени: прусское, австрійское, французское, принимая эти столь ха-

---

[1]) Перечень этой литературы ср. выше на стр. 12.

[2]) «Ж. М. Ю.» 1864 г. XXII.

рактерныя правила, представляютъ собою доказательство, что новѣйшее право освободилось изъ-подъ узкой рамки римскаго права, въ которомъ вообще часто удерживались отжившія учрежденія и формы, послѣ того, какъ выработались и развились уже новыя воззрѣнія. Дѣйствительно, въ приведенныхъ законодательствахъ приняты вышеупомянутые два характерные признака отвлеченной давности. Но принятіе какихъ-либо отвлеченныхъ правилъ въ какое-либо законное уложеніе еще не доказываетъ, что эти начала дѣйствительно вошли въ право и дѣйствуютъ на практикѣ.

По отношенію къ австрійскому уложенію, Унгеръ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Система австрійскаго общаго гражданскаго права» доказалъ [1]), что принятіе упомянутыхъ двухъ правилъ не имѣетъ никакого практическаго значенія, и что давность нельзя считать самостоятельнымъ цѣльнымъ учрежденіемъ, но что она является при разныхъ правоотношеніяхъ въ разномъ значеніи, какъ usucapio (давность владѣнія), какъ давность погашающая вслѣдствіе неосуществленія (non usus), какъ давность исковая, и далеко не во всѣхъ правахъ. Это видно изъ того:

I. Что давностью владѣнія могутъ быть пріобрѣтаемы лишь права собственности и сервитуты, всѣ же другія права не могутъ быть пріобрѣтаемы давностью владѣнія.

II. Что погашающую давность никакъ нельзя признать общимъ способомъ погашенія правъ, что вслѣдствіе непользованія погашаются единственно сервитуты и общимъ учрежденіемъ является только погашеніе исковъ вслѣдствіе непредъявленія ихъ въ теченіе опредѣленнаго срока. Есть еще случаи, въ которыхъ прекращается право, неприведенное въ дѣйствіе въ теченіе извѣстнаго времени. Но въ тѣхъ случаяхъ право прекращается не потому, что въ теченіе извѣстнаго времени оно не осуществлялось (неосуществленіе въ субъективномъ смыслѣ), но потому, что вообще прошло то время, въ теченіе котораго оно только могло быть осуществляемо и не осуществилось (неосуществленіе въ объективномъ смыслѣ). При давности, неосуществленіе права въ субъективномъ смыслѣ (непредъявленіе иска)—главное, истеченіе времени—второстепенное. Въ тѣхъ случаяхъ истеченіе срока—главное, неосуществленіе въ объективномъ смыслѣ (то что не осуществили)—второстепенной важности: самому праву опредѣленъ срокъ, до истеченія котораго оно должно быть осуществлено (certo tempore actio finitur), между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о давности, самое право не имѣетъ границъ во времени и только продолжительное неосуществленіе дѣлается причиною прекращенія его. Другими словами: въ тѣхъ случаяхъ дѣло идетъ о Praeclusivfristen, dechéance.

Главное различіе между давностью и судебнымъ срокомъ (Praeclusivfrist) состоитъ въ томъ, что при давности право, къ которому она примѣняется, существуетъ совершенно независимо отъ какого бы то ни было срока: оно по существу своему постоянно, вѣчно; напротивъ того, при срокѣ судебномъ осуществленіе права по существу своему ограничено извѣстнымъ временемъ, самое право

[1]) System des österr. Privatrechts II. § 101, стр. 259—286.

есть срочное, оно вовсе не существуетъ, за исключеніемъ пространства времени между началомъ и концомъ срока. При давности право по отношенію къ времени не ограничено, оно измѣняется, ограничивается лишь вслѣдствіе неосуществленія его; при срокахъ судебныхъ самимъ закономъ существованіе права ограничено по времени. Давностью измѣняется пріобрѣтенное уже право; при судебныхъ срокахъ дѣло идетъ о томъ, что въ теченіе извѣстнаго времени при совершеніи извѣстнаго дѣйствія можетъ возникнуть извѣстное право; въ противномъ случаѣ, при несовершеніи этого дѣйствія до истеченія срока, оно вовсе не возникаетъ.

Давностью прекращается или переносится существующее право; при срокахъ судебныхъ, вслѣдствіе истеченія времени, не происходитъ ни прекращенія, ни пріобрѣтенія права; но осуществленіе допускается вообще только до истеченія извѣстнаго времени: если оно не осуществлено до истеченія срока, то оно вовсе не можетъ считаться возникшимъ.

Для рѣшенія вопроса, идетъ-ли дѣло о давности или о судебномъ срокѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, состоитъ-ли неосуществленіе права, которое теряется истеченіемъ опредѣленнаго времени, въ непредъявленіи иска, служащаго къ осуществленію права. Въ такомъ случаѣ дѣло идетъ о давности, въ противномъ—о срокѣ.

Изъ образа выраженія закона въ отдѣльныхъ случаяхъ еще нельзя заключить о характерѣ законнаго постановленія, потому что одну и ту же мысль можно выразить различно. Напримѣръ, законъ говоритъ: «стороны могутъ принести аппеляцію въ теченіе семи дней.» Ту же самую мысль можно выразить слѣдующимъ образомъ: «аппеляція допускается, но кто не воспользуется этимъ правомъ до истеченія семи дней лишается онаго.» Смыслъ въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковый и только образъ выраженія различенъ.

Но различіе выраженія можетъ быть основано на различіи смысла. Напр., если въ завѣщаніи сказано: «А вправѣ требовать отъ Б ежегодно 500 р. въ теченіе 10 лѣтъ», то этимъ распоряженіемъ выражено намѣреніе вполнѣ отличное отъ того, которое заключается въ постановленіи: «А вправѣ требовать отъ Б 500 р., если же онъ свои требованія въ теченіе десяти лѣтъ не предъявитъ, то его право прекращается».

Въ первомъ случаѣ праву при установленіи его назначенъ срокъ, дальше котораго оно не должно имѣть дѣйствія.

Во второмъ случаѣ прекращеніе права зависитъ отъ извѣстнаго обстоятельства, продолжающагося въ теченіе опредѣленнаго срока. Въ первомъ случаѣ говорится о Praeclusivfrist, о судебномъ срокѣ, во второмъ—о давности исковой:

III. Что право собственности не прекращается однимъ бездѣйствіемъ собственника въ теченіе срока давности, но только пріобрѣтеніемъ (usucapio) со стороны другаго.

По отношенію къ прусскому уложенію, въ которомъ также формально признано существованіе отвлеченной давности, Ферстеръ [1]) доказы-

[1]) Theorie und Praxi de heutigen gemeinen preussischen Privatrechts, auf der Grundlage de gemeinen deutchen Rechts. Berlin. 1856. I. § 46, стр. 205—217.

ваетъ, что давность примѣняется лишь къ тѣмъ правоотношеніямъ, по которымъ законъ прямо предписываетъ ея примѣненіе: давность — учрежденіе положительнаго права. Цѣлыя области права исключены изъ ея дѣйствія. Не говоря уже о государственномъ правѣ, она не примѣняется къ семейственнымъ отношеніямъ, къ праву наслѣдства и, наконецъ, ко всѣмъ правамъ, записаннымъ въ ипотечныя книги.

Давность погашающая прусскаго права есть ничто иное, какъ давность исковая, съ тѣмъ только, что ею погашается не только искъ, какъ по римскому праву, но и самое право. Однако, и здѣсь простое непользованіе своимъ правомъ не погашаетъ оное, но только непользованіе правомъ, если оно именно состоитъ въ исполненіи обязательства со стороны другаго лица. Гдѣ нѣтъ подобнаго соотвѣтствующаго праву положительнаго обязательства другаго лица, тамъ непользованіе своимъ правомъ не можетъ имѣть никакого значенія — оно безразлично. Давностью погашаются по прусскому уложенію лишь права по обязательствамъ и сервитуты: она такимъ образомъ соотвѣтствуетъ исковой давности римскаго права и non usus вмѣстѣ. Не подлежитъ давности погашающей право собственности, право распоряженія вещью по произволу. Право собственности не подлежитъ погашенію давностью пока оно не пріобрѣтено другимъ чрезъ usucapio (давностью владѣнія).

Давность пріобрѣтательная, кромѣ непользованія правомъ съ одной стороны, требуетъ еще владѣніе съ другой. Она примѣнима поэтому лишь къ правамъ, гдѣ возможно владѣніе, т. е. къ праву собственности и къ сервитутамъ, не примѣнима къ праву залога, которое можетъ установиться лишь внесеніемъ въ ипотечныя книги, и къ правамъ по обязательствамъ. Авторъ доказываетъ, что, несмотря на выраженіе закона, которое, повидимому, допускаетъ пріобрѣтеніе обязательства по давности, все-таки таковое не имѣетъ мѣста.

По французскому уложенію [1]) давность (prescription) признается общимъ началомъ, виды котораго суть *l'usucapion ou prescription acquisitive* и *prescription proprement dite ou pr. extinctive*. Оба существенно различаются другъ отъ друга. Давность владѣнія (l'usucapion) относится лишь къ праву собственности на вещи и къ сервитутамъ; давности вообще подлежатъ всѣ иски. Давностью владѣнія утверждается пріобрѣтенное право собственности или на сервитутъ, она даетъ и право иска и право защиты (excepti o); давность исковая есть только способъ защиты и не даетъ права иска, но только excepti o.

Несмотря на столь важныя различія, французскій кодексъ при изложеніи соединилъ эти два учрежденія, между тѣмъ какъ раздѣленіе ихъ необходимо. Однако, несмотря на это внѣшнее соединеніе, оказывается, что эти учрежденія не слиты между собою, но рѣзко отличаются другъ отъ друга. Общее между ними — лишь опредѣленіе лицъ, между которыми можетъ произойти пріобрѣтеніе или потеря давностью, и способъ исчисленія сроковъ. Всѣ прочія постановленія различны по давности владѣнія (l'usucapion) и по давности исковой (prescription),

[1]) Cours de droit civil français d'après l'ouvrage allemand de C. S. Zachariae, par M. M. Aubry et C. Rau. 3-рес. Paris. 1856—63. S. II, Др. 290—317; s. VI, стр. 514—536.

такъ что и по французскому праву онѣ являются учрежденіями вполнѣ отличными другъ отъ друга.

Наконецъ, и французское право различаетъ между давностью и судебными сроками (déchéance) и между давностью и потерею права вслѣдствіе непользованія имъ. Французское право также постановляетъ общимъ правиломъ, что права не прекращаются вслѣдствіе того, что ими не пользовались. Къ сущности отдѣльныхъ имущественныхъ правъ принадлежитъ между прочимъ и то, что управомоченный не принужденъ пользоваться имъ, можетъ и не пользоваться имъ безъ ущерба себѣ, если только право не имѣетъ предметомъ своимъ обязательство другаго, или законъ положительно требуетъ приведеніе его въ исполненіе и съ неисполненіемъ въ теченіе извѣстнаго срока соединяетъ потерю права. Въ первомъ случаѣ право погашается вслѣдствіе давности исковой, во второмъ—вслѣдствіе непользованія правомъ. Послѣднее примѣняется къ сервитутамъ.

Итакъ, мы видѣли на дѣлѣ, что по французскому уложенію нельзя говорить о существованіи отвлеченной давности. Нигдѣ и помину нѣтъ о взаимодѣйствіи между пріобрѣтающею и погашающею давностью.

2. Русскому праву чуждо понятіе общей отвлеченной давности.

Въ русскомъ правѣ для обозначенія понятія о томъ вліяніи, которое въ извѣстныхъ случаяхъ имѣетъ протеченіе времени, употребляются выраженія *давность*, *земская давность*, *десятилѣтняя давность*, *давность владѣнія*. Слово *давность* означаетъ существованіе въ теченіе долгаго времени, издревле, искони. Происходящія отъ корня этого слова прилагательныя и нарѣчія попадаются въ разныхъ актахъ съ конца XIII вѣка. Какъ юридическій терминъ, существительное «давность» употреблялось уже весьма рано въ западно-русскомъ законодательствѣ; собственно же въ Россіи оно появляется въ видѣ термина лишь съ XVIII вѣка. Выраженіе *земская давность* было юридическимъ терминомъ въ Литовскомъ Статутѣ, изъ котораго заимствовано русскимъ законодательствомъ. Графъ Сперанскій употреблялъ прилагательное *земскій* въ смыслѣ гражданскій и частный. Подъ выраженіемъ *«законы земскіе»* подразумѣвалъ онъ законы гражданскіе, земское право. Ср. О законахъ земскихъ, статья графа Сперанскаго («Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», изд. Н. Калачевымъ. Спб. 1859 г. VI, стр. 8). Впослѣдствіи графъ Сперанскій оставилъ этотъ терминъ, по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ Сводѣ Законовъ.

За исключеніемъ отдѣльныхъ, разбросанныхъ въ Сводѣ Законовъ статей, о давности говорится въ двухъ главахъ X тома. Одна изъ нихъ находится въ гражданскомъ правѣ (1 ч. X т.) въ книгѣ II—*о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще*; однако, не въ раздѣлѣ III—*о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ вообще*, но въ раздѣлѣ II—*о существѣ и пространствѣ разныхъ правъ на имущества*, гдѣ въ гл. IV говорится *о правѣ земской давности*. Другая глава помѣщена въ судопроизводствѣ граж-

данскомъ (ч. 2 т. X), въ книгѣ II, въ раздѣлѣ I — о тяжбѣ и искѣ вообще, гдѣ въ гл. V говорится *о земской давности для начатія тяжбъ и исковъ*.

Въ обѣихъ главахъ говорится о земской давности и не видно различія по существу между условіями, устанавливаемыми тою и другою. Послѣдователи теоріи отвлеченной давности видятъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ признакъ существованія ея въ русскомъ правѣ. Они полагаютъ, что въ первой изъ двухъ приведенныхъ главъ законъ будто говоритъ о пріобрѣтательной, а въ послѣдней о погасительной давности.

При составленіи Свода Законовъ гражданскихъ, очевидно, оказали вліяніе кодексы прусскій и въ особенности французскій.

Поэтому спрашивается, не принята-ли отвлеченная давность русскимъ правомъ, не пошло-ли оно дальше французскаго и прусскаго права, и хотя не приняло формально вышеприведенныя два правила, проводитъ ихъ въ отдѣльныхъ постановленіяхъ на самомъ дѣлѣ? Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ, что русское право, наравнѣ со всѣми цивилизованными правами, не знаетъ начала отвлеченной давности.

Доказательства нашего положенія слѣдующія:

1. Прежде всего замѣтимъ, что въ законахъ нашихъ не упоминается объ общей отвлеченной давности. Въ нихъ не говорится о раздѣленіи давности на пріобрѣтательную и погасительную, и приведенныя выраженія даже не встрѣчаются въ законахъ. Конечно, обстоятельство это не рѣшаетъ вопроса о существованіи или несуществованіи отвлеченнаго понятія о давности въ русскомъ правѣ. Напротивъ, если бы оказалось, что въ русскомъ правѣ на самомъ дѣлѣ существуетъ отвлеченная давность, то писатели были бы вправѣ употреблять вышеозначенныя выраженія, несмотря на то, что въ словахъ закона они не встрѣчаются.

2. Доказательствомъ несуществованія начала отвлеченной давности въ русскомъ правѣ служитъ то, что при исчисленіи разныхъ родовъ пріобрѣтенія права собственности о давности вовсе не упоминается. Приверженцы теоріи объ отвлеченной давности или умалчиваютъ объ этомъ обстоятельствѣ, или стараются объяснить его тѣмъ, что вообще система Свода не полна, что здѣсь есть пропускъ [1]). Чтобъ придать болѣе вѣроятности тому, что здѣсь именно имѣетъ мѣсто пропускъ, а не нарочное опущеніе, приводится, что въ перечнѣ способовъ пріобрѣтенія правъ на имущества, въ примѣчаніи къ ст. 699 1 ч. X т. Св. Зак., не исчерпываются всѣ случаи возникновенія права собственности, и пропущены также и другіе способы пріобрѣтенія права собственности, которымъ русское право приписываетъ это свойство, напримѣръ: *находка*, *ловля* и *добычи*.

---

[1]) А. Куницынъ. Пріобрѣтеніе права собственности давностью владѣнія. «Ж. М. Ю.» 1864 г. т. XXII, стр. 47—49.

а) Что касается *ловли* дикихъ животныхъ, то непомѣщеніе въ главу о способахъ пріобрѣтенія правъ на имущества ни одной статьи о ней, очевидно, сдѣлано съ намѣреніемъ, потому что по русскому праву ловлею дикихъ животныхъ не пріобрѣтается права собственности. Русское право не разсматриваетъ дикихъ животныхъ какъ вещей безхозяйныхъ, но какъ состоящихъ въ собственности того, на чьей землѣ они находятся, такъ что говорится даже о кражѣ такихъ животныхъ. Соотвѣтствуетъ-ли отношеніе хозяина земли къ находящимся на ней животнымъ понятію о правѣ собственности—это вопросъ, на который слѣдуетъ отвѣчать отрицательно, который однако насъ здѣсь не занимаетъ. Мы упомянули о немъ только, чтобы предотвратить недоразумѣніе будто мы считаемъ означенное воззрѣніе русскаго права особенностью его; это просто недостатокъ.

б) Далѣе, постановленіе о пріобрѣтеніи права собственности *военною добычею* пропущено въ относящейся сюда главѣ 1 ч. X т. Св. Зак. потому, что постановленія о добычѣ вовсе не приняты въ систему гражданскаго права, а помѣщены въ отдѣльномъ приложеніи, такъ какъ они принадлежатъ, по смыслу Свода [1]), къ системѣ военныхъ законовъ.

в) *Находка*, разсматриваемая съ важнѣйшей стороны ея, т. е. какъ *кладъ*, не можетъ быть признаваема способомъ пріобрѣтенія собственности, потому что кладъ принадлежитъ собственнику земли, въ которой найденъ сокровеннымъ. Въ законѣ даже не упомянуто о правѣ на вознагражденіе того, кто найдетъ кладъ.

Слѣдовательно, по воззрѣнію Свода, ловля, добыча и находка клада не принадлежатъ вовсе къ способамъ пріобрѣтенія права собственности. Неупоминаніе о нихъ можетъ быть объяснено особеннымъ или даже ошибочнымъ воззрѣніемъ Свода на эти случаи, но не пропускомъ. Даже въ случаѣ *обыкновенной находки* по законамъ пріобрѣтается не право собственности, но право на вознагражденіе, право обязательственное, впрочемъ только со стороны добросовѣстнаго находчика, своевременно заявившаго о своей находкѣ куда слѣдуетъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ владѣлецъ не отыскивается, право на вознагражденіе, по выраженію закона, превращается въ право собственности. То же самое выраженіе употребляется и въ отношеніи давности: давность владѣнія по русскому праву превращается въ право собственности.

На основаніи вышеприведеннаго кажется, что это особенное выраженіе употреблено съ намѣреніемъ и можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ [2]):

---

[1]) Примѣчаніе къ ст. 410 1 ч. X т. Св. Зак. Гражд., изд. 1857 г.

[2]) Профессоръ А. Куницынъ, («Ж. М. Ю.» XXII т., стр. 51) восклицаетъ: «Оставимъ систематику; она часто важна болѣе для науки, нежели для цѣлей практическихъ (!?), и будучи преслѣдуема до всѣхъ мелкихъ тонкостей, можетъ вести иногда къ напраснымъ затрудненіямъ и запутанностямъ въ практическомъ отношеніи или даже и въ наукѣ» (!!??)—и успокоивается на томъ, что въ практическомъ отношеніи немного въ томъ разницы, пріобрѣтается-ли право собственности находкою и т. д., или то и другое, при извѣстныхъ условіяхъ, обращаются или превращаются въ право собственности. Несмотря на то, что вообще терминологія русскаго права весьма неточна, все-таки не слѣдуетъ различіе выраженій оставлять безъ вниманія,—тѣмъ менѣе, если, повидимому, различіе въ выраженіяхъ основывается на различіи въ понятіяхъ.

За давностью иска о собственности владѣлецъ пріобрѣтаетъ отводъ, предохраняющій его отъ иска собственника, по отношенію же своему къ землѣ онъ остается владѣльцемъ [1]). При представленіи отвода и признаніи его судомъ постановляется, что собственникъ потерялъ свой искъ противъ этого владѣльца и что, слѣдовательно, его право сдѣлалось несуществимымъ. Вслѣдствіе этого, владѣніе отвѣтчика-владѣльца фактически получаетъ значеніе права собственности, то-есть, какъ выражается законъ, превращается въ право собственности. Послѣднее выраженіе есть очевидно только логическій выводъ закона о фактическомъ отношеніи владѣльца къ землѣ, о положительномъ значеніи его владѣнія послѣ отказа въ искѣ настоящему собственнику. Здѣсь мы должны ограничиться этимъ заявленіемъ, а ниже мы увидимъ, что за отсутствіемъ болѣе положительныхъ правилъ объ usucapio въ нашемъ гражданскомъ правѣ, выраженіе *превращается* вовсе не доказываетъ, что владѣлецъ есть формальный собственникъ, что имъ пріобрѣтено право собственности.

Поэтому мы имѣемъ полное право утверждать, что, при исчисленіи способовъ пріобрѣтенія права собственности въ X томѣ Свода Законовъ, давность выпущена не случайно, по ошибкѣ, но нарочно и съ намѣреніемъ. Этимъ пропускомъ указывается на то, что русское право разсматриваетъ давность прежде всего какъ причину потери права, а не какъ одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія его, что онъ признаетъ главнымъ образомъ давность иска, изъ которой право пріобрѣтенія вытекаетъ не непосредственно, но вслѣдъ за потерею права со стороны обладавшаго имъ досѣлѣ.

3. Существованіе отвлеченнаго начала давности стараются доказывать тѣмъ, что, во всякомъ случаѣ, дѣйствіе давности владѣнія для одной стороны предполагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣйствіе давности погасительной для стороны противной, такъ что одна безъ другой не можетъ имѣть мѣста. Если одно лицо пріобрѣтаетъ право собственности на извѣстное имущество давностью владѣнія, то въ то же самое время прежній собственникъ того имущества теряетъ свое право собственности на оное, слѣдовательно подвергается по тому же предмету вліянію и силѣ давности погасительной. Отсюда само собою слѣдуетъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ, по какимъ-либо основаніямъ и уваженіямъ, или вовсе не допускаетъ давности погасительной, или пріостанавливаетъ ея теченіе для одной стороны, напримѣръ, по общему правилу,—для несовершеннолѣтнихъ, умалишенныхъ и глухонѣмыхъ, или по особому каждый разъ распоряженію правительства,—для отсутствующихъ по дѣламъ служебнымъ,—соотвѣтственно тому не можетъ имѣть мѣста, или соразмѣрно отдаляется въ допущеніи къ своему совершенію, и давность пріобрѣтательная для стороны противной. Отсюда слѣдуетъ далѣе и то, что при обсужденіи положеній закона о пріобрѣтеніи права собственности давностью владѣнія необходимо должны быть въ виду и положенія его о давности погасительной и нерѣдко первыя должны быть объясняемы послѣдними.

---

[1]) То же самое говоритъ проф. Кушакинъ, причемъ онъ однако не выводитъ изъ этого положенія вытекающихъ изъ него послѣдствій. Ср. стр. 54.

При необходимой связи и соотвѣтственности дѣйствія давности погасительной и пріобрѣтательной, казалось бы достаточно было совершиться давности, погашающей право иска для одной стороны, чтобъ невладѣемое и неотыскиваемое ею десять лѣтъ имущество, безъ дальнѣйшихъ затрудненій и розысканій, признать собственностью того, у кого будетъ оно состоять во владѣніи при совершеніи давности погасительной для прежняго собственника. Но не такъ легко смотритъ законъ на пріобрѣтеніе права собственности этимъ способомъ. Для этого требуетъ онъ давности и отъ самаго владѣнія, требуетъ отъ него и извѣстныхъ качествъ, безъ которыхъ оно, слѣдовательно, и не можетъ быть способнымъ къ обращенію его въ дѣйствительное право собственности. Таковое требованіе опредѣленныхъ качествъ отъ давностнаго владѣнія по всей справедливости необходимо уже и потому, что самое владѣніе подъ этимъ общимъ названіемъ принимается въ самомъ законѣ не въ одинаковомъ смыслѣ, а потому могутъ быть и такіе виды и случаи владѣнія, которые, не касаясь прямо и не подавляя собою самаго права собственности настоящаго вотчинника, не даютъ ему собою и повода и не возбуждаютъ для него юридической необходимости начинать искъ, о возстановленіи своего права собственности на имущество, а слѣдовательно, не полагаютъ собою и начала для давности погасительной. Чтобы давность могла имѣть свое обоюдное дѣйствіе, для одного разрушительно, уничтожая принадлежавшее ему право, а для другаго, напротивъ того, пріобрѣтательно, установляя для него право, до того и безъ того ему непринадлежавшее, — необходимо, чтобы оба вида давности, по одному и тому же предмету, всѣмъ своимъ продолженіемъ и каждый съ своими условіями были своевременны [1]).

Изъ самаго этого изложенія видна неясность и неопредѣленность того начала, на какомъ оно основано. Оно отправляется отъ отвлеченной давности и въ немъ смѣшаны понятія правильныя и неправильныя. Такъ напримѣръ, если совершается usucapio и владѣлецъ чрезъ нее пріобрѣтаетъ собственность на извѣстную вещь, то вмѣстѣ съ тѣмъ право собственности прежняго собственника прекращается и уничтожено навсегда. Владѣлецъ пріобрѣлъ собственность и у прежняго собственника она погасилась. Здѣсь произошелъ переходъ одного и того же права отъ одного лица къ другому посредствомъ извѣстнаго способа пріобрѣтенія, который для другаго есть способъ прекращенія. То же самое можно сказать о дареніи и т. п. способахъ пріобрѣтенія. Но подобное взаимодѣйствіе не имѣетъ мѣста между usucapio и исковой давностью, такъ какъ это двѣ вещи разныя, основанныя на различныхъ началахъ, поставленныя въ зависимость отъ различныхъ условій. Когда, по римскому праву, равно по новѣйшимъ законодательствамъ, добросовѣстный владѣлецъ, получившій вещь непротивозаконнымъ образомъ, пріобрѣлъ собственность владѣніемъ въ теченіе 10 или 20-ти-лѣтняго срока, то право собственности прежняго собственника прекратилось,—значитъ прекратился и его искъ, хотя искъ собственника погашается лишь 30-ти-лѣтнею давностью. Но онъ пересталъ быть собственникомъ, у него никакого иска быть не можетъ. Не только въ римскомъ правѣ, но и во всѣхъ болѣе развитыхъ пра-

[1]) Куницынъ, Пріобр. пр. собств. «Ж. М. Ю.» XXII т., стр. 54—56.

вахъ, о такомъ взаимодѣйствіи не можетъ быть рѣчи уже потому, что при usucapio и давности исковой существуютъ разные сроки. Когда, напротивъ того, дѣло идетъ о давности исковой, то о такомъ взаимодѣйствіи также нельзя будетъ говорить. Искъ задавнѣлъ, когда онъ просуществовалъ въ теченіе 30 тилѣтняго срока и не былъ предъявленъ. Истеченіемъ этого срока собственникъ теряетъ право иска, а не право собственности; право иска онъ потерялъ только по отношенію къ тому владѣльцу, противъ котораго искъ возникъ и просуществовалъ конкретнымъ, да противъ его правопреемниковъ, потому что истеченіемъ срока они пріобрѣли exceptio temporis противъ его иска; такъ что здѣсь съ одной стороны погашается искъ, а съ другой пріобрѣтается exceptio. Такимъ образомъ, даже нельзя сказать, что владѣлецъ пріобрѣтаетъ то, чего лишился собственникъ: послѣдній лишился иска о собственности, но первый не пріобрѣтаетъ такого. Онъ пріобрѣтаетъ только exceptio противъ собственника, противъ всѣхъ другихъ лицъ онъ имѣетъ не искъ изъ собственности, но изъ владѣнія.

Итакъ, въ развитомъ правѣ, гдѣ вліяніе времени на различныя учрежденія права получило правильное развитіе и выразилось въ ясныхъ опредѣленныхъ обликахъ, о подобномъ взаимодѣйствіи говорить нечего. Это такъ называемое взаимодѣйствіе между давностью пріобрѣтенія и погашенія проявляется внутри каждаго учрежденія: при давности владѣнія оно происходитъ безъ всякаго содѣйствія давности исковой. Равно оно происходитъ при давности исковой безъ всякаго участія давности владѣнія. Прежній собственникъ сохраняетъ все еще отвлеченное право собственности на вещь, которое однимъ бездѣйствіемъ не можетъ утратиться, а владѣніемъ противника не прекращается, если оно было или недобровольное или безъ законнаго основанія. Такъ напримѣръ, если А, владѣлецъ недобросовѣстный, владѣлъ извѣстнымъ имѣніемъ 30 лѣтъ, то собственникъ потерялъ свой искъ о возвратѣ имѣнія не только противъ него, но и противъ его преемниковъ. Если затѣмъ его преемники владѣли имуществомъ добросовѣстно и на основаніи наслѣдственнаго права (justus titulus) въ теченіе законнаго времени, то они пріобрѣтаютъ право собственности чрезъ usucapio, чѣмъ право собственности первоначальнаго собственника прекращается. Если же послѣ смерти владѣльца А, неоставившаго наслѣдниковъ, въ имѣніи остается арендаторъ, который, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, начинаетъ владѣть имѣніемъ какъ своимъ, то первоначальный собственникъ вправѣ отыскивать имѣніе изъ его владѣнія. Б не можетъ ссылаться на давность иска, онъ не есть правопреемникъ А. Давностью прекратился лишь искъ собственника противъ А и его правопреемниковъ. Противъ Б искъ собственника сдѣлался конкретнымъ лишь послѣ того какъ, вслѣдствіе смерти А, онъ сдѣлался самостоятельнымъ владѣльцемъ, и если предъявленъ до истеченія срока давности со смерти А, то имѣніе возвращается первоначальному его собственнику.

Итакъ, не только нѣтъ взаимодѣйствія между usucapio и давностью исковой, но первая примѣняется въ такихъ случаяхъ, гдѣ о послѣдней не можетъ быть и рѣчи, и наоборотъ, гдѣ давность исковая примѣняется, тамъ объ usu-

саріо рѣчи быть не можетъ, потому что недостаетъ какого-либо изъ условій, необходимыхъ для usucapio. Если же эти условія налицо, то дѣйствія давности исковой не требуется, потому что въ такихъ случаяхъ примѣняется usucapio, давность владѣнія.

Въ русскомъ правѣ, гдѣ существуетъ только одинъ срокъ давности, можно бы съ перваго взгляда говорить о такомъ взаимодѣйствіи, но и здѣсь дѣло происходитъ не такъ, и здѣсь о взаимодѣйствіи нельзя говорить и оно только кажущееся, по причинѣ неразвитости русскаго права, въ которомъ usucapio существуетъ только по имени. Существующія постановленія нашего Свода Гражданскихъ Законовъ слѣдуетъ объяснить не своеобразностью русскаго права, коею оно будто бы отличается отъ другихъ законодательствъ, а недостаточнымъ развитіемъ его.

Теорія отвлеченной давности и взаимодѣйствія обѣихъ сторонъ ея можетъ быть проведена въ русскомъ правѣ единственно вслѣдствіе неразвитости его, а не потому, что она будто вытекаетъ изъ характера, существа его. Она, напротивъ, противорѣчитъ его характеру, какъ можно убѣдиться, сравнивая постановленія о давности съ другими, въ которыхъ видимъ правильное проведеніе юридической мысли. Въ постановленіяхъ русскаго законодательства о давности владѣнія уравниваются владѣлецъ добросовѣстный съ недобросовѣстнымъ. Уравненіе столь рѣзко другъ отъ друга различающихся положеній противорѣчитъ притомъ характеру русскаго права, которое дѣлаетъ рѣзкое различіе между ними въ законѣ о вознагражденіи за владѣніе чужимъ имуществомъ, что ясно видно будетъ изъ слѣдующаго примѣра:

Положимъ, что владѣлецъ добросовѣстный владѣлъ имуществомъ уже въ теченіе 9 лѣтъ 11 мѣсяцевъ, когда собственникъ начинаетъ искъ о возвращеніи ему его имущества. Добросовѣстный владѣлецъ долженъ возвратить имущество, но не обязанъ возвратить доходовъ съ него, слѣдующихъ по день, когда владѣніе сдѣлалось спорнымъ или неправость владѣнія сдѣлалась ему извѣстной, не отвѣчаетъ даже за разстройство, которое могло бы быть принес по его небреженію, имѣетъ право на вознагражденіе за всѣ постройки, имъ произведенныя для пользы хозяйства, за расходы на поддержаніе предметовъ, которые безъ того пришли бы въ ветхость. Совершенно другое постановляетъ законъ по отношенію къ владѣльцу недобросовѣстному. Онъ долженъ возвратить имущество наравнѣ съ первымъ, но кромѣ того онъ долженъ возвратить всѣ доходы, полученные во время владѣнія имуществомъ, не имѣетъ права на вознагражденіе за устройство заведеній и можетъ взять съ собою что имъ перенесено или перевезено въ имѣніе или же въ немъ заведено, если только сіи предметы могутъ быть отдѣлены отъ имѣнія съ удобностью и безъ ущерба для онаго. Онъ отвѣчаетъ за всякій вредъ и ущербъ въ имуществѣ, даже происшедшій отъ его небрежности или отъ перемѣны въ хозяйствѣ. Только по отношенію къ заведеніямъ, устроеннымъ не изъ средствъ имѣнія, но изъ собственныхъ суммъ владѣльца, которыя притомъ могутъ быть сняты безъ приведенія имущества въ разстройство или въ состояніе худшее противъ того, въ коемъ оно находилось

во время завладѣнія—законъ смотритъ одинаково на обоихъ и дозволяетъ имъ снять эти заведенія или условиться съ собственникомъ о вознагражденіи.

Если же какъ владѣлецъ добросовѣстный, такъ и недобросовѣстный, владѣли не 9 лѣтъ 11 мѣсяцевъ, а полные 10 лѣтъ, то ихъ положеніе вдругъ дѣлается совершенно равнымъ другъ другу. Какъ тотъ, такъ и другой, защищаются отъ иска собственника и за ними признаются совершенно равныя права на имущество, коимъ они владѣли. Удивительно, что до сихъ поръ ни одинъ писатель не обратилъ вниманія на столь рѣзкое противорѣчіе въ постановленіяхъ русскаго права. Многіе изъ писателей съ особенною гордостью указывали на то, что «вотъ-де отечественное законодательство отличается своеобразнымъ взглядомъ на давность.» Между тѣмъ, гдѣ существуютъ столь рѣзкія противорѣчія, тамъ уже нельзя будетъ говорить о самобытности, но просто о неразвитости, на которую прямо указываютъ какъ II отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи, такъ и государственный совѣтъ въ своихъ сужденіяхъ при изданіи закона о давности 1845 г. Очевидно, гдѣ налицо подобные недостатки, тамъ задача дальнѣйшаго развитія не можетъ состоять въ сохраненіи или утвержденіи постановленій, имѣющихъ послѣдствіемъ подобныя противорѣчія. Напротивъ того, задачею законодательства можетъ быть лишь измѣненіе ихъ, дальнѣйшее развитіе и разработка незрѣлаго учрежденія, съ цѣлью привести оное въ сообразность съ учрежденіемъ болѣе развитымъ, болѣе правильнымъ. Такая задача именно предстоитъ нашему законодательству. Постановленія о пріобрѣтеніи права собственности остались въ той формѣ, въ какой изданы въ концѣ прошлаго столѣтія, безъ перемѣны. О вознагражденіи же за владѣніе, за вредъ и убытки въ 1851 году изданъ новый законъ. Въ этомъ законѣ вліяніе ученія римскаго права очевидно; онъ въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ требованіямъ науки и практики. Вставленный въ X т. Св. Зак., онъ не могъ не оказаться въ противорѣчіи съ постановленіями неясными и неразвитыми. Таковыми нужно признать, между прочимъ, постановленія о пріобрѣтеніи права собственности и постановленія о давности. Въ концѣ прошлаго вѣка ограничились введеніемъ давности исковой, въ учрежденіи которой была настоятельная потребность. Но этимъ не исчерпывалось дѣло: вліяніе времени на различныя учрежденія различно, смотря по характеру этихъ учрежденій; на это различіе до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія. Органы нашего законодательства, впрочемъ, вполнѣ правильно относились къ этому предмету, какъ мы увидимъ ниже.

4. Далѣе полагаютъ, что совокупное дѣйствіе пріобрѣтательной и погасительной давности необходимо для пріобрѣтенія права собственности потому [1]) что только юридическое владѣніе, нарушающее существующее право собственности и вызывающее искъ о собственности, можетъ быть превращено посредствомъ давности въ право собственности. Если не держаться строго этого правила, то будто и простой detentor могъ бы заявить притязаніе, что его detentio давностью должна превратиться въ право собственности. Это предположеніе основано опять на ложномъ ученіи о давности. Если же, отбросивъ его, обратить

[1]) Куницынъ, «Ж. М. Ю.» т. XXII, стр. 69 и сл.

вниманіе на то, какъ дѣйствіе давности въ дѣйствительности проявляется, что говоритъ объ этомъ точно и ясно положительное право, то вышеупомянутое предположеніе оказывается совершенно неосновательнымъ. Давность исковая-напр. по прусскому и австрійскому правамъ, не есть какая нибудь общая, не, ясная, отвлеченная, погашающая давность, но твердое, опредѣленное учрежденіе. Вслѣдствіе давности исковой можетъ быть пріобрѣтена собственность, причемъ вовсе не необходимо, чтобы имѣло мѣсто usucapio. Чтобы сдѣлать пріобрѣтеніе права собственности невозможнымъ для detentor'a, давность исковая вовсе не нуждается въ поддержкѣ со стороны пріобрѣтающей давности. Давность исковая имѣетъ мѣсто вообще только тогда, когда искъ о собственности возникъ, сдѣлался дѣйствительно существующимъ. Онъ возникаетъ дѣйствительно (дѣлается конкретнымъ) только вслѣдствіе юридическаго владѣнія, нарушающаго собою существовавшее до тѣхъ поръ право. Находящаяся въ зависимости отъ собственности владѣнія, простая detentio, не вызываетъ никакого иска со стороны собственника. Искъ не просуществовалъ конкретно въ теченіе срока давности, поэтому и не могъ задавнѣть. Detentio съ своей стороны не существовала въ видѣ самостоятельнаго, непосредственнаго господства надъ вещью, слѣдовательно и не можетъ укрѣпиться въ таковомъ состояніи давностью. Весь вышеприведенный снарядъ, придуманный съ цѣлью предупредить, чтобы detentio не превращалась въ право собственности, совершенно излишенъ. Наконецъ, несмотря на то, что въ русскомъ правѣ detentio означается тѣмъ же самымъ словомъ, *владѣніемъ*, какъ и юридическое владѣніе (что безъ сомнѣнія влечетъ за собою извѣстное неудобство), однако, по существу своему, строго отличается отъ послѣдняго. Поэтому и здѣсь, несмотря на неточность выраженія, давность исковая представляетъ достаточную гарантію противъ того, чтобы, напримѣръ, арендаторъ не могъ пріобрѣсти арендуемой земли давностью владѣнія. Съ другой стороны, въ давности исковой заключается право отвода противъ иска, но также и прекращеніе права собственности прежняго собственника вслѣдствіе этого отвода; пріобрѣтеніе же законной защиты своего владѣнія совершается въ пользу того лица или его законныхъ наслѣдниковъ, противъ котораго собственникъ, не начиная иска, пропуская срокъ, потерялъ свое право иска за давностью. Все это вытекаетъ прямо изъ давности исковой. Если отправляться отъ отвлеченнаго понятія о давности, то рѣшеніе вопроса: кому принадлежитъ вещь, которою собственникъ не владѣлъ въ теченіе 10 лѣтъ, которая однако находилась менѣе 10 лѣтъ во владѣніи другаго, будетъ головоломной работой [1]). Стараясь отвѣчать на этотъ вопросъ, проф. Куницынъ приходитъ, по собственнымъ словамъ, къ искуственному и безосновательному выводу: вещь принадлежитъ казнѣ. Онъ доказываетъ, впрочемъ, что русское право вовсе этого не утверждаетъ. Виною неясности, по его мнѣнію, только то, что въ относящемся сюда законѣ не достаетъ словъ: «если вещь, между тѣмъ, за давностью перешла въ собственность другаго.» Несмотря, однако, на это объясненіе, авторъ, кажется, самъ ясно не понимаетъ, какъ нужно отвѣчать на этотъ вопросъ; но

[1]) Куницынъ, «Ж. М. Ю.» XXII, стр. 503—509.

крайней мѣрѣ, онъ заключаетъ свое разсужденіе словами: «какъ бы этотъ вопросъ рѣшенъ ни былъ....» Всѣ эти и подобныя неясности происходятъ просто отъ того, что русскому праву навязываютъ насильно чуждое ему ученіе объ отвлеченной давности. Оставляя такой образъ дѣйствія, спрашивая просто, что говоритъ русское право о давности, можно скоро удостовѣриться, что въ немъ развита только давность исковая, что отъ давности владѣнія въ немъ находятся лишь зачатки, которые требуютъ дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ usucapio, Ersitzung; но что, несмотря на то, русское право даетъ, съ точки зрѣнія давности исковой, простой и ясный отвѣтъ на вышеупомянутый вопросъ [1]). Въ русскомъ правѣ сказано: кто не требовалъ возвращенія своей вещи въ теченіе 10 лѣтъ судебнымъ или полицейскимъ порядкомъ, тотъ теряетъ свой искъ. Однако, собственникъ имѣетъ поводъ требовать возвращенія своей вещи судебнымъ или полицейскимъ порядкомъ только въ такомъ случаѣ, если она находится въ чужомъ юридическомъ владѣніи, потому что въ вышеприведенномъ пунктѣ говорится объ искѣ о владѣніи и о правѣ собственности. Въ немъ нѣтъ ни одного слова о томъ, что право собственности уничтожается за непользованіемъ имъ. Искъ собственника существуетъ въ дѣйствительности не съ того времени, когда приблизительно онъ пересталъ пользоваться своей вещью (въ его волѣ пользоваться или не пользоваться), но со времени, когда началось владѣніе вещью противъ или безъ его, собственника, воли. Если же владѣлецъ не владѣлъ вещью въ теченіе 10 лѣтъ, то и право собственника этимъ не прекратилось. Что до нынѣшняго владѣльца другой уже владѣлъ этой вещью—не имѣетъ для него никакого значенія, если онъ, какъ принимаетъ проф. Куницынъ, не есть законный преемникъ его. Итакъ, трудный вопросъ разрѣшается весьма просто [2]).

На основаніи всего вышеприведеннаго, мы имѣемъ право утверждать, что русское право не признаетъ отвлеченнаго понятія о давности; то, что по мнѣнію разныхъ писателей имѣетъ видъ погасительной давности, есть ничто иное какъ давность исковая.

Постепенное развитіе постановленій русскаго права о давности имѣетъ сходство съ первоначальнымъ развитіемъ понятія давности въ германскомъ правѣ.

Подобно тому какъ и въ германскомъ правѣ первоначально образовалась давность погасительная, вслѣдствіе которой тотъ, кто промолчалъ долгое время о своемъ правѣ (Verschweigung), лишался его навсегда,—въ русскомъ правѣ, при установленіи десятилѣтней давности, говорилось только о погашеніи иска, о преданіи дѣла вѣчному забвенію вслѣдствіе неучиненія иска въ теченіе 10 лѣтъ. Односторонность и недостатокъ германскаго права дополнены принятіемъ римскаго права. Въ русскомъ правѣ односторонность и недостатокъ до сихъ поръ еще существуютъ и могутъ быть устранены также лишь принятіемъ началъ римскаго права, т. е. науки о правѣ. Составленіемъ статьи о давности владѣ-

[1]) Вышеприведенное прибавленіе съ точки зрѣнія давности исковой излишне, а съ точки зрѣнія давности владѣнія недостаточно.

[2]) Г. Любавскій разрѣшилъ правильно этотъ вопросъ.

нія въ 1832 году этотъ пробѣлъ не могъ быть восполненъ, и поэтому до сихъ поръ все еще ждетъ законодательной дѣятельности, которою давность владѣнія была бы доведена до самостоятельнаго юридическаго учрежденія.

До сихъ поръ русское право, по отношенію къ вопросу о давности, оставалось неразвитымъ. Однако, тактъ и правильный, прямой взглядъ органовъ нашего законодательства на сущность и значеніе давности охранили оное отъ внесенія неправильной и несостоятельной теоріи общей отвлеченной давности. Характерные признаки отвлеченной давности не только не признаны въ русскомъ правѣ, но постановленія его находятся въ прямомъ противорѣчіи съ ними. Русское право не признаетъ правила, что все то, что можетъ быть пріобрѣтаемо, можетъ быть пріобрѣтено давностью владѣнія. Принимая существованіе давности владѣнія (usucapio), зачатки коей мы встрѣчаемъ въ русскомъ правѣ, дѣйствія ея распространяются во всякомъ случаѣ только по отношенію къ праву собственности. Не могутъ быть пріобрѣтаемы давностью не только права, основанныя на государственномъ правѣ, но и права семейственныя, наслѣдственныя, и всѣ остальныя имущественныя права. Такъ напр. давностью владѣнія не могутъ быть пріобрѣтаемы: сервитуты, право по залогу, права по обязательствамъ и прочія.

Замѣтимъ здѣсь, что выражено было мнѣніе, что давностью можетъ быть пріобрѣтено всякое вообще право и между прочимъ и право пожизненнаго владѣнія имѣніемъ [1]). Но уже въ разборѣ этого приговора, помѣщенномъ въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» [2]), вполнѣ доказана несостоятельность такого положенія. Отправляясь отъ критики Савиньи и пандектистовъ и доказывая несостоятельность общаго понятія о давности, затѣмъ переходя къ тому рѣшенію, на основаніи котораго изложенъ вышеприведенный тезисъ, критикъ говоритъ: Не предстояло никакого сомнѣнія въ томъ, что право оспаривать актъ о пожизненномъ владѣніи, подобно всякому другому иску, подлежитъ дѣйствію давности. Но рѣшеніе всѣ свои главнѣйшіе аргументы обращаетъ къ вопросу о примѣненіи давности къ пожизненному владѣнію. Пусть бы шла рѣчь о простомъ владѣніи: простое владѣніе есть состояніе фактическое; это дѣйствительность, и для того, чтобы дать о ней понятіе, стоитъ только сказать: онъ владѣетъ; когда рѣчь идетъ о давности невозможно спрашивать: на какихъ условіяхъ? Для того, чтобы владѣніе могло превратиться въ собственность посредствомъ давности, необходимо, чтобы владѣлъ исключительно съ характеромъ собственности, подъ видомъ собственности. При владѣніи пожизненномъ съ самымъ понятіемъ о владѣніи соединяется представленіе объ условіяхъ и о границахъ владѣнія, о концѣ его. Спрашивается, какая же есть возможность къ этому опредѣленному, ограниченному, размѣренному владѣнію примѣнять понятіе о давности владѣнія (usucapio)? Къ нему исковая давность примѣняться не можетъ безъ нарушенія самыхъ первыхъ основаній юридической логики; въ дѣлахъ о пожизненномъ правѣ, какъ и о всякомъ другомъ, искъ и требованіе могутъ быть погашены истеченіемъ давности (praescriptio), но эта давность

[1]) «Ж. М. Ю.» 1859 г. I, стр. 71.

[2]) Годъ 1860—1861. Кн. I. Отдѣлъ критики.

исчисляется съ той минуты, съ которой возникаетъ право иска, а ужъ никакъ не съ той, съ которой началось пожизненное владѣніе. Здѣсь владѣніе не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ иску, ни къ давности. Итакъ, предлагать вопросъ о давности *пожизненнаго* владѣнія не то-ли же самое, что спрашивать: можетъ-ли возникнуть посредствомъ давности право на двадцатилѣтнее оброчное содержаніе пустоши, или на пользованіе чужими деньгами въ теченіе 8 лѣтъ, съ обязанностью возвратить ихъ послѣ срока? Давности исковой, напротивъ того, подлежатъ всѣ иски, за исключеніемъ тѣхъ, кои именно изъяты изъ нея.

Итакъ, повторяемъ, и по русскому праву не всѣ права могутъ быть пріобрѣтаемы давностью и не всѣ права прекращаются давностью, и по русскому праву не существуетъ общей давности, а существуетъ только давность исковая, весьма широкая, и давность владѣнія, какъ увидимъ ниже, совершенно неразвитая.

3. Общіе мотивы закона о давности отъ 23 апрѣля 1845 года.

Въ противоположность взгляду, господствовавшему въ большей части изслѣдованій о давности, органы нашего законодательства относились къ вопросу о давности вполнѣ правильно и высказали взглядъ на это учрежденіе, въ общихъ чертахъ согласный съ положеніями современной науки. Это видно изъ мотивовъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта отъ 23 апрѣля 1845 года, въ коихъ, по отношенію къ общему основанію и свойству давности и образу установленія ея въ нашемъ законодательствѣ, говорится:

«При обозрѣніи заключающихся въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ постановленій о земской давности легко убѣдиться, что оня весьма неполны.

По силѣ статей 451 и 475 Свода [1]), заключающихъ въ себѣ опредѣленіе давности, какъ способа пріобрѣтенія права собственности, для признанія оной требуется лишь спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе, въ видѣ собственности, продолжавшееся въ теченіе опредѣленныхъ статьею 479 [2]) десяти лѣтъ.

Съ другой стороны, въ статьяхъ 1301 и 2232 [3]) установлена земская давность какъ срокъ (также десятилѣтній), прекращающій силу обязательствъ и право всякаго иска.

Такимъ образомъ, по законамъ нашимъ о земской давности, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности,—спокойное, безспорное владѣніе и непрерывное продолженіе онаго въ теченіе опредѣленнаго времени достаточны для обращенія сего владѣнія въ право собственности; о другихъ условіяхъ—какъ-ы суть: справедливое основаніе на владѣніе, justus titulus, и добросовѣстность онаго, bona fides,—въ законахъ нашихъ о земской давности вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ есть о томъ болѣе или менѣе точныя положенія.

---

[1]) Изд. 1842 г.—ст. 533 и 557 1 ч. X т. изд. 1857 г.

[2]) Изд. 1842 г.—ст. 565 1 ч. X т. изд. 1857 г.

[3]) Изд. 1842 г.—ст. 549 1 ч. X т. и 213 ст. 2 ч. X т. изд. 1857 г.

У насъ положенъ одинъ лишь срокъ давности владѣнія—десятилѣтній, для пріобрѣтенія какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ имуществъ, и для прекращенія права всякаго иска; между тѣмъ какъ другія законодательства опредѣляютъ разные сроки давности, смотря по тому, идетъ-ли дѣло о движимой или недвижимой собственности, о томъ или иномъ родѣ иска; нельзя не признать, что такое различіе въ срокахъ естественно проистекаетъ изъ существа самаго установленія земской давности. Чѣмъ болѣе формъ и мѣръ обезпеченія, установленныхъ для перехода права собственности на какое-либо имущество, тѣмъ осторожнѣе долженъ быть законъ при допущеніи дѣйствія давности владѣнія на такое имущество и, слѣдовательно, тѣмъ продолжительнѣе долженъ быть срокъ, нужный для признанія оной вполнѣ дѣйствительною. Съ другой стороны, какъ уничтоженіе силы обязательства однимъ дѣйствіемъ давности основано на предположеніи дѣйствительнаго исполненія обязательствъ, или согласія на оставленіе оныхъ безъ исполненія отъ имѣющаго право того требовать, и какъ такое предположеніе скорѣе можетъ быть допущено въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ отношеніи къ нѣкоторымъ родамъ обязательствъ, то естественно также, что и для давности, прекращающей силу обязательствъ и уничтожающей права на иски, должны быть постановлены различные сроки.

Руководствуясь сими началами, римское право и кодексы французскій и австрійскій опредѣляютъ трехлѣтній срокъ давности для огражденія владѣнія движимою собственностью отъ всякаго посторонняго притязанія. Для утвержденія права на недвижимую собственность, чрезъ давность владѣнія, римское право, кодексъ французскій и уложеніе прусское установляютъ десяти и двадцатилѣтніе сроки, смотря по тому, находится-ли вотчинникъ въ той же области, или въ отсутствіи; для дѣйствительности сей давности надлежитъ, сверхъ того, чтобы пріобрѣтающій чрезъ оную право собственности владѣлъ тѣмъ имуществомъ добросовѣстно и могъ указать на основаніе своего владѣнія. Когда владѣлецъ не можетъ доказать, что имѣлъ достаточныя основанія на владѣніе, то, для утвержденія за нимъ права собственности, требуется во всѣхъ сихъ законодательствахъ должайшій, тридцатилѣтній срокъ. Что касается сроковъ земской давности, прекращающей право на вчинаніе иска, то, на основаніи какъ римскаго права, такъ и кодексовъ французскаго, прусскаго и австрійскаго, всякій искъ уничтожается тридцатилѣтнею давностью. Въ новѣйшихъ, однакоже, законодательствахъ установлены для нѣкоторыхъ исковъ другіе, кратчайшіе, сроки давности; такъ напр. французское опредѣляетъ четыре категоріи сроковъ, отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, для исковъ: по счетамъ о поставленныхъ изъ лавки товарахъ, о наймѣ квартиры, объ употребленныхъ повѣренными издержкахъ и о платѣ имъ за труды, о жалованьи людямъ по найму, о платѣ работникамъ, для исковъ по всѣмъ срочнымъ платежамъ и т. п. Австрійское уложеніе также установляетъ для нѣкоторыхъ дѣлъ сего рода краткій, трехлѣтній срокъ, а для начатія исковъ объ обидахъ личныхъ—даже годичный. Въ прусскомъ уложеніи такихъ краткихъ сроковъ давности прежде не было, но въ 1839 году состоялось особое королевское постановленіе, коимъ установлены двухлѣтняя и четырехлѣтняя

давность по искамъ, принадлежащимъ къ разряду исчисленныхъ выше сего по французскому кодексу.

Въ нашемъ законодательствѣ нынѣ существуетъ одинъ только общій десятилѣтній срокъ давности, установленный манифестомъ 1787 года іюня 28 дня, а дотолѣ и у насъ существовали разные для оной сроки, именно: на основаніи Уложенія [1]) срокъ давности по дѣламъ вотчиннымъ былъ сорокалѣтній, а давность по заемнымъ обязательствамъ была пятнадцатилѣтняя [2]). Впрочемъ и нынѣ, по Своду Законовъ Гражданскихъ, сверхъ общаго десятилѣтняго срока, есть особый, годовой, по завладѣнію приплода животныхъ, и двухгодовой—для спора противъ крѣпостныхъ актовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что было бы полезно ввести и въ наше законодательство точнѣйшіи опредѣленія какъ безспорности владѣнія въ видѣ собственности и признаковъ онаго, такъ и случаевъ, которые, прерывая земскую давность, уничтожаютъ главное оной свойство—продолженіе безспорнаго, спокойнаго владѣнія,—наконецъ, и тѣхъ различныхъ причинъ, которыя или препятствуютъ вовсе дѣйствію давности, или же пріостанавливаютъ теченіе оной на время,—какъ сіе, съ большею или меньшею подробностью, означено въ другихъ законодательствахъ: ибо, при тщательномъ изысканіи и въ особенности при сличеніи нашихъ законовъ о давности съ другими, представляются разные вопросы, вовсе или же частью у насъ доселѣ неразрѣшенные, напримѣръ:

а) До какой степени и въ какихъ случаяхъ владѣлецъ можетъ, при исчисленіи давности, зачитать и время владѣнія того лица, отъ коего имущество перешло къ нему?

б) Чьимъ должно признавать имущество, на которое настоящій хозяинъ утратилъ право собственности пропущеніемъ десятилѣтней давности, если притомъ неправильное владѣніе онымъ переходило изъ рукъ въ руки, не останавливаясь ни у кого довольно время для утвержденія правъ собственности чрезъ давность?

в) Какъ исчислять давность, если настоящее право собственности въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ оставалось за малолѣтними, и не должно-ли, въ семъ случаѣ, положить какой-либо предѣлъ продолженію и переходу права спора противъ настоящаго владѣнія?

г) Вчинаніе иска противъ главнаго должника прерываетъ ли давность въ отношеніи къ прочимъ должникамъ и поручителямъ? и проч. и проч.

Постановленіе правилъ для разрѣшенія всѣхъ такихъ вопросовъ составило бы новое, обширное законодательство, которое можетъ быть предметомъ соображеній развѣ только при общемъ пересмотрѣ всего гражданскаго уложенія. Постановленія о земской давности находятся въ столь тѣсной связи съ прочими частями законовъ гражданскихъ, что едва-ли удобно и возможно издать особое о земской давности положеніе, со всѣми нужными къ настоящимъ постановленіямъ дополненіями, а и того менѣе съ измѣненіями, которыя также могутъ быть призна-

[1]) Гл. XVII ст. 13, 20 и 30.

[2]) Уложеніе гл. X ст. 256.

ны нужными, не касаясь и не измѣняя, съ тѣмъ вмѣстѣ, многихъ другихъ постановленій о правѣ собственности, о порядкѣ пріобрѣтенія и перехода оной. При общемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ, по установленіи всѣхъ началъ и коренныхъ правилъ нашего гражданскаго уложенія, должно будетъ, сообразно съ сими началами, развить и законодательство наше о земской давности, указавъ каждому относительно сего предмета правилу приличное въ системѣ гражданскихъ законовъ мѣсто. Симъ лишь способомъ можно достигнуть надлежащей въ постановленіяхъ гражданскаго права стройности. Дотолѣ измѣненіе и самое даже усовершенствованіе a priori какой-либо отдѣльной части сего права не только было бы преждевременно, но могло бы повести къ затрудненіямъ и противорѣчіямъ. Поэтому нынѣ кажется удобнѣе ограничиться лишь тѣми вопросами, которые, какъ извѣстно, или возникали уже въ судебной практикѣ, или же, по самому существу и обыкновенному теченію дѣлъ, должны представляться нерѣдко и коихъ скорѣйшее разрѣшеніе надлежитъ по сей причинѣ признать необходимымъ или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени желательнымъ.

Отдѣльное разрѣшеніе возникающихъ въ практикѣ вопросовъ, сообразно съ существующими нынѣ правилами, даже и съ такими, которыя, можетъ быть, будетъ признано нужнымъ измѣнить при общемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ, имѣетъ характеръ совершенно отличный отъ изданія полнаго положенія по какой-либо части гражданскаго права. Ими не предупреждаются и не стѣсняются имѣющія быть впослѣдствіи общія о прикосновенныхъ къ тому предметахъ сужденія.

Посему и въ настоящемъ случаѣ II отдѣленіе ограничилось лишь разсмотрѣніемъ тѣхъ вопросовъ, которые или указаны министромъ юстиціи въ данномъ отъ него сенату предложеніи, или же возникали въ самомъ министерствѣ юстиціи, и тѣхъ, которые, по тѣсной естественной съ ними связи, не могутъ при разсужденіи о первыхъ, быть безъ явнаго неудобства устранены.

Въ докладѣ II отдѣленія, приступая къ сему, прежде всего обращаются къ изъявленному министромъ юстиціи мнѣнію о свойствѣ земской давности вообще [1]).

Постановленія нашихъ законовъ относительно оной, начиная съ Судебника царя Іоанна Васильевича до изданія Свода Законовъ въ 1832 году, и особливо употребленныя въ оныхъ выраженія, приводятъ къ тому заключенію, что у насъ извѣстна давность одного только рода, коей послѣдствіе есть утрата права пропущеніемъ срока, узаконеннаго на предъявленіе сего права; что такъ называемая пріобрѣтающая давность совершенно чужда нашимъ обычаямъ и законамъ и вовсе не существовала у насъ до изданія Свода, въ которомъ, при изложеніи нѣкоторыхъ статей, именно 451 и 480 X т. [2]), допущены въ первый разъ выраженія, соотвѣтствующія понятію о давности пріобрѣтающей.

---

[1]) Не можемъ не указать на то, что самыя тщательныя наши изслѣдованія подтверждаютъ изъявленное въ то время мнѣніе г. министра юстиціи.

2 Изд. 1842 г.—ст. 533 и 567 1 ч. X т. изд. 1857 г.

Установленіе давности въ законодательствѣ имѣетъ важную цѣль: огражденіе правъ и устраненіе напрасныхъ или же затруднительныхъ отъ протеченія долгаго времени, и потому почти всегда безплодныхъ, исковъ и притязаній. Гдѣ существуетъ право, тамъ съ другой стороны, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, существуетъ и обязанность, которую можно назвать положительною, если она состоитъ въ исполненіи чего-либо, и отрицательною, если она ограничивается лишь нѣкоторымъ, такъ сказать, стѣсненіемъ права, по уваженію къ правамъ другаго, какова напримѣръ обязанность чего-либо не дѣлать, или чему-либо не препятствовать. Для охраненія порядка и спокойствія во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ гражданскаго общества надлежитъ, чтобы всякій имѣющій право, сопряженное съ вліяніемъ на другихъ, пользовался имъ, приводилъ его въ дѣйство и требовалъ отъ другихъ, къ сему обязанныхъ, признанія сего права. Законъ повелѣваетъ и долженъ повелѣвать сіе, ибо право, непредъявляемое въ теченіе долгаго времени, можетъ отъ бездѣйствія придти въ забвеніе, такъ что впослѣдствіи было бы трудно и найти слѣды онаго, для предупрежденія чего установлены сроки давности и опредѣлено, что тотъ, кто, имѣя право, не будетъ предъявлять его, или не будетъ имъ пользоваться въ теченіе опредѣленнаго времени, почитается какъ бы отказавшимся отъ сего права и лишается онаго безвозвратно. Но право, симъ или инымъ образомъ утраченное, не всегда въ существѣ своемъ уничтожается. Когда, напримѣръ, оное распространяется на какой-либо вещественный предметъ, то переходитъ, вмѣстѣ съ симъ предметомъ, къ новому онаго обладателю. Таковы суть право собственности и владѣнія имуществомъ и всѣ съ нимъ соединенныя. Въ семъ случаѣ законъ, не довольствуясь лишеніемъ права тѣхъ, которые имъ не пользовались, признаетъ и ограждаетъ право новыхъ владѣльцевъ, получившихъ имущество чрезъ предполагаемое, такъ сказать, отреченіе и уступку первыхъ. Законодатель признаетъ и утверждаетъ сіе новое право, постановляя, что если кто-либо безпрепятственно пользовался имъ впродолженіе опредѣленнаго времени, то онъ почитается законнымъ обладателемъ имущества, и тѣмъ самымъ защищается отъ всякаго посторонняго притязанія.

Вслѣдствіе сего являются два начала, кои, однакожъ, въ существѣ своемъ нераздѣльны и проистекаютъ отъ одной и той же потребности: обезпеченія спокойствія владѣнія, и учреждаются два вида давности. Изъ нихъ первый можетъ быть именуемъ *давностью лишающею*, ибо ею утрачивается право, коимъ подвергшійся тому не пользовался по своей винѣ въ теченіе опредѣленнаго закономъ времени; а вторый—*давностью пріобрѣтающею* право, коимъ безпрепятственно въ теченіе того же времени кто-либо пользовался.

Сія оба вида давности находятся въ столь тѣсной связи между собою, что едва-ли одинъ изъ нихъ можетъ существовать въ какихъ-либо законахъ исключительно. Во всѣхъ законодательствахъ мы находимъ тотъ и другой. Въ римскомъ правѣ упоминается объ usucapio, какъ способѣ пріобрѣтенія собственности чрезъ безпрерывное владѣніе въ теченіе опредѣленнаго закономъ времени, и о praescriptio, на основаніи коей погашаются всѣ иски чрезъ непредъявленіе ихъ

въ установленный срокъ; но сіи два наименованія относились болѣе къ состоянію людей, нежели къ какому-либо особому дѣйствію законовъ: первое, usucapio, касалось гражданъ римскихъ; второе, praescriptio—неимѣвшимъ права гражданства въ Римѣ. Въ кодексѣ Юстиніана они уже смѣшаны, ибо въ сіе время не было въ законахъ прежняго различія между римлянами или другими подданными имперіи, и уничтожено также различіе недвижимой собственности въ коренной римской землѣ отъ собственности въ провинціяхъ завоеванныхъ [1]). Кодексъ французскій признаетъ давность способомъ и пріобрѣтенія собственности, и освобожденія отъ обязанностей по истеченіи положеннаго срока, при указываемыхъ въ законѣ условіяхъ. Въ уложеніи австрійскомъ постановлено, что по закону о давности право утрачивается чрезъ непользованіе, или же пріобрѣтается чрезъ безспорное онымъ пользованіе впродолженіе опредѣленнаго на сіе времени. Въ уложеніи прусскомъ также сказано, что дѣйствіемъ давности теряется бывшее или пріобрѣтается новое право.

Въ отношеніи собственно законодательства русскаго, конечно, нельзя не согласиться въ томъ, что выраженія, употребленныя во всѣхъ нашихъ о давности законахъ, изданныхъ прежде Свода, въ самомъ дѣлѣ показываютъ, что мысль о давности лишающей была главною въ нашемъ законодательствѣ. Но въ практикѣ, по естественной нераздѣльности двухъ видовъ давности, установленіе оной имѣло необходимымъ послѣдствіемъ и, такъ сказать, дополненіемъ—признаніе и втораго правила: о давности пріобрѣтающей. Сіе достаточно явствуетъ и изъ многихъ судебныхъ рѣшеній, коихъ утвержденіе права собственности на имущество основывается именно на владѣніи онымъ впродолженіе установленнаго срока давности. Можетъ быть, и вѣроятно, что въ Сводѣ Законовъ въ первый разъ упомянуто прямо о давности, дающей право собственности, но симъ лишь выражено то, что уже существовало давно въ судебной практикѣ. Съ сего-жъ времени и въ самыхъ словахъ закона являются два вида давности, два оной начала въ ихъ необходимой совокупности, и, конечно, съ тѣхъ поръ понятіе о давности пріобрѣтающей, бывъ точнѣе выражено въ законѣ, должно было получить еще болѣе развитія и въ судебной практикѣ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ хотя и можно, безъ неудобства при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, принимать въ уваженіе, что мысль о давности лишающей, при первыхъ о томъ постановленіяхъ нашего законодательства, была главною, но нельзя равномѣрно выпускать изъ вида и того, что сей родъ давности не могъ быть и не былъ никогда исключительнымъ, что дѣйствіе дав-

---

[1]) Для предупрежденія недоразумѣній замѣчаю, что здѣсь совершенно правильно излагается взглядъ древнѣйшаго формальнаго права на эти учрежденія, но не обращено вниманія на нынѣшнее римское право, которое одно можетъ имѣть значеніе въ теоретическомъ отношеніи. Въ немъ эти учрежденія развились совершенно самостоятельно и отдѣльно, на что я указалъ во введеніи.

ности и у насъ, какъ вездѣ, всегда распространялось и на основаніе права владѣнія [1]).

Изъ своего перваго заключенія министръ юстиціи выводитъ, въ видѣ послѣдствій онаго: 1) что въ дѣлахъ гражданскихъ силою давности можетъ быть защищаемо такое только владѣніе, на которое съ другой стороны, пропущеніемъ той же давности, утрачено право, могущее быть предметомъ свободнаго отчужденія, и что такая собственность, которая не могла быть предметомъ свободнаго отчужденія, не могла быть и утрачена одною стороною чрезъ пропущеніе давности и защищаема другою по силѣ той давности.

Главнѣйшая причина всѣхъ законовъ о давности, какъ замѣчаетъ И отдѣленіе, есть желаніе и обязанность всякаго правительства устранять по возможности препятствія къ спокойному владѣнію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ улучшенію имуществъ, ограниченіемъ права исковъ, когда они, по всей вѣроятности, были бы не только затруднительны, но и безплодны и даже вредны для самихъ истцовъ. Въ семъ отношеніи постановленія о давности можно назвать не закономъ справедливости, а закономъ необходимости.

Однимъ изъ основаній всякой земской давности должно, безъ сомнѣнія, признавать предположеніе, что хозяинъ той вещи, или имѣющій то право, добровольно уступилъ свою собственность, или отказался отъ своего права, и что потому владѣлецъ, защищающій свое владѣніе, или отговаривающійся отъ исполненія обязанности давностью, законно пріобрѣлъ собственность или право, или же освободилъ себя посредствомъ какой либо сдѣлки отъ лежавшей на немъ обязанности. Изъ сего можно вывести нѣкоторыя общія правила относительно рода собственности, подлежащей дѣйствію давности, и заключать, что чрезъ давность пріобрѣтается право собственности надъ тѣми лишь имуществами, которыя, по существу своему, могутъ быть предметами частнаго обладанія и отчужденія. Сіе правило принято нѣкоторыми преподавателями законовѣдѣнія и въ общихъ выраженіяхъ вошло въ кодексъ французскій. Оно является и въ другихъ законодательствахъ при отдѣльныхъ исчисленіяхъ предметовъ, неподлежащихъ ея дѣйствію. Но даже по сему правилу должно ли и можно ли постановлять общимъ условіемъ дѣйствія давности совершенную свободу отчужденія подлежащихъ ея дѣйствію имуществъ? Какъ скоро существуетъ какой либо способъ отчужденія, хотя бы и ограниченный, то можетъ быть допущено и предположеніе о такомъ отчужденіи; слѣдовательно, и дѣйствіе давности можетъ быть до-

---

[1]) Изложенная здѣсь мысль о необходимомъ допущеніи давности исковой, установленной въ русскомъ правѣ судебною практикою и затѣмъ уже закономъ, давностью владѣнія, по нашему мнѣнію, совершенно правильна. Однако, въ ней нельзя видѣть подтвержденія теоріи объ общей отвлеченной давности и необходимомъ соотвѣтствіи давности приобрѣтательной и погасительной. Хотя выраженія мотивовъ недостаточно точны, но изъ всего изложенія выходитъ, что въ нихъ не говорится о взаимодѣйствіи, о которомъ говорятъ послѣдователи отвлеченной теоріи давности, но о такомъ взаимодѣйствіи, которое существуетъ всегда и вездѣ между отдѣльными учрежденіями одной и той же системы гражданскаго права. Изъ этого взаимодѣйствія, однако, не слѣдуетъ, чтобы тѣ учрежденія, кои вызываютъ своимъ существованіемъ другія или вліяютъ на нихъ, были бы разными сторонами какого-либо отвлеченнаго понятія.

пускаемо. И безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе при отчужденіи какого либо рода имущества должно по закону наблюдать формъ и обрядовъ, тѣмъ менѣе можетъ быть допускаемо одно, на давности основанное, предположеніе объ отчужденіи онаго, и сіе необходимо принимать въ уваженіе при опредѣленіи сроковъ и другихъ свойствъ. Для того во многихъ иностранныхъ законодательствахъ положены для особыхъ имуществъ продолжительнѣйшіе сроки давности. Въ нашемъ ихъ нѣтъ, можетъ быть, между прочимъ и потому, что у насъ вообще свобода въ отчужденіи имуществъ, даже и родовыхъ, была менѣе ограничена, нежели въ другихъ земляхъ; а мы видимъ, что дѣйствію давности подлежатъ, наравнѣ съ другими, не только родовыя частныя, но и имущества казны и общественныхъ установленій.

Постановляя, что срокъ земской давности для малолѣтнихъ считается со времени ихъ совершеннолѣтія, что все время отсутствія лицъ, состоящихъ по службѣ въ заграничныхъ походахъ, какъ о семъ будетъ особое отъ правительства объявленіе, не считается имъ въ просрочку десятилѣтней давности, законодатель допустилъ въ пользу сихъ лицъ изъятіе отъ дѣйствія давности, по уваженію признанной въ положеніи ихъ невозможности защищать свои права; но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ мы принимали извѣстное о томъ общее правило римской юриспруденціи (contra non valentem agere non currit praescriptio). Чрезмѣрное ограниченіе примѣненія закона о земской давности уменьшило бы благодѣтельное оной дѣйствіе, коего цѣль есть обезпеченіе владѣнія и, слѣдственно, спокойствіе гражданъ. Если, съ одной стороны, невозможность оградить права свои въ надлежащее время должна быть принимаема въ уваженіе, то съ другой, можно-ли не признать также, что владѣлецъ добросовѣстный, продолжавшій безпрерывно и безпрепятственно пользоваться какимъ либо имуществомъ, какъ своею собственностью, не менѣе достоинъ уваженія, не менѣе вправѣ ожидать, чтобы законъ не дозволялъ нарушать его спокойствія, защищалъ его отъ напрасныхъ и безвременныхъ исковъ и притязаній.

Общаго правила, что дѣйствію давности должны подлежать лишь тѣ права, которыя могутъ быть свободно отчуждаемы, и потому нельзя принять безусловно, что оное противорѣчитъ многимъ постановленіямъ нашего законодательства, которое допускаетъ давность въ случаяхъ, гдѣ признаваемыя вслѣдствіе оной права суть именно такого рода, что не могли бы быть предметомъ отчужденія, какъ напр. законность рожденія. Можно-ли также изъ употребленнаго въ нашихъ законахъ о земской давности выраженія: «кто не учинилъ или не учинитъ иска десять лѣтъ, или, предъявивъ оный, десять лѣтъ не будетъ имѣть хожденія, таковый да уничтожится и дѣло да предастся вѣчному забвенію»,—вывести заключеніе, что дѣйствіе давности по дѣламъ гражданскимъ простирается на такіе только предметы, о которыхъ возникаютъ споры, подлежащіе судебному разсмотрѣнію, т. е. иски и тяжбы? Въ законахъ нашихъ о земской давности упомянуто предпочтительно объ искахъ и тяжбахъ, потому что получившій право а равно и освободившійся отъ обязанности посредствомъ давности, защи-

щаютъ себя сею давностью отъ притязаній, а притязанія большею частью обнаруживаются чрезъ искъ или тяжбу; слѣдовательно, давность служитъ также большею частью отводомъ или устраненіемъ иска и тяжбы. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы дѣйствію давности подлежали только предметы, о которыхъ могутъ возникнуть иски и тяжбы. Напротивъ, хотя всѣ притязанія къ казнѣ, а равно и взысканія, чинимыя казною съ частныхъ лицъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имуществахъ, удовлетворяются порядкомъ исполнительнымъ, и по онымъ не допускаются никакіе въ судебныхъ мѣстахъ споры, однакожъ и требованія сего рода, кромѣ лишь взысканія податей, пошлинъ и другихъ подобныхъ сборовъ, подлежатъ дѣйствію земской давности. Между тѣмъ какъ на дѣла о правахъ состоянія, которыя могутъ подлежать судебному разбирательству, давность не распространяется.

Правило, означенное выше, что взысканіе податей и другихъ государственныхъ и общественныхъ повинностей изъято отъ дѣйствія десятилѣтней давности, основывается на томъ, что дѣлаемыя со стороны правительства частыя подтвержденія и напоминанія о скорѣйшемъ взысканіи въ казну податей и повинностей, хотя бы въ сихъ предписаніяхъ и не упоминалось о каждомъ лицѣ, обязанномъ уплатою податей и повинностей, прерываютъ уже сами собою всякую давность.

Мы до сихъ поръ изложили общую часть мотивовъ закона 23 апрѣля 1845 года, въ которой содержатся общія соображенія объ основаніи и примѣненіи давности. Въ мотивахъ затѣмъ разсматриваются отдѣльные вопросы, возникшіе на практикѣ при примѣненіи законовъ. О соображеніяхъ по этимъ отдѣльнымъ вопросамъ, обсужденнымъ въ мотивахъ къ закону 1845 года мы поговоримъ когда коснемся тѣхъ вопросовъ [1]). Однако, по нѣкоторымъ вопросамъ, особенно по тѣмъ, по которымъ изданіе особыхъ правилъ отклонено, изложены соображенія и выводы общаго свойства, которые разъясняютъ общее значеніе давности русскаго права и дополняютъ собою то, что изложено въ общей части мотивовъ, и поэтому помѣщаются здѣсь вмѣстѣ съ общею частью мотивовъ.

---

[1]) Именно: 1) Объ исчисленіи давности по спорамъ о законности рожденія.

2) Объ исчисленіи давности при переходѣ правъ собственности отъ одного лица къ другому и въ особенности когда сіе послѣднее будетъ малолѣтнимъ.

3) О давности по дѣламъ умалишенныхъ и глухонѣмыхъ.

4) О давности по завладѣнію казенныхъ земель и угодій. Соображенія по этому вопросу помѣщены здѣсь ниже.

5) О силѣ дѣйствія давности въ отношеніи межевыхъ актовъ.

6) О дѣйствіи общаго срока давности въ Бессарабской области (этотъ вопросъ оставленъ въ сторонѣ).

7) О давности по дѣламъ, остающимся безъ производства въ судебныхъ мѣстахъ.

8) О давности по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ.

9) О давности для признанія имѣнія выморочнымъ.

10) О давности въ отношеніи къ имуществу, находящемуся въ управленіи одного изъ соучастниковъ.

11) О давности по обязательствамъ, данымъ русскими иностранцамъ во время пребыванія ихъ за-границею.

Государственному совѣту, между прочимъ, предложены были на разрѣшеніе вопросы: съ котораго времени считать начало давности къ предъявленію иска о завладѣніи земель и угодій церковныхъ, монастырскихъ и училищнаго вѣдомства, и съ котораго времени считать начало давности для опредѣленія исковъ о завладѣніи земель, состоящихъ въ непосредственномъ пользованіи казенныхъ поселянъ [1])?

По поводу этихъ вопросовъ министръ юстиціи находитъ, что сіи вопросы, въ прямомъ ихъ значеніи, не требуютъ особаго разрѣшенія, ибо, на основаніи существующихъ законовъ, начало давности считается съ того времени, когда началось владѣніе съ одной и нехожденіе по сему иску съ другой стороны; но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что вопросы сіи требуютъ поясненія въ другомъ отношеніи, именно, простирается-ли дѣйствіе десятилѣтней давности владѣнія на земли и угодья, отведенныя казеннымъ крестьянамъ въ надѣленіе, нарѣзанныя церквамъ и монастырямъ въ узаконенную пропорцію и отмежеванныя городамъ на выгоны?

Здѣсь министръ также принимаетъ основаніемъ выводимое имъ общее правило, что давностью должно быть защищаемо владѣніе на такое лишь имѣніе, которое могло быть предметомъ свободнаго отчужденія, и находитъ, что земли и угодья, отведенныя казеннымъ крестьянамъ въ надѣленіе, нарѣзанныя церквамъ и монастырямъ въ узаконенную пропорцію и отмежеванныя городамъ на выгоны, по самому свойству назначенія своего, не должны подлежать давности владѣнія, ибо по закону сіи земли не составляютъ собственности казенныхъ крестьянъ, церквей, монастырей и городскихъ обществъ, а состоятъ только въ ихъ пользованіи, и въ случаѣ отчужденія оныхъ какимъ бы то ни было образомъ отъ своего назначенія, возвращаются опять въ прежнее положеніе. Посему онъ заключаетъ, что нужно, въ дополненіе ст. 478 Св. Зак. Гражд. [2]), сказать: земли и угодья, отведенныя казеннымъ крестьянамъ въ надѣленіе, нарѣзанныя церквамъ и монастырямъ въ узаконенную пропорцію и отмежеванныя городамъ на выгоны, не могутъ быть ни утрачены, ни пріобрѣтены земскою давностью владѣнія.

---

12) О давности по срочнымъ обязательствамъ и договорамъ.

13) О давности въ отношеніи имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ.

14) О давности по неисполненнымъ купчимъ.

15) О примѣненіи давности къ десятилѣтнему владѣнію, которое продолжалось безпрерывно.

16) О давности по искамъ о бѣглыхъ. Соображенія по этому вопросу нами приведены въ исторической части.

17) О давности на представленіе къ зачету рекрутскихъ квитанцій.

18) О давности по дѣламъ о недвижимомъ имѣніи для находящихся за-границею по службѣ.

[1]) Эти, равно помѣщенные ниже подобные вопросы соотвѣтствуютъ вопросу, разрѣшенному въ законѣ 1845 года четвертымъ: о давности по завладѣнію казенныхъ земель.

[2]) Изд. 1842 г.—560 1 ч. X т. изд. 1857.

Выше уже объяснено, что нельзя допускать безусловно предлагаемаго правила, будто дѣйствію давности должны подлежать лишь тѣ имущества, которыя съ другой стороны могутъ быть предметомъ свободнаго отчужденія. Примѣненіе сего начала къ вопросу о земляхъ и угодьяхъ, отведенныхъ крестьянамъ въ надѣленіе, или нарѣзанныхъ церквамъ и монастырямъ въ узаконенную пропорцію и отмежеванныхъ городамъ на выгоны, возбуждаетъ, сверхъ того, слѣдующіе вопросы. Имущества казенныя, городскія, церковныя и монастырскія могутъ иногда, при соблюденіи нѣкоторыхъ особыхъ обрядовъ, быть отчуждаемы; слѣдственно, даже и по предложенному правилу, не должны бы быть изъяты отъ дѣйствія земской давности. Но отчужденіе сихъ имуществъ болѣе ограничено, нежели отчужденіе всякаго другаго имущества, и особые формы и обряды, коимъ оное подчиняется, служатъ ручательствомъ, что слѣды сего, законнымъ порядкомъ совершеннаго, дѣйствія не такъ легко могутъ быть изглажены временемъ. Потому, кажется, есть поводъ допустить, чтобы для давности по завладѣнію имуществъ казенныхъ, церковныхъ и городскихъ были опредѣлены особые продолжительнѣйшіе сроки.

Въ римскомъ правѣ была установлена десяти- и двадцатилѣтняя давность для имуществъ частныхъ и особая сорокалѣтняя для имуществъ государственныхъ, церковныхъ, принадлежащихъ богоугоднымъ заведеніямъ и городамъ, а по праву каноническому требовалась для имуществъ церкви римской давность столѣтняя.

По уложенію прусскому для имуществъ казны, церквей и обществъ давность опредѣлена сорокачетырехлѣтняя.

По австрійскому уложенію для пріобрѣтенія имуществъ казны давностью полагается владѣніе впродолженіе сорока лѣтъ.

Въ законодательствѣ французскомъ, королевскими постановленіями Франциска I и Карла IX, государственныя имущества были объявлены неподлежащими никакому роду отчужденія и никакой давности владѣнія; въ 1790 г. постановлено, что государственныя имущества могутъ быть отчуждаемы по особому каждый разъ закону, съ чѣмъ вмѣстѣ установлена для сихъ имѣній и сорокалѣтняя давность. Въ наполеоновскомъ кодексѣ государственныя имущества и имѣнія заведеній и обществъ подчинены тѣмъ же срокамъ давности, какъ и имущества частныхъ лицъ.

У насъ, манифестомъ 1787 г. іюня 28, установлена одна лишь давность по всѣмъ дѣламъ, какъ частныхъ лицъ, такъ и казны; слѣдственно, срокъ давности и относительно къ имуществамъ, выше сего означеннымъ, есть десятилѣтній. Изъ самыхъ дѣлъ приводимыхъ сенатомъ видно, что въ практикѣ сіе примѣненіе было всегда дѣлаемо. Невозможно примѣнить къ казнѣ постановленіе о малолѣтнихъ, ибо нельзя, кажется, признать, что правительство въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи, и то, что въ отношеніи къ малолѣтнимъ есть только временное пріостановленіе, было бы, въ отношеніи къ имуществамъ казны, совершеннымъ уничтоженіемъ дѣйствія давности.

Изъять казенныя, церковныя и городскія имущества вовсе отъ дѣйствія давности можно бы лишь тогда, если бы всякій переходъ казеннаго имущества въ частныя руки былъ во всякомъ случаѣ воспрещенъ закономъ. Что касается правъ самихъ казенныхъ поселянъ или городовъ, или же церквей и монастырей, на земли имъ отведенныя, то къ нимъ законъ о давности не можетъ быть примѣняемъ, ибо они владѣютъ сими землями не на правѣ собственности и сіи земли не перестаютъ быть имуществомъ казны, какъ видно изъ всѣхъ о томъ постановленій закона.

На семъ именно основано заключеніе, что временное владѣніе по контракту или договору не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть основаніемъ земской давности; причемъ весьма справедливо, что лица, въ договорѣ или временномъ пользованіи не участвующія, не должны быть подводимы подъ сіе изъятіе.

Вышеупомянутые вопросы были разсматриваемы въ двоякомъ отношеніи: въ отношеніи самихъ государственныхъ крестьянъ, церквей, монастырей и городскихъ обществъ, и въ отношеніи постороннихъ лицъ.

Въ первомъ отношеніи соединенные департаменты, согласно съ министромъ юстиціи, признали единогласно, что «какъ одно пользованіе не составляетъ основанія къ праву собственности, то государственные крестьяне, городскія общества и духовныя установленія не могутъ пріобрѣсти въ свою собственность по праву давности казенныхъ земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, какъ бы долго то пользованіе ни простиралось, ибо для силы давности надобно владѣть на правѣ собственности, а не на иномъ основаніи», а потому и полагаютъ постановить сіе въ дополненіе 478 ст. Св. Зак. Гражд. [1]).

Во второмъ отношеніи, о примѣненіи давности къ завладѣнію сихъ земель посторонними лицами, послѣдовало въ соединенныхъ департаментахъ разномысліе.

Министръ юстиціи считаетъ, что и въ семъ отношеніи давности никогда не слѣдовало распространять на земли, состоящія въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, или отмежеванныя къ церквамъ, подъ городскіе выгоны или на другое назначеніе, безъ отчужденія казною права собственности.

Примѣненіе закона о давности безъ ограниченій послѣдовало оттого, что съ одной стороны законодательство наше по сему предмету не получило надлежащаго развитія, а съ другой—что правительство въ прежнее время удобнѣе могло жертвовать большими, ненаселенными и часто неизмѣренными пространствами. Нынѣ обстоятельства совершенно измѣнились, и давно уже правительство признало необходимымъ постановить различныя ограниченія къ предупрежденію отчужденія казенныхъ земель; но ограниченія останутся безполезными, если допустить, что лицо, имѣющее только право пользованія на землѣ, принадлежащей казнѣ, можетъ по акту ничтожному, но покрытому давностью, передать другому то право собственности, котораго оно само не имѣло.

Государственный совѣтъ, при разсужденіяхъ по дѣлу Протопопова, призналъ въ 1843 г., что казна имѣетъ менѣе средствъ, нежели частныя лица, къ

---

[1]) Изд. 1842 г.

гражденію своихъ правъ. Ежели принять съ одной стороны въ уваженіе, что пространныя и въ особенности лѣсныя дачи и заводскія земли, столь важныя для государства, находятся часто въ мѣстахъ малонаселенныхъ; что охраненіе границъ, поддержаніе и возобновленіе межевыхъ знаковъ сопряжены съ большими расходами и затрудненіями; что судебныя мѣста не имѣютъ ни возможности, ни даже права входить въ розысканія о правильности совершаемыхъ въ нихъ купчихъ; что средства къ приведенію въ извѣстность всей собственности казны не могли еще достигнуть вполнѣ предположенной цѣли и что краткость десятилѣтняго срока содѣйствуетъ успѣху завладѣнія и отчужденій, тѣмъ болѣе, что условія, коими завладѣніе утверждается, въ законахъ нашихъ не исчислены, и что къ предупрежденію неправильныхъ отчужденій приняты мѣры въ недавнемъ времени,—то нельзя не опасаться, при распространеніи давности на дѣла сего рода, неисчислимыхъ потерь для казны и умноженія затрудненій при внутреннемъ размежеваніи.

Въ иностранныхъ законодательствахъ постановлены для давности вообще сроки, болѣе продолжительные и особенные (самые продолжительные) для отчужденія земель, принадлежащихъ правительству; но тамъ онѣ приведены въ ясность, не столь значительны, ограждаются вѣрными планами и возобновляемыми межами, наблюденіемъ и отвѣтственностью многихъ лицъ. Притомъ давность вообще подвергается по законамъ другихъ государствъ условіямъ, коихъ нѣтъ въ нашихъ законахъ, или которыя не выражены съ подобною ясностью и опредѣлительностью. Такъ напримѣръ, при всякомъ завладѣніи или отчужденіи посредствомъ давности требуется для утвержденія имуществъ за владѣльцемъ чтобы его владѣніе было *безпрерывное, добросовѣстное, съ видъ собственности и основанное на документѣ.* При всѣхъ сихъ условіяхъ нельзя бы сравнить дѣйствія сорокалѣтняго владѣнія въ пермской губерніи съ послѣдствіями десятилѣтняго владѣнія въ Германіи или Франціи, а продолжительные сроки существуютъ тамъ, между тѣмъ какъ краткій срокъ примѣняется у насъ ко всѣмъ дѣламъ, по недостаточному объясненію точнаго разума закона.

По всѣмъ симъ упаженіямъ министръ юстиціи полагаетъ постановить одно общее къ 478 ст. Свода Законовъ Гражданскихъ дополненіе: «земли и угодья, отведенныя казеннымъ крестьянамъ въ надѣленіе, нарѣзанныя церквамъ и монастырямъ въ узаконенную пропорцію и отмежеванныя городамъ на выгоны, не могутъ быть ни утрачены, ни пріобрѣтены земскою давностью владѣнія. Но правило сіе не имѣетъ обратнаго дѣйствія на дѣла, по коимъ судебныя рѣшенія вошли въ законную силу».

Соединенные же департаменты соглашаются съ главноуправляющимъ вторымъ отдѣленіемъ, что какъ имущества казенныя, состоящія въ непосредственномъ владѣніи казны, а равно и предоставленныя въ чье-либо пользованіе, могутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и при соблюденіи особо установленныхъ для того правилъ, быть отчуждаемы, то слѣдственно и не должны быть изъяты отъ дѣйствія земской давности.

Что касается до судебной практики, по которой и государственный совѣтъ, въ разрѣшеніе частныхъ дѣлъ, не всегда принималъ въ основаніе давность завладѣнія казенныхъ имуществъ, то нельзя не замѣтить, что судебная практика въ своихъ рѣшеніяхъ бываетъ весьма разнообразна. Въ доказательство можно привести примѣрныя дѣла, помѣщенныя въ сенатской по сему дѣлу запискѣ, подъ №№ 12, 30, 41, 45, 46, 52, 53, 56 и др., гдѣ право давности было приложено и къ завладѣнію казенными имуществами. Но если бы судебная практика и была постоянно единообразною въ смыслѣ заключенія министра юстиціи, то и тогда она могла бы быть принята въ нѣкоторое уваженіе только при недостаткѣ или неясности закона. Въ настоящемъ же случаѣ законъ и ясенъ и положителенъ. Въ манифестѣ 1787 іюня 28 [1]), коренномъ законѣ о давности, именно сказано: «Право сего десятилѣтняго срока распространяемъ на всѣ дѣла гражданскія, какъ между частными людьми, такъ и между ними и казною». На семъ основаніи и въ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ составлена ст. 2232 [2]). Сообразно сему, при исчисленіи въ другихъ статьяхъ Свода имуществъ, изъятыхъ отъ дѣйствія давности, о казенныхъ земляхъ вовсе не упомянуто.

Такимъ образомъ, изъятіе казенныхъ имуществъ отъ дѣйствія давности было бы закономъ новымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно противнымъ какъ прежнему закону, такъ и въ особенности отеческому духу нашего правительства, постоянно охраняющаго всякое спокойное и добросовѣстное частное владѣніе. Неблаговидность сего новаго закона не была бы даже искуплена матеріальными для казны выгодами, которыя собственно однѣ и могли бы служить поводомъ къ его изданію; ибо на будущее время, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ и при всѣхъ данныхъ ему къ охраненію казенной недвижимой собственности способахъ, невозможно и предполагать захватовъ казенныхъ земель, а тѣмъ болѣе безгласнаго, въ теченіе десяти лѣтъ, незаконнаго ими владѣнія. Дать же сему новому закону обратное дѣйствіе, хотя бы до времени изданія межевой инструкціи 1766 г., совершенно невозможно, ибо это значило бы породить безчисленное множество доносовъ о завладѣніи казенныхъ земель, открыть новыя средства къ злоупотребленію и притѣсненію со стороны мѣстныхъ чиновниковъ, подорвать благосостояніе тысячи дворянскихъ фамилій, которымъ завладѣнныя земли достались отъ предковъ или чрезъ покупку отъ постороннихъ лицъ,—однимъ словомъ, потрясти всю поземельную собственность въ цѣлой Россіи въ самыхъ ея основаніяхъ.

По симъ уваженіямъ соединенные департаменты полагаютъ оставить существующія по сему предмету узаконенія въ своей силѣ и никакого дополненія къ онымъ не дѣлать. Согласно съ симъ мнѣніемъ, въ Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта вошло вышеприведенное постановленіе, заключающееся нынѣ въ 560 ст. 1 ч. X т.

Кромѣ того, общихъ началъ давности касаются разсужденія государственнаго совѣта по вопросамъ о томъ, съ котораго времени считать давность: 1) По

[1]) П. С. З. № 16551.

[2]) Изданія 1842 г.—ст. 213 2 ч. X т. изд. 1857.

завладѣнію имуществомъ частныхъ лицъ, находящихся во временномъ пользованіи другихъ по контрактамъ и договорамъ? 2) Въ томъ случаѣ, когда временный владѣлецъ чужаго имѣнія передастъ оное, въ видѣ своей собственности, другому лицу? 3) По завладѣнію казеннымъ имуществомъ, при нахожденіи онаго во временномъ арендномъ владѣніи или оброчномъ пользованіи?

По отношенію къ этимъ вопросамъ говорится въ запискѣ, что «министръ юстиціи находитъ, что временное владѣніе по контракту или договору не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть исчисляемо, какъ входящее въ срокъ земской давности, по временному пользованію казеннымъ или частнымъ имуществомъ на основаніи договора, и по пожизненному владѣнію имѣніями на основаніи актовъ, законно совершенныхъ, замѣчая, однакожъ, что лица, въ договорѣ или временномъ пользованіи не участвующія, не должны подлежать дѣйствію сего изъятія. Если, напримѣръ, кто либо спокойно владѣлъ въ теченіе земской давности участкомъ земли, находящимся не въ непосредственномъ владѣніи вотчинника, а въ пользованіи другаго лица, то вотчинникъ, по минованіи давности, буде ей не противодѣйствуетъ сила межевыхъ книгъ и плановъ, не имѣетъ права производить иска о возвращеніи потеряннаго участка, а долженъ искать соотвѣтствующаго вознагражденія отъ временнаго владѣльца, прежде истеченія десяти лѣтъ по минованіи срока договору.

Главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ, съ своей стороны, уже сообщалъ министру юстиціи, что и по его мнѣнію, какъ временное владѣніе по договору не можетъ быть зачисляемо въ давность для лица, симъ владѣніемъ пользующагося, такъ равно и въ случаѣ завладѣнія арендного имѣнія лицомъ посторонним давность укрѣпляетъ за нимъ право собственности и вотчинникъ долженъ отыскивать удовлетвореніе съ временнаго, допустившаго сей захватъ, владѣльца. Сіи правила основаны на естественномъ выводѣ изъ общихъ началъ земской давности.

Въ законодательствахъ иностранныхъ мы находимъ слѣдующія о семъ постановленія: въ уложеніи прусскомъ — что имѣющій въ содержаніи, управленіи или вообще неполномъ владѣніи имущество, не можетъ пріобрѣсти права давности противъ того, коего именемъ онъ владѣетъ; въ кодексѣ французскомъ — что владѣющій вещью не на правѣ собственности, а за другаго или именемъ другаго, никогда не можетъ пріобрѣсти давностью, сколько бы времени ни продолжалось его владѣніе. Такимъ образомъ, и имѣющій въ арендномъ или откупномъ содержаніи, и принявшій вещь на сохраненіе, и тотъ, коему предоставлено пользоваться доходами, и вообще всѣ лишь временно имѣющіе у себя вещь, или владѣющіе имуществомъ, которыя суть собственность другаго, не могутъ пріобрѣсти оныхъ давностью. Далѣе, что постороннія лица, коимъ временный владѣлецъ передалъ имущество на правѣ собственности, могутъ пріобрѣсти оное давностью.

Другіе вопросы, возбужденные при предварительныхъ о сей статьѣ разсужденіяхъ, относительно примѣненія давности къ пріобрѣтенію нѣкоторыхъ правъ въ чужомъ имуществѣ долговременнымъ пользованіемъ, касаются собственно

такъ называемыхъ сервитутовъ, угодій или повинностей въ чужихъ имуществахъ. Сія часть законодательства у насъ весьма недостаточна, мы въ немъ находимъ лишь нѣкоторыя указанія по симъ предметамъ, но къ развитію оныхъ можетъ быть приступлено токмо при общемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ. Тогда будетъ случай и удобность постановить точнѣе, до какой степени и при какихъ условіяхъ права сего рода могутъ быть пріобрѣтаемы давностью.

На этомъ основаніи, полагалось въ дополненіе надлежащихъ статей Свода Законовъ Гражданскихъ постановить слѣдующее:

«Временное владѣніе имуществомъ по контракту или другому акту не можетъ быть зачисляемо въ давность для лица, симъ владѣніемъ пользующагося, но лица, въ договорѣ или временномъ пользованіи неучаствующія, не должны подлежать дѣйствію сего изъятія». Такимъ образомъ, если кто либо спокойно владѣлъ въ теченіе земской давности участкомъ земли, находящимся не въ непосредственномъ владѣніи вотчинника, а въ пользованіи другаго лица, то вотчинникъ, по минованіи давности, не имѣетъ права производить иска о возвращеніи потеряннаго участка, а долженъ искать соотвѣтствующаго вознагражденія съ временнаго владѣльца, прежде истеченія десяти лѣтъ по минованіи срока договору.

Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, отъ 23 апрѣля 1845 г., по этимъ вопросамъ, какъ разрѣшеннымъ уже на основаніи правила, вошедшаго въ нынѣшнюю 560 ст. 1 ч. X т., никакого особаго постановленія не послѣдовало.

Находили, что въ Сводѣ Законовъ исправленъ замѣченный недостатокъ въ опредѣленіи различія пользованія чужою собственностью отъ настоящаго завладѣнія, могущаго служить основаніемъ пріобрѣтенію посредствомъ давности, но однако не вполнѣ; надлежало бы согласовать статьи 451 и 480 [1]). Въ ст. 451 характеръ завладѣнія опредѣленъ словами *въ видѣ собственности*, между тѣмъ какъ въ ст. 480 не постановлено сего условія въ отношеніи къ владѣнію, могущему служить основаніемъ къ пріобрѣтенію права собственности.

На сіе II отдѣленіе отвѣтствуетъ, что ст. 451 именно опредѣляетъ всѣ условія владѣнія и, слѣдовательно, въ семъ отношеніи только она одна должна и можетъ служить основаніемъ при разрѣшеніи вопроса, какое владѣніе, по свойству своему, слѣдуетъ признавать основаніемъ права, пріобрѣтаемаго давностью; предметъ ст. 480 есть лишь опредѣленіе *срока* давности и посему едва-ли нужно въ оной исчислять всѣ другія условія владѣнія. Впрочемъ, у насъ опредѣлена лишь давность владѣнія, служащая основаніемъ къ пріобрѣтенію имущества въ собственность, и на семъ основаніи надлежитъ разрѣшать всѣ возбужденные нынѣ вопросы, но при общемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ, конечно, должно будетъ обратить вниманіе и на пользованіе правомъ, которое можетъ быть всегда утверждено давностью, независимо отъ права собственности на вещь. Тог-

---

[1]) Изд. 1842 г.—533 и 567 1 ч. X т. изд. 1857 г.

да, безъ мнѣнія, и самое опредѣленіе давности пріобрѣтающей должно будетъ отчасти измѣнить, то-есть дополнить, не ограничивая уже оную владѣніемъ на правѣ собственности. Относительно признаковъ и свойства владѣнія вообще, а равно и различныхъ видовъ пользованія и владѣнія имуществомъ, то едва-ли нужно теперь же приступать къ дальнѣйшему развитію законодательства нашего по сей части. Сіе можетъ быть предметомъ сужденій лишь при общемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ. Что касается условія *гласности* владѣнія, оно, безъ сомнѣнія, необходимо и, такъ сказать, подразумѣвается, но удобно будетъ издать точное о семъ постановленіе, подобное тѣмъ, которыя находятся въ разныхъ иностранныхъ законодательствахъ; присемъ будетъ необходимо войти во многія объясненія о томъ, что почитать доказательствомъ гласности, что лучше оставить до общаго пересмотра гражданскаго Свода.

Едва-ли необходимо вносить въ Сводъ Законовъ, въ видѣ особаго правила, заключающееся въ мнѣніи государственнаго совѣта 27 марта 1823 года подтвержденіе—не исключать отъ дѣйствія давности тѣ дѣла, которыя закономъ именно изъ оной не изъяты. Само собою разумѣется, что при существованіи закона общаго, изъятія изъ онаго допускаются только въ тѣхъ случаяхъ, которые закономъ же именно опредѣлены [1]).

Особое постановленіе о томъ, что никто не можетъ пріобрѣтать чрезъ давность имущества такого рода, какимъ онъ по состоянію своему владѣть не вправѣ—едва-ли нужно: сіе само собою разумѣется, ибо давность, бывъ только однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія и послѣдствіемъ онаго, равно какъ другихъ, не можетъ быть изъятіемъ изъ общаго закона о правѣ владѣнія.

Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствахъ есть постановленіе о правѣ отказываться отъ дѣйствія давности, но трудно предполагать, чтобъ и тамъ сіи правила когда нибудь примѣнялись къ дѣлу въ практикѣ. Что касается права отказываться отъ пріобрѣтеннаго уже давностью имущества, то сіе право принадлежитъ всякому въ отношеніи пріобрѣтеннаго имъ имѣнія, и нѣтъ нужды въ особыхъ о томъ постановленіяхъ.

Владѣніе, основанное на насиліи и вообще на преступленіи, конечно не должно бы чрезъ давность обращаться въ законную собственность. Провозглашеніе сего правила было бы достойно нашего правительства; оно вполнѣ сообразно съ общими началами справедливости и съ внутреннимъ чувствомъ естественной морали. Предположеніе о семъ внесено въ проектъ новаго уголовнаго ко-

---

[1]) Не могу здѣсь не замѣтить, что отсюда нельзя заключать, будто въ мотивахъ нашего законодательства признано существованіе общей отвлеченной давности: здѣсь говорится только о давности исковой, и для исковъ давность дѣйствительно есть общая,—ей подлежитъ всякій искъ именно изъ нея неизъятый, но изъ правъ только права, именно ей подвергнутыя

декса, но можетъ быть предметомъ особыхъ соображеній и при общемъ пересмотрѣ законовъ гражданскихъ. Тогда должно будетъ обратить вниманіе и на другія условія пріобрѣтенія правъ давностью владѣнія, каковы суть: добросовѣстность, достаточность основаній при вступленіи во владѣніе и т. п.

Въ заключеніе II отдѣленіе снова изъявляетъ мнѣніе, что лучше и удобнѣе, не входя нынѣ въ подробное сужденіе о сихъ вопросахъ и, слѣдственно, не вводя новыхъ постановленій въ наше законодательство, для разрѣшенія сихъ вопросовъ, причислить ихъ, а равно и тѣ, которые могутъ еще возникнуть при окончательномъ разсмотрѣніи сего дѣла въ государственномъ совѣтѣ, къ предметамъ, уже предоставленнымъ соображенію II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, при общемъ пересмотрѣ гражданскихъ нашихъ законовъ.

Государственный совѣтъ, какъ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и дѣлъ гражданскихъ, такъ и въ общемъ собраніи, прежде всего обращаясь къ сужденію объ основаніяхъ земской давности въ нашемъ законодательствѣ и общихъ ея свойствахъ, убѣдился изъ сдѣланнаго II отдѣленіемъ сравненія нашего по сему предмету законодательства съ иностранными въ недостаточности постановленій о давности, содержащихся въ Сводѣ Законовъ.

Важнѣйшіе изъ сихъ недостатковъ состоятъ въ томъ: а) что у насъ вовсе не упоминается о существенныхъ условіяхъ владѣнія для обращенія онаго въ теченіе опредѣленнаго времени въ право собственности, каковы суть: справедливое основаніе на владѣніе и добросовѣстность онаго; б) что въ нашихъ законахъ положенъ, за весьма немногими изъятіями, одинъ общій срокъ давности (десятилѣтній) для прекращенія всякаго иска и всякой тяжбы, какъ о движимыхъ, такъ и о недвижимыхъ имуществахъ, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для казны, обществъ и установленій.

Сколь ни желательнымъ было бы ввести по симъ предметамъ въ наше законодательство подобныя существующимъ въ иностранныхъ законахъ различія, основанныя на свойствѣ самыхъ правъ, на способѣ ихъ пріобрѣтенія и на разныхъ родахъ исковъ, но нельзя не убѣдиться, что при первомъ къ сему приступѣ представляется множество теоретическихъ вопросовъ, разрѣшеніе коихъ составило бы новое обширное законодательство, совершенно невозможное безъ измѣненія законовъ о самой собственности и обязательствахъ.

Посему, начертаніе полнаго и новаго закона о давности можетъ послѣдовать не прежде, какъ при предполагаемомъ общемъ пересмотрѣ гражданскаго уложенія, и что затѣмъ нынѣ необходимо ограничиться только тѣми частными о давности вопросами, которые возникали уже въ судебной практикѣ или находятся въ неразрывной съ ними связи, такъ что отдѣльное ихъ

разрѣшеніе, сообразно съ существующими правилами, не предупредитъ и не стѣснитъ общихъ о томъ соображеній при пересмотрѣ гражданскихъ законовъ.

При семъ собственно пересмотрѣ можно будетъ съ большою удобностью разсмотрѣть и общія разсужденія о различіи между давностью пріобрѣтающею и давностью лишающею, и объ имуществахъ, по свойству своему неподлежащихъ давности.

Затѣмъ, приступлено къ обсужденію отдѣльныхъ вопросовъ, возникшихъ о давности, по разсмотрѣніи коихъ государственный совѣтъ, въ видѣ общаго заключенія, постановилъ:

1) Начертаніе новаго и полнаго закона о давности отложить до общаго пересмотра законовъ гражданскихъ.

2) Вопросъ о примѣненіи давности къ общему владѣнію въ одной окружной межѣ предоставить предварительному разсмотрѣнію центральнаго комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія вопросовъ, относящихся до спеціальнаго размежеванія, съ тѣмъ чтобы комитетъ сей, буде признаетъ необходимымъ, опредѣлилъ виды и послѣдствія завладѣнія въ дачахъ общаго или чрезполоснаго владѣнія.

3) По прочимъ отдѣльнымъ вопросамъ, а также и послѣдовавшимъ разногласіямъ, сообщить къ исполненію составленные и вышеизложенные проекты дополненія, поясненія и измѣненія подлежащихъ статей Свода Законовъ, въ томъ видѣ, какъ они въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла удостоятся Высочайшаго утвержденія.

Приведенные нами мотивы чрезвычайно важны для толкованія существующихъ законовъ и составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для объясненія оныхъ. Они доказываютъ, какъ мы уже упомянули, что въ общихъ чертахъ органы нашего законодательства вполнѣ правильно относились къ своей задачѣ, что хотя въ частностяхъ можно оспаривать правильность отдѣльныхъ соображеній, но общій взглядъ вполнѣ соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ на этотъ предметъ, выработаннымъ наукою права. Именно, совершенно правильно отвергается существованіе общаго начала отвлеченной давности отклоненіемъ изданія общаго закона о давности, такъ какъ значеніе ея въ отдѣльныхъ случаяхъ зависитъ отъ самаго характера тѣхъ учрежденій, къ коимъ она примѣняется, и что поэтому неудобно и даже невозможно издать особое о земской давности положеніе. Напротивъ того, при общемъ пересмотрѣ гражданскихъ законовъ, по установленіи всѣхъ началъ и коренныхъ правилъ гражданскаго уложенія, должно будетъ, сообразно съ сими началами, развить и постановленія о земской давности, указавъ каждому правилу приличное мѣсто при изложеніи того учрежденія гражданскаго права, къ которому оно относится. Къ этому весьма правильно прибавляется, что лишь симъ способомъ можно достигнуть надлежащей стройности въ постановленіяхъ гражданскаго права. Измѣненіе и усовершенствованіе постановленій о давности a priori, отвлеченно, на

основаніи общаго понятія о давности могло бы только повести къ затрудненіямъ и противорѣчіямъ.

Мотивы закона 23 апрѣля 1845 г. такимъ образомъ подтверждаютъ выводы наши о томъ, что въ русскомъ правѣ не существуетъ общаго отвлеченнаго начала давности, но что въ немъ существуетъ главнымъ образомъ давность исковая и введенная при изданіи Свода Законовъ 1832 года, составленіемъ нынѣшней 533 ст. 1 ч. X т.; давность владѣнія оставалась до сихъ поръ безъ всякаго развитія и, собственно говоря, безъ дѣйствительнаго примѣненія на практикѣ и безъ вліянія на общій характеръ нашей давности и всей системы гражданскаго права.

4. Существующая въ русскомъ правѣ давность владѣнія совершенно не развита.

Мы видѣли, что въ 1832 году, вслѣдствіе составленія нынѣшней 533 статьи 1 ч. X т. Св. Зак., явилось въ современномъ русскомъ законодательствѣ понятіе о давности владѣнія, до тѣхъ поръ въ немъ не существовавшее. Конечно, одно это обстоятельство еще не доказываетъ, чтобы это понятіе дѣйствительно, пустило корни въ русскомъ правѣ и могло бы считаться въ немъ жизненнымъ началомъ.

Писатели по русскому гражданскому праву, отвергающіе отвлеченную теорію давности, опираются на мысль, что въ русскомъ правѣ существуютъ какъ давность владѣнія, такъ и давность исковая, хотя первая лишь въ видѣ болѣе или менѣе неразвитомъ. Такъ Мейеръ говоритъ [1]), что «судебныя мѣста, рѣшая споръ о правѣ собственности, основывающемся на давности, большею частью имѣютъ въ виду только давностный срокъ и мало обращаютъ вниманія на принадлежность къ давностному владѣнію владѣнія въ видѣ собственности.» Десятилѣтній срокъ, по воззрѣнію нашей практики, считается самою существенною принадлежностью давности, такъ что практика мало обращаетъ вниманія на другія принадлежности, а главнымъ образомъ только на истеченіе или неистеченіе десятилѣтняго срока давностнаго владѣнія. Когда лицо ссылается на давность, какъ на основаніе своего права собственности, и доказываетъ, что владѣніе его продолжалось болѣе десяти лѣтъ, судебныя мѣста обыкновенно довольствуются этимъ и не требуютъ доказательствъ безспорности, непрерывности владѣнія и т. п., такъ что если противная сторона укажетъ на перерывъ давностнаго владѣнія, то судебное мѣсто потребуетъ, пожалуй, доказательствъ не отъ того лица, которое ссылается на давность, а отъ того, которое отвергаетъ ее, хотя должно быть наоборотъ: лицо, утверждающее за собою право собственности на

---

[1]) Русское гражданское право. Спб. 1862 г. II, стр. 88 и сл.

основаніи давности, должно доказать, что вещь дѣйствительно состояла въ его владѣніи въ теченіе давностнаго срока и что владѣніе ею соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ давностнаго владѣнія.

Именно, по основному правилу судопроизводства, каждый обязанъ доказать свои фактическія заявленія—то, на чемъ онъ основываетъ свое право. Это общее правило примѣняется напр. въ римскомъ правѣ къ давностному владѣльцу въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ доказать свойство своего владѣнія, его дѣйствительность, добросовѣстность и законное основаніе. Конечно, нельзя требовать, чтобы давностный владѣлецъ доказывалъ все это относительно каждаго мгновенія въ теченіе срока. Достаточно, если онъ приводитъ такія обстоятельства, изъ которыхъ можно заключить о добросовѣстности его владѣнія и, касательно продолженія, о началѣ и концѣ или о продолженіи до сихъ поръ. Самое важное есть доказательство, что добросовѣстность его имѣетъ положительное основаніе, и если окажется, что она зиждется на недоразумѣніи, то на такомъ, которое легко извинить или трудно избѣгнуть. Если давностный владѣлецъ въ состояніи сдѣлать все это вѣроятнымъ, то доказательство его недобросовѣстности есть дѣло истца-противника.

Основывающій свое право на *спокойномъ, безспорномъ и непрерывномъ владѣніи въ теченіе давности*, обязанъ доказать не только самое владѣніе, но и что оно было спокойно, безспорно и непрерывно въ теченіе срока давности, такъ какъ утверждаетъ, что его владѣніе имѣло опредѣленное, положительное качество, съ которымъ законъ связываетъ извѣстное послѣдствіе. Напротивъ того, основывающій свое право на давности исковой, заявляетъ только, что въ теченіе десяти лѣтъ собственникъ не искалъ, т. е. не утверждалъ о себѣ ничего положительнаго, вообще никакого факта—отсутствіе факта не есть фактъ—что̀ бы ему слѣдовало доказать, но утверждаетъ отсутствіе дѣятельности собственника; уже дѣло собственника доказать, что онъ не молчалъ, а совершилъ фактъ, искалъ. Именно, хотя отвѣтчикъ заявляетъ въ положительной формѣ: истецъ, собственникъ десять лѣтъ не искалъ,—но это не есть заявленіе факта, а только отрицаніе факта, выставленнаго, но еще недоказаннаго истцомъ. Истецъ заявилъ: хотя я и не владѣю, но однакожъ не терялъ своего права, ибо, дѣйствовалъ, и поэтому не утратилъ ни права на искъ ни, можетъ быть, самаго владѣнія,—что̀ ему и приходится доказывать.

По мнѣнію Мейера, практика нашихъ судовъ именно такъ смотрѣла на давность, хотя бы и говорилось о давности владѣнія. Онъ указываетъ, наконецъ, и на то обстоятельство, что въ нашей практикѣ разумѣютъ подъ давностью именно давностный срокъ, говорятъ напр. *прошла давность, прошли двѣ, три давности*.

Что мнѣніе это соотвѣтствуетъ дѣйствительности—видно изъ множества рѣшеній, отпечатанныхъ въ «Сборникѣ рѣшеній правительствующаго сената.

Такимъ образомъ, собственно и по мнѣнію Мейера, русское право (или по крайней мѣрѣ судебная практика) признаетъ на дѣлѣ лишь силу одной только давности исковой.

Другой писатель, также признающій существованіе въ русскомъ правѣ отдѣльнаго учрежденія давности владѣнія, г. Побѣдоносцевъ, говоритъ [1]): «Лишь съ изданіемъ Свода Законовъ появились въ немъ прямыя статьи о владѣніи, подлежащемъ дѣйствію давности, отдѣльно отъ статей о давности процессуальной (т. е. исковой или тяжебной), погашающій право на искъ. Оттого ученіе о давности и о владѣніи, подлежащемъ давности, не имѣя твердыхъ корней въ исторіи нашей и въ судебной практикѣ, остается до нынѣ неразработаннымъ и не имѣетъ цѣльнаго вида; и для разработки предстоитъ еще внесть въ него съ чужой почвы новыя понятія о юридическихъ условіяхъ владѣнія, какъ-то: о титулѣ (т. е. законномъ основаніи), cona fides (т. е. добросовѣстности) и т. п. Но позволительно еще усомниться, своевременна-ли была бы нынѣ и насколько соотвѣтствовала бы нынѣшнему экономическому состоянію нашихъ владѣній такая перестройка закона о давности [2]). Давность только по преданію должно отнесть къ способамъ пріобрѣтенія права собственности; по настоящему, это вовсе не способъ пріобрѣтенія, а способъ доказательства о правѣ собственности.»

Итакъ, и по мнѣнію г. Побѣдоносцева, на практикѣ главное значеніе имѣетъ давность исковая. Однако, по его мнѣнію, давность владѣнія хотя не есть способъ пріобрѣтенія собственности, но есть способъ доказательства о существованіи права собственности, т. е. онъ все-таки полагаетъ, что давность владѣнія имѣетъ въ нашей практикѣ самостоятельное значеніе, независимо отъ давности исковой.

Выше мы изложили существенныя принадлежности давности владѣнія въ смыслѣ usucapio. Мы видѣли, что учрежденіе это всюду введено положительнымъ законодательствомъ въ огражденіе права собственности.

Въ основаніи этого учрежденія лежитъ мысль о необходимости для гражданскаго общества и государства твердаго и непоколебимаго начала собственности, которое есть одно изъ важнѣйшихъ основаній гражданскаго права. Оно столь важно, что законъ признаетъ необходимость всесторонняго его огражденія, гдѣ бы это начало гражданственности ни проявлялось, хотя бы въ отдѣльномъ случаѣ возникновеніе его и не соотвѣтствовало всѣмъ требованіямъ строгаго закона. Вслѣдствіе этого законъ постановляетъ, что если дѣйствительно кто-либо имѣетъ вещь въ своей власти, его господство имѣетъ основаніе, хотя неспособное само по себѣ служить основаніемъ пріобрѣтенія собственности, но, по крайней мѣрѣ, не противорѣчащее закону, и владѣлецъ убѣжденъ, что не совершаетъ несправедливости, удерживая вещь въ своей власти и распоряжаясь ею по волѣ, и все это происходитъ въ теченіе извѣстнаго срока времени, то, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, съ исходомъ этого срока, право собственности считается пріобрѣтеннымъ давностью владѣнія. Законъ здѣсь главнымъ образомъ охраняетъ существующее, дѣйствительное право, которому недостаетъ формальнаго укрѣпленія, котораго пріобрѣтеніе неполно, несовершенно. Но, кромѣ того, такимъ постанов-

---

[1]) Курсъ русскаго гражданскаго права Спб. 1868 г, I, стр. 133 и сл., 181.

[2]) О послѣднемъ положеніи многоуважаемаго автора см. ниже.

леніемъ узаконяется фактическое положеніе, возникшее изъ полезной и непротивозаконной дѣятельности гражданина. Повторяемъ: право собственности такъ важно для государства, что законъ охраняетъ его и тамъ, гдѣ ему недостаетъ формальнаго укрѣпленія, но гдѣ въ большей части случаевъ возникновеніе его почему-либо не можетъ быть доказано; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой охраной можетъ пользоваться и тотъ, кто не пріобрѣлъ собственности, но, распоряжаясь имуществомъ какъ своимъ, не совершалъ ничего противозаконнаго.

Изъ всѣхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы можно было признать давность владѣнія (usucapio) дѣйствительно существующимъ началомъ, въ Сводѣ Законовъ установлено одно лишь владѣніе въ видѣ собственности, т. е. полное положительное господство лица надъ вещью въ теченіе извѣстнаго срока времени. Не говорится ни о непротивозаконномъ основаніи, ни о добросовѣстности; наконецъ—что самое важное—не говорится о томъ, что давностью владѣнія пріобрѣтается формальное право собственности.

Поэтому мы должны сказать, что въ нашемъ правѣ не существуетъ давности владѣнія, usucapio, въ видѣ правильно развитаго учрежденія, но существуютъ только зачатки такого учрежденія, такъ что самыя важныя условія еще должны быть внесены въ наше законодательство съ чужой почвы.

Вотъ наше положеніе. Перейдемъ теперь къ подробному разсмотрѣнію тѣхъ данныхъ, на коихъ оно основано.

О давности владѣнія говорится въ статьяхъ 557—560 и 533 1 части X т. Свода Зак. Гражд., изд. 1857 г.

Ст. 557. Земскою давностью или давностью владѣнія называется спокойное и безспорное продолженіе онаго въ теченіе закономъ опредѣленнаго времени, которое называется срокомъ давности.

Статья эта содержитъ въ себѣ только опредѣленіе слова давности; въ ней земская давность и давность владѣнія принимаются вполнѣ безразличными. Хотя говорится о владѣніи, но въ такихъ выраженіяхъ, что ничего положительнаго и существеннаго о владѣніи изъ этой статьи вынести нельзя.

Ст. 558. Владѣніе, на которое нѣтъ притязаній отъ постороннихъ лицъ, называется безспорнымъ; въ противномъ же случаѣ оно почитается спорнымъ.

Ст. 559. Но притязанія постороннихъ лицъ на имущество тогда только дѣлаютъ владѣніе спорнымъ, когда поступили въ судебныя мѣста не только явочныя, но и исковыя прошенія.

Въ этихъ двухъ статьяхъ опять говорится о владѣніи, но качество его опредѣляется единственно неучиненіемъ иска, то-есть, само по себѣ и положительно вовсе не опредѣляется. Такимъ образомъ, мы изъ этихъ статей не можемъ дѣлать какихъ либо выводовъ о пространствѣ и значеніи давности владѣнія: ихъ содержаніе можетъ вполнѣ относиться и къ давности исковой. Въ нихъ слово давность владѣнія есть единственный признакъ, по которому можно заключать о существованіи таковаго.

Другое значеніе, повидимому, имѣютъ ст. 533 и 560.

Ст. 560. Для силы давности надобно владѣть на правѣ собственности, а не на иномъ основаніи. Какъ посему одно пользованіе не составляетъ основанія къ праву собственности, то государственные крестьяне, городскія общества и духовныя установленія, равно всѣ тѣ, которымъ даны казенныя земли въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ или для извѣстнаго употребленія, не могутъ пріобрѣсти въ свою собственность, по праву давности, казенныхъ земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, какъ бы долго то пользованіе ни продолжалось.

Прежде всего замѣтимъ, что ст. 560 составлена въ 1845 г., какъ логическое слѣдствіе закона 1787 года о давности иска, что при составленіи ея имѣли въ виду выразить въ ней, относительно одного особеннаго случая, то, что уже было сказано въ статьѣ 533; во всякомъ случаѣ въ ней не предполагалось измѣнить условій давности, установленныхъ въ ст. 533. Уже отсюда видно, что выраженіемъ «на правѣ собственности» хотѣли выразить лишь то же самое, что содержится въ словахъ «въ видѣ собственности».

Ст. 533. Спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности превращается въ право собственности когда оно продолжится въ теченіе установленной закономъ давности.

Владѣніе должно быть прежде всего **въ видѣ собственности** или, по ст. 560, **на правѣ собственности**. Первое выраженіе само по себѣ понятно: оно означаетъ, что владѣніе должно быть такимъ, которое имѣло бы видъ, обликъ собственности, имѣло бы свойство, въ которомъ выражалось бы полное господство надъ имѣніемъ, чтобы владѣлецъ фактически могъ имъ распоряжаться. Требуется владѣніе, фактическимъ содержаніемъ своимъ соотвѣтствующее праву собственности. Однимъ словомъ, этимъ выраженіемъ требуется, чтобы *владѣніе* было *юридическое*, чтобы имъ высказывалась воля лица: распоряжаться вещью какъ своею (animus rem sibi habendi), чѣмъ исключается владѣніе зависимое, въ силу коего лицо владѣетъ, пользуется, распоряжается вещью отъ имени или съ согласія другаго, то есть собственника. Положеніе владѣльца должно быть фактически такимъ, въ какомъ по закону находится обыкновенно только собственникъ [1]). Выраженіе *владѣніе на правѣ собственности*, встрѣчающееся въ ст. 560, имѣетъ то же самое значеніе, имъ заявляется то же самое

---

[1]) Мейеръ, Русск. гражд. пр. II, стр. 86 и сл., гдѣ приводятся авторомъ и другія объясненія этихъ выраженій и лишь издателемъ проведено правильное толкованіе. Мы не считаемъ нужнымъ остановиться на приведенныхъ Мейеромъ разныхъ толкованіяхъ, такъ какъ послѣ всесторонняго толкованія упомянутаго выраженія профессоромъ Куницынымъ, въ его статьѣ «о пріобрѣтеніи права собственности давностью владѣнія», «Журн. Мин. Юст.» 1864, XXII, стр. 59 и сл., уж не можетъ быть никакого сомнѣнія въ правильности этого толкованія. -Побѣдоносцевъ, Курсъ гражд. пр. I, стр. 134 и сл.

понятіе [1]). Съ перваго взгляда это выраженіе могло бы показаться довольно страннымъ: какъ будто отъ давностнаго владѣльца требуется, чтобы онъ былъ собственникомъ, чтобы онъ основывалъ свое давностное владѣніе на существующемъ уже правѣ собственности. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ ст. 560 все дѣло идетъ именно только еще о достиженіи владѣніемъ самаго права собственности. Изреченію *на правѣ собственности* дается здѣсь значеніе не по его основанію или источнику—уже существующему праву собственности, но по его направленію и цѣли—обладать имуществомъ, какъ собственностью.

Условіе, что владѣніе должно быть *въ видѣ собственности*, самымъ существованіемъ своимъ указываетъ на давность владѣнія, на usucapio, впрочемъ не безусловно, не исключительно. Оно одно еще не доказываетъ существованія такого учрежденія. Дѣйствительно, при давности владѣнія (usucapio) необходимо, чтобы существовало владѣніе въ видѣ собственности, но таковое владѣніе необходимо и при исковой давности. Искъ собственника о возвращеніи его вещи вызывается, дѣлается положительно (конкретно) существующимъ лишь съ того времени, когда другое лицо стало владѣть вещью въ видѣ собственности, съ тѣхъ поръ, какъ это лицо сдѣлалось юридическимъ владѣльцемъ этой вещи, имѣя ее во власти, какъ свою собственную. Итакъ, если нѣтъ въ виду другихъ условій давности владѣнія, то изъ того, что въ законѣ упоминается о владѣніи въ видѣ собственности, еще не слѣдуетъ, что въ русскомъ правѣ существуетъ usucapio: юридическое владѣніе необходимо также для давности исковой и его существованіе можетъ быть обусловлено также ею одной.

Второе условіе, установленное въ 533 статьѣ, это есть непрерывность: владѣніе въ видѣ собственности должно быть непрерывное.

Въ законѣ нѣтъ опредѣленія понятія непрерывности, поэтому мы при объясненіи его должны держаться буквальнаго смысла слова «непрерывность» и значенія относительно владѣнія. Владѣніе пріобрѣтается когда воля имѣть извѣстную вещь своею выразилась и осуществилась въ дѣйствіи физическомъ; для этого необходимо, чтобы при завладѣніи вещь перестала быть во владѣніи другаго. Владѣніе разъ пріобрѣтенное продолжается, пока воля владѣльца направлена на вещь и въ состояніи дѣйствовать на оную, пока онъ желаетъ и мо-

---

[1]) Ср. тамъ же.—Въ такомъ смыслѣ понимались эти выраженія какъ въ литературѣ, такъ и въ судебной практикѣ. Намъ извѣстенъ только одинъ случай изъ судебной практики, гдѣ выражено было мнѣніе, что будто по ст. 560 отъ давностнаго владѣльца требуется, чтобы онъ доказалъ свое право собственности, т. е. доказалъ, что имѣлъ право на имущество, независимо отъ владѣнія, и получилъ власть распоряжаться вводомъ. «Журн. Мин. Юст.» 1861, X, стр. 498, 499.—А. Думашевскій объясняетъ выраженіе «на правѣ собственности» въ томъ же смыслѣ. Онъ говоритъ: оно имѣетъ значеніе: 1) отрицательное—чтобы владѣніе не было условное (напримѣръ на правѣ аренды; законъ требуетъ отсутствія такихъ основаній, которыя исключали бы возможность владѣнія на правѣ собственности; 2) положительное—которое должно выражаться въ желаніи владѣльца удержать за собою вещь въ собственность («Судебный Вѣстникъ», 1868, № 62, и. Журн.» Мин. Юст.» 1868, № 4, стр. 374 и 375).

жетъ осуществить свою волю. Владѣніе теряется, если фактическое вліяніе на вещь болѣе не осуществляется или не можетъ осуществиться, если другой и неправильно завладѣлъ ею. Владѣніе теряется, коли воля и внѣшнее нахожденіе вещи во власти болѣе не совпадаются, если того и другаго или одного изъ этихъ условій недостаетъ:

1) Если владѣлецъ болѣе не желаетъ владѣть и это нежеланіе получитъ внѣшнее выраженіе въ передачѣ вещи другому или въ предоставленіи вещи на произволъ судьбы.

2) Если владѣлецъ не въ состояніи болѣе владѣть вещью: коли вещь уничтожится, будетъ соединена, смѣшана съ другой, будетъ потеряна или украдена, или, наконецъ, владѣлецъ будетъ вытѣсненъ другимъ изъ владѣнія такимъ образомъ, что другой дѣйствительно завладѣетъ имѣніемъ и первый, хотя на короткое время, совершенно лишается возможности осуществить свою власть иначе какъ судебнымъ порядкомъ или насиліемъ съ своей стороны.

Въ этихъ случаяхъ владѣніе прекращается или прерывается надѣлѣ.

3) Перерывъ, однако, можетъ быть и юридическій: когда владѣлецъ, по собственной волѣ, продолжая фактическое владѣніе, превращаетъ владѣніе, до тѣхъ поръ самостоятельное, въ зависимое, условное, признавая право собственности на вещь хозяина совершеніемъ такихъ дѣйствій, которыми объявляетъ себя арендаторомъ, управляющимъ, пожизненнымъ владѣльцемъ и т. п.

Такимъ образомъ, понятіе о непрерывности выражаетъ мысль отрицательную, чтобы владѣніе не прекратилось ни фактически, ни юридически, хотя бы и только на мгновеніе, тѣмъ, что чужая воля имѣетъ вещь въ своей власти, распоряжается ею.

Условіе это указываетъ, повидимому, непосредственно на учрежденіе usucapio. И дѣйствительно, оно необходимо при учрежденіи давности владѣнія. Однако, оно равно необходимо при давности исковой. Юридическое владѣніе въ видѣ собственности вызываетъ искъ собственника, дѣлаетъ его положительно существующимъ, пока оно продолжится непрерывно. Съ того момента, съ котораго онъ сдѣлался положительно существующимъ, начинается по этому иску теченіе срока давности. Если владѣніе прерывается, то искъ для охраненія собственности перестаетъ быть положительно существующимъ; онъ поэтому и не можетъ задавнѣть. Если владѣніе послѣ того начнется снова, то и искъ снова дѣлается конкретнымъ, и если его не предъявить, по немъ теченіе давности начинается съизнова. Прежденстекшее время, до перерыва, здѣсь непричемъ: во время перерыва собственникъ не только не обязанъ былъ, но и не могъ предъявить иска, поводъ къ тому уничтожился совершенно,—слѣдовательно, о продолженіи срока не можетъ быть и рѣчи, то, что разъ прекратилось, не можетъ продолжаться, а можетъ развѣ начинаться снова. Отсюда мы видимъ, что понятіе о безпрерывности владѣнія совершенно необходимо при давности исковой, и что поэтому существованіе условія безпрерывности само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ, что въ извѣстномъ положительномъ правѣ есть учрежденіе usucapio.

Этотъ взглядъ подтверждается вполнѣ тѣмъ, что по поводу безпрерывности сказано въ мотивахъ закона о давности 1845 года. Государственному совѣту предложенъ былъ вопросъ: должно-ли въ число случаевъ, неподходящихъ подъ законъ о десятилѣтней давности, включать такое владѣніе, которое хотя не продолжалось безпрерывно десять лѣтъ, но, возобновляясь въ разное время, составляетъ въ сложности десять лѣтъ? Весьма ясно, что пропущеніемъ срока давности должно быть почитаемо лишь промолчаніе вотчинника о правѣ своемъ въ теченіе десяти лѣтъ сряду, когда имущество во все то время не состояло въ его владѣніи; поэтому государственный совѣтъ находитъ, что вопросъ сей не требуетъ особаго разрѣшенія.

Изъясненіе это важно въ томъ отношеніи, что представляетъ новое доказательство, что въ русскомъ правѣ рѣшительно неразвита давность владѣнія. Вышеизложенный вопросъ былъ заявленъ съ точки зрѣнія давности владѣнія, usucapio; государственный совѣтъ, не находя въ русскомъ правѣ развитаго учрежденія давности владѣнія, къ которому вопросъ этотъ относился бы, отвѣтилъ на него съ точки зрѣнія давности исковой.

Третье условіе давностнаго владѣнія есть безспорность: владѣніе должно быть безспорное. Понятіе безспорности опредѣлено въ самомъ законѣ. Ст. 558 и 559 1 ч. X т. гласятъ: Владѣніе, на которое нѣтъ притязаній отъ постороннихъ лицъ, называется безспорнымъ; въ противномъ же случаѣ оно почитается спорнымъ. Но притязанія постороннихъ лицъ на имущество тогда только дѣлаютъ владѣніе спорнымъ, когда поступили въ судебныя мѣста не только явочныя, но и исковыя прошенія». Такимъ образомъ, одна лишь подача исковаго прошенія въ судебное мѣсто дѣлаетъ владѣніе спорнымъ. Одно лишь оглашеніе предмета иска, безъ предъявленія самаго иска въ подлежащемъ, закономъ установленномъ порядкѣ, не прерываетъ земской давности [1]).

Условіе безспорности владѣнія прямо указываетъ на давность исковую, хотя это условіе и необходимо при давности владѣнія, usucapio. Именно, если владѣніе сдѣлалось спорнымъ, то оно болѣе не зачисляется въ usucapio. Однако, непосредственно и прежде всего безспорность указываетъ на давность исковую.

Четвертое условіе давностнаго владѣнія есть спокойствіе его: непрерывное владѣніе въ видѣ собственности должно быть спокойнымъ. Въ законѣ нѣтъ объясненія этого слова, поэтому его значеніе должно быть объяснено на основаніи буквальнаго логическаго смысла этого слова, насколько онъ примѣнимъ при соображеніи съ другими юридическими понятіями, признанными въ законѣ. Словомъ *спокойный* означается безмятежное, безтревожное положеніе, внѣшнее или внутреннее; поэтому владѣніе спокойное—такое, которое не нарушается какимъ бы то ни было образомъ.

Мейеръ полагаетъ [2]), что слова *спокойное* и *безспорное* употреблены безразлично. «Если же настаивать на самостоятельномъ значеніи спокойнаго вла-

---

[1]) Рѣш. гражд. касс. деп. 1867 г. № 97

[2]) Русск. гражд. право. II, стр 83

дѣнія, то должно придать ему такой смыслъ, что законодательство требуетъ, чтобы не было и такихъ нападковъ на владѣніе, которые фактически представляются споромъ, хотя и не составляютъ спора въ юридическомъ смыслѣ. Понимая спокойное владѣніе въ такомъ смыслѣ, должно сказать, что и споръ, предъявленный противъ давностнаго владѣльца не собственникомъ, но съ его согласія, или споръ со стороны собственника, но предъявленный ненадлежащему судебному мѣсту, или даже и простое заявленіе собственника полиціи о неправильномъ владѣнія давностнаго владѣльца, уже лишаютъ владѣніе свойства владѣнія спокойнаго и тѣмъ разрушаютъ давностное владѣніе». Профессоръ Куницынъ оспариваетъ мнѣніе Мейера и утверждаетъ [1]), что законъ не поставилъ здѣсь рядомъ двухъ однозначущихъ выраженій, но что каждое изъ нихъ имѣетъ свое опредѣленное значеніе. Онъ съ большимъ остроуміемъ старается доказать изъ источниковъ ст. 533, что подъ спокойными владѣльцами подразумѣваются такіе, которые съ своей стороны не даютъ повода къ начатію исковъ. По нашему мнѣнію, это объясненіе слишкомъ искуственное. Дѣйствительно, владѣльца, который не безпокоитъ другихъ, можно назвать спокойнымъ. Но когда говорится о спокойномъ владѣніи, то прежде всего имѣется въ виду владѣніе, которое не было обезпокоиваемо другими. Безпокойствіе самого владѣльца тутъ непричемъ: оно можетъ нарушить спокойствіе другихъ, но не нарушаетъ спокойствія собственно его владѣнія. Далѣе вопросъ, какимъ образомъ вредитъ безпокойное владѣніе владѣльцу, профессоръ Куницынъ объясняетъ тѣмъ, что это можетъ произойти, когда владѣлецъ самъ начинаетъ споръ и этимъ вызываетъ настоящаго собственника начинать съ своей стороны искъ, дабы предъявленіемъ его сдѣлать владѣніе спорнымъ и прервать давность. Изъ этого объясненія выходитъ, что самъ авторъ его возвращается къ мысли Мейера, что спокойствіе—то же самое, что безспорность, только безспорность, которая не была прервана искомъ по винѣ самого владѣльца. Слѣдовательно, результатъ, полученный профессоромъ Куницынымъ, вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что уже высказалъ Мейеръ, что законъ хотѣлъ, конечно, выразить словомъ *спокойно* нѣчто другое, а не *безспорно*, но въ дѣйствительности этого не выразилъ. Въ другомъ мѣстѣ [2]) профессоръ Куницынъ полагаетъ, что если владѣлецъ начинаетъ споръ, хотя бы напр. для распространенія своихъ владѣній, прежде истеченія срока десятилѣтней давности, вынуждающій настоящаго собственника начать искъ о собственности для отвѣта на искъ противника, первый долженъ быть принятъ, хотя бы и по истеченіи десятилѣтняго срока. Такъ какъ владѣлецъ, начиная тяжбу, выказалъ себя владѣльцемъ «безпокойнымъ» и, такимъ образомъ, самъ прервалъ давность, то онъ поэтому потерялъ право противоставить давность иску собственника. Съ этимъ мнѣніемъ, съ точки зрѣнія русскаго права, нельзя согласиться. Въ законѣ сказано: искъ, невчиненный въ теченіе десяти лѣтъ, просроченъ; далѣе: давность прерывается предъявленіемъ иска. Нигдѣ не гово-

---

[1]) Въ др. м. «Ж. М. Ю.» 1864 г., № 11, стр. 225—233.

[2]) «Ж. М. Ю.» 1864 г., № 12, стр. 514 и 515.

рится, что давность прерывается искомъ со стороны того лица, въ пользу котораго она течетъ. Поэтому теченіе давности исковой можетъ быть прервано только предъявленіемъ того самаго иска, по отношенію къ которому она течетъ, а не какого либо другаго.

По буквальному толкованію, спокойнымъ владѣніемъ должно быть признано владѣніе, при которомъ владѣлецъ не обезпокоивается. Спокойствіе его можетъ быть нарушаемо, когда осуществленіе его встрѣчаетъ или фактическія, или юридическія препятствія. Однако, такъ какъ, кромѣ условія спокойствія, въ законѣ говорится также о безспорности, то прежде всего мы должны разграничить эти два понятія. Мы видѣли, что подъ безспорностью владѣнія законъ понимаетъ отсутствіе обстоятельствъ, которыя юридически дѣлаютъ владѣніе невозможнымъ или отнимаютъ у него характеръ полновластія, юридическаго владѣнія, однимъ словомъ прекращаютъ владѣніе въ видѣ собственности юридически. Ставя подлѣ слова «безспорное» слово «спокойное», законодатель, очевидно, хотѣлъ послѣднимъ дополнить первое, выразить то, что первымъ осталось невыраженнымъ. Въ законѣ поэтому слово «спокойное» можетъ имѣть значеніе насколько имъ выражена мысль, незаключающаяся въ понятіи безспорности.

На этомъ основаніи, мы должны сказать, что словомъ *спокойное* въ 533 статьѣ законодатель, очевидно, хотѣлъ выразить, что владѣніе должно быть фактически полновластное, что къ полному осуществленію владѣнія не должно быть фактическихъ преградъ. Спокойный владѣлецъ—такой, которому фактически никто и ничего не мѣшаетъ осуществить свое господство, свою власть надъ вещью.

На основаніи такого толкованія, мы должны сказать, что не только перерывъ, но и фактическія нападенія дѣлаютъ владѣніе безпокойнымъ. Толкованіе это должно быть признано не только логически, но и теоретически правильнымъ, и вполнѣ подтверждается французскимъ правомъ, изъ котораго, очевидно, заимствована ст. 533 [1]). Однако, придать этому слову столь широкое значеніе въ нашихъ законахъ недостаетъ положительнаго основанія. На это указываетъ уже то, что законодательство подробно опредѣлило понятіе безспорности, о спокойствіи же не даетъ никакого опредѣленія. Этимъ безспорность какъ бы ставится на первый планъ, чѣмъ значеніе спокойствія болѣе или менѣе стушевывается. Въ судебной практикѣ же никогда не было попытки провести подобное толкованіе, и тѣ писатели-теоретики, которые указывали на возможность подобнаго толкованія, вмѣстѣ съ тѣмъ и должны были согласиться, что ни въ законахъ, ни въ

---

[1]) Извѣстный французскій юристъ Мурлонъ (Code Napoléon, III, p. 772) объясняетъ слово paisible слѣдующимъ образомъ: La possesion ne l'est point lorsqu'elle est acquie par violence, entravée par des tentatives d'usurpation de la part du proprietaire, par des actes réitérés que le possesseur n'a pu comprimer que par la force: la possession qui n'a été qu'une longue dispute accompagnée de voies de fait et de rives, n'a point, en effet, ce caractère pacifique qu'exige la loi pour fonder la prescription. Ainsi, celui que ne se met en possession ou qui ne s'y maintient que par la violence, ne prescrit point.

практикѣ, нѣтъ достаточно данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было примѣнить это толкованіе къ дѣлу. Этимъ обстоятельствомъ какъ нельзя болѣе рѣзко выставляется исковой характеръ нашей давности владѣнія. То условіе, которое одно прямо и безсомнѣнно указываетъ на usucapio, оставалось безъ всякаго примѣненія, и при нынѣшнемъ положеніи нашего законодательства, за недостатокъ другихъ условій, не можетъ имѣть никакого примѣненія. Поэтому, слово *спокойное* даже не слѣдуетъ толковать по прямому буквальному смыслу своему такъ какъ подобное толкованіе лишено всякаго юридическаго, т. е. практическаго значенія. Желая разъяснить фактическое значеніе этого слова, которое оно имѣетъ при нынѣшнемъ неразвитомъ положеніи нашего законодательства, мы должны прибѣгнуть къ аналогическому толкованію, соображаясь съ другими условіями давности исковой. Изъ нихъ самое выдающееся понятіе безспорности. Оно въ самомъ законѣ толкуется въ томъ смыслѣ, что спорнымъ дѣлается владѣніе только тогда, когда оно оспаривается подачею исковаго прошенія судебномъ мѣсту. Этимъ дѣйствіемъ самостоятельность владѣнія и его существованіе въ видѣ собственности считаются прерванными юридически. Примѣняя аналогически способъ толкованія безспорности къ толкованію спокойствія, мы должны сказать, что безпокойнымъ дѣлается владѣніе чрезъ фактическій перерывъ его. Фактически прерывается владѣніе лишь прекращеніемъ его, когда владѣлецъ вытѣсняется изъ имѣнія или когда, хотя безъ насилія, завладѣніемъ вещи со стороны другаго, первому владѣльцу дѣлается фактически невозможнымъ осуществить полную свою власть надъ ней.

Вотъ единственно-возможное толкованіе значеніе спокойствія при нынѣшнемъ положеніи дѣла, толкованіе очевидно-натянутое.

Какъ мы уже замѣтили, спокойное владѣніе есть то условіе, которое болѣе другихъ способно сообщать давности владѣнія, установленной въ 533 статьѣ, характеръ usucapio. Однако, мы видѣли также, что прямое и ясное значеніе этого условія на практикѣ не находило примѣненія. Примѣнялось оно лишь въ той мѣрѣ, въ какой мѣрѣ оно имѣетъ значеніе и при давности исковой. Въ извѣстномъ смыслѣ спокойствіе владѣнія есть также необходимое условіе давности исковой, именно насколько это условіе указываетъ на необходимость фактическаго продолженія, такъ что безпокойное владѣніе будетъ такое, которое фактически прервалось. Такое условіе необходимо и при давности исковой. Еслибы мы имѣли достаточное основаніе объяснить условіе спокойствія такимъ образомъ, что дѣйствительно владѣніе дѣлается неспокойнымъ однимъ обезпокоиваніемъ, хотя бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ о томъ упоминаетъ Мейеръ, то это условіе въ самомъ дѣлѣ указывало бы на usucapio, потому что для давности исковой неспокойное владѣніе совершенно безразлично, если только оно не прекратилось совершенно или не сдѣлалось спорнымъ. Но, какъ мы уже сказали, подобное объясненіе не имѣетъ достаточнаго основанія ни въ законѣ, ни въ практикѣ, которая никогда не обращала вниманія на спокойствіе, а исключительно на фактическое продолженіе владѣнія и на безспорность его.

Изъ сравненія между собою различныхъ выраженій, которыми опредѣляется характеръ владѣнія въ видѣ собственности, видно, что выраженіе *безпрерывность владѣнія* относится какъ къ понятію спокойствія, такъ и безспорности. Законъ для большей ясности не ограничился однимъ этимъ выраженіемъ, но опредѣлилъ и его обѣ стороны, опредѣлилъ, что для безпрерывности необходима фактическая, положительная безпрерывность: спокойствіе и юридическая безпрерывность, опредѣленная отрицательно отсутствіемъ спора, безспорностью.

Мы видѣли, что условія давности владѣнія, по которымъ владѣніе, чтобы служить основаніемъ для примѣненія давности, должно быть въ видѣ собственности непрерывное, спокойное, безспорное, отдѣльно взятыя не доказываютъ еще съ необходимостью usucapio. То же самое должно сказать и о совокупности всѣхъ этихъ условій. Владѣніе, охарактеризованное всѣми этими условіями вмѣстѣ взятыми, не имѣетъ еще того характера, который необходимъ при usucapio. Всѣ упомянутыя условія вмѣстѣ необходимы и при давности исковой. Если владѣнію недостаетъ хотя одного изъ этихъ условій, то оно не вызываетъ иска собственника. Не сдѣлавшись положительно существующимъ, искъ не можетъ и задавнѣть. Если спокойное, безспорное, непрерывное владѣніе есть не въ видѣ собственности, собственнику нечего искать, его искъ не вызванъ и поэтому не можетъ задавнѣть. Если владѣніе въ видѣ собственности прерывается фактически или юридически, мы получимъ тотъ же результатъ. Итакъ, всѣ эти условія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и условія давности исковой и сами по себѣ не доказываютъ существованія въ нашемъ правѣ давности владѣнія, usucapio. Недостаетъ въ русскомъ правѣ именно самыхъ характерныхъ признаковъ usucapio: добросовѣстности и непротивозаконнаго основанія. Но недостаетъ не только этихъ существенныхъ условій usucapio, но недостаетъ и прямаго яснаго правила о пріобрѣтеніи права собственности давностью владѣнія.

Выводъ нашъ, что вслѣдствіе давности не пріобрѣтается собственность, а только владѣніе, охраняемое закономъ противъ нарушеній наравнѣ съ собственностью, подтверждается тѣмъ, что о владѣніи *спокойномъ, безспорномъ, непрерывномъ въ видѣ собственности* говорится въ законѣ, что оно превращается *въ право собственности*. Не говорится, что владѣніемъ пріобрѣтается право собственности, но что оно превращается въ такое.

Профессоръ Куницынъ объявляетъ, что эти выраженія безразличны; Мейеръ не обращаетъ никакого вниманія на особенность этого образа выраженія и, несмотря на всѣ недостатки учрежденія давности владѣнія, считаетъ его способомъ пріобрѣтенія права собственности [1]).

Побѣдоносцевъ [2]) мѣстами говоритъ, что владѣніе (давностное) ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности, но по настоящему не считаетъ давность способомъ пріобрѣтенія, а способомъ доказательства о правѣ собственности; да-

---

[1]) Русское гражданское право, II, стр. 88 и сл.

[2]) Курсъ русск. гр. пр., I, стр. 152, 153 и 187.

лѣе онъ говоритъ: тамъ, гдѣ непрерывное владѣніе превращается въ собственность, это происходитъ не потому, что совершается переходъ собственности отъ одного лица къ другому, а потому, что владѣлецъ вдругъ, съ наступленіемъ извѣстной минуты, получилъ возможность доказать право собственности, тогда какъ до тѣхъ поръ не имѣлъ ровно никакого доказательства, или, правильнѣе сказать, получилъ возможность противопоставить свое владѣніе истцу, представляющему свое право на собственность. Онъ однако утверждаетъ, что тамъ, гдѣ доказана давность владѣнія, доказано вмѣстѣ съ тѣмъ и формальное право собственности.

Такимъ образомъ, онъ не можетъ считать слово *превращается* безразличнымъ и однозначущимъ съ словомъ *пріобрѣтается*, но придаетъ ему особое значеніе: владѣніе превращается въ право собственности, потому что истеченіемъ срока давности послѣднее можетъ быть доказано, или, правильнѣе, получитъ возможность *противопоставить свое владѣніе истцу, выставляющему свое право на собственность.* Послѣднее выраженіе дѣйствительно правильнѣе перваго и только нужно сожалѣть, что авторъ употребляетъ его только мимоходомъ и не обратилъ должнаго вниманія на оное. Тогда онъ дошелъ бы до правильнаго взгляда на постановленія русскаго права и совершенно бы отвергъ первое выраженіе, какъ вовсе несостоятельное.

Для яснаго, правильнаго опредѣленія пріобрѣтенія собственности законъ долженъ опредѣлять, на основаніи чего, какимъ дѣйствіемъ и въ какую минуту, т. е. чѣмъ, какъ и когда, пріобрѣтается собственность.

Еслибы въ законѣ сказано было: спокойнымъ, безспорнымъ и непрерывнымъ владѣніемъ въ видѣ собственности въ теченіе срока давности пріобрѣтается право собственности, то дѣло было бы совершенно ясно; мы знали бы, что владѣлецъ спокойнымъ, безспорнымъ владѣніемъ въ видѣ собственности, вслѣдствіе истеченія срока давности, пріобрѣтаетъ собственность, и что это пріобрѣтеніе происходитъ само собою, безъ содѣйствія суда или другихъ властей, такъ какъ сказано *пріобрѣтается*, становится собственникомъ, и что оно совершилось, вслѣдствіе того, въ минуту истеченія срока давности. Но въ законѣ сказано, что извѣстное владѣніе *превращается* въ право собственности, *когда оно продолжится* въ теченіе установленной закономъ давности. Слово *превращается* не указываетъ на извѣстное лицо, спрашивая, *кѣмъ* превращается. Мы не получимъ никакого отвѣта: статья не говоритъ объ этомъ. Наконецъ, на вопросъ *когда* мы равно не получимъ отвѣта: выраженіе *когда продолжится* не указываетъ на точку времени непосредственно по истеченіи срока, но вообще на это истеченіе, какъ на обстоятельство, за коимъ можетъ послѣдовать превращеніе владѣнія въ право собственности. Законодатель опредѣляетъ здѣсь лишь крайній предѣлъ продолженія владѣнія, ранѣе котораго не можетъ послѣдовать превращеніе его въ право собственности, но не говоритъ о томъ, что такое превращеніе послѣдуетъ не позднѣе означеннаго предѣла [1]).

---

[1]) Ср. «Ж. М. Ю.», 1867, XXXIII, стр. 500—501.

Отсюда очевидно, что въ этомъ законѣ не говорится о пріобрѣтеніи права собственности, не постановляется о томъ, что происходитъ вслѣдствіе и на основаніи исполнившейся давности владѣнія, но говорится о томъ, что фактически происходитъ, о положеніи владѣльца, когда давностное владѣніе продолжалось десять лѣтъ.

Такое толкованіе подтверждается опредѣленіемъ права собственности въ 420 ст. 1 ч. X т. Здѣсь сказано:

Кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ имущества, по законному укрѣпленію его въ частную принадлежность, получилъ власть, въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться онымъ вѣчно и потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому, или кому власть сія отъ перваго ея пріобрѣтателя дошла непосредственно или чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія, — тотъ имѣетъ на сіе имущество право собственности.

По этой статьѣ правомъ собственности объявляется лишь та полная власть надъ имуществомъ перваго пріобрѣтателя, которая пріобрѣтена по законному укрѣпленію. Въ концѣ статьи то же самое повторяется для правопреемниковъ: право собственности имѣютъ лишь тѣ, коимъ полная власть дошла отъ перваго пріобрѣтателя непосредственно *чрезъ законную передачу и укрѣпленіе* или чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія. Подчеркнутыя нами слова суть необходимое объясненіе выраженія *дошла непосредственно*. Именно, не только по логическому смыслу, но и по конструкціи 420 ст., выраженіе это нельзя объяснить такимъ образомъ, будто слово *непосредственно* указываетъ на пріобрѣтеніе полной власти надъ имуществомъ безъ законной передачи и законнаго укрѣпленія. Какъ кто бы ни смотрѣлъ на значеніе давности въ русскомъ правѣ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что она не есть ни способъ законной передачи, ни способъ законнаго укрѣпленія. Существованіе права собственности признается закономъ лишь тамъ, гдѣ полная власть надъ имѣніемъ пріобрѣтена чрезъ законное укрѣпленіе. Если давностный владѣлецъ защищается противъ притязаній прежняго собственника, то отсюда слѣдуетъ только, что его владѣніе, пропущеніемъ срока исковой давности со стороны прежняго собственника, получило особое значеніе, почти равное съ правомъ собственности. То же самое выражается словами «превращается въ право собственности», т. е. получаетъ фактически значеніе, которое по закону признается лишь за правомъ собственности. Однако, оно этимъ по закону не объявляется формальнымъ правомъ собственности. Таковымъ оно можетъ сдѣлаться лишь вслѣдствіе законнаго укрѣпленія, на что нами указано ниже.

Въ русскомъ правѣ до изданія Свода Законовъ существовала одна только давность исковая.

При редакціи Свода главная задача состояла въ правильномъ изображеніи существующаго права. При этомъ редакторы нерѣдко старались дополнить односторонность и неполноту разныхъ постановленій, отъ чего иной разъ произошли ошибки и недоразумѣнія.

Изложивъ постановленія законовъ о давности исковой, законодатель замѣтилъ, что ею опредѣляется лишь отношеніе владѣльца къ вещи въ случаѣ, когда собственнику отказано въ его искѣ за истеченіемъ срока земской давности. Притомъ онъ не могъ не убѣдиться, что давностный владѣлецъ по истеченіи десятилѣтней давности находится фактически въ томъ же положеніи, хотя бы и никакого спора по истеченіи срока давности начинаемо не было и никакого рѣшенія въ его пользу не послѣдовало, рѣшенія которымъ отвергался бы искъ собственника. Для точнаго опредѣленія характера этого положенія, законодатель счелъ достаточнымъ изложить законъ о давности исковой въ положительной формѣ: изъяснить, что давностный владѣлецъ по истеченіи десяти лѣтъ спокойнаго, безспорнаго и непрерывнаго владѣнія остается неизмѣнно въ немъ, и выразилъ это словами: владѣніе превращается въ право собственности.

При составленіи такой дополняющей статьи весьма легко было, даже безъ намѣренія, измѣнить существующій законъ, внести въ него такія постановленія, которыя могли быть несообразны съ существующимъ строемъ русскаго гражданскаго права. Такъ, при редакціи 533 статьи могла бы быть введена отвлеченная давность.

Въ такую ошибку впали редакторы прусскаго, австрійскаго и французскаго уложеній. Для этихъ уложеній ошибка эта оказалась безвредною: статьи, содержащія въ себѣ постановленія объ отвлеченной давности, оставались и остаются до сихъ поръ пустыми, ничего незначущими фразами. Строго правильное развитіе отдѣльныхъ учрежденій недопускало никакого вліянія со стороны статей объ отвлеченной давности, которыя остаются безъ практическаго примѣненія. Вездѣ вопросъ о давности въ отдѣльномъ случаѣ рѣшается сообразно съ характеромъ соотвѣтствующаго учрежденія.

Въ русскомъ правѣ, конечно, при неясности и неразвитости отдѣльныхъ учрежденій права, узаконеніе начала отвлеченной давности было бы ошибкою, которая могла бы имѣть весьма невыгодное вліяніе на дальнѣйшее развитіе права. Поэтому мы должны сказать, что образъ выраженія 533 статьи вполнѣ соотвѣтствуетъ тому характеру, тому свойству, которое давность имѣетъ въ русскомъ правѣ,—что эта статья составлена съ величайшимъ тактомъ, потому что весьма легко было при редакціи внести какое-либо другое, повидимому, правильное начало, которое, при недостаткѣ другихъ необходимыхъ условій, могло лишь оказаться вреднымъ правильному развитію права. Еслибы подобнымъ дополненіемъ были введены правила, придающія нашей давности, по отношенію къ послѣдствіямъ ея, характеръ usucapio, то это было бы вопіющею несправедливостью, въ виду отсутствія условій, необходимыхъ для образованія такого учрежденія Конечно, можно бы было ввести полное учрежденіе usucapio, но введеніе

новыхъ учрежденій и новыхъ началъ права лежало внѣ задачи Свода и объявлено было задачею гражданскаго уложенія.

Настоящая редакція 533 статьи избѣгла обѣ вышеозначенныя ошибки. Въ ней изображена была давность исковая, какъ она существовала до тѣхъ поръ, изображена съ положительной точки зрѣнія, описано послѣдствіе ея. Такимъ образомъ, редакція 533 ст. не исказила наше право и оставила законодательной дѣятельности полную возможность восполнить пробѣлы въ законахъ, не испортивъ почвы вселеніемъ вредныхъ отростковъ или созданіемъ безжизненныхъ несостоятельныхъ понятій.

Въ русскомъ правѣ существуетъ на дѣлѣ только давность исковая, нѣтъ давности владѣнія въ видѣ usucapio, поэтому въ законѣ и не говорится о пріобрѣтеніи права собственности давностью владѣнія, а говорится только, что давность владѣнія превращается, фактически, въ право собственности, когда оно продолжится въ теченіе срока давности.

Вслѣдствіе этого, ученіе русскаго права о правѣ собственности и владѣніи должно положительно отличаться отъ ученія другихъ законодательствъ, болѣе развитыхъ, въ которыхъ юридическія понятія дошли до твердаго строго опредѣленнаго выраженія въ всныхъ отчетливо отчеканенныхъ обликахъ.

Такъ, право собственности является въ русскомъ правѣ какимъ-то вѣчнымъ и потомственнымъ владѣніемъ, будто вѣчность и потомственность единственные признаки, отличающіе оную отъ владѣнія. Уже самое названіе *право собственности* неясно и нелогично! Называть собственность правомъ значитъ умалять ея значеніе: собственность есть полное господство человѣка надъ вещью, собственность охватываетъ вещь во всѣхъ отношеніяхъ, всю суть ея. Изъ собственности вытекаетъ безчисленное множество правъ; объемъ ея нельзя исчерпывать исчисленіемъ отдѣльныхъ ея проявленій. Господство собственника надъ вещью есть первообразъ всѣхъ отдѣльныхъ правъ первообразъ, подъ вліяніемъ котораго развились *права*, т. е. отдѣльные случаи ограниченнаго господства человѣка надъ вещами, лицами и дѣяніями послѣднихъ. Разбирая строго логично понятіе о правѣ собственности, какъ оно проявляется въ разныхъ статьяхъ Свода Законовъ, и образъ выраженія ихъ, нельзя придти къ тому выводу, что русское право знаетъ съ одной стороны только формальную собственность, съ другой—только владѣніе юридическое, въ видѣ собственности,—о зависимомъ владѣніи, пользованіи и т. д. мы, конечно, здѣсь не говоримъ.

Столь рѣзкаго различія Сводъ Законовъ не дѣлаетъ: въ немъ понятія болѣе или менѣе широки, неясны и незамѣтно переходятъ одно въ другое, превращаются другъ въ друга, какъ-то само собою и неизвѣстно какъ, когда и чѣмъ. Сводъ Законовъ, зная съ одной стороны вѣчное и потомственное владѣніе или право собственности, противопоставляетъ ему владѣніе въ видѣ собственностиъ фактическое господство надъ вещью, но вовсе не рѣзко: напротивъ того, онъ различаетъ между владѣніемъ болѣе или менѣе лучшимъ, почти подходящимъ къ вѣчному и потомственному, и владѣніемъ болѣе или менѣе худшимъ, которое

только современемъ можетъ приблизиться къ положенію перваго и чрезъ это къ вѣчному и потомственному владѣнію.

По моему мнѣнію, слѣдуетъ различать между вѣчнымъ и потомственнымъ владѣніемъ, называемымъ правомъ собственности, между владѣніемъ давностнымъ, которое просуществовало въ теченіе десятилѣтняго срока и превращается въ право собственности, но не есть формальное право собственности, хотя и не уступаетъ праву собственника на вещь — и, наконецъ, обыкновеннымъ владѣніемъ въ видѣ собственности, которое во всякомъ случаѣ уступаетъ праву собственника.

Подобные выводы, вѣроятно, покажутся многимъ весьма странными, можетъ быть произвольнымъ, отвлеченнымъ толкованіемъ, увѣковѣченіемъ неясности и т. п. Прежде всего замѣчу, что я не объявляю такое дѣленіе правильнымъ, но только существующимъ. Оно есть и не выдумано. Оно есть, и вмѣстѣ съ тѣмъ есть и весьма основательныя фактическія обстоятельства, при которыхъ иначе и быть не можетъ, пока существуетъ нынѣшнее неясное, неопредѣленное учрежденія давности.

Лишь принимая это объясненіе, можно отклонить отъ русскаго права наговоръ, что оно допускаетъ пріобрѣтеніе права собственности воровствомъ, грабежемъ, разбоемъ и вообще насиліемъ, если только воръ и т. д. успѣетъ владѣть вещью въ теченіе десяти лѣтъ.

Статьею 533 законодатель высказалъ: у насъ существуетъ лишь широкая давность исковая, — вслѣдствіе того необходимымъ ея дополненіемъ является въ дѣйствительной жизни—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не производится иска противъ давностнаго владѣльца—однимъ истеченіемъ срока, фактическое состояніе, равное тому, которое является послѣдствіемъ отказа собственнику въ искѣ. Когда собственнику отказываютъ въ искѣ, онъ уже не имѣетъ болѣе права искать своей собственности, дѣло предается вѣчному забвенію, а онъ обязанъ молчать. Владѣлецъ же остается въ своемъ владѣніи, онъ фактически господинъ вещи, но не объявленъ собственникомъ. Въ 533 статьѣ именно сказано: владѣніе превращается въ право собственности, т. е. фактически.

Итакъ, хотя давностнымъ владѣніемъ не пріобрѣтается право собственности и давностное владѣніе остается владѣніе, но оно является лучшимъ правомъ противъ всѣхъ притязаній другихъ лицъ: собственникъ долженъ молчать, искъ и затѣянный имъ споръ преданы вѣчному забвенію, вслѣдствіе того онъ лишенъ своего права и, какъ критикъ нашъ въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» справедливо говоритъ, есть во всякомъ случаѣ лицо, совершенно стороннее къ имуществу. Но не только противъ собственника защищается давностный владѣлецъ, а и противъ другихъ лицъ. Положимъ, что лицо, владѣло имѣніемъ 10 лѣтъ въ видѣ собственности. Въ одиннадцатомъ году собственникъ вытѣсняетъ его. Вслѣдствіе иска о нарушенномъ владѣніи, владѣльцу возвращается его имѣніе; собственникъ, если желаетъ возвратить себѣ имѣніе, долженъ вчинать искъ, въ которомъ ему откажутъ по причинѣ пропущенія исковой давности. Если же владѣлецъ пропускаетъ шестимѣсячный или десятинедѣльный срокъ для предъявленія

иска о нарушенномъ владѣнія полиціи или мировому судьѣ и самъ долженъ являться истцомъ, то онъ начинаетъ искъ, доказывая, что собственникъ потерялъ всякое право. Не безпокоивъ владѣльца, не прерывая давности ни искомъ, ни дѣйствіемъ въ теченіе 10 лѣтъ, онъ потерялъ свое право, вмѣстѣ съ потерею иска: не имѣя иска, собственникъ не имѣетъ также exceptio, между которыми въ русскомъ правѣ нѣтъ различія [1]).

Рѣшеніе спора непремѣнно должно быть основано на этихъ соображеніяхъ: пропущеніе шестимѣсячнаго или десятинедѣльнаго срока не измѣняетъ положенія собственника, пропустившаго искъ, не даетъ ему никакого права. По жалобѣ давностнаго владѣльца, судъ, если онъ только дѣйствуетъ строго логически, по закону, долженъ разсуждать точно такъ же, какъ и при искѣ о нарушенномъ владѣніи. Собственникъ самовольно или насильно завладѣлъ спорнымъ имѣніемъ, на которое потерялъ свое право исковою давностью, поэтому долженъ возвратить вещь, ибо не имѣетъ никакого права, тѣмъ менѣе права насильничать. Затѣмъ, истецъ, давностный владѣлецъ, возстановляется въ своемъ владѣніи, вовсе не касаясь его права на землю и не присуждая ему собственности, на что судъ не имѣетъ никакого права.

То же самое будетъ въ случаѣ спора давностнаго владѣльца съ лицомъ совершенно посторонним. Если давностный владѣлецъ защищается противъ собственника, то тѣмъ болѣе защитится противъ посторонняго, никогда неимѣвшаго никакого права на имѣніе и завладѣвшаго имъ насильно. Положимъ даже, что кто либо владѣлъ извѣстнымъ имѣніемъ восемь лѣтъ и вытѣсняется другимъ лицомъ, совершенно посторонним, а между тѣмъ пропускаетъ десятинедѣльный срокъ. Этимъ владѣніе посторонняго не улучшается. Владѣлецъ подаетъ въ судъ, посторонній начнетъ доказывать, что владѣлецъ не есть собственникъ, а судъ долженъ опредѣлить: что владѣлецъ не есть собственникъ—это ни до суда, ни до отвѣтчика не касается: отвѣтчикъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ никакого права, поэтому долженъ удалиться, а имѣніе передается владѣльцу; отыскивать оное уже дѣло собственника.

На основаніи всего изложеннаго нами, мы пришли къ тому убѣжденію, что давность владѣнія русскаго права на дѣлѣ проявляется и примѣняется всегда въ видѣ давности исковой и не есть способъ пріобрѣтенія права собственности. Исходя въ первомъ изданіи моего сочиненія отъ той же мысли, я однако, допустилъ, что чрезъ давностное владѣніе, хотя не непосредственно въ силу закона, но чрезъ посредство судебнаго рѣшенія, владѣніе обращается въ собственность. Это мнѣніе основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: непосредственно изъ давностнаго владѣнія вытекаетъ только право возраженія или отвода; отношеніе же владѣльца къ вещи остается владѣніемъ. Только когда судебнымъ порядкомъ будетъ признанъ отводъ со стороны давностнаго владѣльца и судъ рѣшитъ, что собственникъ потерялъ свой искъ вслѣдствіе давности, что право

---

[1]) Ср. ст. 692 1 ч. X т. Св. Зак.

его на вещь уничтожилось, тогда только, и именно вслѣдствіе такого рѣшенія, превращается владѣніе давностнаго владѣльца въ собственность.

Неправильность этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, будто судебное рѣшеніе производитъ какое бы то ни было измѣненіе въ положеніи давностнаго владѣльца. Истеченіемъ срока давности онъ дѣлается владѣльцемъ на основаніи срока давности и остается такимъ и до и послѣ судебнаго рѣшенія, коимъ отказано собственнику въ искѣ противъ него. Хотя законъ говоритъ, что давностное владѣніе превращается въ право собственности, но говоритъ такимъ выраженіемъ, изъ котораго ничего опредѣленнаго вывести нельзя, а только, что давностный владѣлецъ считается какъ бы собственникомъ, чѣмъ-то въ родѣ собственника. Всѣ другіе выводы бездоказательны и имѣютъ своимъ послѣдствіемъ безвыходную путаницу. Мы имѣли бы собственника, за которымъ имѣніе не укрѣплено и который не можетъ получить укрѣпленія, который не вправѣ ни продавать, ни закладывать своей собственности, хотя на ней нѣтъ никакого запрещенія и она не есть имѣніе заповѣдное или майоратъ.

Критикъ перваго изданія моего сочиненія въ «Журналѣ Министерства Юстиціи [1]) г. Кр. М. полагаетъ, что изъ прежняго толкованія моего необходимо слѣдуетъ, что до судебнаго рѣшенія вещь, находящаяся въ рукахъ давностнаго владѣльца, и по истеченіи давностнаго срока есть чужая для него, есть собственность другаго лица; слѣдовательно, и продажа или всякое другое отчужденіе этой чужой собственности владѣльцемъ юридически недѣйствительны, если между исполненіемъ давности и совершеніемъ акта отчужденія не посредствовало судебное рѣшеніе. Въ такомъ случаѣ преемникъ его не пріобрѣтаетъ покупкою вещи никакого законнаго права на нее.

Съ другой стороны, продолжаетъ критикъ, отсюда слѣдуетъ, что если, по истеченіи давностнаго срока владѣнія, прежній хозяинъ имущества завладѣлъ бы имъ до судебнаго рѣшенія, то давностный владѣлецъ не имѣлъ бы права отыскивать это имущество, какъ свою собственность, судебнымъ порядкомъ, потому что наступленіе срока давности предоставило ему только право отвода, но не дало никакого матеріальнаго гражданскаго права, а слѣдовательно не дало и права иска, за исключеніемъ, конечно, иска о нарушеніи владѣнія. Лишь только владѣлецъ пропустилъ короткій срокъ, назначенный для просьбъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, прерывается всякая связь его съ имуществомъ, которымъ онъ владѣлъ болѣе десяти лѣтъ [2]).

---

[1]) 1867, XXIII, стр. 495 и сл.

[2]) Это мнѣніе о характерѣ и значеніи десятинедѣльнаго или шестимѣсячнаго срока рѣшительно несостоятельно. Срокъ этотъ имѣетъ лишь судопроизводственное значеніе, для опредѣленія подсудности иска. Истеченіе его не можетъ имѣть никакого вліянія на положеніе владѣльца и на отношеніе его къ владѣемому имуществу. Пропущеніемъ его права владѣльца не увеличиваются, права истца не умаляются, а споръ лишь переносится изъ полиціи въ судебное мѣсто или отъ мироваго судьи въ окружной судъ.

Нынѣ, когда я измѣнилъ свой взглядъ въ томъ отношеніи, что и вслѣдствіе судебнаго рѣшенія давностный владѣлецъ не пріобрѣтаетъ права собственности на имущество, которымъ владѣетъ, эта критика направлена, очевидно, не только противъ значенія, которое я придаю давностному владѣнію до судебнаго рѣшенія, но и послѣ него, во все время, пока имѣніе состоитъ въ давностномъ владѣніи и пока оно не перешло къ другому по наслѣдству или на основаніи какого бы то ни было законнаго акта.

Критикъ продолжаетъ: «Сколько намъ извѣстно, ни тотъ, ни другой выводъ не принимаются въ нашей судебной практикѣ. Въ дѣйствительной жизни нашего права отношеніе давностнаго владѣльца къ вещи, по наступленіи срока давности, признается уже не владѣніемъ, а правомъ собственности, и на этомъ основаніи всякаго рода сдѣлки давностнаго владѣльца, которыми онъ, послѣ означеннаго момента, хотя бы и безъ судебнаго рѣшенія, или до него, отчуждаетъ свою вещь, считаются дѣйствительными и для преемниковъ его основываютъ право собственности. Можно указать для примѣра на рѣшеніе правительствующаго сената по дѣлу Постникова съ Карташевской [1]), гдѣ нѣкто Синебрюховъ владѣлъ болѣе десяти лѣтъ чужимъ участкомъ земли и потомъ продалъ его Карташевской. Судебнаго рѣшенія, которое бы посредствовало между давностнымъ владѣніемъ и актомъ продажи, не было и, слѣдовательно, по взгляду г. Энгельмана, земля была для Синебрюхова чужая и продажа ея недѣйствительна. По взгляду же правительствующаго сената, земля, при продажѣ ея, составляла полную собственность Синебрюхова и по продажѣ должна принадлежать Карташевской, потому что владѣніе Синебрюхова, чрезъ продолженіе онаго въ теченіе установленной закономъ давности, превратилось для него въ право собственности, на основаніи 533 ст. Зак. Гражд.

«Съ другой стороны, наша судебная практика полагаетъ, что если съ истеченіемъ давностнаго срока владѣніе превращается, въ силу закона, въ право собственности, а искъ прежняго хозяина, по закону же, уничтожается и дѣло предается забвенію, то странно было бы ставить вопросъ о силѣ исполнившейся давности владѣнія въ зависимость отъ того, успѣлъ или нѣтъ прежній собственникъ вещи разорвать отношеніе къ ней ея новаго хозяина. По взгляду нашей практики, этотъ новый хозяинъ всегда имѣетъ вещный искъ о возвращеніи своей собственности, если имущество захвачено прежнимъ собственникомъ [2])».

Эти замѣчанія, однако, не въ состояніи поколебать моихъ выводовъ. То, что доказываетъ г. Кр. М., дѣйствительно имѣло бы мѣсто, если бы въ русскомъ правѣ существовала та строгая противоположность между понятіями о собственности и владѣніи, на которой основаны приведенные доводы. Какъ мы видѣли выше, недостаетъ въ немъ именно этого строгаго и рѣзкаго отличія между отдѣльными юридическими понятіями.

---

[1]) Сбор. I, № 705.

[2]) Сбор. сен. рѣш. II, №№ 162, 311 и др.

Однако, г. Кр. М. приводитъ нѣсколько рѣшеній правительствующаго сената, въ которыхъ будто бы объявлено, что давностнымъ владѣніемъ пріобрѣтается право собственности. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Въ первомъ изъ приведенныхъ рѣшеній, воспослѣдовавшемъ по дѣлу Постникова съ Карташевской [1]), дѣйствительно сказано, что, на основаніи 533 статьи, пріобрѣтено право собственности на землю. Однако, обращая вниманіе на сущность дѣла, оказывается, что отецъ Синебрюхова получилъ владѣніе землею на основаніи запродажной записи, въ которой земля запродана ему въ вѣчное потомственное владѣніе, съ обязательствомъ со стороны продавцовъ выдать ему, покупщику, купчую крѣпость послѣ утвержденія ихъ въ правахъ наслѣдства. Цѣна, очевидно, была заплачена, но купчая не была выдана. Поэтому на купчей крѣпости Синебрюховъ не могъ основывать своего права. Но чрезъ запродажную онъ могъ доказывать, что получилъ владѣніе въ видѣ собственности, что цѣль этого акта былъ переносъ права собственности, хотя по неформальности актъ не доказываетъ такого переноса. Но актъ по цѣли своей доказываетъ, что Синебрюховъ получилъ владѣніе въ видѣ собственности. Поэтому владѣніе его вызывало искъ продавцовъ, если они не хотѣли признавать выданную ихъ отцомъ запродажную запись. Это они не сдѣлали въ теченіе срока давности, поэтому-то и потеряли искъ. Карташевская, какъ преемница Синебрюхова, могла ссылаться на давность исковую, пропущенную противъ него. Отказъ Синебрюхова отъ своихъ правъ, очевидно, ничтоженъ, такъ какъ сдѣланъ въ такое время, когда его права уже перешли къ другимъ. Если же главнымъ образомъ напирать на формальное значеніе запродажной записи, какъ contractus de contrahendo, а не на намѣреніе сторонъ и очевидную цѣль этого договора, то должно сказать, что владѣніе на основаніи запродажной есть владѣніе условное, впредь до совершенія купчей, и никогда не можетъ быть признано юридическимъ, и вслѣдствіе этого не можетъ имѣть характера владѣнія давностнаго. Такое объясненіе, впрочемъ, придавало бы слишкомъ большое значеніе формальной сторонѣ права и слишкомъ мало обратило бы вниманія на намѣреніе и волю договорившихся сторонъ.

Кромѣ того, г. Кр. М. приводитъ еще нѣсколько рѣшеній правительствующаго сената [2]). Рѣшеніе подъ № 162, очевидно, приведено по ошибкѣ: въ немъ ничего не говорится о встрѣчномъ искѣ давностнаго владѣльца; напротивъ того, опредѣленіемъ сената примѣненіе давности къ этому дѣлу отвергается. Изъ рѣшенія подъ № 311 также не видно, чтобы давностный владѣлецъ имѣлъ вещнаго иска; напротивъ того, изъ него выходитъ, что, по мнѣнію сената, давность не примѣняется къ искамъ казны о земляхъ: у лица, владѣвшаго безспорно двадцать лѣтъ извѣстною землею, она отсуждается по иску казны. Итакъ, ни одно изъ приведенныхъ г. Кр. М. рѣшеній сената не доказываетъ того, что онъ хо-

---

[1]) Сборникъ рѣшеній правительствующаго сената, I, № 705.

[2]) Сборникъ, II, №№ 162, 311 и др.

тѣлъ ими подтвердить. Если и есть судебныя рѣшенія, въ которыхъ земля присуждается давностному владѣльцу, какъ собственнику, на основаніи пріобрѣтеннаго имъ давностью права собственности, то они все-таки ничего не доказываютъ. Изъ нихъ еще нельзя заключить, что существуетъ usucapio. Напротивъ того, слѣдуетъ сказать, что напрасно въ подобныхъ рѣшеніяхъ судебныя мѣста высказались объ отношеніи давностнаго владѣльца къ землѣ. Давностный владѣлецъ противопоставляетъ иску собственника отзывъ о пропущеніи имъ десятилѣтняго срока. Судъ не только могъ, но обязанъ былъ ограничиться отвѣчать на подлежащій его рѣшенію вопросъ: пропустилъ ли собственникъ исковую давность, и въ случаѣ положительнаго отвѣта отказать собственнику въ искѣ, а въ случаѣ, если онъ владѣетъ имѣніемъ, отсудить у него имѣніе, потому что неправильно имъ завладѣлъ, самовольно или насильно, или неправильно ему предоставлено владѣніе полиціей. Если судъ, напротивъ того, объявляетъ давностнаго владѣльца собственникомъ, то онъ дѣлаетъ постановленіе, на которое закономъ вовсе не былъ уполномоченъ.

Вѣроятно, есть множество опредѣленій, въ которыхъ суды поступили такимъ образомъ. Однако, не всякая практика правильна по тому одному, что она существуетъ. Найдутся, пожалуй, дѣла, гдѣ въ частномъ производствѣ по нарушенному владѣнію, когда дѣло идетъ только о томъ, правильно-ли полиція предоставила тому или другому владѣніе спорнымъ имѣніемъ, судебныя мѣста пускались въ разборъ о правѣ собственности того или другаго, но это еще не доказываетъ, чтобы подобныя разсужденія были правильны.

Соображая все нами изложенное о толкованіи 533 ст., съ характеристическими свойствами какъ давности владѣнія, usucapio, такъ и давности исковой, мы съ необходимостью приходимъ къ вышеприведенному выводу, что содержаніе 533 статьи доказываетъ, что хотя въ русскомъ правѣ установлена давность владѣнія, но въ столь неясныхъ, неразвитыхъ зачаткахъ, что, при примѣненіи давности на практикѣ, дѣло сводится всегда къ давности исковой, какъ по спорнымъ, такъ и по безспорнымъ дѣламъ.

Правильность этого вывода доказывается положительно изъ того.

1) что, по происхожденію 533 статьи, въ ней развита лишь давность исковая;

2) что давностное владѣніе не обусловливается ни законнымъ поводомъ (justus titulus) пріобрѣтенія, ни добросовѣстностью владѣльца;

3) что давностный владѣлецъ не вводится во владѣніе имуществомъ и вслѣдствіе этого не имѣетъ возможности укрѣплять за собою формальное право собственности на имѣніе;

4) что давностный владѣлецъ, по строгому смыслу закона, не вправѣ ни продавать, ни закладывать свое имущество;

5) что изъ системы русскаго гражданскаго права ст. 533 можетъ быть совершенно выпущена, чѣмъ содержаніе права ничуть не измѣнилось бы: дѣла по давности рѣшатся такимъ же образомъ, какъ и нынѣ, при существованіи этой статьи.

1. Происхожденіе 533 статьи доказываетъ исковой характеръ давности владѣнія русскаго права.

Цитаты подъ 533 ст. указываютъ на девять различныхъ законовъ, какъ источниковъ оной. Разсматривая эти законы, мы однако убѣждаемся, что въ нихъ не только объ учрежденіи usucapio, но вообще о давности владѣнія не говорится.

Изъ законовъ, вышедшихъ до установленія десятилѣтней давности, приведены: манифестъ о генеральномъ межеваніи 19 сентября 1765 г.[1]) и межевая инструкція 1766 г. мая 25[2]). Въ этихъ законахъ, какъ я доказалъ въ исторической части моего сочиненія, о давности вовсе не говорится. Говорится о владѣніи издревле, старинномъ (anvordenklicher Besitz), и говорится о владѣніи, существовавшемъ въ 1765 году; въ томъ и другомъ случаѣ дѣло не идетъ вовсе о давности, тѣмъ менѣе объ usucapio.

Въ упоминаемомъ затѣмъ манифестѣ 1787 г. 28 іюня[3]) говорится только о давности исковой.

Въ именномъ указѣ 22 сентября 1808 года[4]), о невозстановленіи тяжебъ за пропущеніемъ десятилѣтней давности, говорится исключительно о давности исковой. Въ этомъ указѣ сказано, что прикосновеніе къ земской давности можетъ подать поводъ къ размноженію тяжебъ и тѣмъ поколебать собственность владѣній, законами окончательно утвержденныхъ. Если въ послѣднихъ словахъ и видѣть намекъ на usucapio, то все-таки весьма отдаленный, и рѣшительно нельзя сказать, что этотъ указъ вводитъ usucapio или указываетъ на существующую уже usucapio; нельзя далѣе сказать, что указъ этотъ, по своему содержанію, можетъ считаться источникомъ 533 ст. Приведенный затѣмъ указъ 16 февраля 1823 года[5]) содержитъ въ себя распространенія правила указа 1808 года на тяжебныя дѣла всякаго рода.

Въ указѣ 10 февраля 1824 года[6]) также говорится о давности исковой и хотя упоминается объ изслѣдованіи о владѣніи, но только для того, чтобы предѣлить, не пропущена-ли давность для предъявленія иска.

---

[1]) П. С. З. № 12474, 2, 9—21.
[2]) Тамъ же № 12659, гл. IV.
[3]) Тамъ же № 16551.
[4]) Тамъ же № 23282.
[5]) Тамъ же № 29315.
[6]) Тамъ же № 29772, п. 8.

Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта отъ 31 мая 1828 года [1]), объ обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ въ городахъ имуществъ имѣть на оныя крѣпостные акты или другіе узаконенные виды, въ 5 пунктѣ говорится вовсе не о давности, но о томъ, что настоящіе безспорные владѣльцы, если не могутъ получить, за смертью или отсутствіемъ владѣльцевъ, купчихъ, обязаны испрашивать отъ кого слѣдуетъ данныя. Въ 11 пунктѣ говорится, что владѣльцы, которые не могутъ доказать пріобрѣтенія имѣнія на основаніи наслѣдственнаго права, равно должны совершать купчія крѣпости или испрашивать себѣ данныя. О давности же владѣнія во всемъ законѣ даже и не упоминается.

Въ сенатскомъ указѣ отъ 7 августа 1830 года [2]) опредѣлено, что купчая крѣпость, по которой покупщикъ не былъ введенъ во владѣніе, а проданное имущество оставалось за продавцомъ, подлежитъ уничтоженію и имѣніе отдается (? т. е. оставляется) въ неотъемлемое владѣніе отвѣтчику. Хотя въ этомъ указѣ дѣйствительно говорится о давностномъ владѣніи, однако въ сущности здѣсь дѣло идетъ также о давности исковой.

Единственный законъ, въ которомъ дѣйствительно говорится о давности владѣнія и о пріобрѣтеніи ею права собственности, все-таки не доказываетъ существованія оной въ русскомъ правѣ, потому что этотъ законъ мѣстный, изданный исключительно для нагорной части Крыма. Въ именномъ указѣ о поземельномъ правѣ и размежеваніи земель въ Таврическомъ полуостровѣ отъ 21 февраля 1833 г. сказано [3]): «Оставляя въ полной силѣ Положеніе 28 сентября 1827 г. [4]) въ отношеніи степной части Крыма, въ горной части онаго и на южномъ берегу дозволить татарамъ какъ уступку между собою, такъ и продажу другимъ лицамъ земель, не токмо по документамъ, имъ принадлежащимъ, но и по десятилѣтнему до изданія сего указа владѣнію безъ документовъ, если розысканіемъ на мѣстѣ будетъ доказано, что продаваемый участокъ земли, на которую могла бы имѣть право казна, находился донынѣ въ теченіе десяти лѣтъ въ безспорномъ частномъ владѣніи въ видѣ собственности». Далѣе, во 2 пунктѣ сказано: «Если продаваемый такимъ образомъ участокъ состоитъ не въ казенной или общественной дачѣ, а въ срединѣ помѣщичьей, и на ономъ лежатъ какія либо особенныя обязанности или повинности къ владѣльцу, то при продажѣ онаго имѣетъ быть дѣлаемо особое съ помѣщикомъ соглашеніе; но само собою

---

[1]) П. П. С. З. № 2071, п. 5.

[2]) Тамъ же № 3836.

[3]) Тамъ же № 5994, отд. 1, ст. 1.

[4]) Тамъ же № 1417. Это Положеніе также издано для Крымскаго полуострова, но въ немъ сказано, что земли составляютъ ихъ татаръ собственность, буде имѣютъ на принадлежность ихъ законныя доказательства, и что продажа земель допускается только на основаніи документовъ на дѣйствительную принадлежность.

разумѣется, что право собственности помѣщиковъ на земли, законно имъ принадлежащія, остается въ своей силѣ».

Этотъ законъ именно изданъ для извѣстной мѣстности и этимъ доказывается, что въ другихъ мѣстностяхъ подобнаго правила не существуетъ. Объ этомъ въ законѣ даже прямо сказано. Изъ всего приведеннаго видно, что статья 533, очевидно, не составлена на основаніи приведенныхъ подъ ней указовъ, но помимо ихъ, а именно на основаніи французскаго уложенія.

При той роли, которую вообще игралъ Code Napoléon при составленіи нашего Свода Законовъ Гражданскихъ, едва-ли можно сомнѣваться, что источникъ этой статьи есть статья 2229 Code civil, почти буквально сходная съ ней:

Pour pouvoir prescrire il faut une possession *continue* et non interrompue, paisible, *publique*, *non équivoque* et à titre de propriétaire.

Такъ какъ во французскомъ правѣ существуетъ usucapio, то значитъ заимствованіе этой статьи изъ Code Napoléon должно бы доказывать, что именно статья наша говоритъ объ usucapio, о давности владѣнія. Если статья была бы заимствована вполнѣ, вся, то этотъ выводъ былъ бы справедливъ. Но это сдѣлано не было: при заимствованіи статьи, слова, означенныя выше курсивомъ, отчасти замѣнены другими, отчасти выпущены.

Редакція Свода измѣнила французскій образецъ, примѣнивъ его къ другимъ постановленіямъ русскаго законодательства о давности. Именно, она выпустила изъ французской статьи нѣкоторые аттрибуты давностнаго владѣнія, которые оказались не въ согласіи съ характеромъ постановленій нашихъ законовъ о давности, напр. то, что давностное владѣніе должно быть *публично* и *недвусмысленно*, и, кромѣ того, наименованіе владѣнія *постояннымъ* замѣнила названіемъ *безспорнаго*. Эта замѣна составляетъ особенно важное обстоятельство для правильнаго толкованія 533 ст. Очевидно, что фраза *постоянное владѣніе* опредѣляетъ его въ области внѣпроцесуальной, тогда какъ названіе владѣнія *безспорнымъ* указываетъ лишь на отсутствіе нарушеній владѣнія предъявленіемъ судебнаго спора. Предикатъ безспорности ставитъ ст. 533 въ связь съ другими статьями Свода, въ которыхъ опредѣляется понятіе о безспорности владѣнія. Отсюда же слѣдуетъ, что и обсуживать 533 ст. по началамъ давности пріобрѣтательной (т. е. usucapio), вслѣдствіе предполагаемаго заимствованія ея изъ французскихъ постановленій о давности этого рода, нѣтъ достаточнаго основанія.

На приведенное нами доказательство исковаго характера нашей давности первый указывалъ критикъ нашъ въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» [1]). Не можемъ не привести здѣсь очень удачно схваченную общую характеристику развитія нашего права, которую онъ излагаетъ при этомъ случаѣ. Онъ говоритъ:

---

[1]) 1867 г., XXXIII, стр. 501 и сл.

«Вообще наша давность есть явленіе процесуальное, плодъ судебно-практическаго развитія русскаго законодательства. Развиваясь этимъ путемъ, наше законодательство сознавало и опредѣляло гражданскія юридическія отношенія преимущественно, а нерѣдко и исключительно, съ процесуальной ихъ стороны, сознавая ихъ весьма слабо въ спокойномъ ихъ состояніи до возникновенія судебнаго спора. Постановленія о давности, охватывающія множество разнообразныхъ гражданскихъ отношеній со стороны ихъ установленія и прекращенія, представляютъ именно такую, процесуальную форму сознанія гражданскихъ правъ. Этотъ характеръ ихъ проявляется не только въ общемъ смыслѣ института, но и въ подробностяхъ этого послѣдняго.

«Пріобрѣтательная давность т. е. usucapio, не развилась въ нашемъ правѣ отчасти именно по причинѣ преобладанія процесуальнаго сознанія и регулированія правовыхъ отношеній, главнымъ же образомъ вслѣдствіе слабаго сознанія принципа собственности. Учрежденіе usucapio предполагаетъ въ правовомъ чувствѣ народа сильную потребность прочнаго права собственности въ юридическомъ быту, въ силу которой это право естественно становится на мѣсто шаткихъ и неопредѣленныхъ фактическихъ отношеній, такъ что владѣніе какъ бы выростаетъ до степени права. Потому учрежденіе это и развивается такъ рано въ римскомъ правѣ, которое, какъ извѣстно, уже на первыхъ дняхъ своей исторической жизни отличалось строжайшею, даже суровою постановкою начала собственности во главѣ правовой гражданской системы. Нашему же праву, издавна и до позднѣйшихъ временъ, были чужды какъ глубина сознанія принципа собственности, такъ и энергія въ строго логическомъ проведеніи его въ жизнь народную. Наша исторія развивала по преимуществу начало владѣнія и довольствовалась имъ, слабо сознавая потребность его возвышенія до идеи исключительнаго юридическаго обладанія. Владѣніе развилось у насъ какъ *начало государственное*, особенно въ примѣненіи къ недвижимымъ имуществамъ, и вытѣснило здѣсь появившіеся было зачатки института пріобрѣтательной давности. Владѣніе, какъ фактическое отношеніе, было продуктомъ извѣстной односторонности нашего историческаго развитія, именно одностороннe-государственнаго характера его, вслѣдствіе котораго верховное право государственной собственности долгое время допускало лишь неполныя владѣльческія права гражданъ на недвижимыя имущества государственной территоріи. Что же касается движимыхъ имуществъ, то права на нихъ почти исключительно сознавались въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ въ формѣ процесуальной, въ формѣ требованія, защищаемаго судомъ. Если не было предъявлено этого требованія, то законъ какъ бы совсѣмъ не зналъ о его существованіи. Вслѣдствіе того, съ одной стороны развилось начало крѣпостнаго порядка пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, а съ другой выработалось предположеніе, что движимыя имущества *почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ*, доколѣ противное не будетъ (судебнымъ порядкомъ) доказано [1]). То и другое исключало возмож-

[1]) Ст. 534 ч. 1 т. X Зак. Гражд.

ность примѣненія пріобрѣтательной давности. Въ послѣднемъ случаѣ очевидно, что если мыслима относительно движимыхъ имуществъ какая либо пріобрѣтательная давность, то развѣ та, которая у французскихъ юристовъ называется prescription instantanée и которая есть ничто иное, какъ абсурдъ. Съ фактомъ владѣнія здѣсь непосредственно соединяется предположеніе о правѣ собственности и затѣмъ всякій споръ разрѣшается дѣйствіемъ суда, исковымъ порядкомъ.»

2. Давность владѣнія русскаго права, не обусловленная ни законнымъ поводомъ, ни добросовѣстностью, на практикѣ проявляется всегда въ видѣ и съ характеромъ давности исковой.

При давности владѣнія, usucapio, дѣятельность давностнаго владѣльца является основаніемъ пріобрѣтенія права собственности. Какъ всякій другой законъ, такъ и законъ объ usucapio, чтобы быть дѣйствительно выраженіемъ правоубѣжденій народа или положить прочное основаніе, на которомъ могли бы развиваться таковыя, можетъ объявить основаніемъ пріобрѣтенія права собственности лишь такую дѣятельность и такія отношенія, которыя, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ началамъ справедливости, положительно признаннымъ въ законѣ. Поэтому законъ, по крайней мѣрѣ, долженъ требовать, чтобы эта дѣятельность имѣла хоть видъ права, или чтобы она основывалась бы, по крайней мѣрѣ, на субъективномъ убѣжденіи о дѣйствительности мнимаго права. Владѣніе, пріобрѣтенное чрезъ преступленіе, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть положено основаніемъ давности владѣнія. Иначе бываетъ при давности иска. Здѣсь законъ основываетъ свое постановленіе на бездѣйствіи того лица, кому принадлежитъ извѣстное право. Оно теряетъ свое право, свою собственность, вслѣдствіе своего бездѣйствія. Владѣлецъ пріобрѣтаетъ собственность только вслѣдствіе бездѣйствія собственника. Чтобы рѣшить, теряетъ-ли кто нибудь свое право вслѣдствіе собственнаго бездѣйствія, вопросъ о качествѣ владѣнія противника, о свойствѣ его дѣятельности, имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Безусловно необходимо только одно—чтобы, владѣніемъ или неисполненіемъ обязательства со стороны другаго, искъ о правѣ собственности или о другомъ правѣ со стороны собственника или заимодавца и т. д. сдѣлался конкретнымъ и онъ бы имѣлъ поводъ къ принудительному приведенію въ исполненіе своего права. Если собственникъ или заимодавецъ и т. д. оставляетъ дѣло въ такомъ положеніи въ теченіе срока давности, не начиная иска, то онъ теряетъ свое право и вслѣдствіе и только вслѣдствіе этой потери, пріобрѣтаетъ право фактическій владѣлецъ, а не потому, чтобы онъ пріобрѣлъ самостоятельное право. По русскому уголовному праву [1]), искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки и о возвращеніи пріобрѣтенныхъ чрезъ преступленіе вещей подлежитъ давности на основаніи общихъ правилъ гражданскаго права. Поэтому воръ пріобрѣтаетъ въ собственность украденныя вещи, возвращенія которыхъ въ теченіе десяти лѣтъ отъ него не требовали,

---

[1]) Улож. о нак. 1866 г., ст. 164.

конечно не потому, что онъ ихъ укралъ и владѣлъ ими какъ краденными, но потому, что владѣлецъ пропустилъ срокъ для начатія иска и, вслѣдствіе того, лишился права на искъ. Добросовѣстный владѣлецъ пріобрѣтаетъ лишь пропущеніемъ такого же промежутка времени обезпеченіе противъ иска собственника. Утверждать, что законъ поставилъ съ намѣреніемъ ихъ обоихъ одинаково— это значило бы предполагать, что законъ покровительствуетъ беззаконію и уравниваетъ вора съ добросовѣстнымъ владѣльцемъ, который получилъ въ наслѣдство вещь или купилъ ее у несобственника. Уравненіе обоихъ объясняется только тѣмъ, что въ русскомъ правѣ до сихъ поръ развита только давность иска и что въ немъ совершенно неразвита usucapio, давность владѣнія. Развитіемъ послѣдняго учрежденія можно устранить несправедливость, состоящую въ уравненіи столь различныхъ отношеній. Теперешнее римское право даетъ, уже на основаніи пандектовъ, тому, кто потерялъ свой искъ пропущеніемъ срока давности, право на вознагражденіе убытковъ чрезъ actio doli, если онъ можетъ доказать, что его прежній должникъ подвелъ истеченіе срока давности какими нибудь безчестными способами. На основаніи каноническаго права, искъ о возвращеніи вещи со стороны собственника оной считается пропущеннымъ истеченіемъ срока только тогда, когда фактическій обладатель вещи былъ въ доброй совѣсти. При давности иска bona fides подразумѣвается, до представленія доказательствъ противному, между тѣмъ какъ при давности владѣнія она должна быть положительно доказана,—конечно, лишь по отношенію къ началу владѣнія. Добросовѣстность, которая требуется во второмъ случаѣ, не только оказывается болѣе тѣсною, но нѣчто совершенно различнымъ отъ добросовѣстности, необходимой въ первомъ случаѣ. Поэтому, если требовать добросовѣстность отъ того, кто ссылается на просрочку иска по давности—и соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія вполнѣ развитаго права, однако, добросовѣстность здѣсь не имѣетъ такого значенія, чтобы можно сказать, что безъ нея исковая давность немыслима или измѣнена въ своихъ существенныхъ признакахъ. Напротивъ того, при usucapio, давности владѣнія, требованіе добросовѣстности со стороны владѣльца настолько существенно въ этомъ учрежденіи, что безъ нея недостаетъ одного изъ существенныхъ признаковъ учрежденія давности владѣнія (usucapio). Однако, въ законахъ нашихъ нигдѣ не упоминается о необходимости добросовѣстности при давности владѣнія. Уже по одному этому обстоятельству, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ заключить, что въ существующемъ русскомъ правѣ давность владѣнія совершенно неразвита.

3. Давностный владѣлецъ не можетъ быть введенъ во владѣніе имѣніемъ на основаніи одной десятилѣтней давности; оно не укрѣпляется за нимъ въ его формальную собственность.

Рѣшеніемъ с.-петербургскаго окружнаго суда отъ 10 ноября 1867 года [1]), послѣдовавшимъ по дѣлу Керстъ, о вводѣ во владѣніе домомъ, на который вла-

---

[1]) «Судебн. Вѣстн» 1867 г. № 264.

дѣлица будто бы пріобрѣла право собственности давностью владѣнія, опредѣлено въ ходатайствѣ отказать. Основанія этого опредѣленія слѣдующія:

Что, по буквальному смыслу 925 и послѣдующихъ статей 1 ч. X т. и 1424 и послѣд. статей Уст. Гражд. Судопр., вводъ во владѣніе можетъ быть произведенъ только по представленіи установленнаго акта укрѣпленія, удостовѣряющаго переходъ къ просителю права на недвижимое имѣніе; что, слѣдовательно, вводъ во владѣніе установленъ только для случаевъ перехода имущества отъ одного лица къ другому по актамъ укрѣпленія; что, между тѣмъ, отличительнымъ признакомъ пріобрѣтенія правъ на имѣніе по давности владѣнія служитъ именно отсутствіе надлежащаго акта укрѣпленія, доказывающаго принадлежность имѣнія владѣльцу, и что за симъ вводъ во владѣніе не можетъ быть допущенъ въ случаяхъ пріобрѣтенія имущества по праву земской давности.»

Хотя соображенія суда отчасти односторонни но, по нашему мнѣнію, опредѣленіе это совершенно правильно, потому что давностью не пріобрѣтается формальное право собственности. Подтвержденіе этого мнѣнія я вижу въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта объ обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ въ городахъ имуществъ имѣть на оныя крѣпостные акты или другіе узаконенные виды [1]). Въ 1 пунктѣ этого мнѣнія всѣ владѣльцы недвижимыхъ въ городахъ имуществъ обязываются имѣть на оныя крѣпостные акты, со взносомъ крѣпостныхъ пошлинъ. Въ 5 п. сказано, что настоящіе, безспорные владѣльцы, которымъ, за отсутствіемъ или за смертью продавцовъ, купчей получить не отъ кого, обязаны просить о выдачѣ данной. Въ п. 11 говорится, что если они наслѣдственнаго права доказать не могутъ, то не должно совершать купчихъ или совершать данныхъ. Во всѣхъ случаяхъ поэтому говорится или о пріобрѣтеніи имѣній наслѣдствомъ, покупкою или какимъ нибудь другимъ, болѣе или менѣе формальнымъ образомъ. Во всемъ законѣ не говорится о томъ, что владѣльцы, основывающіе свое обладаніе имуществомъ на одной давности владѣнія, могли на основаніи ея получить данную.

Въ руководящей статьѣ «Судебнаго Вѣстника» [2]) доказывается неосновательность приведенныхъ въ этомъ опредѣленіи мотивовъ, тѣмъ, что 1) вводъ во владѣніе бываетъ не только на основаніи крѣпостныхъ актовъ, но и независимо отъ нихъ, при наслѣдствѣ по закону (что, впрочемъ, не противорѣчитъ опредѣленію окружнаго суда, основанному на ст. 1424 1 ч. X т., въ которой прямо говорится о наслѣдствѣ);

2) что вводъ есть вообще средство укрѣпленія права собственности на вещи недвижимыя;

3) что если въ ст. 1424 требуется для ввода предъявленіе пріобрѣтателемъ суду акта укрѣпленія, на переходъ недвижимостей установленнаго, то это огра-

---

[1]) II П. С. З. 1828 г. № 2071.
[2]) 1867 г. № 266.

ниченіе основаній и примѣненія ввода есть только относительное, установленное для тѣхъ случаевъ, гдѣ ввода домогаются на основаніи акта, но не есть ограниченіе безусловное, ко всѣмъ случаямъ.

Затѣмъ, въ подкрѣпленіе правильности опредѣленія окружнаго суда, приводится въ той же статьѣ, что, на основаніи одностороннаго заявленія о прошествіи срока давности, судъ не можетъ объявить владѣльца собственникомъ; что вызовъ собственника оказывается затруднительнымъ; что при заочномъ приговорѣ легко можетъ случиться, что, по послѣдованіи его, собственникъ явится и докажетъ, что представленныя доказательства истца неполны, что давность не прошла, что владѣлецъ въ теченіе ея неоднократно признавалъ его право. Далѣе, что недопущеніе ввода на основаніи давности не имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ вѣчную неопредѣленность правоотношеній къ имуществу, такъ какъ, не говоря о случаяхъ, гдѣ самъ собственникъ предъявляетъ искъ и тѣмъ вызываетъ судебное признаніе правъ владѣльца, наслѣдники владѣльца могутъ быть введены во владѣніе наслѣдствомъ.

Всѣ изложенные доводы доказываютъ однако только то положеніе, что вводъ во владѣніе на основаніи давности не долженъ быть совершаемъ по односторонней просьбѣ владѣльца, безъ вызова противной стороны и безъ изслѣдованія дѣла въ порядкѣ тяжебнаго судопроизводства, и что желательна возможно большая осторожность суда при разрѣшеніи дѣлъ этого рода. Но они не въ силахъ безусловно опровергнуть самую возможность ввода во владѣніе по давности.

Если вводъ во владѣніе есть способъ укрѣпленія пріобрѣтеннаго права собственности на недвижимость, то, съ другой стороны, какъ бы мы ни смотрѣли на существующую въ нашей правовой системѣ давность владѣнія, исковая-ли она или пріобрѣтательная, во всякомъ случаѣ исполненіе десятилѣтняго срока иску собственника и владѣнію давностнаго владѣльца есть фактическое основаніе превращенія давностнаго владѣнія въ право собственности, основаніе, установленное самимъ закономъ (ст. 533 1 ч. X т.) и имѣющее право на судебное признаніе.

Наша земская давность въ примѣненіи къ вотчиннымъ искамъ сопровождается потерею не только исковаго права, но и матеріальнаго, т. е. самаго права собственности. Вслѣдствіе того, по наступленіи срока, владѣніе давностнаго владѣльца становится, по русскому законодательству, исключительнымъ въ томъ смыслѣ, что ему не противостоитъ никакое право собственности другаго лица на то имущество. Эта исключительность владѣнія возвышаетъ его на степень настоящаго права собственности, хотя вытекающаго изъ основаній, неконстатированныхъ еще судомъ, и еще неукрѣпленнаго, но заключающаго уже въ себѣ самомъ право на судебное признаніе и укрѣпленіе, коль скоро предположеніе о превращеніи владѣнія въ право собственности подтвердится судебнымъ изслѣдованіемъ. Право, основывающееся на земской давности, есть, во всякомъ случаѣ, право гражданское, всякій споръ о которомъ, вызываемый лицами, до коихъ дѣло то касается, подлежитъ разрѣшенію судебныхъ установленій.

Затѣмъ въ статьѣ «Судебнаго Вѣстника» доказывается возможность тяжебнаго производства о вводѣ во владѣніе на основаніи давности, на основаніи Уст. Гражд. Судопр. [1]).

Статья оканчивается слѣдующими словами: Укрѣпленіе права собственности за давностнымъ владѣльцемъ, доказавшимъ свое владѣніе, есть только логическое послѣдствіе признанія въ законѣ наступленія давностнаго срока условіемъ превращенія владѣнія въ право. Конечно, доказать, при заочномъ разбирательствѣ дѣла, исполненіе исковой давности весьма трудно и, по всей вѣроятности, въ большинствѣ случаевъ этого рода, суду придется рѣшить дѣло отказомъ давностному владѣльцу въ признаніи его права; однако, въ принципѣ отрицать возможность такого признанія нельзя. Признаніе правъ истца здѣсь настолько же сомнительно, какъ и вообще при заочныхъ рѣшеніяхъ.»

Главная мысль, на которой авторъ основываетъ свои выводы—что каждый признается способнымъ отыскивать и защищать на судѣ свои права. Давностный владѣлецъ—заключаетъ авторъ—можетъ быть истцомъ по предмету этого права, коль скоро кто-либо мѣшаетъ его осуществленію. Въ данномъ случаѣ прежній собственникъ имущества препятствуетъ владѣльцу осуществлять пріобрѣтенное по давности право, потому что для продажи или залога требуется отъ него объявленіе объ актѣ, на основаніи котораго имѣніе ему принадлежитъ.

Изложеніе это, несмотря на кажущій рядъ логическихъ выводовъ, нельзя признать правильнымъ. Авторъ произвольно ввелъ одно понятіе и если его выкинуть, то рушится мнимая послѣдовательность его доводовъ. Онъ говоритъ: «Основываясь на фактѣ, съ коимъ законъ связываетъ пріобрѣтеніе права собственности, давностный владѣлецъ можетъ быть и истцомъ по предмету этого права, коль скоро кто-либо мѣшаетъ его осуществленію. Въ данномъ случаѣ, прежній собственникъ имущества препятствуетъ владѣльцу осуществлять пріобрѣтенное по давности право, потому, что, если владѣніе его не основывалось

---

[1]) Такого же мнѣнія держится и г. Думашевскій въ «Юридическомъ обозрѣніи» («Ж. М. Ю.» 1868 г., т. I, стр. 47). Онъ тоже полагаетъ, что истцѣ дѣйствительно слѣдовало отказать въ ея просьбѣ, но не потому, что «вводъ во владѣніе не можетъ быть допущенъ въ случаяхъ пріобрѣтенія имущества по земской давности», какъ полагаетъ судъ, а потому, что для ввода во владѣніе требуется какое-либо законное юридическое основаніе (titulus,... Истица должна была прежде всего добиться отъ суда въ исковомъ порядкѣ признанія за нею права собственности на домъ, по силѣ 533, 557—560, 563, 667 ст. т. X ч. 1, а потомъ, на основаніи этого судебнаго признанія, требовать ввода во владѣніе.

На подобныхъ доводахъ основано опредѣленіе с.-петербургской судебной палаты, которая утвердила опредѣленіе окружнаго суда объ отказѣ просительницѣ.

Вслѣдствіе кассаціонной жалобы повѣреннаго довѣрительницы, опредѣленіе палаты перешло на разсмотрѣніе сената. Г. товарищъ оберъ-прокурора въ своемъ заключеніи предложилъ оставить жалобу безъ послѣдствій на томъ же основаніи. Гражданскій кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, однако, опредѣлилъ: рѣшеніе с.-петербургской судебной палаты отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ московскую судебную палату. Къ сожалѣнію, я, передавая эти строки въ наборъ, еще не могъ получить всего опредѣленія, чтобы изложить и оцѣнить мотивы, которыми руководствовался сенатъ.

на крѣпостномъ актѣ, онъ не можетъ, безъ судебнаго признанія и укрѣпленія его права, ни продать, ни заложить своего имущества (ст. 1426, 1627 1 ч. Хт.).»

Послѣднее совершенно правильно; но 1) законъ не связываетъ съ фактомъ безспорнаго и т. д. владѣнія *пріобрѣтеніе* права собственности, а говоритъ только, что владѣніе *превращается*, а изъ этого еще не видно, что онъ можетъ быть истцомъ по предмету этого права, потому что изъ закона не видно, когда владѣніе превратилось въ право собственности. По нашему мнѣнію, онъ вездѣ и всегда можетъ быть истцомъ лишь на основаніи владѣнія, въ случаѣ нарушенія онаго;

2) чтобы вывести право иска давностнаго владѣльца, принадлежащаго ему будто бы противъ собственника, авторъ прибѣгаетъ къ petitio principii. Онъ говоритъ: владѣлецъ пріобрѣлъ право собственности, поэтому онъ долженъ имѣть искъ для осуществленія своего права. Между тѣмъ, такой искъ имѣетъ лишь тотъ, кто дѣйствительно пріобрѣлъ собственность, а это относительно давностнаго владѣльца именно вовсе еще не доказано.

Далѣе автору еще менѣе посчастливилось. Онъ продолжаетъ: собственникъ препятствуетъ владѣльцу осуществлять пріобрѣтенное по давности право. Спрашивается, какимъ образомъ собственникъ мѣшаетъ или препятствуетъ? Онъ потерялъ свой искъ, лишился своего права, долженъ молчать, но неужели онъ самъ долженъ еще содѣйствовать владѣльцу въ пріобрѣтеніи его же имѣнія? Если онъ положительно препятствуетъ, предъявляетъ искъ, завладѣваетъ, то это такъ, споръ возможенъ: владѣлецъ предъявитъ отводъ о пропущеніи давности исковой или искъ о нарушенномъ владѣніи. Если же собственникъ молчитъ, что предписываетъ ему законъ, то какъ же привлечь его къ дѣлу, впутать его въ тяжбу, тягаться съ нимъ? Онъ не виноватъ въ томъ, что законъ не признаетъ давность владѣнія способомъ пріобрѣтенія собственности. Въ томъ-то и дѣло, что не собственникъ, а законъ препятствуетъ владѣльцу осуществлять свое право, законъ, непризнающій за давностнымъ владѣльцемъ формальной собственности. Такимъ образомъ, доказательство, что давностный владѣлецъ можетъ предъявить искъ противъ собственника, за нарушеніе его, давностнаго владѣльца, права, рушится. По русскому праву, никакъ нельзя доказывать право давностнаго владѣльца, привлечь собственника къ дѣлу и пользоваться его помощью для пріобрѣтенія его же вещи. Дѣйствительно, если давностный владѣлецъ можетъ принудить собственника принять его искъ и быть отвѣтчикомъ, то рѣшеніемъ должно быть признаніе его формальной собственности [1]). Но въ Судебныхъ Уставовъ не видно возможности предъявленія иска противъ прежняго собственника.

---

[1] Можетъ быть, здѣсь замѣтятъ мнѣ, что если я въ этомъ случаѣ допускаю принужденіе истцу права собственности, то долженъ согласиться, что равно искъ собственника противъ давностнаго владѣльца можетъ оканчиваться признаніемъ за давностнымъ владѣльцемъ права собственности. Однако, съ этимъ согласиться нельзя. Судъ обязанъ и вправѣ рѣшать только вопросъ, который ему предложенъ. Если собственникъ ищетъ свою вещь и противъ иска давностный владѣлецъ ссылается на давность, хотя бы сталъ доказывать, что вслѣдствіе давности

Такой искъ былъ бы возможенъ, если бы по Уставу Гражданскаго Судопроизводства существовало судебное производство вслѣдствіе общаго вызова (edictaliter), коимъ вызывались бы вообще всѣ лица, которыя могутъ имѣть притязанія къ извѣстному имѣнію, съ предвареніемъ, что если не явятся въ теченіе опредѣленнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго срока, то извѣстная вещь будетъ признана, на основаніи давности, собственностью давностнаго владѣльца. Но такъ какъ Судебные Уставы не знаютъ подобнаго производства на основаніи общаго публичнаго вызова (Edictalladung, Proclaus), а тяжбы и иски всегда производятся между двумя опредѣленными сторонами, то судебное производство по давностному владѣнію, о которомъ говорится въ вышеприведенной статьѣ, невозможно. Ибо если таковое допустить на основаніи Судебныхъ Уставовъ, то открывается возможность стачекъ во вредъ дѣйствительныхъ собственниковъ. Не только давностный, но и всякій владѣлецъ попроситъ судъ вызвать любаго знакомаго, который и будетъ сознаваться предъ судомъ, что дѣйствительно вещь его, что онъ дѣйствительно по оплошности не обратилъ вниманія на завладѣніе вещью и пропустилъ срокъ. Такъ какъ самъ судъ не вправѣ собирать доказательства, то ему придется признать истца собственникомъ и затѣмъ, на основаніи его сознанія—потерявшимъ искъ и право. Если же судъ, для избѣжанія подобныхъ стачекъ, потребуетъ доказательства, что вызываемый отвѣтчикъ есть дѣйствительно собственникъ имущества, то давностному владѣльцу придется доказывать право собственности отвѣтчика. Отвѣтчикъ самъ ни въ какомъ случаѣ не позаботится о своихъ правахъ, такъ какъ они послужатъ лишь въ пользу истца. Поэтому, истцу придется и доказывать право собственности отвѣтчика, и потерю онаго. Процесъ собственно не будетъ между истцомъ и отвѣтчикомъ, но между истцомъ и судомъ, т. е. не будетъ никакого процеса.

Существующая по русскому праву давность такъ безусловна, такъ неразвита, что подъ ней укрываются и воръ и недобросовѣстный владѣлецъ, пожалуй и разбойникъ, конечно также и добросовѣстный владѣлецъ. Предоставить всѣмъ этимъ лицамъ права добросовѣстныхъ владѣльцевъ—было бы слишкомъ несправедливо. Въ русскомъ правѣ всѣ выгоды на сторонѣ владѣльцевъ, краткій срокъ, отсутствіе характерныхъ и существенныхъ условій владѣнія; на сторонѣ собственниковъ всѣ невыгоды. Единственное ограниченіе первыхъ и единственное огражденіе послѣднихъ есть то неясное, стѣсненное положеніе давностнаго владѣльца, по которому онъ не можетъ своимъ имуществомъ распоряжаться, не можетъ его ни продавать, ни закладывать.

пріобрѣлъ право собственности, судъ по закону обязанъ ограничиться отказомъ собственнику въ искѣ и не вправѣ распространяться о характерѣ правъ давностнаго владѣльца. Если давностный владѣлецъ ищетъ изъ владѣнія собственника имѣніе, которымъ собственникъ, потерявъ уже разъ давностью право иска и, вслѣдствіе того, всякое право, то судъ обязанъ отсудить отыскиваемое имѣніе изъ неправильнаго владѣнія бывшаго собственника и не вправѣ распространяться томъ, кому принадлежитъ право собственности.

Авторъ вышеприведенной замѣтки, очевидно, намѣревается доказать, что, по русскому праву, давностному владѣльцу должны принадлежать тѣ же права, которыя законодательства приписываютъ добросовѣстному владѣльцу, пріобрѣвшему вещь на законномъ основаніи.

Облегчая, съ одной стороны, условія давности въ небывалыхъ размѣрахъ, русское законодательство, съ другой стороны, съуживаетъ права давностнаго владѣльца, приписывая ему лишь фактическое господство, и не признавая формально его права собственности. Составители Свода, не имѣя возможности измѣнить и дополнить законъ, исключить изъ-подъ дѣйствія давности владѣніе недобросовѣстное и насильственное владѣніе, удержались предоставить владѣльцамъ, въ числѣ которыхъ будутъ и недобросовѣстные, права, которыя по справедливости могутъ быть предоставляемы лишь владѣльцамъ добросовѣстнымъ. Все это сдѣлано, очевидно, не случайно, не по недоразумѣнію, но намѣренно, именно съ цѣлью избѣгнуть слишкомъ вопіющей несправедливости. Конечно, вмѣстѣ съ недобросовѣстными владѣльцами, подвергаются этому невыгодному положенію и владѣльцы добросовѣстные. Но предъ закономъ они не являются таковыми: ихъ качество неизвѣстно, сокрыто, они не обязаны доказывать своей добросовѣстности

Справедливость нашего объясненія явствуетъ, между прочимъ, и изъ того, что законъ не увѣковѣчиваетъ неясное, стѣсненное отношеніе давностнаго владѣнія. Оно дѣйствительно можетъ переходить въ право собственности, какъ только къ нему присоединяется законное основаніе (justus titulus). Когда давностный владѣлецъ оставляетъ имущество своимъ наслѣдникамъ по завѣщанію или по закону, то эта неясность отношеній къ имуществу прекращается: наслѣдники давностнаго владѣльца имѣютъ право на вводъ во владѣніе на основаніи наслѣдственнаго права и вводомъ за ними укрѣпляется формальное право собственности. Такое же право получитъ лицо, купившее имѣніе отъ давностнаго владѣльца, если послѣднему, по оплошности судебнаго или нотаріальнаго установленія удастся продать вещь, которою владѣетъ по давности. На основаніи купчей крѣпости покупщикъ получитъ вводъ и давностное владѣніе, при посредствѣ justus titulus, дѣйствительно, перейдетъ въ собственность.

Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ и въ русскомъ правѣ, наконецъ, является что-то въ родѣ justus titulus—условія столь существенно необходимаго при пріобрѣтеніи права собственности давностью владѣнія. Это служитъ доказательствомъ, что какъ бы начала естественной справедливости ни были закрываемы и оставляемы подъ спудомъ, они все-таки пробиваются наружу и пролагаютъ себѣ дорогу, и если не находятъ выраженія въ цѣломъ учрежденіи, то скалываются въ какомъ либо отдѣльномъ пунктѣ его.

При составленіи 533 ст., очевидно, не имѣли въ виду подобныхъ соображеній о значеніи изложенныхъ въ ней правилъ, но законодатель, повидимому, постарался выразить то, что дѣйствительно существовало на практикѣ, въ жизни при примѣненіи положительныхъ правилъ, изданныхъ указовъ. Дѣйствительно, ему и удалось изобразить именно то, что было на самомъ дѣлѣ. Далѣе, не только при первоначальной редакціи, но и при разнообразныхъ дополненіяхъ

закона давностному владѣльцу не предоставлялось больше правъ, чѣмъ ему слѣдовало по существующимъ въ нашихъ законахъ понятіямъ о давности.

Желательно, чтобы и практика кассаціоннаго сената сохраняла этотъ характеръ за давностью и не вносила бы въ нее, хотя бы только при рѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ, посредствомъ толкованія, новыхъ элементовъ, которые пока могутъ оказаться только вредными. Дѣйствительное улучшеніе постановленій о давности возможно только изданіемъ закона о давности владѣнія, usucapio. Частныя измѣненія и дополненія существующихъ постановленій о давности могутъ внести въ этотъ вопросъ только неясность и неопредѣленность и затруднить дальнѣйшее развитіе сего учрежденія.

При томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ находятся у насъ судьи, при примѣненіи казуистическихъ постановленій X тома, требующемъ часто, для правильнаго пониманія отдѣльной статьи, подробныхъ историко-догматическихъ изслѣдованій—на каковыя у нихъ нѣтъ необходимаго времени—весьма легко можетъ случиться, что то или другое изъ постановленій не выдержитъ обстоятельной критики. При прежнемъ порядкѣ судопроизводства, такое рѣшеніе не могло имѣть вреднаго вліянія на толкованіе гражданскихъ законовъ: рѣшеніе даже правительствующаго сената было обязательно только по тому дѣлу, по которому оно послѣдовало. Спрашивается, измѣнено-ли это значеніе ихъ Судебными Уставами по отношенію къ кассаціоннымъ рѣшеніямъ, публикуемымъ во всеобщее свѣдѣніе?

С.-петербургскій окружной судъ выразилъ по отношенію къ этому вопросу, повидимому, такое мнѣніе, что опредѣленія кассаціонныхъ департаментовъ обязательны не только для тѣхъ дѣлъ, по коимъ они воспослѣдовали, и не только для того суда, которому дѣло передано для постановленія новаго рѣшенія, но и для всѣхъ судебныхъ установленій.

Противъ этого мнѣнія г. Думашевскій совершенно справедливо замѣчаетъ [1]), что имъ сенатъ возводится на степень законодательнаго учрежденія и его опредѣленія—на степень законовъ. Кассаціонные департаменты суть судебныя мѣста; какъ таковыя, они имѣютъ право толкованія законовъ для приложенія ихъ къ отдѣльнымъ дѣламъ. Отъ другихъ судовъ Имперіи они отличаются въ этомъ отношеніи тѣмъ, что толкованіе ихъ обязательно и для того суда, въ который передано дѣло для новаго перевершенія, но только относительно того дѣла, въ коемъ разъясненіе послѣдовало, а не впредь и не для всѣхъ судебныхъ установленій Имперіи. Послѣднее выводится изъ того, что не только сенатскіе, но и Высочайшіе сенаратные указы имѣютъ, по прямому смыслу Основныхъ Законовъ, силу и значеніе только относительно того дѣла, по которому они воспослѣдовали, развѣ положительно было бы сказано, что сила ихъ распространяется и на другіе подобные случаи.

---

[1]) «Журн. Мин. Юст.» 1868 г., іюль, стр. 83—84.

Это правило Основныхъ Законовъ вовсе не измѣнено Судебными Уставами 1864 года. Ст. 813 и 815 Уст. Гражд. Судопр. приписываютъ рѣшеніямъ сената обязательную силу лишь въ указанныхъ предѣлахъ. Въ предыдущихъ предъ ними статьяхъ Устава говорится о предѣлахъ дѣятельности того суда, которому сенатомъ дѣло передается для перевершенія, объ отношеніи его къ прежнему рѣшенію и къ фактическому содержанію дѣла. Въ ст. 813 разъясняется отношеніе суда къ юридической сторонѣ дѣла, къ примѣненію къ оному законовъ. Хотя въ 813 ст. употреблено множественное число *судебныя установленія*, однако очевидно, что выраженіе: *въ разъясненіи точнаго разума закона судебныя установленія обязаны подчиняться сужденію сената*, относится именно къ тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, которыя призываются къ перевершенію того дѣла, рѣшеніе по которому отмѣнено сенатомъ. Это съ совершенною ясностью видно изъ второй половины сей статьи, по которой *кассаціонныя жалобы противъ постановленнаго на семъ основаніи втораго рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не пріемлются*. Такое второе рѣшеніе постановляетъ только одно опредѣленное судебное установленіе, къ которому одному эта статья и относится. Всѣ другія судебныя мѣста такого рѣшенія не постановляютъ; къ нимъ поэтому обязанность подчиняться толкованію сената и не относится.

Содержаніе 815 ст. также не даетъ основанія къ вышеупомянутому толкованію. По ней опредѣленія кассаціонныхъ департаментовъ печатаются не для исполненія ихъ всѣми судебными мѣстами, а для руководства ими. Это видно изъ ст. 78 основныхъ положеній преобразованія судебной части, равно и изъ ст. 930 Уст. Угол. Судопр., въ которыхъ прямо и положительно сказано, что судъ, въ который обращено дѣло для новаго рѣшенія, обязанъ подчиниться толкованію сената. Между тѣмъ, въ мотивахъ къ Судебнымъ Уставамъ сказано, что въ ст. 813 выражено правило 78 ст. основныхъ положеній. Далѣе, въ виду того, что законъ говоритъ вездѣ объ обоихъ кассаціонныхъ департаментахъ какъ объ одномъ учрежденіи, нельзя признать, что кассаціоннымъ рѣшеніямъ по дѣламъ гражданскимъ приписывалось бы болѣе широкое значеніе, чѣмъ таковымъ же рѣшеніямъ по дѣламъ уголовнымъ. Поэтому и надо полагать, что для суда, которому передается дѣло для перерѣшенія, кассаціонное рѣшеніе имѣетъ значеніе предписанія, подлежащаго непремѣнному исполненію, для другихъ—только значеніе руководства; для перваго имѣетъ обязательную силу ratione imperii, для послѣднихъ только rationis imperio, т. е. въ силу высокаго авторитета верховнаго судилища, вслѣдствіе внутренняго юридическаго и логическаго достоинства опредѣленій.

Такимъ образомъ, если оказывается, что толкованіе, содержащееся въ опредѣленіи кассаціоннаго сената, не выдерживаетъ критики, то таковое толкованіе не можетъ служить руководствомъ при изъясненіи смысла закона по другимъ дѣламъ. Принять противоположное правило значило бы обречь судебное толкованіе законовъ на застой, установить искусственно рутину, изъ колеи которой никакія усилія уже неспособны вывести его. Между тѣмъ, какъ научное толкованіе законовъ совершенствовалось бы съ каждымъ годомъ, судебное оставалось бы при-

нованнымъ къ изданнымъ разъ толкованіямъ, которыя, однако, какъ все человѣческое, могутъ быть ошибочны. Притомъ о рѣшеніяхъ кассаціоннаго сената не сказано, что на ихъ пересмотръ можетъ быть испрашиваемо Высочайшее разрѣшеніе. Намъ могутъ возразить, что могутъ быть издаваемы законы ошибочные, что ошибки неизбѣжны—однако, при изданіи новыхъ законовъ они обсуждаются со всѣхъ сторонъ и въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, между тѣмъ какъ при кассаціонномъ рѣшеніи издается правило на основаніи отдѣльнаго одностороннаго случая и отдѣльною немногочисленною коллегіею.

Что ошибки не только предполагаются нами, но дѣйствительно бывали, это доказывается напечатанными рѣшеніями сената. Притомъ весьма часто случается, что рѣшеніе, по существу правильное, основано на неправильномъ толкованіи. Въ такомъ случаѣ, при рѣшеніи этого дѣла по крайней мѣрѣ, не совершается положительнаго вреда, что́ непремѣнно произойдетъ, если и всѣ прочія судебныя мѣста принуждены будутъ подчиняться сему толкованію. Если даже, при ошибочности толкованія, подлежащее рѣшенію дѣло рѣшится неправильно, то все-таки дѣло кончится этимъ однимъ неправильнымъ рѣшеніемъ. Принимая же противоположное правило, эта ошибка увѣковѣчится и повлечетъ за собою цѣлый рядъ неправильныхъ рѣшеній.

Приведемъ примѣръ, который подъ рукою. Сенатъ опредѣлилъ [1]): по ст. 1549 1 ч. X т. Св. Зак., договоръ прекращается, если отъ срока, назначеннаго для окончательнаго его дѣйствія, протекла десятилѣтняя давность и договоръ не былъ представленъ ко взысканію. По разуму этого закона, если одна изъ договорившихся о займѣ сторонъ — заимодавецъ — не предъявитъ своего права на возвращеніе капитала, значущагося въ актѣ займа, въ теченіе десяти лѣтъ отъ наступленія срока удовлетворенія по договору займа, то лишается этого права, а другая сторона симъ самымъ освобождается отъ уплаты занятаго капитала, пріобрѣтая на него права собственности.

Рѣшеніе это нельзя не признать по существу совершенно правильнымъ; если однако, предложенное въ немъ толкованіе обязательно впредь и для всѣхъ мѣстъ, то это значитъ предписать всѣмъ судамъ руководствоваться не юридическимъ правиломъ. Должникъ, получивъ отъ заимодавца въ заемъ сумму денегъ, пріобрѣтаетъ право собственности на эти деньги передачею ихъ; заимодавецъ же имѣетъ только право требовать опредѣленную сумму, имѣетъ личный искъ противъ него. Истеченіемъ давности заимодавецъ лишается права требовать эти деньги, лишается своего иска и должникъ освобождается отъ обязанности удовлетворить его требованіе. Говорить, что онъ истеченіемъ срока давности пріобрѣлъ права собственности на деньги—это юридически невозможно.

4. Давностный владѣлецъ по русскому праву не въ состояніи ни продавать ни закладывать имущество, которымъ владѣетъ.

---

[1]) Сбор. касс. гражд. рѣш. прав. сен. 1867, №№ 47 и 170.

На основаніи ст. 1426 и 1450 1 ч. X т., продавецъ недвижимаго имѣнія обязанъ изъяснить, по какому укрѣпленію имѣніе дошло къ нему: по наслѣдству-ли, или по выдѣлу, или по рядной, или по раздѣлу, или по купчей крѣпости, или же по другимъ какимъ либо актамъ. Подобное изъясненіе требуется для залога имѣнія [1]). Здѣсь закономъ, для совершенія продажи или залога, требуется изъясненіе о полученіи имѣнія по наслѣдству или крѣпостному акту. Давностный владѣлецъ ни то, ни другое не въ состояніи изъяснить, поэтому, на основаніи точнаго смысла закона, онъ не вправѣ ни продавать, ни закладывать свое имѣніе. На практикѣ конечно довольно часто, можетъ быть, случались подобныя продажи, но ихъ нельзя не признать неправильными, хотя неправильность ихъ весьма часто покрывается давностью и они послѣ того уже могутъ служить основаніемъ укрѣпленія права собственности. Законодательство, очевидно, намѣренно оставляетъ давностнаго владѣльца, которому по русскому праву такъ легко достается чужое имущество, въ неопредѣленномъ фактическомъ положеніи, защищаетъ его владѣніе, но отличаетъ его отъ собственника, правильно пріобрѣвшаго имѣніе.

Правильность нашего взгляда доказывается еще тѣмъ, что въ частномъ случаѣ, въ видѣ мѣстнаго правила, изданнаго для таврической губерніи и для споспѣшествованія межеванію, для устраненія обстоятельствъ, могущихъ мѣшать скорѣйшему производству его, дозволяется продажа земель, хотя бы право на нихъ не укрѣплялось ни наслѣдствомъ, ни крѣпостнымъ актомъ. Въ именномъ указѣ 1833 г. 21 февраля [2]), о поземельномъ правѣ и размежеваніи земель въ таврическомъ полуостровѣ, различается владѣніе по документамъ, доказывающимъ право собственности владѣльцевъ на владѣемыя ими земли, и владѣніе безъ документовъ, когда, слѣдовательно, все отношеніе владѣльца къ землѣ опредѣляется лишь дѣйствительнымъ владѣніемъ ею. О послѣднемъ владѣніи говорится, что по оному предоставляется владѣльцамъ въ нагорной части Крымскаго полуострова владѣемыя ими такимъ образомъ земли уступать между собою и продавать другимъ лицамъ, т. е. распоряжаться ими какъ собственностью, если розысканіемъ на мѣстѣ будетъ доказано, что продаваемый или уступаемый участокъ земли, на которую могла бы имѣть право казна, находился въ теченіе десяти лѣтъ въ безспорномъ частномъ владѣніи въ видѣ собственности. Равнымъ образомъ предписывается обмежевывать земли въ частную собственность владѣльцевъ не только по предъявленнымъ ими документамъ на владѣемые ими участки, но и по десятилѣтнему безспорному владѣнію ими въ видѣ собственности. Отсюда видно, что contrario подтверждается правило, что по общимъ законамъ ни то, ни другое не допускается, иначе нечего было допустить это въ одной части Таврическаго полуострова, между тѣмъ какъ, по отношенію къ поземельнымъ владѣніямъ вообще въ полуостровѣ, въ именномъ указѣ отъ 28 сентября 1827 года [3]) прямо говорится, что продаваемы могутъ быть лишь земли, право собственности

[1]) Приложеніе къ ст. 1643 1 ч. X т.
[2]) П. П. С. З. № 5994, отд. I, ст. 1; отд. II, ст. 13, 14.
[3]) П. П. С. З. № 1417.

на которыя доказывается документами. Дѣйствительно, мы и видимъ, что въ общихъ законахъ о межеваніи земель по давности въ частную собственность не говорится: межуется существующее владѣніе, и что вообще по русскому праву не допускается продажа земель, владѣемыхъ безъ документовъ. Правило это частнымъ изъятіемъ только подтверждается.

5. Настоящій исковой характеръ давности русскаго права видѣнъ изъ того, что изъ 1 ч. X т. можно выкинуть 533 статью и отъ этого свойство существующей давности не измѣнится, всѣ дѣла будутъ рѣшаемы такимъ же образомъ и на томъ же основаніи, какъ и прежде.

Понятія безспорности и спокойствія существуютъ и независимо отъ 533, по ст. 557 и 558. Оба понятія, вмѣстѣ взятыя, даютъ понятіе непрерывности. Поэтому, если собственникъ отыскиваетъ земли, которыя были болѣе десяти лѣтъ въ чужомъ юридическомъ владѣніи, судъ откажетъ ему въ искѣ, предъявленномъ по истеченіи десяти лѣтъ. Если, напротивъ того, собственникъ самовольно завладѣлъ этою землею и давностный владѣлецъ, владѣвшій землею десять лѣтъ, отыскиваетъ оную изъ его владѣнія, то земля отсудится у собственника, на основаніи статей 690, 691, 692, 531, 532 1 ч X т. и 21, 22 2 ч. X т., потому что онъ неправильно ею завладѣлъ, и потерявшій всякое право на искъ, потерялъ вмѣстѣ съ искомъ и свое право, которое по русскому праву не отличается отъ иска.

Положимъ, что собственникъ, самовольно завладѣвшій имуществомъ, которымъ другой владѣлъ въ теченіе десяти лѣтъ, продалъ это имѣніе. Если владѣлецъ отыскиваетъ это имѣніе судомъ, то судъ уничтожитъ купчую, какъ выданную лицомъ, самовольно владѣвшимъ этимъ имѣніемъ, а имѣніе возвратитъ давностному владѣльцу на основаніи вышеприведенныхъ статей.

Обыкновенно полагаютъ, что искъ или тяжба должны существенно отличаться отъ производства по нарушенному владѣнію при полицейскомъ и мировомъ разборѣ. Полагаютъ, что о нарушенномъ владѣніи можно искать лишь въ теченіе десятинедѣльнаго или шестимѣсячнаго срока; что по истеченіи этого срока отыскивающій имѣніе, владѣніе которымъ потерялъ, долженъ уже доказывать свое право на вещь, будь это право собственности, или право пожизненнаго владѣнія, или право оброчнаго содержанія и т. д., и что безъ такого доказательства нельзя отыскивать судомъ владѣніе вещью. Противъ этого прежде-всего замѣтимъ, что истеченіе десятинедѣльнаго срока не даетъ владѣльцу никакого особеннаго права, не покрываетъ собою его произвольныхъ дѣйствій, а имѣетъ лишь значеніе для опредѣленія подсудности иска, основаніе и характеръ котораго истеченіемъ этого срока не измѣняются.

Утверждать противное нѣтъ ни малѣйшаго основанія ни въ положительныхъ законахъ, ни въ сущности самаго юридическаго отношенія, о которомъ идетъ дѣло.

На основаніи вышеприведенныхъ статей X тома Свода Законовъ оказывается слѣдующее:

Всякое самоуправство по имуществамъ, хотя бы они состояли и въ незаконномъ владѣніи, строго воспрещается [1]). Поэтому всякое, даже и незаконное, владѣніе охраняется правительствомъ отъ насилія и самоуправства дотолѣ, пока имущество не будетъ присуждено другому и сдѣланы надлежащія по закону о передачѣ онаго распоряженія [2]). Незаконно отнятое возвращается прежнему владѣльцу, причемъ другой сторонѣ предоставляется отыскивать свои права на завладѣнное имущество, буде имѣетъ ихъ, судебнымъ порядкомъ [3]).

Итакъ, существующее владѣніе защищается противъ насилія, самоуправства и обмана, не обращая вниманія на законность или незаконность его возникновенія

По статьѣ 21 т. X ч. 2, полиція наблюдаетъ, что дѣло о самовольномъ или насильственномъ завладѣніи чужимъ имуществомъ въ такомъ лишь случаѣ подлежитъ ея разсмотрѣнію, когда жалоба принесена не позднѣе, какъ въ теченіе десяти недѣль послѣ завладѣнія; въ противномъ случаѣ полиція должна представить все дѣло на разсмотрѣніе судебнаго мѣста. Значитъ, въ судебное мѣсто передается то же самое дѣло, *искъ о нарушенномъ владѣніи*, и истецъ вовсе не принуждается начать новое дѣло, о нарушеніи своего *права*. Это подтверждается ст. 10 т. X ч. 2, гдѣ сказано: «Срокъ на подачу въ полицію прошенія о насильномъ и самовольномъ завладѣніи, съ просьбою о возвращеніи имущества въ прежнее владѣніе, назначается десятинедѣльный. Пропустившій сей срокъ долженъ начинать *искъ свой* въ судебномъ мѣстѣ». Здѣсь сказано *искъ свой*, т. е. искъ, начатый имъ въ полиціи, который, истеченіемъ десятинедѣльнаго срока сдѣлался подсуднымъ судебному мѣсту. Не сказано вовсе, что характеръ иска измѣнился, но сказано, что тотъ же самый искъ, основанный на нарушенномъ владѣніи, подлежавшій до тѣхъ поръ вѣдомству полиціи, сдѣлался подсуднымъ судебному мѣсту.

Еще яснѣе выражено то же самое правило въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства, ст. 29: Вѣдомству мироваго судьи подлежатъ: 4) иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ. Значитъ, по истеченіи шестимѣсячнаго срока иски о нарушенномъ владѣніи подсудны окружнымъ судамъ. Что этотъ выводъ дѣйствительно дѣлается Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства—видно изъ того, что въ книгѣ второй, о порядкѣ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, въ главѣ 1, раздѣла 1, въ статьѣ 213, говорится: Иски по нарушенію владѣнія недвижимымъ имуществомъ и о причиненныхъ сему имуществу убыткахъ и ущербахъ предъявляются по мѣсту нахожденія сего имущества.

Примѣняя изложенныя законныя правила къ приведенному примѣру, мы должны сказать, что давностный владѣлецъ, лишившійся владѣнія вслѣдствіе самовольнаго или насильственнаго завладѣнія имѣніемъ со стороны прежняго собственника, вправѣ требовать возвращенія имѣнія, основывая искъ единственно

[1]) Ст. 690 1 ч. X т.
[2]) Ст. 531 1 ч. X т.
[3]) Ст. 22 2 ч. X т.; ср. ст. 2704 1 ч. II т.

на томъ, что его владѣніе противозаконно нарушено, хотя бы онъ пропустилъ десятинедѣльный (шестимѣсячный) срокъ и прежній собственникъ, завладѣвъ этимъ имѣніемъ самовольно или насильно, или получивъ владѣніе неправильно полиціею или мировымъ судьею, успѣлъ продать имѣніе другому.

Положимъ, что владѣлецъ предъявитъ искъ о нарушенномъ владѣніи окружному суду на покупщика. Покупщикъ отведетъ этотъ искъ, представляя доказательство, что имъ пріобрѣтено право собственности на это имѣніе. Далѣе, онъ можетъ привлечь бывшаго собственника къ участію. Отъ избранныхъ имъ средствъ защиты сущность дѣла неизмѣняется: въ первомъ случаѣ, если покупщикъ ограничивается отвѣчать на искъ, что имъ пріобрѣтено право собственности покупкою,—онъ, какъ преемникъ прежняго собственника, не можетъ имѣть правъ, которыхъ предшественникъ не имѣлъ и поэтому не могъ перенести на него. Истецъ докажетъ, что прежній собственникъ, пропустивъ десятилѣтній срокъ на предъявленіе иска о возвращеніи имущества противъ него, лишился своего иска и, вмѣстѣ съ искомъ, потерялъ всякое право на вещь; что потерянное разъ право не могло быть возстановляемо ни самовольнымъ или насильнымъ завладѣніемъ, ни неправильнымъ распоряженіемъ полиціи или мироваго судьи. Далѣе онъ докажетъ, что прежній собственникъ былъ самоуправный владѣлецъ, что преемникъ его продолжаетъ это владѣніе, которое должно быть прекращено, и поэтому имѣніе должно быть возвращено ему, истцу, на основаніи законовъ, запрещающихъ всякое самоуправство. На основаніи этихъ доказательствъ суду придется уничтожить купчую и возвратить имѣніе истцу не какъ собственнику, а какъ владѣльцу, владѣніе котораго было неправильно нарушено.

Такимъ образомъ, безъ 533 статьи мы пришли къ тѣмъ же самымъ результатамъ, какъ и при примѣненіи ея, чѣмъ подтверждается, что статья эта не вводитъ новаго элемента въ русское право. Въ ней выражены лишь послѣдствія исковой давности положительнымъ образомъ, безъ всякаго измѣненія характера этой давности. Всегда, и до и послѣ истеченія десятилѣтняго срока, владелецъ вправѣ требовать возстановленія нарушеннаго владѣнія; вопросъ же о правѣ собственности будетъ подлежать рѣшенію суда только когда собственникъ, съ своей стороны, предъявитъ искъ противъ давностнаго владѣльца, который защитится давностью иска, и если срокъ истекъ, то дѣло должно быть рѣшаемо отказомъ собственнику въ искѣ.

Въ общихъ чертахъ взглядъ русскаго права, по нашему толкованію, совершенно согласенъ съ тѣмъ, что выводится изъ сущности владѣнія не только по римскому, но и по новѣйшимъ законодательствамъ.

По римскому праву, изъ насильнаго или самоуправнаго завладѣнія недвижимымъ имѣніемъ возникаетъ право вытѣсненнаго владѣльца на возстановленіе своего владѣнія. Въ теченіе года онъ можетъ требовать все, чѣмъ кто у него завладѣлъ, хотя бы что нибудь уже вышло изъ рукъ владѣльца. До истеченія тридцатилѣтняго срока завладѣвшій обязанъ возвратить только то, что еще находится въ рукахъ его, не отчуждено имъ. Его наслѣдники отвѣчаютъ съ самаго начала только въ послѣднемъ, ограниченномъ видѣ. Завладѣвшій имуществомъ

насильно или самоуправно или посредствомъ обмана не имѣетъ права отводить искъ на томъ основаніи, что самъ владѣлецъ получилъ владѣніе самоуправно отъ него, что его владѣніе неправильно. Все это онъ можетъ доказывать, предъявляя съ своей стороны искъ.

Желая избѣгнуть ограниченія своего иска вышеприведеннымъ правиломъ древнѣйшаго формальнаго права, владѣлецъ можетъ отыскать владѣніе на томъ основаніи, что другой безъ причины сдѣлался богаче изъ его, владѣльца, имущества. Этотъ искъ распространялся и на возвращеніе движимыхъ вещей и прекращался лишь истеченіемъ тридцатилѣтняго срока. По новѣйшему праву этотъ искъ о нарушенномъ владѣніи распространяется на всѣ случаи, гдѣ владѣлецъ, безъ его воли, лишился владѣнія, можетъ быть предъявленъ противъ всякаго, въ рукахъ коего находится вещь, и прекращается лишь тридцатилѣтнею давностью [1]).

Добросовѣстный владѣлецъ, если онъ лишенъ владѣнія самоуправно до истеченія срока давности владѣнія (usucapio), то можетъ требовать возстановленія владѣнія, нарушеннаго со стороны лицъ, владѣніе коихъ не соотвѣтствуетъ условіямъ usucapio и поэтому считается худшимъ въ сравненіи съ его владѣніемъ. Не защищается онъ лишь противъ собственника [2]).

По прусскому уложенію прямо говорится, что при спорѣ разныхъ владѣльцевъ между собою вещь остается у того, кто докажетъ, что у него лучшее основаніе владѣнія. Такимъ образомъ, защищается добросовѣстный владѣлецъ противъ недобросовѣстнаго, владѣлецъ, имѣющій основаніе, противъ того, чье владѣніе ни на чемъ не основано, владѣвшій вещью болѣе долгое время противъ того, который не можетъ ссылаться на столь долгое владѣніе.

Дѣло о Прокудино-Алексинскомъ борѣ можетъ служить весьма поучительнымъ примѣромъ дѣйствія существующаго въ русскомъ правѣ начала давности. Въ этой тяжбѣ встрѣчаются попытки примѣнить общую отвлеченную давность и обнаруживается вся безполезность и безцвѣтность этого мнимо юридическаго понятія. Оказывается, что давность Свода Законовъ, по существу своему—исковая и только въ этой формѣ можетъ имѣть практическое значеніе. Вполнѣ согласно съ характеромъ и значеніемъ давности, какъ они объяснены въ нашемъ изложеніи, постановлено опредѣленіе московской судебной палаты, отмѣнившее рѣшеніе владимірскаго окружнаго суда по этому дѣлу. Палата постановила слѣдующую резолюцію: *оставить спорный лѣсъ во владѣніи казны, а ямщикамъ въ искѣ отказать* [3]).

Палата, при постановленіи этого рѣшенія, руководствовалась точнымъ смысломъ закона. Она не объявила казну собственникомъ, потому что законъ ее на это не уполномочилъ, а опредѣлила, какъ законъ то требуетъ: истцу въ искѣ отказать и давностнаго владѣльца оставить во владѣніи. Законъ не объявляетъ послѣдняго формально собственникомъ и палата совершенно правильно удержалась объявить его собственникомъ. Дѣло рѣшено на основаніи давности исковой

---

[1]) Windscheid. I, §§ 158—162.
[2]) Windscheid. I, § 199.
[3]) Рѣшеніе палаты до сихъ поръ еще не напечатано.

и только, и какъ о томъ ни хлопоталъ представитель вѣдомства государственныхъ имуществъ, не удалось доказать, что казна владѣла лѣсомъ на законномъ основаніи, имѣла *права* на оный. Опредѣленіе палаты основано на несомнѣнно доказанномъ пропущеніи исковой давности со стороны крестьянъ, при владѣніи со стороны казны лѣсомъ въ видѣ собственности.

Проявились въ этой тяжбѣ довольно рѣзко и недостатки существующаго учрежденія давности: отсутствіе условій добросовѣстности и законнаго основанія. Казна пріобрѣла лѣсъ, хотя нѣсколько разъ представители ея сами свидѣтельствовали о принадлежности лѣса крестьянамъ, хотя лѣсъ перешелъ въ ея владѣніе для управленія имъ и лишь впослѣдствіи казна сама стала владѣть имъ въ свою пользу, какъ своею вещью [1]).

О характерѣ и значеніи давности постановляется въ рѣшеніи по дѣлу Агвазднныхъ съ Филиповымъ [2]). Сущность этого дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Филиповъ въ 1852 году пріобрѣлъ на публичныхъ торгахъ домъ Агвазднна, причемъ имъ внесена покупная сумма и домъ утвержденъ за нимъ постановленіемъ уѣзднаго суда, продававшаго этотъ домъ. Наслѣдники Агвазднна продолжали жить въ этомъ домѣ. Въ 1866 году Филиповъ просилъ о выдачѣ ему данной и, по полученіи оной, продалъ домъ сыну своему. Агвазднны же обратились въ бѣлозерскій окружной судъ съ просьбою объ уничтоженіи этой данной, выданной четырнадцать лѣтъ спустя послѣ публичныхъ торговъ и поэтому недѣйствительной, равно объ уничтоженіи купчей, такъ какъ онъ не имѣлъ права продавать домъ, единственными собственниками котораго они Агвазднны.

Окружной судъ призналъ ходатайство Агвазднныхъ правильнымъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній: продажа недвижимыхъ имуществъ совершается посредствомъ купчихъ крѣпостей; поэтому Филиповъ, въ силу утвержденія за нимъ проданнаго съ публичныхъ торговъ дома, пріобрѣлъ только право на полученіе купчей крѣпости на то имущество. Постановленіе же уѣзднаго суда, болѣе десяти лѣтъ необращенное къ исполненію, теряло свою силу по общимъ правиламъ о давности; поэтому данная, выданная лицу, потерявшему право на полученіе оной чрезъ четырнадцать лѣтъ, недѣйствительна. Какъ Филиповъ право собственности на пріобрѣтенное съ торговъ имущество утратилъ, то и продавать его не могъ и выданная имъ купчая недѣйствительна. Хотя Филиповъ объясняетъ, что съ 1852 г. Агвазднны жили въ оставшемся за нимъ на торгахъ домѣ съ его согласія, какъ постояльцы, и что домъ этотъ по книгамъ какъ квартирной коммисіи, такъ и городской думы, числится за нимъ, но владѣніе, пользованіе и распоряженіе соединяются только съ правомъ собственности полной, которой Филиповъ никогда не имѣлъ на тотъ домъ (т. X ч. 1 ст. 1509), почему не имѣлъ права уступать пользованіе Агвазднинымъ, и зачисленіе дома за Филиповымъ квартирною коммисіею и городскою думою не могло дать ему права соб-

[1]) Ср. объ этомъ замѣтку г. А. Думашевскаго въ «Судебномъ Вѣстникѣ» 1868 г., № 62. Прибавимъ еще, что нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора замѣтки, что оба приговора по этому дѣлу, какъ окружнаго суда, присудившаго лѣсъ крестьянамъ, такъ и судебной палаты, отказавшей имъ въ искѣ, формально правильны: они основаны на различныхъ данныхъ.

[2]) Судебный Вѣстникъ» 1868 г. № 44.

ственности на это имущество. Агваздины же оставшимся на торгахъ за Филиповымъ домомъ владѣли непрерывно четырнадцать лѣтъ, владѣніе ихъ было спокойное, безспорное, такъ какъ притязаній на оное не было и самъ Филиповъ того не опровергалъ, а потому Агваздины пріобрѣли право собственности на это имущество.

Г. Думашевскій совершенно основательно указываетъ на противорѣчіе заключающееся въ томъ, что судъ призналъ искъ Агвазднныхъ правильнымъ: 1) потому, что Филиповъ никогда не пріобрѣлъ права собственности на этотъ домъ, и 2) потому, что Агваздины пріобрѣли право собственности на этотъ домъ давностью владѣнія. Эти два основанія взаимно другъ друга исключаютъ. Онъ затѣмъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что при публичной продажѣ собственность пріобрѣтается покупателемъ и укрѣпляется за нимъ опредѣленіемъ суда объ утвержденіи имущества за нимъ и что данная имѣетъ лишь значеніе свидѣтельства о совершившемся уже укрѣпленіи имущества [1]). Значитъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Филиповъ пріобрѣлъ право собственности на домъ. За неимѣніемъ данной, онъ былъ только ограниченъ въ правѣ распоряженія домомъ, то въ правѣ отчужденія, но имѣлъ полное право предоставить кому желаетъ право пользованія имъ,—это несомнѣнно. Но изъ дѣла не видно съ совершенною ясностью, предоставилъ-ли онъ Агвазднным пользованіе домомъ или остовались они въ домѣ независимо отъ его. Онъ утверждаетъ первое, Агваздины—послѣднее. Значитъ, вопросъ чисто фактическій, но изъ дѣла не видно чьи, заявленія справедливы. Въ пользу Филипова говоритъ то обстоятельство, что домъ числился за нимъ по книгамъ какъ квартирной коммисіи, такъ и городской думы. Дѣйствительно, это зачисленіе не можетъ ему дать право собственности, но оно доказываетъ, что онъ считался владѣльцемъ дома, такъ какъ онъ платилъ подати. Если бы Агваздины владѣли домомъ въ видѣ собственности, то должны были бы исправлять и обязанности собственника. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ въ пользу Филипова, что Агваздины жили въ домѣ въ видѣ постояльцевъ и не въ видѣ хозяевъ. Дѣйствительно, владѣніе Агвазднныхъ было спокойное, безспорное, непрерывное, но кажется не было въ видѣ собственности, по крайней мѣрѣ они ничѣмъ не доказали послѣднее свойство своего владѣнія; поэтому, при зачисленіи дома по книгамъ за Филиповымъ, существуетъ предположеніе, что онъ не только собственникъ, но и владѣетъ домомъ, пока противное не доказано, чего здѣсь не было. Если же Агваздины дѣйствительно доказали, что владѣли домомъ противъ воли Филипова, то и тогда судъ не имѣлъ повода объявить ихъ собственниками. Онъ бы долженъ былъ опредѣлить: уничтожить купчую, какъ выданную Филиповымъ на имущество, на которое онъ потерялъ всякое право, и оставить домъ во владѣніи Агвазднныхъ.

Значенія давности касается также рѣшеніе по дѣлу Немилова съ Балобановымъ [2]).

---

[1]) «Ж. М. Ю.» 1868 г., апрѣль, стр. 372 и сл.

[2]) «Судебный Вѣстникъ» 1868 г. № 56. Ср. оцѣнка этого рѣшенія г. Думашевскимъ въ «Ж. М. Ю.» 1868 г., апрѣль, стр., 373—376.

5. По русскому праву сервитуты не могутъ быть ни пріобрѣтаемы пользованіемъ (usus), ни прекращаемы непользованіемъ (non usus).

Въ первомъ изданіи моего сочиненія я выразился мимоходомъ, что по отношенію къ сервитутамъ можно бы говорить о пріобрѣтеніи ихъ пользованіемъ и прекращеніи ихъ непользованіемъ. Это положеніе не выдерживаетъ критики. Въ законахъ нашихъ нигдѣ не говорится, что кто либо лишается своего права вслѣдствіе непользованія имъ, а единственно вслѣдствіе неотыскиванія его, когда исполненіе встрѣчаетъ препятствія или обязавшійся исполнить или допускать извѣстное дѣйствіе по отношенію къ своему имуществу поступаетъ въ противность такому обязательству.

Сервитуты называются въ законахъ правомъ участія въ выгодахъ чужаго имущества. Это право участія бываетъ или: 1) право участія общаго, принадлежащее всѣмъ и каждому, или 2) право участія частнаго, принадлежащее владѣльцу извѣстнаго имущества.

I. Къ правамъ участія общаго въ выгодахъ чужаго имѣнія законъ относитъ:

1) Право проѣзда по большимъ дорогамъ и судоходнымъ рѣкамъ.

X т. 1 ч. 434 ст. Право прохода и проѣзда по большимъ дорогамъ и по водянымъ сообщеніямъ составляетъ общее пользованіе всѣхъ безъ изъятія. Владѣльцы земель, чрезъ которыя большія дороги пролегаютъ, не должны препятствовать никакимъ образомъ проходу и проѣзду по онымъ.

2) Право пользованія бичевникомъ.

X т. 1 ч. 437 ст. По берегамъ рѣкъ и другихъ водяныхъ сообщеній опредѣляется извѣстное пространство земли для бичевой тяги судовъ и плотовъ и для прочихъ надобностей судоходства.

3) Право пристанища и обсушки снастей.

X т. 1 ч. 441 ст. При всѣхъ озерахъ, въ которыхъ рыбныя ловли принадлежатъ не тѣмъ владѣльцамъ, въ чьихъ они земляхъ положеніе имѣютъ, но или другимъ постороннимъ, или же оставлены для вольнаго промысла, прибрежные владѣльцы должны оставить изъ своей земли 10 саженъ для пристанища ловцамъ и обсушки снастей ихъ.

Приведенные три случая участія общаго въ выгодахъ чужаго имущества установлены закономъ безусловно. Они существуютъ въ силу самаго закона и возникаютъ въ каждомъ случаѣ, когда встрѣчается необходимость въ пользованіи ими снова. Поэтому о прекращеніи такого права участія давностью не можетъ быть и рѣчи.

II. Права участія частнаго по закону слѣдующія:

1) Право дороги.

X т. 1 ч. 448 ст. Владѣлецъ, пользующійся землями и промыслами въ казенныхъ и частныхъ дачахъ, имѣетъ право проходить и проѣзжать къ онымъ.

Объ этомъ правѣ должно сказать то же самое, что о вышеупомянутыхъ оно существуетъ по самому закону, безусловно, неограниченно, не требуетъ установленія или особаго пріобрѣтенія, поэтому и не можетъ прекращаться вслѣдствіе непользованія имъ.

2) Право запрещать сосѣду устройство запрудъ на рѣкахъ.

X т. 1 ч. 442 ст. Владѣлецъ земель и покосовъ, вверху рѣки лежащихъ, имѣетъ право требовать: 1) чтобы сосѣдъ запрудами не поднималъ рѣчной воды и оною не потоплялъ его луговъ, пашней, и не останавливалъ дѣйствія его мельницы.

По значенію и характеру своему, слѣдовало предположить, что право запрещать сосѣду устройство запрудъ, потопляющихъ земли и останавливающихъ дѣйствіе мельницъ вверхъ по рѣкѣ, есть право безусловное. Однако, выраженіе закона не вполнѣ соотвѣтствуетъ этому предположенію. Именно, статья даетъ хозяину верхней по рѣкѣ дачи не право запрещать подобныя устройства, но только право требовать непотопленія. Значитъ, съ формальной точки зрѣнія, должно сказать: кто не предъявлялъ требованія объ уничтоженіи запрудъ, когда ими потоплялись его луга и т. д., въ теченіе десяти лѣтъ, тотъ лишился своего права вслѣдствіе прекращенія иска. Но врядъ-ли законодатель имѣлъ намѣреніе ограничить право береговаго владѣльца. Гораздо вѣроятнѣе, что образъ выраженія здѣсь совершенно случайный. Повторяемъ: по сущности, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ предполагать безусловное право. Невчиненіемъ иска въ теченіи срока давности должно бы прекратиться право отыскивать вознагражденіе, но не право требовать уничтоженія вредныхъ запрудъ [1]).

3) Право примыкать плотину къ чужому берегу.

Право это можетъ возникать лишь съ согласія собственника берега [1]). Если кто либо примыкаетъ плотину къ чужому берегу, то для собственника возни-

---

[1]) X т. 1 ч. ст. 442, 443 и 444.

каетъ, вслѣдствіе этого, право на искъ объ уничтоженіи плотины, насколько она находится на его сторонѣ рѣки. Если онъ не предъявляетъ иска до истеченія срока давности, то искъ его прекращается и онъ теряетъ право запрещать примычку плотины къ своему берегу. Такимъ образомъ, это право участія частнаго можетъ установиться вслѣдствіе пропущенія исковой давности со стороны лица, имѣющаго право запрещать это дѣйствіе.

4) Право перевоза.

Право содержать перевозъ чрезъ рѣку принадлежитъ собственнику берега [2]). Право это дѣлается правомъ участія въ выгодахъ чужаго имущества лишь когда оно принадлежитъ владѣльцу одного берега, когда другой берегъ находится въ чужомъ владѣніи. Объ этомъ правѣ должно сказать то же самое, что о предшедшемъ [3]).

5) Право водопоя.

Право это возникаетъ вслѣдствіе измѣненія теченія рѣки, когда рѣка, протекавшая по границѣ двухъ дачъ, вся, обоими берегами, войдетъ въ одну изъ нихъ. Непользованіемъ это право прекратиться не можетъ; законъ прямо говоритъ: *назначать къ тѣмъ рѣкамъ дороги.* Прежнему береговому владѣльцу предоставляется не только право *требовать* дороги, но его право прямо и безусловно признается существующимъ, вслѣдствіе измѣненія въ теченіи рѣки. Какъ бы долго онъ ни пользовался этимъ правомъ, доказательствомъ, что измѣненіемъ теченія рѣки совершенно лишился водопоя, онъ по закону пріобрѣтаетъ право водопоя.

Однако, право водопоя можетъ возникнуть и по условію. Поэтому мы должны сказать, если кто либо безъ согласія хозяина сталъ пользоваться водопоемъ въ чужой рѣкѣ и хозяинъ рѣки, озера и т. д. не предъявлялъ иска противъ него до истеченія срока давности, то искъ его прекращается и, вмѣстѣ съ тѣмъ, право запрещать воспользоваться водопоемъ. Однако, и здѣсь мы не имѣемъ установленія этого права вслѣдствіе пользованія имъ, но вслѣдствіе пропущенія исковой давности со стороны лица, которое могло запрещать оное и отыскивать судомъ такое запрещеніе [4]). Другой вопросъ: справедливо-ли допускать возникновеніе по давности такихъ сервитутовъ, которые не состоятъ въ пользованіи постоянномъ и непрерывномъ, но составляютъ такъ называемое actes de simple tolérence? Конечно, на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Однако, при неразвитости нашего права и при обширномъ значеніи, приписываемомъ въ

---

[1]) О практической затруднительности и даже невозможности исполненія этого правила весьма обстоятельно изложено въ соч. Побѣдоносцева, I, стр. 354—356.

[2]) X т. 1 ч. 440 ст.

[3]) Ср. рѣшеніе сената отъ 8 мая 1864 г., Сборникъ, II, № 739.

[4]) X т. 1 ч. 451 ст.—Ср. рѣш. 19 іюля 1857 г., Сборникъ, I, № 573.

немъ давности исковой, должно сказать, что такое возникновеніе съ необходимостью слѣдуетъ изъ нашего закона объ исковой давности.

6) Право въѣзда.

Х т. 1 ч. 454 ст. Праву въѣзда подлежатъ какъ частные, такъ и казенные лѣса, гдѣ оно прежде было установлено и законно укрѣплено и впослѣдствіи выдѣлами или другими сдѣлками не уничтожено.

Х т. 1 ч. 457 ст. Доказательствомъ на право въѣзда въ губерніяхъ, какъ межеванныхъ, такъ и немежеванныхъ, служатъ писцовыя книги и другія укрѣпленія.

Х т 1 ч 459 ст. Право въѣзда прекращается: 1) вырубкою лѣса...; 2) выдѣломъ лѣснаго участка въѣзжему владѣльцу.

Отсюда несомнѣнно, что это право не можетъ ни возникать вслѣдствіе пользованія, ни прекращаться вслѣдствіе непользованія имъ. Законодатель, столь непріязненно относящійся къ вредному для лѣснаго хозяйства праву въѣзда, не преминулъ бы упомянуть, что оно прекращается вслѣдствіе непользованія. Далѣе, къ этому праву не можетъ имѣть примѣненія и давность исковая. Именно, никто, рубившій произвольно чужой лѣсъ въ теченіе долгаго времени, не можетъ ссылаться на прекращеніе иска со стороны собственника. Давностью можетъ прекращаться лишь искъ собственника на вознагражденіе, но не можетъ прекращаться право собственника запрещать рубку его лѣса. Выраженіе закона исключаетъ всякое возникновеніе этого права, за исключеніемъ основаннаго на актахъ извѣстнаго рода.

Замѣтимъ еще, что священно- и церковнослужители имѣютъ, по мѣсту служенія своего, право въѣзда въ лѣса, принадлежащія селеніямъ своего прихода. Это право принадлежитъ имъ по самому закону, не требуетъ особаго пріобрѣтенія и равно не можетъ прекращаться непользованіемъ.

До сихъ поръ мы говорили о сельскихъ сервитутахъ. Изъ городскихъ въ русскомъ правѣ упоминается о слѣдующемъ:

7) Право сосѣдства.

Х т. 1 ч. 445 ст. Хозяинъ дома можетъ требовать: 1) чтобы сосѣдъ не пристраивалъ поварни и печи къ стѣнѣ его дома; 2) не лилъ воды и не сметалъ сора на домъ или дворъ его; 3) не дѣлалъ ската кровли своей на дворъ его, но обращалъ оный на свою сторону; 4) не дѣлалъ оконъ и дверей въ брандмауерѣ, отдѣляющемъ кровлю смежныхъ зданій.

Статья эта не запрещаетъ приведенныя дѣйствія безусловно, но только уполномочиваетъ хозяина сосѣдняго дома требовать, чтобы собственникъ удержался отъ извѣстнаго устройства или извѣстныхъ дѣйствій. Онъ можетъ это требовать, если считаетъ устройство для себя вреднымъ. Но если это устройство безъ его согласія или противъ его воли состоялось, то онъ можетъ тре-

бовать измѣненія его, если только не пропустилъ для предъявленія своего требованія десятилѣтней давности. Такимъ образомъ, право требовать, чтобы сосѣдъ извѣстныя пристройки и т. д. не дѣлалъ, прекращается вслѣдствіе истеченія исковой давности. Право сохранять эти устройства вслѣдствіе того вытекаетъ изъ той же исковой давности. Сомнѣніе можетъ возникнуть единственно по отношенію къ дверямъ и окнамъ въ брандмауерѣ, отдѣляющемъ кровлю смежныхъ домовъ. Именно, если и не сосѣдъ, пропустившій исковую давность, то, вѣроятно, полиція будетъ вправѣ требовать задѣлыванія ихъ.

Въ заключеніе не можетъ не заявить, что изъ образа выраженія закона: хозяинъ дома *можетъ требовать, чтобы сосѣдъ не пристраивалъ, не лилъ, не сметалъ, не дѣлалъ ската кровли на дворъ его, не дѣлалъ оконъ въ брандмауеръ*,—врядъ-ли не слѣдуетъ, что онъ только можетъ требовать все это при самомъ устройствѣ этихъ вещей, но что онъ не вправѣ требовать уничтоженія заведеннаго уже устройства. По крайней мѣрѣ, потребуется, чтобы онъ заявилъ свое требованіе во время самаго устройства. Въ противномъ случаѣ онъ вѣроятно лишится своего права, за исключеніемъ, если докажетъ, что ему не могло быть извѣстно о томъ, что сосѣдъ произвелъ то или другое вредное его дому устройство. Если практика раздѣляетъ этотъ взглядъ на значеніе статьи, то въ этихъ случаяхъ вообще о давности можетъ быть только рѣчь, когда о запрещеніи заявлено во-время.

8) Право запрещать сосѣду дѣлать окна въ стѣнѣ, возведенной на самой межѣ.

Право это составляетъ особенный видъ права сосѣдства. Оно пріобрѣтается лишь совершеніемъ крѣпостнаго акта. Дозволившій такимъ образомъ устройство оконъ лишается права заслонять оныя новымъ зданіемъ или брандмауеромъ. Положимъ, что кто либо безъ такого согласія устраивалъ окна въ межевой стѣнѣ. Домохозяинъ, который вправѣ требовать закладыванія оныхъ, не предъявляетъ такого требованія до истеченія срока давности. Этимъ онъ теряетъ искъ и лишается своего права требовать, чтобы окна, устроенныя сосѣдомъ въ межевой стѣнѣ, были закладываемы. Однако, вслѣдствіе прекращенія своего иска давностью, хозяинъ сосѣдняго дома не лишается права заслонять эти окна зданіемъ или брандмауеромъ. Сосѣдъ не можетъ запрещать ему этого. Такое право пріобрѣтается лишь въ случаѣ установленія права устраивать окна крѣпостнымъ актомъ. Прекращеніе права на искъ не можетъ лишить собственника такихъ правъ, потеря которыхъ именно поставлена въ зависимость отъ особаго порядка установленія права. Не знаю, какъ рѣшаются подобныя дѣла на практикѣ и были ли такія дѣла въ разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ,—но логически изъ вышеупомянутаго закона другой выводъ не возможенъ. Сосѣдъ въ этомъ случаѣ пользуется такимъ же правомъ, какое ему принадлежитъ по отношенію къ зданіямъ, построеннымъ не на самой межѣ, но отступя отъ нея. Противъ подобныхъ строеній онъ вправѣ вывести какія угодно стѣны и т. д.

Здѣсь представляется довольно интересная паралель между этимъ правомъ свѣта и правомъ собственности. Точно также какъ вслѣдствіе истеченія давности

исковой, давностный владѣлецъ земли пріобрѣтаетъ лишь фактически положеніе собственника, а не формально, точно такъ и здѣсь: окна остаются фактически, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ существованіе имѣло тѣ же самыя послѣдствія, какія вытекаютъ изъ формальнаго согласія сосѣда на устройство таковыхъ. Сосѣдъ не можетъ требовать закладыванія ихъ, но не лишается права возводить противъ нихъ зданіе. Вслѣдствіе того одного, что онъ до сихъ поръ не пользовался своимъ правомъ возводить на своемъ дворѣ строеніе, онъ не лишается права на такія постройки.

Изъ всего изложенія нашего слѣдуетъ, что вездѣ, гдѣ въ русскомъ правѣ говорится о примѣненіи давности къ сервитутамъ, вездѣ дѣло идетъ о прекращеніи иска,—значитъ, о давности исковой. Не упоминается въ русскомъ правѣ ни о прекращеніи сервитутовъ простымъ неиользованіемъ (non usus), ни объ освобожденіи давностью (libertatis usucapio). Первое примѣняется къ сервитутамъ личнымъ и тѣмъ, которые состоятъ въ повторяющихся отдѣльныхъ дѣйствіяхъ; второе—къ тѣмъ, кои состоятъ въ правѣ на постоянное устройство,—здѣсь прекращеніе происходитъ вслѣдствіе того, что въ теченіе срока давности отягченное имущество оставалось постоянно свободнымъ. Наконецъ, не упоминается также о пріобрѣтеніи сервитутовъ пользованіемъ (usus, Servitutenersitzung).

6. Въ русскомъ правѣ практическое значеніе имѣетъ одна только исковая давность.

На основаніи изслѣдованій нашихъ оказывается, что въ русскомъ правѣ давность владѣнія такъ не развита, что не имѣетъ на практикѣ положительнаго значенія, независимаго отъ давности исковой. Напротивъ того, мы видѣли, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ говорится о давности и въ частности о давности владѣнія, дѣло въ сущности идетъ о давности исковой и можетъ быть рѣшаемо на основаніи ея. Давность исковая поэтому одна имѣетъ практическое значеніе. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что, въ противорѣчіе не только римскому, но и всѣмъ развитымъ законодательствамъ, давность является въ русскомъ правѣ въ видѣ единаго, цѣльнаго учрежденія. Однако, мы равно видѣли, что это не происходитъ отъ принятія неправильной, общей, отвлеченной давности, но отъ того, что въ русскомъ правѣ развита лишь давность иска (Klageaerjahrung prèscription, temporalis actioni praescriptio) и не развита давность владѣнія. Такимъ образомъ, русское право по отношенію къ вопросу о давности стоитъ на той же юридической почвѣ, на которой находятся всѣ болѣе развитыя современныя законодательства. Оно не приняло неправильнаго, нелогичнаго ученія объ отвлеченной давности, а только еще не дошло до того развитія, котораго достигли уже другія законодательства.

Опредѣляя общее свойство давности, мы поэтому дадимъ опредѣленіе характера исковой давности.

Опредѣленіе исковой давности содержится въ слѣдующихъ статьяхъ: X т. 2 ч. 213 ст. Срокъ законный, опредѣленный для начатія тяжбы и иска о недвижимомъ и движимомъ имѣніи, какъ между частными людьми, такъ и между ни-

ми и казною, есть десятилѣтній. И истеченіе сего срока именуется земскою давностью. Кто не учинилъ или не учинитъ иска о недвижимомъ или движимомъ имѣніи въ теченіе десяти лѣтъ, или предъявленный десять лѣтъ не будетъ имѣть хожденія, таковой искъ уничтожается и дѣло предается забвенію.

По отношенію къ тяжбамъ такое же правило выражено въ X т. 1 ч. 692 ст.: Право отыскиванія тѣмъ и другимъ образомъ (судомъ или дѣйствіемъ полиціи) пресѣкается общею земскою десятилѣтнею давностью. Кто въ теченіе оной иска не предъявилъ или, предъявивъ, хожденія въ присутственныхъ мѣстахъ не имѣлъ, тотъ теряетъ свое право

По отношенію къ искамъ то же самое правило содержится въ ст. 694; по отношенію къ обязательствамъ—въ ст. 1549 ч. 1 т. X.

Искъ прекращается вслѣдствіе непредъявленія его или, въ случаѣ предъявленія его, вслѣдствіе нехожденія по немъ въ теченіе узаконеннаго срока. Вмѣстѣ съ искомъ теряется самое право, не только при обязательствахъ, гдѣ право безъ того тождественно съ искомъ, не имѣетъ другаго содержанія, совпадаетъ съ требованіемъ,—но и тамъ, гдѣ право шире требованія, гдѣ оно имѣетъ вещный характеръ. Причина уничтоженія права есть неосуществленіе его, но не всякое, не простое непользованіе имъ, но неосуществленіе его, когда право имѣетъ своимъ предметомъ обязательство другаго или, при правахъ вещныхъ, почему либо необходимо судебное осуществленіе его.

Смотря по различію содержанія правъ, уничтоженіе ихъ будетъ имѣть различныя послѣдствія. *Требованія* и обязательства изъ договоровъ уничтожаются. Лицо обязавшееся освобождается отъ обязательства; самое право прекращается; его содержаніе исчезаетъ. Другое происходитъ по отношенію къ *правамъ вещнымъ* и въ частности—вотчиннымъ. Напр. при собственности, внутреннее содержаніе, сущность права остается, продолжаетъ существовать, но оно прекращается по отношенію къ прежнему собственнику, который лишается своей вещи, между тѣмъ какъ давностный владѣлецъ защищается во владѣніи имуществомъ, какъ будто имъ пріобрѣтена собственность, хотя формально такого пріобрѣтенія не происходило.

Въ самомъ законѣ не говорится о цѣли и основаніи его. Въ историческихъ источникахъ существующаго права, давность относится къ коренным законамъ, всякое прикосновеніе къ коимъ можетъ подать поводъ къ размноженію тяжебъ и тѣмъ поколебать собственность владѣній, законами окончательно утвержденныхъ [1]). Этому взгляду соотвѣтствуетъ и безусловный характеръ, признаваемый за давностью какъ со стороны законодательства, такъ и со стороны судебной практики. Этотъ безусловный характеръ давности проявляется въ примѣненіи ея судомъ къ дѣлу, хотя бы стороны, участвующія въ тяжбѣ, не обратили ни-

[1]) П. С. З. № 23282, 29315.

какого вниманія на нее и не ссылались на оную. Такой взглядъ на давность замѣтенъ во множествѣ рѣшеній, отпечатанныхъ въ Сборникѣ рѣшеній правительствующаго сената [1]). Число подобныхъ рѣшеній столь значительно, что нельзя всѣхъ перечесть; стоитъ взять любое, въ которомъ говорится о давности. Изъ всѣхъ отпечатанныхъ въ этомъ Сборникѣ рѣшеній, въ которыхъ говорится о давности, только въ двухъ выражено противоположное правило, что ссылаться на давность—дѣло сторонъ, и если онѣ упустили это, то суду нечего поднимать вопроса о ней.

Въ рѣшеніи отъ 18 декабря 1841 г. [2]) правительствующій сенатъ находитъ, между прочимъ, что возраженіе о потерѣ права на искъ давностью не было предъявлено ни въ первой, ни во второй инстанціяхъ, ни даже въ апелляціонной жалобѣ правительствующему сенату, а изложено только во всеподданнѣйшей жалобѣ, по прошествіи уже отъ начала иска болѣе десяти лѣтъ; слѣдовательно, кромѣ того, что оно опровергается существомъ дѣла, и по смыслу законовъ, какъ необъявленное въ теченіе десяти лѣтъ (ст. 1651 и 1660 X т. [3]) и небывшее въ виду нижнихъ инстанцій, не можетъ нынѣ заслуживать уваженія.

Достаточно было бы основывать отказъ въ искѣ на томъ основаніи, что давность не доказана, что истеченіе ея опровергается существомъ дѣла. Но въ этомъ рѣшеніи объявляется, что судъ не обязанъ примѣнять давность отъ себя, независимо отъ того, ссылается-ли сторона на нее или нѣтъ. Такое правило противорѣчитъ прежней практикѣ, при которой давность постоянно примѣнялась ex officio. Неосновательнымъ оказывается далѣе положеніе, будто съ началомъ иска или тяжбы начинается теченіе десятилѣтней давности для предъявленія отводовъ. Не видно, на какомъ законѣ или на какихъ юридическихъ понятіяхъ основывается такое мнѣніе. Дѣйствительно, въ правильно устроенномъ судопроизводствѣ необходимо раздѣленіе производства по отводамъ отъ производства по сущности спора. Предъявленіе извѣстныхъ отводовъ допускается лишь въ извѣстномъ положеніи дѣла. Если воспослѣдовало litis contestatio, если стороны вступили въ споръ по существу, то предъявленіе отводовъ болѣе не допускается, оно пресѣчено (Praeclusion, dechéance). Право предъявлять отводы существовало лишь до начала производства по существу. Но о теченіи давности здѣсь не можетъ быть рѣчи. Кромѣ того, въ прежнемъ судопроизводствѣ нашемъ такого отдѣленія производства по отводамъ отъ производства по существу дѣла не существовало.

Наконецъ, въ рѣшеніи указывается на то, что отводъ не былъ предъявляемъ предъ судебными мѣстами, а только во всеподданнѣйшей жалобѣ. Этотъ доводъ дѣйствительно имѣетъ основаніе; однако, при безусловномъ значеніи, приписываемомъ давности въ русскомъ правѣ, все таки спрашивается, не слѣдуетъ-

---

[1]) Тт. I и II.

[2]) Сборникъ рѣшеній правительствующаго сената, II, № 69.

[3]) Изд. 1832 — ст. 213, 214 и 226 ч. 1 т. X, изд. 1857 г.

ли, въ случаѣ доказаннаго истеченія давности, уничтожить производство, при которомъ на нее не было обращено вниманія? На самое важное обстоятельство, на которомъ рѣшеніе должно было быть основано, указывается лишь вскользь; именно, что изъ сущности дѣла будто бы видно, что срокъ давности иску вовсе не прошелъ. При существованіи этого довода всѣ остальные совершенно излишни.

Безусловное примѣненіе давности по самому закону отвергается также въ рѣшеніи правительствующаго сената отъ 29 марта 1844 г. [1]).

Истецъ, пріобрѣвъ въ 1833 году село Уратьму и усмотрѣвъ, что внутри его находятся рыбныя озера, съ коихъ по неизвѣстнымъ причинамъ оброчныя деньги взыскиваетъ казна, обращался съ просьбами объ исключеніи рыбныхъ ловель изъ казеннаго вѣдомства въ министерство финансовъ, а по указанію сего послѣдняго въ 1835 г. началъ искъ въ судѣ. Суды первой и второй инстанціи признали искъ правильнымъ, съ чѣмъ согласились мѣстныя правительственныя власти. Но 4 департаментъ правительствующаго сената, принявъ, согласно съ заключеніемъ министра государственныхъ имуществъ, въ основаніе, что, по межевой книгѣ, находящіяся при селѣ Уратьмѣ рыбныя ловли показаны не помѣщичьими, а вѣдомства казенной палаты, и что владѣльцы села Уратьмы иска о сихъ ловляхъ, по предоставленному имъ указомъ 20 октября 1806 г. праву, по 1834 г. нигдѣ не предъявляли и, слѣдственно, по силѣ 1657 ст. X т. Св. Зак. Гражд., изд. 1832 г. [2]), потеряли уже на то всякое право, опредѣлилъ: уничтоживъ рѣшенія судебныхъ мѣстъ, истцу отказать, оставя рыбныя ловли по прежнему въ казенномъ вѣдомствѣ. Общее же собраніе сената находитъ, что въ межевой книгѣ вовсе не значится, чтобы состоящія внутри сей дачи озера состояли въ вѣдомствѣ казны, а статью 626 т. XII повелѣно: рыбныя ловли въ водахъ, лежащихъ внутри частныхъ дачъ, составляютъ собственность владѣльцевъ береговъ; указомъ же правительствующаго сената отъ 20 октября 1806 г. хотя и предписано помѣщичьи рыбныя ловли взять по прежнему въ казенное вѣдомство и, введя оныя въ окладъ, отдавать съ торговъ въ оброчное содержаніе, впредь дотолѣ, пока помѣщики не докажутъ на владѣніе ими въ судебныхъ мѣстахъ своихъ правъ, однако срока на представленіе таковыхъ доказательствъ никакого не назначено. Поэтому общее собраніе правительствующаго сената, усматривая въ межевой книгѣ ясное доказательство о принадлежности озеръ къ дачѣ, принадлежащей истцу, и не находя основанія къ уничтоженію права ея на оныя по самой земской давности, потому болѣе, что она получила на искъ свой разрѣшеніе отъ бывшаго департамента государственныхъ имуществъ въ 1835 г., начала оный въ 1837 г. и, слѣдственно, десятилѣтней давности не пропустила,— полагаетъ: состоящія внутри дачи села Уратьмы рыбныя озера отдать въ полное владѣніе пріобрѣтательницѣ сего имѣнія, съ исключеніемъ ихъ изъ казеннаго вѣдомства.

---

[1]) Сборникъ, I, № 124.

[2]) Изд. 1857 г. X т. 1 ч. 213 и 214 ст.

Прежде всего нельзя не согласиться, что рѣшеніе это совершенно справедливо по существу. Казна отняла у собственниковъ рыбныя ловли, пока тѣ не докажутъ своихъ правъ на владѣніе ими судебнымъ порядкомъ. Между тѣмъ, по гражданскому праву, не собственникъ обязанъ доказать свое право на озера, лежащія внутри его дачи, но тотъ, кто оспариваетъ это право. Рыбныя ловли въ водахъ, лежащихъ внутри границъ частной дачи, составляютъ собственность владѣльцевъ береговъ по самому закону, пока не доказано право другаго на нихъ. Сенатъ чувствовалъ, что казна сама, отобраніемъ рыбныхъ ловель, прямо нарушила право собственника и поэтому не должна бы ссылаться на давность владѣнія. Владѣніе казны не было юридическое, давностное, но владѣніе спорнымъ имѣніемъ впредь до рѣшенія дѣла. На этихъ соображеніяхъ слѣдовало бы основывать приговоръ, и только на нихъ онъ могъ быть основанъ. Какъ скоро оставляется эта точка зрѣнія, то рѣшеніе теряетъ всякое основаніе, и доводы, приведенные министромъ государственныхъ имуществъ, оказываются формально неопровержимыми. По русскому праву, для примѣненія давности, не требуется добросовѣстности; вслѣдствіе давности пріобрѣтается право на охраненіе, хотя бы дѣло было само по себѣ совершенно неправое и основывалось на насиліи и даже на преступленіи. Формально собственникъ лишился своего права, какъ скоро пропустилъ срокъ давности, хотя бы имущество было отобрано у него самовольно или насильно. Давностью погашаются всѣ иски, не только тѣ, которые ей именно подчинены. Наконецъ, и разрѣшеніе начинать искъ судебнымъ порядкомъ, данное бывшимъ департаментомъ государственныхъ имуществъ, нельзя считать отказомъ отъ примѣненія давности со стороны казны. Это разрѣшеніе департаментъ могъ, даже обязанъ былъ давать даже въ томъ случаѣ, если онъ съ самаго начала намѣревался противоставить иску истеченіе срока давности. Въ другомъ рѣшеніи правительствующаго сената прямо сказано, что вопросъ о примѣненіи давности можетъ быть рѣшенъ лишь судомъ [1]).

Безусловное значеніе давности проявляется далѣе въ недопущеніи, въ случаѣ истеченія срока давности, ни подъ какимъ условіемъ возстановленія погашеннаго права.

X т. ч. 2 ст. 226. Право вчинанія тяжебъ и исковъ, потерянное пропущеніемъ десятилѣтней давности, не возстановляется, хотя бы оно утрачено было виною не самого истца, но его повѣреннаго.

По образу выраженія этой статьи слѣдуетъ заключить, что возстановленіе потеряннаго по давности права исключается безусловно. Въ указѣ, на которомъ основана эта статья [2]), говорится по отношенію къ извѣстному случаю, гдѣ даже своевременная выдача довѣренности на ходатайство не была доказана, что выдача довѣренности не можетъ служить поводомъ къ возстановленію права, поте-

---

[1]) Рѣш. отъ 7 іюня 1862 г., Сборникъ, I, 699.

[2]) 1823 г. февр. 16. П. С. З. 29315.

ряннаго истеченіемъ десятилѣтней давности. Во всякомъ случаѣ правило, содержащееся въ самой статьѣ, гораздо обширнѣе того, которое заключаетъ въ себѣ источникъ. Толкуя приведенную статью съ догматической точки зрѣнія, слѣдуетъ сказать, что, по смыслу ея, истекшій, хотя бы виною повѣреннаго, срокъ давности не возстановляется. Вина повѣреннаго при этомъ можетъ быть весьма различная. Прежде всего это можетъ быть вина въ тѣсномъ смыслѣ слова, culpa, когда срокъ давности истекъ небреженіемъ повѣреннаго. Но подъ выраженіемъ *вина* въ этомъ случаѣ можетъ быть понимаемъ и *умыселъ*, dolus. Этотъ умыселъ можетъ быть притомъ весьма различнаго свойства. Повѣренный можетъ пропустить срокъ, зная, что послѣдній истекаетъ. Но онъ можетъ пропустить срокъ съ цѣлью причинить ущербъ своему довѣрителю и предоставить несправедливую выгоду его противнику. Эти случаи такъ существенно разнятся между собою, что ихъ слѣдуетъ подвести подъ одно общее правило. Конечно, довѣритель имѣетъ всегда искъ объ убыткахъ противъ своего повѣреннаго и по закону онъ этимъ достаточно огражденъ. Ни culpa, вина въ собственномъ смыслѣ, ни простой умыселъ повѣреннаго причинить ущербъ довѣрителю—не могутъ подать повода къ возстановленію иска, потерявшаго давностью. Но дѣло является совершенно въ другомъ видѣ, когда повѣренный, пропуская умышленно срокъ, дѣйствуетъ при этомъ заодно съ противникомъ своего довѣрителя, такъ что противникъ пользуется истеченіемъ срока давности, которое онъ самъ подвелъ злымъ умысломъ, dolo malo. Здѣсь, очевидно, было бы несправедливостью покровительствовать преступленію, совершенному съ цѣлью причинить одному ущербъ и предоставить другому выгоды, на которыя онъ не имѣетъ никакого права. Статья 226 2 ч. X т. составлена, однако, въ столь общихъ выраженіяхъ, что она можетъ примѣняться и къ сему послѣднему случаю. Подобное же примѣненіе нельзя не считать покровительствомъ преступленію. Между тѣмъ, никакъ нельзя предположить, что при изданіи закона имѣли въ виду подобное примѣненіе его. Чѣмъ же объяснить это? Такой взглядъ можетъ быть объясняемъ опять-таки только тѣмъ, что, какъ мы видѣли, законъ нашъ при давности не обращаетъ вниманія на добросовѣстность лица, защищающаго свое право давностью.

На практикѣ, впрочемъ, кажется, дѣлается различіе между этими случаями.

Въ рѣшеніи сената отъ 16 февраля 1844 г. [1]) требованіе приказа общественнаго призрѣнія объявляется прекратившимся за давностью, такъ какъ казенныхъ дѣлъ стряпчій предъявилъ искъ по истеченіи давности, хотя приказъ общественнаго призрѣнія поручилъ ему это дѣло во-время. Изъ приведенныхъ въ рѣшеніи сената обстоятельствъ дѣла не видно, дѣйствовалъ-ли стряпчій съ умысломъ, или пропущеніе срока должно быть приписано лишь простой винѣ его, оплошности.

Въ другомъ случаѣ очевидно обращается вниманіе, что ходатай по дѣламъ дѣйствовалъ умышленно противъ своего довѣрителя [2]). Въ этомъ дѣлѣ

[1]) Сборникъ, II, 364.

[2]) Сборникъ, I, № 571, рѣш. отъ 18 іюля 1857 г.

3 департаментъ сената нашелъ, что судебное рѣшеніе 1824 года, присудившее разныя денежныя взысканія съ аппеляторовъ, на которомъ настоящіе истцы основываютъ требованіе свое, въ исполненіе приведено не было, по случаю объявленія на оное со стороны отвѣтчиковъ аппеляціи. Засимъ со стороны истцовъ всѣ судебныя дѣйствія ограничивались тѣмъ, что они въ 1827 и 1834 гг. просили объ опредѣленіи, по вниманію къ ихъ бѣдности, безплатнаго адвоката. Послѣ же сего, со стороны истцовъ съ 1834 по 1848 г., когда настоящіе истцы начали домогаться о приведеніи упомянутаго рѣшенія въ исполненіе, никакихъ судебныхъ дѣйствій совершено не было. Поэтому должно признать, что ими пропущенъ срокъ десятилѣтней давности. По симъ основаніямъ опредѣлено: въ ходатайствѣ истцамъ отказать. Противъ этого опредѣленія подана была всеподданнѣйшая жалоба. Общее собраніе сената, куда перенесено было дѣло по Высочайшему повелѣнію, нашло, что рѣшеніе о взысканіи съ отвѣтчика вошло въ законную противъ него силу; что истцы, воспользовавшись принадлежавшимъ имъ по Литовскому статуту правомъ—имѣть по бѣдности безплатнаго адвоката,—не могутъ быть обвинены въ пропущеніи давности на томъ основаніи, что дѣло находилось безъ движенія, ибо обстоятельство это нисколько не зависѣло отъ нихъ, потому что назначенные для веденія ихъ дѣла штатные адвокаты не исполнили возложенной на нихъ обязанности и судъ допустилъ таковое ихъ бездѣйствіе и, впродолженіе шести лѣтъ, не принудилъ отказавшагося отъ веденія дѣла адвоката къ передачѣ дѣла вновь назначенному. Кромѣ того, истцы не считали себя пропустившими срокъ десятилѣтней давности, и даже самыя присутственныя мѣста признали за ними право иска. Наконецъ, правительствующій сенатъ въ 1846 году признавъ, что одна сонаслѣдница не пропустила давности до опредѣленія 1840 года. Таковое признаніе права ходатайства въ отношеніи одной изъ сонаслѣдницъ должно быть, безъ всякаго сомнѣнія, распространено въ равной степени и на другихъ наслѣдниковъ, которые одинаково дѣйствовали по сему дѣлу и находились въ томъ же, какъ и она, положеніи. Затѣмъ, хотя опредѣленіе 1840 г. и было приведено въ исполненіе чрезъ объявленіе онаго посредствомъ австрійскаго правительства, по отношенію къ одной изъ сонаслѣдницъ, но опредѣленіе другимъ объявлено не было и они извѣстились о семъ только въ 1847 году, чрезъ публикацію въ газетахъ, и затѣмъ, въ 1848 году, вошли въ палату съ ходатайствомъ о взысканіи. Такимъ образомъ, они не могутъ быть признаны пропустившими срокъ давности съ 1840 года.

Съ точки зрѣнія положительнаго закона, нельзя согласиться съ основаніями и доводами сего рѣшенія. Десятилѣтняя давность была пропущена по винѣ адвокатовъ и по закону слѣдовало бы признать истцовъ лишенными права иска. Просьба о назначеніи вновь адвоката не можетъ быть признана исковымъ прошеніемъ, прерывающимъ теченіе давности. Объявленіе суда объ отмѣнѣ должности адвокатовъ и о томъ, чтобы истцы явились для ходатайства, не могло служить поводомъ къ возстановленію права иска, потерявшаго вниою адвокатовъ, тѣмъ еще менѣе могло служить доказательствомъ перерыва давности, и не исключало возможности отказать истцамъ въ искѣ, по явкѣ ихъ, на основаніи дав-

ности. Наконецъ, то обстоятельство, считали ли истцы себя пропустившими срокъ давности—рѣшительно безразлично и не можетъ имѣть никакого значенія при рѣшеніи вопроса о томъ, пропустили-ли они срокъ давности или нѣтъ. Наконецъ, бездѣйствіе адвокатовъ и суда по закону также не можетъ извинить бездѣйствіе истцовъ. Однако, хотя нельзя согласиться съ доводами, на коихъ основано опредѣленіе общаго собранія, но по существу оно, очевидно, справедливо. Изъ всего хода этой тяжбы можно заключить, что адвокаты дѣйствовали умышленно, можетъ быть, даже заодно съ отвѣтчикомъ. Если дѣйствительно былъ такой умыселъ, то нельзя не пожалѣть, что въ опредѣленіи сената не было обращено болѣе вниманія на это обстоятельство и рѣшеніе не было основано именно на этомъ соображеніи. Въ такомъ случаѣ приговоръ сената имѣлъ бы весьма важное значеніе: онъ представлялъ бы собою толкованіе 226 ст. 1 ч. X т. и имъ бы объяснялось значеніе ея. Но въ рѣшеніи сената заключается лишь намекъ на подобный образъ дѣйствія адвокатовъ, о немъ упоминается лишь мимоходомъ.

ГЛАВА II.

ОБЪЕМЪ ДАВНОСТИ.

Давности подлежатъ всѣ тяжбы и иски, за исключеніемъ тѣхъ, которые именно изъяты изъ подъ дѣйствія оной постановленіемъ закона. Поэтому, для опредѣленія объема давности достаточно будетъ исчислить случаи, въ которыхъ она не примѣняется, и опредѣлить ихъ значеніе. Лишь немногія изъ этихъ изъятій основаны на опредѣленныхъ, твердыхъ началахъ; большая часть имѣетъ характеръ болѣе или менѣе случайный.

1. Давности не подлежитъ право на возстановленіе потерянныхъ правъ состоянія или семейственныхъ.

Правило это только примѣненіе общаго начала, что давность, неимѣющая самостоятельнаго основанія въ самой себѣ, установлена исключительно съ цѣлью огражденія взаимныхъ отношеній между частными лицами по отношенію къ правамъ, осуществленіе или неосуществленіе коихъ зависитъ отъ произвола обладателей,—и ни въ какомъ случаѣ не примѣняется къ учрежденіямъ государственнаго права. Въ области гражданскаго права лишеніе частнаго лица давностью права, коимъ оно можетъ распоряжаться по произволу, должно признать для общества мѣньшимъ зломъ въ сравненіи съ неизвѣстностью и неопредѣленностью во взаимныхъ отношеніяхъ, которыя были бы послѣдствіемъ несуществованія давности. Въ области же государственнаго права законъ не можетъ допускать, чтобы отдѣльныя лица могли распоряжаться своими правами по произволу. Эти права, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаютъ въ себѣ обязанности по отношенію къ государству; они столь важны, столь непосредственно связаны со всѣмъ государственнымъ строемъ, что законъ долженъ непремѣнно требовать доказательства права. Государство, не допуская распоряженія этими правами по произволу, не можетъ допускать ни пріобрѣтенія, ни потери ихъ по причинѣ пользованія или непользованія ими, т. е. должно исключить примѣненіе къ нимъ давности.

По отношенію къ правамъ состоянія, вышеприведенное правило прямо выражено въ законахъ о состояніяхъ, ст. 13 т. IX Св. Зак.:

Когда право состоянія, законно кому-либо принадлежащее, утрачено имъ будетъ не преступленіемъ, а послѣдствіемъ какихъ-либо обстоятельствъ, какъ-то: ошибочнымъ показаніемъ по ревизіи въ другомъ званіи и тому подобными случаями, то ему предоставляется, предъявивъ установленнымъ для сего порядкомъ надлежащія доказательства, отыскивать по онымъ право сего состоянія. Никакая давность не преграждаетъ исканій сего рода.

По тѣсной связи между семейственными и сословными правами, правило это слѣдовало бы примѣнять вполнѣ и къ первымъ. Ископи и не сомнѣвались, что права семейныя не прекращаются давностью. Это видно уже изъ того, что 1 февраля 1850 г. постановлено на будущее время:

Хт. 1 ч. 126 ст. Право доказывать законность рожденія, въ отношеніи къ самому истцу, не прекращается никакою давностью. Но наслѣдники его, если онъ умеръ прежде достиженія полнаго совершеннолѣтія или до окончанія начатаго имъ дѣла о законности рожденія, могутъ вчинать или продолжать сей искъ не иначе, какъ по общимъ о земской давности постановленіямъ.

Отсюда ясно, что до этого времени не существовало давности по отношенію къ искамъ о признаніи законности рожденія. Изданіемъ этого закона ограничено право потомка на признаніе законности рожденія предка. Наслѣдники лица, считавшагося незаконнорожденнымъ, могутъ вчинать искъ о признаніи законности его рожденія лишь тогда, если онъ умеръ прежде достиженія полнаго совершеннолѣтія. Значитъ, если онъ умеръ совершеннолѣтнимъ и не учинилъ иска, то наслѣдники его вовсе не вправѣ уже доказывать законность его рожденія. Но спрашивается: если успѣли скрыть законность рожденія извѣстнаго лица отъ него самого и лишь его дѣти или потомки узнали о томъ? Неужели имъ прегражденъ путь доказывать законность рожденія своего предка? По нашему мнѣнію, имъ въ искѣ отказать не слѣдуетъ, потому что противное значило бы потворствовать обману и преступленію. По образу выраженія статьи 126 можно бы подумать, что лицо можетъ быть лишаемо несомнѣнно принадлежащаго ему права семейственнаго и по состоянію вслѣдствіе давности.

Продолжать начатый искъ могутъ наслѣдники, если считавшійся незаконнорожденнымъ умеръ до окончанія его. Въ томъ и другомъ случаѣ ихъ право ограничивается общимъ постановленіемъ о давности.

Итакъ, если считавшійся незаконнорожденнымъ умеръ до совершеннолѣтія и наслѣдники его пропустятъ десятилѣтній срокъ со дня смерти его, не вчиная иска о законности рожденія, то они лишены этого права навсегда.

То же самое бываетъ, когда они въ теченіе десяти лѣтъ не продолжатъ начатаго лицомъ, доказывающимъ законность своего рожденія, иска, прекращенного его смертью.

Законъ объ ограниченіи права доказывать законность рожденія находится въ противорѣчіи съ закономъ, по которому никакая давность не преграждаетъ исканій о возстановленіи правъ состоянія. Возстановленіе правъ состоянія, утраченныхъ вслѣдствіе умышленнаго напр. сокрытія законности рожденія, возможно только, когда лицо докажетъ законность рожденія своего предка, не знавшаго можетъ быть вовсе о такомъ сокрытіи и считавшаго себя незаконнорожденнымъ. Ст. 126 1 ч. X т. косвенно запрещаетъ этому наслѣднику начинать искъ о законности рожденія его предка по истеченіи десяти лѣтъ со дня его смерти, если онъ умеръ несовершеннолѣтнимъ. Ст. 13 т. IX объявляетъ, что никакая давность не преграждаетъ исканій о возстановленіи правъ состоянія; значитъ, прямо дозволяетъ наслѣднику доказывать законность рожденія предка, если это единственное средство доказывать свои права состоянія.

До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, правило 126 ст. на практикѣ еще не возбудило сомнѣній, такъ какъ дѣйствіе его не распространяется на дѣтей, рожденныхъ до изданія этого закона [1]), а съ того времени еще не прошло 21 года, такъ что не могло быть случая къ примѣненію его. Полное примѣненіе этого закона, публикованнаго 7 марта 1850 г., можетъ начинаться лишь съ 7 марта 1871 года, такъ какъ съ этого числа начинается достиженіе совершеннолѣтія лицами, рожденными въ 1850 году и послѣ того, а къ нимъ одним можетъ примѣняться правило этого закона въ случаѣ, если бы законность ихъ рожденія была почему либо сокрыта для нихъ.

2. Давности не подлежатъ заповѣдныя имѣнія.

Правило это основано также на непримѣнимости давности въ области государственнаго права. Право на обладаніе заповѣднымъ имѣніемъ зависитъ отъ принадлежности извѣстнаго лица къ дворянскому состоянію вообще и къ извѣстной дворянской фамиліи въ частности.

X т. 1 ч. 564 ст. Имущества, обращенныя въ заповѣдныя, не подлежатъ дѣйствію земской давности въ случаѣ неправильнаго ими, или же частью ихъ, завладѣнія.

Смыслъ этого закона тотъ, что право вчинать тяжбу о возвращеніи заповѣднаго имѣнія или части его, попавшаго въ руки лица, неимѣющаго по закону права на это имѣніе, не прекращается давностью, какъ бы долго это имѣ-

---

[1]) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 6 февраля 1850 г. П. П. С. З. № 23906.

ніе ни оставалось въ рукахъ этого лица, и какъ бы долго ни молчали тѣ, коимъ принадлежитъ право владѣть этимъ имѣніемъ.

Въ этомъ постановленіи содержатся два правила. Прежде всего говорится о томъ случаѣ, гдѣ лицо, совершенно постороннее, неимѣющее никакихъ правъ, владѣетъ заповѣднымъ имѣніемъ, какъ имѣніемъ свободнымъ отъ заповѣди. Законъ, опредѣляя, что такое имѣніе не подлежитъ давности, этимъ охраняетъ существованіе заповѣди, обусловливающей юридическое свойство имѣнія. Далѣе, законъ ограждаетъ нераздѣльность заповѣднаго имѣнія, неприкосновенность его: не подлежатъ давности иски объ уничтоженіи неправильно установленныхъ сервитутовъ, залоговъ, и т. п.

По образу выраженія, приведенная статья заключаетъ въ себѣ, наконецъ, правило, что также не подлежатъ давности иски о правѣ наслѣдства въ заповѣдномъ имѣніи. Если бы, напримѣръ, вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ,— какъ-то: безвѣстнаго отсутствія прямаго наслѣдника, молчанія его, недоразумѣнія по опредѣленію ближайшей линіи,—наслѣдникомъ былъ бы объявленъ не прямой, а дальній наслѣдникъ умершаго, и, вслѣдствіе того, введенъ во владѣніе, то искъ прямаго наслѣдника противъ владѣльца долженъ быть признанъ неподлежащимъ дѣйствію давности. Пока существуетъ прямой наслѣдникъ, всякій другой, хотя принадлежащій къ тому семейству, для котораго учреждено заповѣдное имѣніе, и имѣющій права на наслѣдство, но лишь послѣ прямаго наслѣдника, долженъ быть признанъ неправильно владѣющимъ заповѣднымъ имѣніемъ, и имѣніе подлежащимъ возвращенію прямому наслѣднику. Но если для этого наслѣдника была сокрыта законность его рожденія и лишь его сынъ начинаетъ искъ, тогда обнаружится противорѣчіе между статьями 126 и 564. Отсюда видно, что статья 126 1 ч. X т. идетъ въ разрѣзъ со всѣми постановленіями о характерѣ и значеніи семейственнаго права, обнимающаго собою не только отношенія гражданскаго, но и государственнаго права, къ которому поэтому давность непримѣнима.

3. Давности не подлежатъ межи генеральнаго межеванія.

Въ историческомъ изложеніи мы видѣли что въ манифестѣ генеральнаго межеванія и въ межевыхъ инструкціяхъ установлена и обѣщана была непоколебимость на будущее время межъ генеральнаго межеванія. О давности въ этихъ узаконеніяхъ не говорилось: во время изданія ихъ десятилѣтняя давность еще не была введена. Когда въ нашихъ законахъ появилась десятилѣтняя давность, то при примѣненіи ея слѣдовало отличать дѣла межевыя отъ дѣлъ вотчинныхъ. Въ нашихъ законахъ это различіе дѣйствительно проводилось. Однако, при примѣненіи законовъ на практикѣ возникли недоразумѣнія. Причина этихъ недоразумѣній кроется въ неразвитости нашего права и въ недостаткѣ юридическаго образованія практиковъ. Въ нашемъ правѣ совершенно неразвита, какъ мы видѣли, давность владѣнія, usucapio. Недостаточныя сами по себѣ правила исковой давности были притомъ неправильно примѣняемы на практикѣ.

Когда генеральная межа изгладилась и смежные владѣльцы отводятъ ее разнорѣчиво, но оба ссылаются на генеральную межу, то споръ долженъ быть

рѣшаемъ по межевой книгѣ и межевому плану. Если бы по нимъ даже оказалось что одинъ изъ сосѣдей владѣлъ чужою землею десять и болѣе лѣтъ, то все-таки землю слѣдуетъ отсудить отъ него, потому что онъ чужою землею владѣлъ ошибкою, полагая, что по межеванію она входитъ въ составъ его дачи, не имѣлъ намѣренія завладѣть чужою землею. Не имѣя этого намѣренія, онъ и не вызывалъ иска о вотчинномъ правѣ; этотъ искъ, не сдѣлавшись положительно существующимъ, не могъ задавнѣть. Владѣніе, основанное будто на межеваніи, вызвало лишь искъ о возстановленіи межевыхъ знаковъ; этотъ искъ не подлежитъ давности.

Напротивъ того, если бы кто-либо нарочно перешелъ чрезъ межу, завладѣлъ, хотя насильно, чужою землею, желая ее отнять отъ настоящаго собственника—въ такихъ тяжбахъ давность должна имѣть примѣненіе. Конечно, приэтомъ высказывались бы рѣзко недостатки нашихъ постановленій о давности: завладѣвшій землею не только добросовѣстно, на какомъ-либо основаніи, но и насильно, открыто нарушающій чужое право, пріобрѣтаютъ давностью чужую землю. Чѣмъ рѣже бы обнаружились недостатки закона о давности буквальнымъ примѣненіемъ его, тѣмъ скорѣе законодательство было бы возбуждаемо къ улучшенію закона установленіемъ учрежденія usucapio.

Наши практики, очевидно, старались примѣнять законъ о давности, избѣгая слишкомъ рѣзкаго нарушенія правды и справедливости. Вслѣдствіе этого, неминуемо возникали противорѣчія съ началами исковой давности, которыя, по неразвитости и неполнотѣ законныхъ постановленій, вели къ послѣдствіямъ, нарушающимъ естественную справедливость. Вотъ, по нашему мнѣнію, причины недоразумѣній и противорѣчій, возникшихъ по поводу правила о ненарушимости межъ генеральнаго межеванія.

Сомнѣнія о значеніи непоколебимости межъ генеральнаго межеванія возникали до изданія Свода Законовъ и послѣ того. Для разрѣшенія ихъ въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта отъ 21 апрѣля 1845 г. издано правило, заключающееся въ 563 ст. 1 ч. X т., изд. 1857:

Межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія; равнымъ образомъ, не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ, права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы они опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными, и всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ должны быть разрѣшаемы, въ отношеніи окружности дачи межевыми законами.

Редакція этой статьи очевидно, неясна; уже многословность ея затемняетъ смыслъ. Дѣйствительно статья эта толковалась въ различномъ смыслѣ. Въ науч-

ныхъ изслѣдованіяхъ, появлявшихся съ 1861 г. [1]), придерживались единогласно одного толкованія, между тѣмъ, какъ практика, въ большей части случаевъ, слѣдовала противоположному толкованію, и лишь въ немногихъ рѣшеніяхъ появилось толкованіе согласное, съ взглядомъ, выраженнымъ въ этихъ сочиненіяхъ.

На практикѣ судебныхъ мѣстъ, и въ особенности правительствующаго сената, это постановленіе толковалось въ томъ смыслѣ, что захватъ или завладѣніе участкомъ земли, въ чертѣ генерально-межеваннаго имѣнія, не можетъ покрываться давностью, и что споры о земляхъ разбираются: одни по доказательствамъ права вотчиннаго, гдѣ спокойное и безспорное владѣніе имѣетъ всю силу давности; другіе же—по генеральному межеванію, гдѣ земская давность не можетъ нарушать выданныхъ плановъ. Къ разбору по доказательствамъ права вотчиннаго принадлежатъ тяжбы о цѣлыхъ дачахъ или о земляхъ, генеральною межою необойденныхъ, а споры о поземельныхъ захватахъ, въ чертахъ генеральнаго межеванія, разрѣшаются единственно планами и межевыми книгами [2]). На этомъ основаніи, сенатъ постоянно почти отсуждалъ, несмотря ни на какую давность, земли состоявшія въ самостоятельномъ владѣніи пріобрѣтателя, какъ скоро эти земли, при генеральномъ межеваніи были замежеваны за другимъ лицомъ, въ особенности за казною, несмотря на то, что со времени завладѣнія эти земли перешли изъ рукъ въ руки по праву наслѣдства и формальнымъ договоромъ.

Въ немногихъ лишь рѣшеніяхъ правительствующаго сената это правило толкуется въ томъ смыслѣ, что оно касается лишь межевыхъ споровъ и не имѣетъ примѣненія къ спорамъ вотчиннымъ, о правѣ собственности.

Рѣшеніемъ 1-го департамента отъ 9 января 1863 г., по дѣлу покровской церкви города Яренска съ казною, опредѣлено: спорныя земли признать собственностью церкви, на томъ основаніи, что хотя онѣ и записаны за казною по плану генеральнаго межеванія, но вошедшимъ въ законную силу рѣшеніемъ правительствующаго сената, состоявшимся въ 1810 году, оставлены за церковью. Рѣшеніе 1810 года, повидимому, основано на пропущеніи казною болѣе чѣмъ десятилѣтней давности.

---

[1]) Д. И. Мейеръ. Русское гражданское право, II, стр. 92—93.

Рѣпинскій. О давности владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ. «Ж. М. Ю». 1862 г., т. XI, стр. 278—286.

А. Куницынъ. Пріобрѣтеніе права собственности давностью владѣнія. «Ж. М. Ю.» 1864 г., т. XXII, стр. 524—525.

Любавскій. Опытъ комментарія русскихъ законовъ о давности, стр. 29—31, гдѣ отпечатаны соображенія новаго законодательнаго проекта.

К. Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданскаго права. Вотчинныя права, II, стр. 158—169.

[2]) Сборн. рѣш. пр. сен. I, №№ 217, 256, 288, 349, 407, 441, 472, 502, 505, 530, 546, 564; II, №№ 415, 444, 509.

Рѣшеніемъ общаго собранія московскихъ департаментовъ сената отъ 23 октября 1864 г., по дѣлу наслѣдниковъ Богданова съ казною, признано: спорныя земли состояли въ безспорномъ владѣніи Богданова, безъ всякаго притязанія со стороны казны, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ. Что ни самъ Богдановъ, ни предки его не показаны особо владѣльцами въ сей дачѣ по плану генеральнаго межеванія, то сіе обстоятельство само по себѣ не можетъ служить къ предосужденію частныхъ лицъ въ вотчинномъ правѣ на землю, какъ признано Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 1 декабря 1828 [1]), потому что одно есть дѣло межевое, а другое дѣло вотчинное, границы генеральнаго межеванія утверждаются къ селеніямъ и пустошамъ, а не къ лицамъ владѣльцевъ, а межеваніе внутреннимъ владѣльцамъ дачи въ крѣпость не поставляется—поэтому и земли оставляются за владѣльцемъ. Послѣднее рѣшеніе основано и на другихъ соображеніяхъ, но насъ интересуетъ лишь упомянутый вопросъ. Онъ разрѣшенъ въ пользу давностнаго владѣльца, непоказаннаго въ актахъ межеванія, лишь потому, что сенатъ основывался на прежнемъ постановленіи, ясно отдѣлявшемъ дѣла межевыя отъ дѣлъ вотчинныхъ, и совершенно оставилъ въ сторонѣ 563 ст.

Писатели, разбиравшіе этотъ вопросъ съ научной точки зрѣнія, убѣдившись изъ исторіи его, что необходимо отличать межевые споры отъ вотчинныхъ, равно что принятое на практикѣ толкованіе 563 ст. ведетъ къ неизбѣжнымъ противорѣчіямъ съ постановленіями о земской давности,—постарались толковать 563 ст. въ смыслѣ прежнихъ законовъ, строго отличавшихъ дѣла вотчинныя отъ межевыхъ, и согласно съ значеніемъ давности, дѣйствіе которой вышеизложеннымъ толкованіемъ ограничивается. Доводы сами по себѣ совершенно убѣдительны. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, наши законы всегда различали споры межевые отъ споровъ вотчинныхъ. Далѣе, генеральнымъ межеваніемъ обмежеванныя дачи не дѣлаются нераздѣльными: точно такъ же, какъ отдѣльные участки могутъ быть пріобрѣтаемы на основаніи купли-продажи, дарения, точно такъ же возможно по закону и пріобрѣтеніе по давности.

Всѣ писатели, даже г. Побѣдоносцевъ, силятся доказать, что статьею 563 смыслъ прежнихъ законовъ не измѣненъ. Послѣднее, по нашему мнѣнію, неправильно. Что дѣйствительно ст. 563 противорѣчитъ не только прежнимъ постановленіямъ, но и вообще постановленіямъ о давности, что толкованіе сената болѣе согласно съ буквальнымъ смысломъ 563 ст.—все это видно изъ соображеній, на которыхъ основана 563 ст.: изъ соображеніи и основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1845 г. Разсмотримъ эти доводы подробно.

Вопросъ о томъ, распространяется-ли земская давность на обмежеванныя земли, былъ возбужденъ въ общемъ собраніи сената. При обсужденіи этого вопроса заявлены были разныя мнѣнія.

---

[1]) П. П. С. З. № 2171, ср. выше, въ исторической части нашего изслѣдованія.

Одни полагали, что межевые планы и книги могутъ защищать, не взирая ни на какую давность, границы какъ генеральнаго, такъ и спеціальнаго межеванія, гдѣ сіе послѣднее уже совершено; въ спорахъ же на цѣлую дачу, а особенно заселенную обладателемъ, хотя бы и въ части дачи, должна быть уважаема преимущественно предъ всѣми другими правами десятилѣтняя давность владѣнія.

Другіе, соглашаясь съ симъ мнѣніемъ, полагали притомъ, что въ спорахъ на часть обмежеванной дачи, хотя бы и заселенную, должны быть уважаемы преимущественно предъ всѣми другими правами межевые планы и книги.

А третьи полагали, что межевые планы и книги могутъ и должны быть пріемлемы за единственное основаніе въ разрѣшеніе всѣхъ споровъ именно только о границахъ или межахъ, утвержденныхъ генеральнымъ и спеціальнымъ, гдѣ оно уже было, межеваніемъ; споры же о завладѣніи или о переходѣ владѣніемъ за межу, утвержденную межеваніемъ, подлежатъ разбору гражданскимъ порядкомъ и дѣйствію земской давности, безъ всякаго изъятія и ограниченія, на все ли особо обмежеванное мѣсто, или только на часть онаго распространено владѣніе.

При разсмотрѣніи сего вопроса на консультаціи министерства юстиціи признано было необходимымъ установить: во-первыхъ—свойство завладѣнія, и во-вторыхъ—признаки или доказательства онаго. Затѣмъ, относительно преимущества межевыхъ плановъ и давности, консультація полагала, для соглашенія сихъ двухъ основаній права, равно сильныхъ и равно полезныхъ, установить:

1) что неправильное завладѣніе въ недвижимыхъ имуществахъ, подлежащихъ обмежеванію, но еще необмежеванныхъ, покрывается давностью, несмотря на крѣпостное право, если только завладѣніе будетъ имѣть опредѣленные различнымъ видамъ онаго свойства и признаки или доказательства;

2) что въ недвижимыхъ обмежеванныхъ имуществахъ такого рода, когда одно или нѣсколько селеній, деревень и пустошей замежеваны въ одну окружную дачу и утверждены въ принадлежность одному вотчиннику, изъ всѣхъ завладѣній покрывается давностью токмо одно, а именно: кто на чужой землѣ водворился самъ, заселилъ деревню съ крестьянами, или возвелъ какое-либо строеніе, если однакожъ и сей видъ завладѣнія будетъ имѣть опредѣленныя ему свойства; всѣ-же прочія, отстраняясь силою межеванія и плановъ, уничтожаются во всякое время и давностью владѣнія покрываемы быть не могутъ;

3) что никакое постороннее владѣніе не покрывается давностью, если оно сдѣлано и существуетъ: а) въ дачѣ, составляющей нѣсколько селеній и деревень, обведенныхъ при генеральномъ межеваніи одною окружною межею и утвержденныхъ въ принадлежность разныхъ вотчинниковъ, хотя бы каждое селеніе владѣло землями и угодьями, одно отъ другаго отдѣльно, и б) въ дачѣ, состоящей изъ одного селенія или деревни, обведенныхъ при генеральномъ межеваніи одною межею и утвержденныхъ въ принадлежность разнымъ вотчинникамъ, владѣющимъ землями и угодьями чрезполосно, распространивъ сіе и на прямыхъ вотчинниковъ дачи въ томъ случаѣ, если-бы, при внутреннемъ или спеціальномъ

собственно между ними размежеваніи, обнаружилось, что кто-либо изъ участниковъ дачи владѣетъ бо́льшимъ количествомъ земель и угодій противъ того, сколько ему слѣдуетъ по крѣпостямъ.

Министръ юстиціи съ своей стороны находитъ, какъ причину возникшей въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ разности, что одни принимаютъ межевые планы и книги доказательствомъ только границъ или пространства обмежеванныхъ земель, а другіе, сверхъ сего, и доказательствомъ владѣльческихъ правъ на тѣ земли. По его мнѣнію, генеральное межеваніе, при существовавшей у насъ неясности вотчинныхъ правъ, служило не токмо къ разграниченію дачъ между собою, но и къ утвержденію правъ владѣльцевъ. Ссылаясь на слова межевой инструкціи, по которымъ генеральное межеваніе имѣло цѣлью утвердить спокойствіе владѣльцевъ постановленіемъ правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія, министръ юстиціи находитъ, что утвержденныя единожды правительствомъ межи должны служить вѣчнымъ и неизмѣннымъ признакомъ пространства дачъ и границъ, отдѣляющихъ одну межу отъ другой, что никакая дача не можетъ безъ новаго межеванія ни увеличиться, ни уменьшиться въ своемъ пространствѣ, т. е. никакая дача не можетъ привладѣть къ составу своему никакимъ участкомъ изъ дачи сосѣдней, и всякій споръ о границахъ дачъ разрѣшается изысканіемъ межъ и возстановленіемъ оныхъ въ первобытномъ ихъ видѣ.

Отступленіе отъ сего правила разрушило бы всѣ благодѣтельныя послѣдствія генеральнаго межеванія, такъ что права, опредѣляющія владѣніе землами, не имѣли бы никакой твердости, подвергаясь ежедневнымъ спорамъ, къ разрѣшенію коихъ не представилось бы никакихъ законныхъ средствъ, ибо признаки дѣйствительнаго владѣнія землею сами по себѣ не опредѣлены и доказательства на оное не ясны, и едва ли возможно различить иначе, какъ по документамъ простое пользованіе, подчиненное праву вотчинника, отъ владѣнія подъ своимъ именемъ и подъ видомъ собственности, особливо въ лѣсахъ и покосахъ.

Споры о завладѣніи могутъ относиться къ дачамъ, состоящимъ въ единственномъ владѣніи, и къ дачамъ общаго владѣнія. Если предоставить право земской давности въ первыхъ, то нужно было бы распространить оное и на послѣднія. Но примѣненіе права земской давности къ дачамъ общаго владѣнія оказывается явно невозможнымъ, потому что въ такомъ случаѣ нельзя было бы разрѣшить множество вопросовъ, встрѣчающихся безпрестанно на опытѣ. Въ доказательство справедливости сего приводится слѣдующій примѣръ: если захватъ за межу сосѣдней дачи признавать по земской давности за собственность, то въ общей дачѣ кому онъ долженъ обратиться въ ущербъ: всѣ ли владѣльцы потеряютъ доли по соразмѣрности правъ каждаго изъ нихъ, или тотъ, кто допустилъ до завладѣнія?

По приведенному предположенію, что не должно, при разсмотрѣніи настоящаго вопроса, различить споровъ о границахъ отъ споровъ о владѣніи, потому что генеральное межеваніе не только опредѣлило границы дачъ, но установило и права безспорнаго владѣнія, второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго

Величества канцеляріи нашло, что споры о земляхъ обмежеванныхъ бываютъ двухъ совершенно различныхъ родовъ: споры, такъ сказать, гражданскіе, относящіеся къ правамъ собственности на обмежеванныя дачи въ цѣломъ ихъ составѣ или въ какой-либо ихъ части, и споры межевые или о границахъ и пространствѣ отмежеванной дачи. При спорѣ гражданскомъ едва-ли возможно межевые планы и книги признавать преимущественными доказательствами предъ прочими доводами, на коихъ основано владѣніе. Хотя дѣйствительно генеральное межеваніе служило не только къ разграниченію дачъ между собою, но съ тѣмъ вмѣстѣ и къ утвержденію правъ владѣльцевъ, но сіе можетъ лишь относиться къ владѣнію, существовавшему въ то время, когда производилось генеральное межеваніе. Тогда дѣйствительно разграниченіе земель посредствомъ межеванія должно было соотвѣтствовать и дѣйствительному владѣнію, а послѣ выдачи плановъ нельзя уже допускать новыхъ притязаній о измѣненіи показаннаго въ оныхъ безспорнаго владѣнія, если сіи притязанія основаны на давности владѣнія, предшествовавшаго сему межеванію, ибо выдача плановъ и книгъ на безспорно-обмежеванныя земли служитъ доказательствомъ, что права владѣнія до межеванія разсмотрѣны и окончательно опредѣлены.

Но назначеніе межъ при генеральномъ межеваніи не могло установить постояннаго неизмѣннаго владѣнія и прекратить всякій переходъ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія, какъ въ цѣломъ ихъ составѣ, такъ и отдѣльными частями. Помѣщики не лишены права, посредствомъ разныхъ сдѣлокъ, распространять свои владѣнія за межевые знаки или уступать какую либо часть изъ прижежеванной имъ земли. Нѣтъ и правила, чтобы при каждомъ такомъ переходѣ владѣнія были непремѣнно выдаваемы новые межевые планы или чтобы такой переходъ всегда былъ отмѣчаемъ на прежнихъ планахъ.

Въ сихъ случаяхъ планы и межевыя книги не могутъ быть признаваемы исключительными доказательствами владѣнія, а слѣдственно и нарушать дѣйствіе земской давности, когда въ оной нѣтъ сомнѣнія, ибо давность составляетъ у насъ въ дѣлахъ гражданскихъ одно изъ главнѣйшихъ основаній права собственности. Что межевыя книги и планы не должны почитаться единственными признаками собственности, сіе явствуетъ изъ самой межевой инструкціи 1766 г., въ коей [1]) предписано: Въ случаѣ гражданскихъ споровъ о межуемой дачѣ, рѣшеніе оныхъ предоставлять надлежащему судебному мѣсту, *не останавливаясь межеваніемъ и выдачею плановъ*, въ коихъ означать, впрочемъ, у кого и съ кѣмъ сія дача *въ спорѣ*. Сіи споры могли впослѣдствіи быть рѣшены или же прекращены миромъ, или безмолвнымъ отреченіемъ отъ правъ, то-есть давностью. Слѣдственно, если надлежитъ письменному законному акту о переходѣ собственности дать преимущество предъ межевыми планами и книгами, которые могутъ служить непреложнымъ доказательствомъ лишь существовавшаго при выдачѣ оныхъ владѣнія, а не происшедшихъ послѣ того во владѣніи перемѣнъ, то необходимо при-

---

[1]) П. С. З. № 12659, гл. IV п. 5.

знать здѣсь и вліяніе давности владѣнія, ибо ею нерѣдко уничтожается сила даже крѣпостныхъ актовъ. Но когда споръ относится собственно къ границамъ дачъ обмежеванныхъ, то, конечно, межевые планы и книги представляютъ самое твердое, непоколебимое доказательство.

Изъясненное здѣсь различіе споровъ сдѣлано и въ указѣ 1823 года апрѣля 12 [1]); въ ономъ изображено: «въ разборѣ споровъ о границахъ руководствоваться только положенными генеральнымъ межеваніемъ границами и выданными отъ межевыхъ правительствъ планами и межевыми книгами; а если кто жаловаться будетъ, что сосѣдственныхъ, особо обмежеванныхъ дачъ владѣльцы, перешедъ за межу, утвержденную между ими по генеральному межеванію, сдѣлали вновь завладѣніе, или произойдутъ споры у общественныхъ, въ одномъ планѣ значущихся владѣльцевъ, между собою, по завладѣнію однимъ у другаго или заселенію, также и по отдѣленію казенныхъ поселянъ особо отъ помѣщиковъ внутри обмежеванной въ общую округу дачи, то въ такочныхъ случаяхъ, при разборѣ сихъ споровъ, руководствоваться существующими на то особыми правилами, не нарушая отнюдь межъ, утвержденныхъ генеральнымъ межеваніемъ и межевыми правительствами.» Упоминаемыя здѣсь правила суть ни что иное, какъ разсмотрѣніе и судъ *порядкомъ гражданскимъ*, въ коемъ принимаются въ основаніе и права, пріобрѣтенныя земскою давностью.

Въ подкрѣпленіе сего мнѣнія можно привести еще замѣчаніе бывшаго министра юстиціи (Дашкова) въ представленіи, съ которымъ онъ въ 1832 году входилъ въ государственный совѣтъ по дѣлу Черкасова съ Жеребцовымъ и которое было, отчасти, поводомъ къ возбужденію настоящаго вопроса. Онъ также касался сихъ двухъ противоположныхъ основаній на право владѣнія спорною землею, т. е. межевыхъ плановъ и книгъ съ одной стороны и давности владѣнія съ другой, и признавалъ: 1) что планы и книги, по самому назначенію своему, служатъ болѣе доказательствомъ границъ помѣстья, нежели утвержденіемъ права собственности, исключительно какому-либо лицу принадлежащей; ибо всѣ помѣстья межеваны не къ именамъ владѣльцевъ, а къ названіямъ селеній; 2) что въ правилахъ, изданныхъ для межеванія пермской губерніи 1824 года февраля 10 [2]), несмотря на межевыя книги и планы, установлена десятилѣтняя давность, изъ чего надлежитъ заключить, что допущеніе пользованія впродолженіе срока, для давности назначеннаго, собственностью, хотя и утвержденною выдачею межевыхъ плановъ и книгъ, должно быть почитаемо подразумѣваемою уступкою со стороны владѣльца, на томъ же основаніи, какъ и всякое владѣніе, другими законными актами огражденное.

Положимъ, что *никакая дача* не можетъ, вопреки утвержденнымъ ея границамъ, самовольно присвоивать къ составу своему новые участки, но можно-ли дать сему такое значеніе, что всякій владѣлецъ дачи должен необходимо

---

[1]) П. С. З. № 29421.
[2]) П. С. З. № 29772.

оставаться навсегда при границахъ, опредѣленныхъ его владѣнію во время межеванія, и что онъ не можетъ пріобрѣсть какого-либо участка отъ сосѣдней дачи и присовокупить оный, разумѣется, не къ прежней, уже обмежеванной дачѣ, но вообще къ своему владѣнію.

Что касается мнѣнія, будто отступленіемъ отъ предполагаемаго правила о неизмѣнности границъ владѣній разрушились бы благодѣтельныя послѣдствія генеральнаго межеванія, то едва ли можно опасаться сего. Несмотря на бывшія и могущія быть еще измѣненія въ пространствѣ владѣній, общія послѣдствія генеральнаго межеванія всегда будутъ благодѣтельны. Оно привело, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, въ извѣстность бо́льшую часть недвижимой земской собственности въ государствѣ, опредѣлило взаимное положеніе имуществъ,— и имъ однимъ, въ отношеніи къ обмежеваннымъ дачамъ, положенъ конецъ многимъ изъ бывшихъ дотолѣ споровъ о владѣніи. Посему, конечно, планы и межевыя книги должны служить *главнымъ* основаніемъ не только при разрѣшеніи дѣлъ собственно о границахъ, но и при сужденіи о всякомъ переходѣ владѣнія, и даже исключительнымъ, единственнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣніе оказывается сомнительнымъ или же извѣстно, что со времени выдачи плановъ не было въ ономъ измѣненія, утвержденнаго какими-либо актами или же неоспоримо признанною давностью. Что генеральное межеваніе и утвержденныя имъ границы, вопреки даже измѣненія противъ оныхъ пространства владѣнія, не теряютъ своего значенія и своей важности, и что признано полезнымъ, несмотря на измѣненія въ пространствѣ владѣнія, сохранить генеральную межу, тому можетъ служить доказательствомъ, между прочимъ, и содержаніе даннаго по спеціальному межеванію указа 25 мая 1843 года [1]), въ коемъ изображено: «Когда общіе и чрезполосные владѣльцы, участвующіе не въ одной, а въ двухъ, трехъ и болѣе дачахъ, смежныхъ между собою, изъ коихъ на каждую выданы были особые планы при генеральномъ межеваніи, пожелаютъ соединить оныя дачи въ одинъ общій округъ для удобнѣйшаго выдѣла, принадлежащаго каждому, изъ общаго въ единственное владѣніе участка земли,—чего имъ законъ не воспрещаетъ,—то, по утвержденіи таковому участку формальныхъ межъ, при сочиненіи плана и межевой книги руководствоваться слѣдующимъ порядкомъ: дабы видно было, какія части изъ какой дачи вошли въ составъ участка, вымежеваннаго изъ общаго въ единственное владѣніе, и чтобы сохраненъ былъ очеркъ бывшихъ по генеральному межеванію окружныхъ межей, то на сочиняемыхъ вновь планахъ означать тѣ очерки красными линіями, нанося углы, ромбы и мѣру линіи съ плановъ генеральнаго межеванія, и описывать оные въ концѣ межевыхъ книгъ».

По выраженному выше мнѣнію, признается неудобнымъ или даже невозможнымъ примѣненіе права земской давности къ дачамъ общаго владѣнія и приводится въ доказательство сего трудность опредѣлить, кому изъ участвующихъ

---

[1]) П. С. З. № 16888.

въ общей дачѣ долженъ обратиться въ ущербъ признанный по земской давности собственностью захватъ за межу сосѣдней дачи—всѣмъ-ли владѣльцамъ, по соразмѣрности правъ каждаго изъ нихъ, или тому, кто допустилъ до завладѣнія. Гражданскіе споры о правѣ собственности могутъ возникать равномѣрно въ дачахъ какъ единственнаго, такъ и общаго владѣнія. Дачи, нѣсколькимъ лицамъ принадлежащія, составляютъ или чрезполосное, или общее, въ полномъ значеніи сего слова, владѣніе. Чрезполосныя земли, даже внутри и необмежеванныя, всегда дѣлятся на разные участки, коихъ принадлежность тому или другому владѣльцу извѣстна, коихъ границы, хотя иногда межевымъ правительствомъ еще неопредѣленныя, или показаны въ другихъ документахъ, или же въ теченіе продолжительнаго времени, хотя негласно, но безспорно, признаны. Отдѣльность сихъ участковъ даетъ возможность владѣльцамъ защищать себя отъ незаконныхъ притязаній ихъ сосѣдей, а молчаніе ихъ, въ случаѣ завладѣнія, утверждать безспорное право незаконнаго владѣльца. Напротивъ того, въ тѣхъ дачахъ, гдѣ нѣтъ отдѣльныхъ участковъ, гдѣ владѣніе есть совершенно общее, нельзя допускать и споровъ о завладѣніи между общими владѣльцами, ибо ни у одного изъ нихъ не можетъ быть въ общей дачѣ отдѣльной собственности, а потому, еслибы они и пожелали раздѣлиться, то не могли бы одинъ противъ другаго основывать свои права на давности. Но въ дѣлахъ прочихъ смежныхъ съ ними владѣльцевъ или постороннихъ лицъ, неучаствующихъ въ общей ихъ собственности, право давности ни въ какомъ случаѣ не должно быть отрицаемо. Если принять противное сему мнѣніе, то надобно, вмѣстѣ съ самъ, по строгой логической послѣдовательности, признать, что для всѣхъ неразробляемыхъ имуществъ, какъ-то: фабрикъ, заводовъ и т. д., не можетъ существовать давности, единственно потому, что они принадлежатъ нѣсколькимъ лицамъ въ совокупности. Нѣтъ сомнѣнія, что такое заключеніе было бы противно какъ духу нашихъ законовъ, такъ и общему свойству земской давности.

Разрѣшеніе вопроса о томъ, кто изъ общихъ владѣльцевъ дачи долженъ быть въ потерѣ отъ завладѣнія части оной, кажется не представитъ затрудненія непреодолимыхъ, если размежеваніе участвующихъ въ общей дачѣ будетъ основано, какъ сіе и слѣдуетъ, на дѣйствительномъ, продолжавшемся долгое время, безспорномъ владѣніи. Признаніе онаго покажетъ, кто именно изъ участниковъ въ общей дачѣ потерялъ чрезъ сей захватъ [1]), и въ семъ случаѣ должно, по общему началу давности, принять предположеніе, что послѣдній изъ владѣльцевъ добровольно уступилъ захваченную у него часть изъ доли, причитавшейся ему въ общемъ владѣніи.

---

[1]) Здѣсь разумѣется дача, въ которой участники пользуются отдѣльными, хотя окончательно еще неразмежеванными участками. Въ дачахъ же общихъ, въ полномъ строгомъ смыслѣ сего слова, каковы суть: выгоны, общія пастбища и т. п., потеря какой либо части чрезъ давность, конечно, должна быть признаваема потерею для всѣхъ.

Въ мотивахъ далѣе говорится:

По вопросу, чему отдать преимущество при недостаткѣ другихъ доказательствъ, межевымъ-ли книгамъ и планамъ или давности спокойнаго владѣнія, въ отношеніи цѣлыхъ обмежеванныхъ дачъ, министръ юстиціи, въ дополненіе вышеизложенныхъ своихъ отзывовъ, присовокупилъ: споры о собственности производятся гражданскимъ порядкомъ и разсматриваются на основаніи тѣхъ правъ и доказательствъ, коими ограждается или пріобрѣтается собственность. Споры о границахъ разсматриваются межевымъ порядкомъ и рѣшаются на основаніи правилъ, преподанныхъ межевыми законами. Сообразно симъ основаніямъ, не должно быть производства межевымъ порядкомъ о правѣ владѣнія на цѣлую дачу или о правѣ собственности на участокъ, поступившій къ владѣльцу по законному перекрѣпленію или по наслѣдственному праву, но всѣ дѣла о завладѣніи чрезъ межу, при существованіи или по изглаженіи оной, подлежатъ, на основаніи дѣйствующихъ законовъ и сообразно межевой инструкціи, разбору межевымъ порядкомъ. При подобномъ разбирательствѣ межевыя книги составляютъ преимущественное доказательство и въ семъ смыслѣ обѣщано правительствомъ, что утвержденныя при генеральномъ межеваніи границы и основанныя на утвержденіи оныхъ права останутся навсегда неприкосновенными. Если бы границы утверждены были токмо на время генеральнаго межеванія, то слѣдовало бы оное безпрестанно возобновлять, ибо каждое пространство между межами открываетъ путь къ завладѣнію; межи заростаютъ и могутъ быть легко изглажены. Возобновленіе ихъ требуетъ геометрическихъ измѣреній и судебнаго удостовѣренія, а въ малыхъ участкахъ границы означались одною бороздою, трижды проведенною. Твердость границъ слабо защищается внѣшними или закрытыми признаками, но планы и описанія даютъ средства къ возобновленію сихъ признаковъ и неизмѣнность мѣстоположенія межъ ограждается закономъ, съ тѣми лишь изъятіями, кои могутъ быть послѣдствіемъ ошибочнаго измѣренія. Выдачи отдѣльныхъ плановъ при отчужденіи участковъ правительство не требовало, по невозможности опредѣлить съ точностью пространство сихъ участковъ въ дачахъ общаго владѣнія и потому, что составленіе подобныхъ плановъ иногда не нужно по естественнымъ урочищамъ, сопряжено съ немалыми издержками и затруднительно по недостатку въ землемѣрахъ. Въ случаѣ спора о собственности, крѣпости, доказывающія право на оную, должны, безъ всякаго сомнѣнія, имѣть преимущество передъ планами и межевыми книгами, но если сими послѣдними утверждается непоколебимость границъ, то можно-ли это относить токмо къ времени генеральнаго межеванія? Въ такомъ случаѣ землемѣръ, возобновивъ старую межу безъ всякой для обѣихъ сторонъ пользы, проведетъ новую по мѣрѣ завладѣнія, и тогда всякое завладѣніе повлечетъ за собою пересочиненіе плановъ, всегда затруднительное и почти невозможное до внутренняго размежеванія дачъ общаго владѣнія. Подобное постановленіе совершенно бы противорѣчило 2 пункту XXXIII главы межевой инструкціи [1]), коимъ узаконено слѣдующее: «Къ которому селенію или пустоши

---

[1]) 1766 года. П. С. З. № 12659.

даннымъ отъ сего государственнаго межеванія планомъ, или сею и землемѣрамъ инструкціями прежнихъ межеваній по даннымъ планамъ всѣ примежеванныя къ нему земли и урочища и всякія угодья вышеписаннымъ образомъ къ владѣнію ихъ на всегдашнее время утвердятся» и пр.

Указомъ 1823 года [1]) подтверждено, что въ разборѣ споровъ о границахъ должно руководствоваться только положенными генеральнымъ межеваніемъ границами и выданными отъ межевыхъ правительствъ планами и межевыми книгами, а если кто жаловаться будетъ, что сосѣдственныхъ особо обмежеванныхъ дачъ владѣльцы, перешедъ за межу, утвержденную между ими по генеральному межеванію, сдѣлали вновь завладѣніе, то руководствоваться существующими на то особыми правилами, не нарушая отнюдь межъ, утвержденныхъ генеральнымъ межеваніемъ и межевыми правительствами. Особыя правила, о коихъ упомянуто въ семъ указѣ, относятся до разбора споровъ между владѣльцами общей дачи, порядокъ разрѣшенія коихъ объясненъ въ XXXIII главѣ межевой инструкціи. Въ сихъ правилахъ, о соблюденіи коихъ сенатомъ сдѣлано повсемѣстное подтвержденіе, предписано руководствоваться, впредь до спеціальнаго межеванія, писцовыми книгами и прежними планами, но относительно споровъ о завладѣніи между сосѣдственными дачами постановлено именно, что они разрѣшаются не гражданскимъ, а межевымъ порядкомъ, на основаніи межевыхъ актовъ, а не «другими какими крѣпостями». Сими узаконеніями не отнято у владѣльцевъ право отчуждать или пріобрѣтать отдѣльные участки дачъ посредствомъ покупки, раздѣловъ и другихъ перекрѣпленій, но имъ преграждается возможность нарушать границы чрезъ завладѣніе, въ томъ, безъ сомнѣнія, убѣжденіи, что подобное завладѣніе, неоснованное ни на какомъ документѣ и неогражденное законными признаками права на недвижимую собственность, не только трудно опредѣлить, но повело бы къ уничтоженію всѣхъ признаковъ поземельной собственности и къ уничтоженію всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій генеральнаго межеванія. Извѣстно, до какой степени виды владѣнія съ того времени измѣнились, сколько межъ умышленно и неумышленно уничтожено, сколько живыхъ урочищъ измѣнилось и до какой степени раздробленіе имѣній, продажа ихъ безъ повѣрки и описанія, неудовлетворительное изложеніе и утрата крѣпостныхъ актовъ затрудняютъ розысканія о пространствѣ и границахъ владѣнія, приводимаго обыкновенно въ ясность и большую или меньшую опредѣлительность токмо посредствомъ плановъ генеральнаго межеванія и подробности описанія въ межевыхъ книгахъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ министръ юстиціи полагаетъ:

1) что межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія;

2) что равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ, права, заключающіяся въ томъ

---

[1]) 12 апрѣля. П. С. З. № 29121.

именно, чтобы онѣ опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными,

и 3) что всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ должны разрѣшаться, въ отношеніи окружности дачи, межевыми законами (въ доп. ст. 478 Свода Зак. Гражд.).

Къ сему присовокуплено еще, что заключеніе сіе вполнѣ согласно и съ основаніями, принятыми государственнымъ совѣтомъ въ Высочайше утвержденномъ 8 апрѣля 1843 года мнѣніи по дѣлу коллежскаго регистратора Протопопова. Въ мнѣніи семъ сказано, что «не только разумъ, но и самыя слова законовъ (ст. 579 и 580 Свод. меж. зак., изд. 1832, и ст. 715 и 716, изд. 1842 г.) ясно опредѣляютъ, что тяжбы о цѣлыхъ дачахъ, хотя бы онѣ и были обмежеваны, или о земляхъ, необойденныхъ генеральною межею, подлежатъ вполнѣ дѣйствію давности; но споры о поземельныхъ захватахъ въ чертахъ генеральнаго межеванія разрѣшаются единственно планами и межевыми книгами, безъ всякихъ обысковъ о древнемъ владѣніи, бывшемъ до утвержденія межей. Иначе сіе и быть не можетъ, ибо допустить возможность нарушенія границъ генеральнаго межеванія давностью завладѣнія значило бы повергнуть поземельную собственность въ первобытное неустройство, существовавшее до межевой инструкціи 1766 г., когда пограничные споры разбирались не столько судебнымъ производствомъ, какъ драками на межахъ и другими насиліями. Тогда ни живыя въ крѣпостяхъ урочища, ни описанія смежности, ни извѣстная мѣра, ни самыя крѣпости не будутъ уже имѣть своей силы; нужно одно лишь засвидѣтельствованіе о старинномъ владѣніи стороннихъ людей, коихъ иногда не трудно преклонить и къ показаніямъ несправедливымъ. Напротивъ, единственно чрезъ соблюденіе кореннаго основанія поземельной собственности, то-есть чрезъ признаніе границъ генеральнаго межеванія непоколебимыми, могутъ быть предотвращены захваты и неминуемое ихъ послѣдствіе— межевыя разбирательства. При существованіи общаго и чрезполоснаго владѣнія и перепродажѣ изъ рукъ въ руки правъ на участки, окончательно невымежеванные, подчиненіе права, основаннаго на генеральномъ межеваніи, праву давности повело бы къ уничтоженію послѣднихъ признаковъ безспорнаго владѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію четырехъ членовъ, и къ упадку въ цѣнѣ недвижимыхъ имѣній, и въ особенности продаваемыхъ съ публичнаго торга, потому что ни планы, ни описи не служили бы тогда надежнымъ ручательствомъ для покупателя, что онъ пріобрѣтаетъ именно то, что въ нихъ содержится, а не то, что осталось отъ захватовъ, покрывшихся давностью».

Съ другой стороны, ссылаясь на вышеизложенное мнѣніе главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ и вслѣдствіе представленныхъ имъ соображеній, предложено было постановить:

1) Межевые книги и планы должны быть принимаемы единственнымъ доказательствомъ къ разрѣшенію споровъ, относящихся собственно къ границамъ обмежеванныхъ дачъ, на которыя они выданы.

2) Въ спорахъ о принадлежности какъ цѣлой дачи, такъ и части оной, можетъ, сверхъ крѣпостныхъ актовъ и судебныхъ рѣшеній о переходѣ сей дачи или части ея послѣ обмежеванія въ собственность другаго, быть принимаемо въ уваженіе доказанное по закону, въ теченіе опредѣленнаго срока давности продолжавшееся, дѣйствительное и спокойное владѣніе на правѣ собственности. Такое владѣніе должно быть предпочитаемо, какъ доказательство, межевымъ планамъ и книгамъ, когда началось и продолжалось безспорно послѣ выдачи плановъ и книгъ.

Въ изложенныхъ соображеніяхъ проводятся два противоположныхъ мнѣнія.

По одному, генеральное межеваніе, при существовавшей неясности вотчинныхъ правъ, служило не только къ разграниченію дачъ между собою, но и къ утвержденію права владѣльцевъ. Утвержденныя единожды межи должны служить вѣчнымъ и неизмѣннымъ признакомъ пространства дачъ и границъ ихъ, такъ что никакая дача не можетъ безъ новаго межеванія ни увеличиться, ни уменьшиться въ своемъ пространствѣ. По этому мнѣнію, допускалось пріобрѣтеніе давностью владѣнія цѣлаго имѣнія и слѣдовало запретить пріобрѣтеніе давностью отдѣльныхъ участковъ обмежеванной дачи.

На основаніи этого мнѣнія, предложено было принятіе правилъ, заключающихся въ нынѣшней 563 ст. 1 ч X т.

По другому мнѣнію, въ которомъ первое весьма справедливо окритиковано и въ которомъ доказано противорѣчіе такого правила съ началами исковой давности, слѣдовало строго различать дѣла межевыя и дѣла вотчинныя, и по послѣднимъ допускать непремѣнно и примѣненіе давности.

Изъ этихъ мнѣній послѣднее было отвергнуто и принято первое, какъ видно изъ пункта 5 мнѣнія государственнаго совѣта отъ 23 апр. 1845 года [1]), о силѣ и дѣйствіи давности въ отношеніи межевыхъ актовъ. Здѣсь сказано:

«Въ отношеніи дѣйствія давности по спорамъ между цѣлыми обмежеванными дачами, государственный совѣтъ призналъ, что, при существующемъ различіи между спорами межевыми и гражданскими, если съ одной стороны не должны быть производимы межевымъ порядкомъ дѣла о правѣ владѣнія на цѣлую дачу или о правѣ собственности на участокъ, поступившій къ владѣльцу по законному перекрѣпленію или по наслѣдственному праву, то съ другой всѣ дѣла о завладѣніи чрезъ межу при существованіи или по изглаженіи оной подлежатъ разбору межевымъ порядкомъ, при которомъ межевыя книги составляютъ преимущественное доказательство; въ семъ смыслѣ обѣщано правительствомъ, что утвержденныя при генеральномъ межеваніи границы и основанныя на утвержденіи оныхъ права останутся навсегда неприкосновенными. Въ случаѣ спора о правѣ собственности, крѣпости, доказывающія оное, должны, безъ всякаго сомнѣнія, имѣть преимущество передъ планами и межевыми книгами; но споры о поземельныхъ захватахъ въ чертахъ генеральнаго межеванія разрѣшаются единственно планами и межевыми книгами, безъ всякихъ обысковъ о

---

[1]) П. П. С. З. № 18952.

древнемъ владѣніи, бывшемъ до утвержденія межей. Иначе сіе и быть не можетъ, ибо допустить возможность нарушенія границъ генеральнаго межеванія давностью завладѣнія значило бы повергнуть поземельную собственность въ первобытное неустройство, существовавшее до межевой инструкціи, когда пограничные споры разбирались не столько судебнымъ производствомъ, какъ драками на межахъ и другими насиліями. Тогда ни живыя въ крѣпостяхъ урочища, ни описанія смежности, ни извѣстная мѣра, ни самыя крѣпости не будутъ уже имѣть своей силы; нужно одно лишь засвидѣтельствованіе о старинномъ владѣніи стороннихъ людей, коихъ иногда не трудно преклонить и къ показаніямъ несправедливымъ. Напротивъ, единственно *чрезъ соблюденіе кореннаго основанія поземельной собственности*, т. е. чрезъ признаніе границъ генеральнаго межеванія непоколебимыми, могутъ быть предотвращены захваты и неминуемое ихъ послѣдствіе—межевыя разбирательства. При существованіи общаго и чрезполоснаго владѣнія и перепродажѣ изъ рукъ въ руки правъ на участки, окончательно невымежеванные, подчиненіе права, основаннаго на генеральномъ межеваніи, праву давности, повело бы къ уничтоженію послѣднихъ признаковъ безспорнаго владѣнія. Отступить отъ сихъ началъ, столь ясно изложенныхъ въ мнѣніи государственнаго совѣта по дѣлу Протопопова, невозможно было бы безъ пересмотра вновь и означеннаго дѣла, разрѣшеннаго окончательно высочайшею властью. Вслѣдствіе сего, государственный совѣтъ положилъ: въ дополненіе 478 ст. Св. Зак. Гражд. постановить:

1) межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія;

2) равнымъ образомъ, не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ, права, заключающіяся въ томъ именно, что бы онѣ опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными, и

3) всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально-обмежеванныхъ должны разрѣшаться, въ отношеніи окружности дачи, межевыми законами.»

Доводы эти сами по себѣ доказываютъ, что толкованіе 563 ст. 1 ч. X. т., изд. 1857, принятое судебною практикою, одно соотвѣтствуетъ тому намѣренію, съ какимъ изданъ законъ. Это подтверждается тѣмъ еще, что, принимая приведенное правило, отвергнуто было другое, выражающее собою, что межи не могутъ имѣть никакого значенія по спорамъ о правѣ собственности. Этимъ безсомнѣнно доказывается, что установленіемъ правила, выраженнаго въ 563 статьѣ, межевымъ актамъ приписано было значеніе доказательствъ о правѣ собственности.

Буквальнымъ смысломъ этой статьи исключается примѣненіе давности къ отдѣльнымъ участкамъ обмежеваннаго имѣнія. Попытки доказывать, что не таковъ смыслъ 563 статьи, должно признать неудачными.

Употребленіе въ 563 ст. слова *владѣній*, вмѣсто *дачъ*, указываетъ уже, что не говорится объ окружности дачи независимо отъ лица владѣльца, но говорится о землѣ, владѣемой извѣстнымъ лицомъ, принадлежащей извѣстному лицу. Еще яснѣе сказано въ слѣдующемъ затѣмъ предложеніи: *всякіе споры о гра-*

ницахъ владѣнія въ дачахъ и т. д. Здѣсь, очевидно, *границы владѣнія* означаютъ не границы дачъ, а границы пространства, на которое распространяется право собственности извѣстнаго лица.

Такимъ образомъ, мы видѣли, что толкованіе этого закона судебными мѣстами соотвѣтствовало намѣренію, выраженному при изданіи его, хотя не соотвѣтствовало всему духу законодательства и противъ постановленіямъ его о давности.

Неправильность толкованія этого закона судебными мѣстами постарались доказывать тѣмъ, что если смыслъ этого закона дѣйствительно таковъ, какимъ представляется по редакціи 563 ст., то отчего же всѣ почти дѣла, въ которыхъ приходилось взвѣшивать силу давности владѣнія и въ особенности основаннаго на законныхъ актахъ, съ силою межевыхъ документовъ, возбуждали и возбуждаютъ разногласіе въ высшей инстанціи. Это явленіе, по нашему мнѣнію, не объясняется неправильностью толкованія 563 статьи, но единственно неправильностью самаго постановленія, прямо противорѣчащаго принятымъ у насъ началамъ давности.

Но спрашивается, чѣмъ же объяснить принятіе въ 1845 году закона, столь рѣзко противорѣчащаго правиламъ нашего законодательства? По нашему мнѣнію, это объясняется недостаткомъ въ нашемъ законодательствѣ учрежденія usucapio. Этотъ недостатокъ особенно рѣзко бросался въ глаза по вопросу о дѣйствіи давности по отношенію къ обмежеваннымъ землямъ.

Весьма основательно чувствовалось, что не слѣдуетъ допускать пріобрѣтенія земли давностью, когда владѣніе ею началось очевидно недобросовѣстно, можетъ быть насиліемъ. Не желая потворствовать незаконнымъ завладѣніямъ, постарались устранить таковыя изданіемъ частнаго правила по отношенію къ тому случаю, гдѣ эта несправедливость рѣзко бросалась въ глаза. При этомъ, однако, упустили изъ виду, что подобныя несообразности вытекаютъ не изъ недостаточности того или другаго частнаго правила, но отъ недостатка цѣлаго учрежденія: usucapio, —и поэтому могли быть устраняемы только введеніемъ такого. Частное правило 1845 года о ненарушимости границъ генеральнаго межеванія не могло достигнуть этой цѣли. Стоя особнякомъ среди совершенно противоположнаго по характеру учрежденія исковой давности, оно необходимо приходило въ столкновеніе съ нимъ и, не имѣя около себя необходимыхъ условій для правильнаго дѣйствія, съ своей стороны явилось несправедливымъ во многихъ случаяхъ его примѣненія. Въ особенности рѣзко проявилось противорѣчіе этого постановленія съ правилами о давности въ томъ, что, ограждая собственника отъ завладѣнія участка генерально-обмежеванной дачи даже тогда, когда давностный владѣлецъ дѣйствовалъ добросовѣстно, оно не ограждало его противъ потери по давности права собственности на цѣлую дачу, хотя бы ею завладѣли обманомъ или насиліемъ.

Правило, принятое въ 563 статьѣ, столь рѣзко противорѣчило всему характеру нашего права, что когда въ 1850 году изданы были правила о судебномъ разбирательствѣ споровъ, возникающихъ при спеціальномъ межеваніи, въ 16 статьѣ этого Положенія [1]) постановлено: дачи, кои при генеральномъ межеваніи утверждены были въ единственное владѣніе, но послѣ того въ нихъ образовалось общее и даже чрезполосное владѣніе, разверстываются на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго судопроизводства, по крѣпостямъ и давности.

Правило это совершенно согласно не только съ принятымъ у насъ началомъ исковой давности, но и со всѣмъ прочимъ строемъ гражданскаго и межеваго права. Оно противорѣчитъ только 563 статьѣ 1 ч. X т. Въ этомъ нельзя не видѣть новое доказательство несообразности этой статьи съ остальными постановленіями гражданскаго и межеваго права.

Правило, выраженное въ 563 статьѣ 1 ч. X т., возбуждало на практикѣ постоянно сомнѣнія и недоразумѣнія. Предложенное въ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ толкованіе этого правила хотя противорѣчило буквальному смыслу его, но, очевидно, имѣло цѣлью согласить его съ характеромъ и значеніемъ существующей исковой давности. Противорѣчія эти были столько рѣзки, что, наконецъ, само законодательство уступило силѣ вещей и согласилось толковать 563 статью не по буквальному ея смыслу, а сообразно съ началами исковой давности. При недостаткѣ у насъ usucapio, это было единственнымъ средствомъ для устраненія противорѣчій. Недостатки нашей давности, вызвавшіе постановленіе 563 ст., могутъ быть устраняемы лишь изданіемъ закона объ usucapio.

Упомянутое автентическое толкованіе 563 ст. воспослѣдовало Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 3 апрѣля 1867 года по дѣлу Бекъ [2]).

Въ соображеніяхъ, на коихъ основано это толкованіе, изложены весьма ясно тѣ доводы, которыми руководствовались и въ научныхъ изслѣдованіяхъ по этому вопросу.

«Буквальное содержаніе 563 ст. 1 ч. X т. возбуждаетъ сомнѣніе: не устраняется-ли ею всякое вообще давностное владѣніе въ дачахъ генерально-обмежеванныхъ? По крайней мѣрѣ, такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ понимала этотъ законъ наша судебная практика въ высшей инстанціи. Правительствующій сенатъ, руководствуясь сей статьею, почти постоянно отсуждалъ въ пользу собственника генерально-обмежеванной дачи земли, не только захваченныя внутри межи, но и такія, которыя въ теченіе десятилѣтій безспорно состояли въ добросовѣстномъ и законномъ владѣніи частныхъ лицъ по крѣпостнымъ актамъ, законно совершеннымъ и законно оглашеннымъ, по правамъ наслѣдства въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, по судебнымъ рѣшеніямъ, вошедшимъ въ окончательную законную силу,—отсуждалъ, какъ только по спору, объявленному противъ такого владѣнія, оказывалось, что предки владѣльцевъ или лица,

---

[1]) X т. 3 ч. ст. 1158.
[2]) Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, № 653.

отъ которыхъ перешло къ нимъ право на землю, не были показаны въ документахъ генеральнаго межеванія. Словомъ, ни добросовѣстность, ни законность, ни гласность владѣнія, ни правильное его основаніе (justus titulus), ни вѣковое его спокойствіе, безспорность и непрерывность—не принимались въ уваженіе, и все это признавалось ничтожнымъ предъ межевыми документами.

Справедливы-ли подобныя рѣшенія и достигается ли ими желаемая твердость правъ поземельной собственности и увѣренность въ нихъ частныхъ лицъ—объ этомъ нѣтъ вопроса; нужно рѣшить только, согласны ли эти рѣшенія съ дѣйствующимъ закономъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо выяснить истинный смыслъ статьи 563 1 ч. X т., основанной на Высочайше утвержденномъ 23 апрѣля 1845 года мнѣніи государственнаго совѣта, принявъ во вниманіе цѣль и значеніе генеральнаго межеванія, и затѣмъ, разсмотрѣвъ тѣ соображенія, вслѣдствіе которыхъ законъ, выраженный въ этой статьѣ, состоялся.

Цѣль генеральнаго межеванія, предпринятаго по манифесту 19 сентября 1765 года [1]), составляло, какъ видно изъ содержанія манифеста, приведеніе въ точную извѣстность земель, состоящихъ во владѣніи государственномъ и частномъ, причемъ, для болѣе успѣшнаго осуществленія этого важнаго государственнаго предпріятія, повелѣвалось не производить ревизіи и редукціи, т. е. повѣрки частныхъ правъ на земли по документамъ, а признавать за основаніе законности владѣнія дѣйствительное и безспорное владѣніе поземельною собственностью въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно находилось въ 1765 году, когда обнародованъ былъ манифестъ о генеральномъ размежеваніи земель во всей имперіи.

Необходимымъ послѣдствіемъ этого основнаго правила должно было быть, съ одной стороны, устраненіе всѣхъ древнихъ документовъ на владѣніе (каковы наприм. писцовыя книги и т. п.) при разборѣ въ судебныхъ мѣстахъ споровъ въ отношеніи къ дачамъ генерально-обмежеванными, а съ другой—признаніе за документами этого межеванія, т. е. межевыми планами и книгами, безусловной и исключительной силы доказательствъ поземельнаго владѣнія.

Присвоив, такимъ образомъ, документамъ генеральнаго межеванія исключительную силу доказательствъ поземельнаго владѣнія, устраняющихъ всѣ древнѣйшіе документы, законъ, однакожъ, не имѣлъ въ виду пріурочивать межуемыя земли къ лицамъ владѣльцевъ и подчинить всѣ споры о владѣніи землями въ дачахъ генерально-обмежеванныхъ межевому разбирательству.

Пріурочиваніе земель къ селеніямъ и пустошамъ представляется совершенно правильнымъ и даже необходимымъ, потому что означеніе по планамъ лицъ владѣльцевъ не можетъ оставаться навсегда современнымъ, такъ какъ владѣльцы въ личномъ своемъ составѣ перемѣняются, владѣнія ихъ уменьшаются или распространяются и обмежеванная дача то соединяется въ рукахъ

---

[1]) П. С. З. № 12474.

одного или немногихъ лицъ, то раздробляется между многими, владѣющими и въ этой дачѣ и въ другихъ.

При такомъ воззрѣніи законодательства на значеніе генеральныхъ межъ, ими опредѣляются границы только дачъ, какъ территоріальныхъ единицъ въ государствѣ, независимо отъ правъ на владѣніе обведенными этими границами землями.

Споръ гражданскій происходитъ о правѣ на землю; споръ межевой—только о границѣ и можетъ соприкасаться съ вопросомъ о правѣ, можетъ и не имѣть съ нимъ связи. Въ дѣлѣ гражданскомъ можно ссылаться на давность владѣнія; въ дѣлѣ межевомъ, напротивъ, давность не можетъ имѣть даже и примѣненія. Такъ наприм. владѣлецъ родоваго имѣнія, смежнаго съ обмежеванною дачею, пріобрѣтаетъ землю внутри этой дачи и, такимъ образомъ, межа раздѣляетъ родовое имѣніе отъ благопріобрѣтеннаго. Со временемъ она изглаживается и владѣлецъ пишетъ завѣщаніе о всемъ своемъ имѣніи. Законные наслѣдники оспариваютъ право его завѣщать имѣніе родовое. До сихъ поръ дѣло было гражданское. Но нужно опредѣлить, гдѣ кончается родовое имѣніе и начинается благопріобрѣтенное. Это дѣло межевое, цѣлью котораго должно быть открытіе и возстановленіе границы, какъ она значится по плану, и давности тутъ быть не можетъ.

Другой примѣръ: если бы къ генерально-обмежеванной дачѣ, хотя бы въ теченіе вѣковъ, пріурочивались земли внѣ межи, и потомъ возникъ вопросъ, что именно къ ней принадлежитъ, то для рѣшенія его возможно опять только возстановить дѣйствительную межу по плану, и при этомъ также никакая давность немыслима. Равнымъ образомъ, если бы смежные владѣльцы заспорили о границѣ, отводя ее разнорѣчиво, то споръ ихъ можетъ быть рѣшенъ только возобновленіемъ межи по межевымъ документамъ, но если бы кто сталъ доказывать свое право владѣть далѣе за межею, тогда возникаетъ уже споръ гражданскій, а не межевой. Тутъ спорящій можетъ ссылаться и на акты, и на наслѣдство, и на давность владѣнія, и судъ можетъ принять или не принять его ссылку, руководствуясь существующими въ семъ отношеніи законами.

Изъ разсужденій, на коихъ основалъ законъ 1845 года, ясно видно, что государственный совѣтъ различалъ дѣла о правѣ владѣнія на цѣлую дачу или о *правѣ собственности* на участокъ, поступившій къ владѣльцу *по законному перекрѣпленію или наслѣдственному праву*, отъ дѣлъ о *захватѣ*, или—что то же—о завладѣніи участками внутри дачъ, и только споры этой послѣдней категоріи признавалъ необходимымъ подчинить межевому разбирательству, съ тѣмъ, чтобы именно эти захваты не могли покрываться давностью владѣнія. По какимъ соображеніямъ признано, что точно такой же захватъ цѣлой дачи можетъ покрыться земскою давностью—осталось необъясненнымъ. Весьма вѣроятно, что при допущеніи такого различія имѣлось въ виду то обстоятельство, что захватъ общій нельзя утаить, тогда какъ захватъ частный можетъ оставаться и въ безгласности, и что посему, въ случаѣ завладѣнія цѣлою дачею, собствен-

никъ ея имѣетъ полную возможность, не пропуская давности, предъявить искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія.

Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что изложенное выше правило о необращеніи земель, захваченныхъ чрезъ генеральную межу, въ собственность самовольнаго владѣльца силою одной давности, соотвѣтствуетъ какъ вообще состоянію у насъ поземельной собственности, такъ еще болѣе нашимъ законамъ о земской давности. Въ Западной Европѣ поземельная собственность лучше огражденa, чѣмъ у насъ, а между тѣмъ тамъ требованія отъ давностнаго владѣльца несравненно строже нашихъ. По законамъ Западныхъ государствъ для пріобрѣтенія собственности давностью нужно правильное основаніе владѣнія (justus titulus), нужно чтобы владѣніе было добросовѣстное, гласное и срокъ давности полагается не только въ десять, но и въ двадцать, тридцать и даже шестьдесятъ лѣтъ. Французское законодательство снисходительнѣе другихъ: оно для тридцатилѣтней давности не требуетъ ни правильнаго титула, ни даже добросовѣстности; другія же (напр. австрійское) не покрываютъ недобросовѣстнаго владѣнія никакою давностью. У насъ, напротивъ, ни добросовѣстности, ни гласности, ни правильнаго основанія владѣнія не требуется, и при всемъ томъ кратковременный десятилѣтній срокъ давности обращаетъ такое владѣніе въ право собственности. При такомъ порядкѣ огражденіе землевладѣльцевъ тѣмъ или инымъ способомъ отъ захватовъ совершенно необходимо. Ближайшимъ къ тому средствомъ было бы установленіе болѣе строгихъ требованій отъ давностнаго владѣнія и такая мѣра имѣла бы за собою то преимущество, что въ одинаковой степени послужила бы къ обезпеченію всѣхъ вообще владѣльцевъ, какъ обмежеванныхъ, такъ и необмежеванныхъ дачъ. Но въ 1845 году принята была иная законодательная мѣра, клонившаяся въ пользу владѣльцевъ дачъ обмежеванныхъ и состоявшая въ томъ, что давность владѣнія захваченными внутри межи участками совершенно уничтожена. Въ сущности, захватъ есть ни что иное, какъ владѣніе недобросовѣстное, безъ законныхъ актовъ и основанія, и до тѣхъ поръ, пока оно остается такимъ, нельзя, по справедливости, допустить, чтобы оно могло покрываться давностью. Противъ такого-то владѣнія исключительно направленъ законъ 1845 года, и въ соображеніяхъ государственнаго совѣта, послужившихъ ему основаніемъ, только и говорится о захватахъ или завладѣніяхъ.

Но можно ли назвать захватомъ владѣніе по законному акту, по правамъ наслѣдства или по судебному рѣшенію, хотя бы въ первоначальномъ возникновеніи владѣнія дѣйствительно была погрѣшность? Такъ напримѣръ, поверенный, превысивъ данное ему полномочіе, продастъ имѣніе въ обмежеванной дачѣ; покупщикъ пріобрѣтаетъ его, судебное мѣсто совершаетъ купчую, покупщикъ вводится во владѣніе и владѣетъ въ теченіе давности безспорно и непрерывно. Или государственный крестьянинъ, по невѣдѣнію, что земля доставшаяся ему отъ отца, находится у него только въ пользованіи, или, положимъ, даже недобросовѣстно продастъ свой участокъ; купчая совершена, вводъ во владѣніе сдѣланъ, установленная публикація послѣдовала въ свое время, исковъ и споровъ ни отъ кого нѣтъ, владѣніе продолжается въ теченіе давности, купленная земля пере-

ходитъ по наслѣдству къ другому, перепродается третьему и т. д. Неужели считать подобное законное владѣніе захватомъ и вмѣнять его преемнику покупщика, изгоняя его и возстановляя по плану право казны, забытое ею самою или ея представителями? Такое рѣшеніе едва-ли можно признавать правильнымъ, потому что: 1) оно было бы несогласно съ вышеприведенными соображеніями государственнаго совѣта, въ которыхъ прямо и положительно выражено, что межевымъ порядкомъ не должны быть разбираемы споры о правѣ собственности на участокъ въ обмежеванной дачѣ, поступившій къ владѣльцу по законному перекрѣпленію или по наслѣдству, а слѣдуетъ производить такимъ образомъ только дѣла о захватахъ или самовольныхъ завладѣніяхъ черезъ межу, каковыми, по статьѣ 528 т. X ч. 1, признаются, когда кто хотя и безъ насилія, но вопреки закону владѣетъ или пользуется чужимъ имуществомъ; 2) владѣніе, основанное на актѣ укрѣпленія, правѣ наслѣдства и давности владѣнія, соотвѣтствуетъ даже строгимъ условіямъ, требуемымъ въ законодательствахъ Западной Европы отъ давностнаго владѣльца, и разрушать давность такого владѣнія, когда у насъ допускается давность владѣнія негласнаго, недобросовѣстнаго, самовольнаго и беззаконнаго (ст. 533 т. X ч. 1), было бы несправедливо; 3) всегдашняя непоколебимость границъ ни мало не можетъ нарушиться тѣмъ, что, вслѣдствіе давности владѣнія по акту укрѣпленія или на иномъ законномъ основаніи, въ числѣ лицъ, владѣющихъ внутри генеральной межи, окажется однимъ новымъ вотчинникомъ болѣе; межи при этомъ останутся межами, ибо онѣ суть границы дачъ, а не имѣній, число которыхъ можетъ увеличиваться и уменьшаться, и 4) возбуждать вопросъ о погрѣшности въ первоначальномъ давнемъ актѣ пріобрѣтенія нѣтъ основанія, какъ это признано въ указѣ правительствующаго сената 27 сентября 1863 года [1]), по которому казенныя земли, проданныя однодворцами частнымъ лицамъ, хотя и послѣ запретительнаго указа 1765 года, тѣмъ не менѣе, при полюбовныхъ соглашеніяхъ, должны быть считаемы частною собственностью, если только земли эти состояли въ частномъ владѣніи болѣе десяти лѣтъ.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, должно полагать, что намѣреніемъ законодателя при изданіи правила, вошедшаго въ ст. 563 т. X ч. 1, было оградить владѣльцевъ обмежеванныхъ дачъ отъ захватовъ сосѣднихъ владѣльцевъ, но не совершенно исключить дѣйствіе земской давности при спорахъ о правѣ собственности внутри тѣхъ дачъ. Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженія 563 статьи, что давностью не уничтожаются межи генеральнаго межеванія и не разрушаются права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ, права, заключающіяся въ томъ, чтобы опредѣлять пространство владѣній. Но нельзя не сознаться, что мысль эта выражена въ означенной статьѣ весьма темно, неточно, и что настоящее изложеніе закона допускаетъ самое разнообразное его толкованіе. Въ началѣ сей записки уже замѣчено, что правительствующій сенатъ въ большинствѣ случаевъ примѣнялъ его въ смыслѣ рѣшительнаго недопущенія давностнаго владѣнія въ дачахъ генерально-обмежеванныхъ.

---

[1]) П. С. З. II № 40087.

Въ виду этого обстоятельства, для устраненія на будущее время сомнѣнія относительно истиннаго смысла закона 23 апрѣля 1845 г., представляется необходимымъ разъяснить въ законодательномъ порядкѣ (зак. осн. ст. 61) правило ст. 563 т. X ч. 1, измѣнивъ редакцію ея въ слѣдующемъ видѣ:

«Межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія и всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально-обмежеванныхъ разрѣшаются, въ отношеніи окружности дачи, межевыми законами. Право собственности внутри тѣхъ дачъ пріобрѣтается давностью владѣнія лишь въ случаѣ спокойнаго и безспорнаго, въ теченіе указаннаго статьею 565 срока, владѣнія, по акту укрѣпленія, въ законномъ порядкѣ совершенному, по праву наслѣдованія или по судебному рѣшенію».

Изъ этого предложенія уже видно, что, собственно говоря, дѣло вовсе не шло о толкованіи 563 статьи, но объ измѣненіи ея. При дальнѣйшемъ обсужденіи этого предложенія заявлено было:

Предложенная редакція имѣетъ цѣлью яснѣе и точнѣе выразить основную мысль законодателя, которую онъ имѣлъ въ виду при начертаніи статьи 563.

Намѣреніе это состояло въ томъ, чтобы оградить владѣльцевъ обмежеванныхъ дачъ отъ захватовъ сосѣднихъ владѣльцевъ, но при этомъ законодатель не имѣлъ намѣренія совершенно исключить дѣйствіе земской давности при спорахъ о правѣ собственности внутри тѣхъ дачъ.

За опущеніемъ словъ: *равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ, права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы онѣ опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными*,—которыя, впрочемъ, весьма ясно опредѣляли безспорность и ненарушимость межъ, предполагается прямо оговорить о пріобрѣтеніи давностью владѣнія права собственности внутри обмежеванныхъ дачъ.

За таковымъ разъясненіемъ намѣренія законодателя нельзя предвидѣть, чтобы встрѣтились на практикѣ затрудненія въ примѣненіи новаго закона при разрѣшеніи споровъ о правѣ владѣнія отдѣльными участками внутри обмежеванныхъ дачъ, если участки эти находятся не на границахъ дачи. Однако же, при разрѣшеніи споровъ о владѣніи участками, лежащими на самыхъ границахъ дачъ обмежеванныхъ, легко можетъ случиться, что и по изданіи новаго закона въ предположенной редакціи возникнетъ то же самое разномысліе при примѣненіи онаго, которое возникаетъ въ отношеніи 563 статьи.

Поводомъ къ возбужденію подобнаго разногласія можетъ послужить то, что въ новой редакціи говорится о пріобрѣтеніи права собственности внутри обмежеванныхъ дачъ, а не о самыхъ границахъ оныхъ; при разрѣшеніи спора объ участкѣ, лежащемъ на границѣ дачи, опять возникнетъ сомнѣніе о томъ, не уничтожается-ли межа генеральнаго межеванія присужденіемъ спорнаго участка въ постороннее владѣніе, а между тѣмъ споры о завладѣніи участками, лежащими на границахъ, всего чаще встрѣчаются въ судебной практикѣ.

Во избѣжаніе сего и для установленія новой редакціи 563 статьи необходимо прежде всего условиться въ истолкованіи оной и уяснить себѣ то, что именно желательно въ статьѣ этой выразить.

Достигнуть сего всего удобнѣе слѣдующимъ примѣромъ:

Представимъ себѣ двѣ смежныя обмежеванныя дачи: одно лицо владѣетъ дачею А, другое—дачею Б. Границы между означенными дачами не могутъ быти ни уничтожены, ни нарушены, и онѣ навсегда будетъ обозначать окружность дачъ.

Внутри дачи А имѣется, вдали отъ границъ оной, отдѣльный участокъ, напримѣръ поемный лугъ. Смежный владѣлецъ дачи Б завладѣваетъ означеннымъ участкомъ, вступаетъ въ распоряженіе онымъ, а именно: сдаетъ участокъ въ аренду по контракту, и въ теченіе десяти и пятнадцати лѣтъ возобновляетъ арендные контракты. По истеченіи срока земской давности владѣлецъ дачи А начинаетъ отыскивать принадлежавшій ему участокъ, доказывая, что оный входитъ въ составъ дачи генерально-обмежеванной; владѣлецъ дачи Б защищается давностью владѣнія, и судъ присуждаетъ ему спорный участокъ.

Подобнымъ рѣшеніемъ нарушаются-ли межи генеральнаго межеванія и границы обмежеванныхъ дачъ?

Нисколько: границы обмежеванныхъ дачъ остались неизмѣнными; отдѣльный участокъ изъ дачи А, присужденный владѣльцу дачи Б, не входитъ въ составъ этой дачи, и дача Б будетъ заключать въ себѣ лишь то, что въ оной показано по межамъ генеральнаго межеванія, такъ что владѣлецъ дачи Б явится владѣльцемъ какъ этой дачи, такъ и вновь присужденнымъ ему участкомъ, отдѣльнымъ отъ дачи Б.

Представимъ себѣ тотъ же примѣръ, только при нѣсколько измѣненныхъ условіяхъ:

Владѣлецъ дачи Б запахиваетъ черезъ межу землю, входящую въ составъ смежной обмежеванной дачи А; владѣлецъ дачи А ему въ томъ не препятствуетъ; владѣлецъ дачи Б запахиваетъ ежегодно все большее и большее количество, такъ что, наконецъ, образуется довольно значительный участокъ, лежащій на самой границѣ двухъ владѣній. Участокъ этотъ владѣлецъ дачи Б сдаетъ въ арендное содержаніе сосѣднимъ крестьянамъ по контракту и контрактъ этотъ возобновляется въ теченіе нѣсколькихъ земскихъ давностей. Наконецъ, владѣлецъ дачи А, почитая означенный участокъ своею собственностью, какъ входящій въ составъ обмежеванной его дачи, продаетъ оный по купчей крѣпости лицу В. Владѣлецъ дачи Б предъявляетъ споръ, доказывая, что онъ дѣйствительно владѣлъ и распоряжался спорнымъ участкомъ въ теченіе нѣсколькихъ земскихъ давностей. Судъ присуждаетъ спорный участокъ владѣльцу дачи Б на основаніи давности владѣнія.

Нарушается-ли подобнымъ рѣшеніемъ неприкосновенность межъ генеральнаго межеванія?

Нисколько: даже и за присужденіемъ спорнаго участка владѣльцу дачи Б, границы дачи Б отъ дачи А остаются ненарушенными и присужденный учас-

токъ никогда не войдетъ въ составъ дачи Б. Если, напримѣръ, владѣлецъ дачи Б отдастъ эту дачу по духовному завѣщанію одному изъ своихъ наслѣдниковъ, то наслѣдникъ этотъ пріобрѣтетъ только то, что заключалось въ границахъ дачи Б, и не можетъ, на основаніи духовнаго завѣщанія, подъ дачею Б разумѣть и присужденный прежнему владѣльцу спорный участокъ, хотя бы участокъ этотъ лежалъ на самой границѣ дачи Б. Для того, чтобы наслѣдникъ по завѣщанію могъ сдѣлаться владѣльцемъ и означеннаго отдѣльнаго участка, необходимо, чтобы о томъ оговорено было въ завѣщаніи, т. е. чтобы въ завѣщаніи сказано было, что завѣщается дача Б и, сверхъ того, отдѣльный участокъ изъ дачи А.

Могутъ возразить, что при подобномъ толкованіи значенія неприкосновенности границъ, присужденіе участка изъ дачи А нарушаетъ цѣлость межъ этой дачи. Подобное возраженіе, однакоже, несправедливо. Съ присужденіемъ участка изъ дачи А владѣльцу дачи Б, границы между двумя этими дачами, однажды установленныя, ни въ чемъ не нарушаются и остаются по прежнему: все измѣненіе заключается только въ томъ, что въ дачѣ А, вмѣсто одного владѣльца, появляются два владѣльца, а подобное раздѣленіе права собственности на дачу между нѣсколькими владѣльцами ни въ чемъ не можетъ касаться границъ, которыми дача отдѣлена отъ другихъ смежныхъ дачъ.

Принятіе вышеприведенныхъ толкованій ведетъ къ заключенію, что однажды установленныя межи не могутъ быть нарушены давностью владѣнія, т. е. что направленіе оныхъ ни въ какомъ случаѣ и никогда измѣнено быть не можетъ, но что право собственности какъ на цѣлыя обмежеванныя дачи, такъ и на отдѣльные участки оныхъ, хотя бы они лежали на самыхъ границахъ, можетъ быть пріобрѣтаемо и давностью владѣнія, наравнѣ съ прочими установленными въ законахъ способами пріобрѣтенія права собственности.

Въ новой редакціи статьи 563 далѣе предполагается оговорить, что право собственности внутри дачъ обмежеванныхъ пріобрѣтается давностью владѣнія только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ; такимъ образомъ, дѣйствіе давности внутри дачъ обмежеванныхъ ограничивается и стѣсняется. Чѣмъ же вызывается подобное стѣсненіе и чѣмъ оно оправдывается? Пріобрѣтеніе права собственности давностью владѣнія равносильно пріобрѣтенію этого права другими установленными въ законѣ способами; если пріобрѣтеніе права собственности въ дачахъ обмежеванныхъ посредствомъ всѣхъ прочихъ указанныхъ въ законѣ способовъ не ограничивается, то отчего же ограничивается только пріобрѣтеніе посредствомъ давности владѣнія? И отъ чего отдается предпочтеніе только обмежеваннымъ дачамъ? Право собственности на землю должно быть одинаково неприкосновенно какъ въ дачѣ обмежеванной, такъ и въ дачѣ необмежеванной. Наконецъ, по новой редакціи 563 статьи право собственности на отдѣльные участки внутри обмежеванныхъ дачъ будетъ пріобрѣтаемо давностью только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, между тѣмъ, какъ всю обмежеванную дачу можно пріобрѣсти посредствомъ давности безъ всякаго ограниченія. На чемъ основано подобное различіе? Неизвѣстно, дѣйствительно-ли оно имѣлось въ виду

при составленіи новой редакціи статьи, или различіе это является только вслѣдствіе неполноты редакціи. Во всякомъ случаѣ въ новой редакціи статьи предполагается установить пріобрѣтеніе права собственности посредствомъ давности на совершенно новыхъ условіяхъ, доселѣ неизвѣстныхъ нашему законодательству, между тѣмъ какъ подобное измѣненіе не вызывается необходимостью или какими либо особыми соображеніями и предлагается совершенно отдѣльно отъ общихъ постановленій о давности. Посему представлялось бы болѣе удобнымъ оставить безъ измѣненія установленныя въ законѣ условія давности владѣнія, тѣмъ болѣе, что вновь проектируемыя условія едва-ли будутъ служить къ большему огражденію права собственности, и самое даже помѣщеніе правила по сему предмету въ статьѣ о непоколебимости границъ, могло бы подать поводъ къ смѣшенію понятія о неприкосновенности границъ съ понятіемъ о правѣ собственности на поземельные участки, тогда какъ именно этого смѣшенія и желательно было избѣгнуть въ новой редакціи статьи 563».

Замѣчанія эти нельзя не признать совершенно справедливыми. Недостатки нашей давности никакъ нельзя исправить отдѣльными дополненіями, но только установленіемъ цѣлаго учрежденія usucapio, давности владѣнія.

На основаніи изложенныхъ соображеній состоялось мнѣніе государственнаго совѣта слѣдующаго содержанія [1]):

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ внесенное изъ общаго собранія правительствующаго сената слѣдственное дѣло объ отыскиваемыхъ казною изъ владѣнія помѣщицы Бекъ сѣнныхъ покосахъ, состоящихъ въ казенной оброчной статьѣ Романовщинѣ, нашелъ, что въ семъ дѣлѣ подлежитъ разрѣшенію вопросъ: правильно и законно-ли владѣніе г-жи Бекъ участкомъ въ 3 дес. 400 саж., въ дачѣ, генерально-замежеванной за крестьянами вѣдомства государственныхъ имуществъ?

Въ доказательство предъявленнаго вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ противъ г-жи Бекъ иска представлена межевая книга 11 октября 1782 г., изъ коей видно, что на планѣ генеральнаго межеванія въ покосахъ оброчной статьи Романовщины частнаго владѣнія не находится.

Съ другой стороны г-жа Бекъ представила: купчія крѣпости 1791 и 1824 годовъ и духовное завѣщаніе 1851 г., по коимъ частные владѣльцы введены были во владѣніе значущейся по этимъ актамъ землею, противъ чего со стороны вѣдомства государственныхъ имуществъ не было предъявлено въ судебныхъ мѣстахъ иска до 17 августа 1855 года.

Такъ какъ настоящій споръ возникъ не при судебно-межевомъ разбирательствѣ, а по иску казны, предъявленному противъ крѣпостей, то, по точной силѣ ст. 1152 т. X ч. 3 зак. меж., онъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ.

---

[1]) Мнѣніе это Высочайше утверждено 3 апрѣля 1867 г. Собр. узак. и распоряженій правительства 1867 г., № 653.

Изъ дѣла видно, что спорная земля находилась въ спокойномъ, безспорномъ и непрерывномъ владѣніи частныхъ лицъ съ 1791 г. до 17 августа 1855 г., т. е. въ теченіе шестидесяти четырехъ лѣтъ, какъ это подтверждено и самими государственными крестьянами, показавшими, что г-жа Бекъ владѣла землею какъ своею собственностью, слѣдовательно не на правѣ пользованія, а въ видѣ собственности. Напротивъ, вѣдомство государственныхъ имуществъ до 1850 г. даже не знало о существованіи всѣхъ вообще схожихъ сѣнныхъ покосовъ подъ названіемъ пустоши Романовщины, и потому не могло ими ни управлять, ни распоряжаться. Доказательствомъ сему служитъ собственное показаніе даже и со стороны государственныхъ крестьянъ деревень Романовщины и Калитиной, что они пользовались этою землею (за исключеніемъ небольшой части покоса, бывшей во владѣніи Алексѣева и Бека) до 1852 г. безъ платежа оброчныхъ денегъ, и, кромѣ того, дѣло свидѣтельствуетъ, что только по открытіи въ 1850 г. этой земли землемѣромъ Чистяковымъ, находившаяся во владѣніи государственныхъ крестьянъ въ пустошѣ Романовщинѣ земля обращена въ оброчную статью и отдана съ торговъ въ арендное содержаніе.

Что касается самой мѣстности 3 дес. 400 саж., принадлежащихъ по крѣпостямъ г-жѣ Бекъ, то хотя онѣ и не обведены межами, но дѣйствительное ихъ положеніе въ дачѣ соотвѣтствуетъ сдѣланному въ купчей крѣпости 1791 г. описанію.

Наконецъ, по производству настоящаго дѣла обнаружено, что спорная земля въ пустошѣ Романовщинѣ находится внутри обмежеванной дачи и нисколько не нарушаетъ генеральнаго межеванія.

По закону, спокойное, безспорное и непрерывное владѣніе въ видѣ собственности превращается въ право собственности, когда оно продолжится въ теченіе установленной законами давности. Для силы давности надобно владѣть на правѣ собственности, а не на иномъ основаніи. Межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностью владѣнія; равнымъ образомъ, не могутъ быть разрушены давностью и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ, права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы онѣ опредѣляли пространство владѣній и оставались навсегда безспорными, и всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально-обмежеванныхъ должны быть разрѣшаемы, въ отношеніи окружности дачи, межевыми законами.

Соображеніе содержанія статей 553, 560 и 563 1 ч. X т. Зак. Гражд. съ обстоятельствами самаго дѣла показываетъ, что спорная земля въ пустошѣ Романовщинѣ, какъ состоящая внутри обмежеванной дачи и находившаяся въ безспорномъ владѣніи частныхъ лицъ въ теченіе болѣе шести давностей, на точномъ основаніи статей 533 и 560 т. X ч. 1 Зак. Гражд., должна быть утверждена за помѣщицею Бекъ; статья же 563 того же тома, какъ воспрещающая собственно нарушеніе давностью владѣній межъ генеральнаго межеванія и не относящаяся до законнаго перехода частей таковыхъ владѣній отъ одного собственника къ другому безъ нарушенія этихъ межъ, не можетъ имѣть никакого примѣненія къ настоящему дѣлу.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, государственный совѣтъ въ общемъ собраніи положилъ: 1) приговоры судовъ объ утвержденіи спорной земли (за давностью) за помѣщицею Бекъ на основаніи купчихъ крѣпостей, неоспоренныхъ въ теченіе нѣсколькихъ сроковъ давности, оставить въ своей силѣ, а вѣдомству государственныхъ имуществъ въ искѣ означенной земли отказать; 2) рѣшеніе сіе, какъ долженствующее служить примѣромъ въ подобныхъ настоящему дѣлахъ, распубликовать въ «Сенатскихъ вѣдомостяхъ».

Этимъ толкованіемъ 563 статьи возстановлено первоначальное значеніе исковой давности и устранено противорѣчіе, введенное начертаніемъ этой статьи.

4. Давности не подлежитъ право соучастника на раздѣлъ общаго имѣнія.

Собственно въ этомъ случаѣ нельзя говорить о давности. Относящійся сюда законъ постановляетъ, что соучастникъ въ общемъ имѣніи, подлежащемъ раздѣлу, во всякое время вправѣ требовать раздѣла; что это право, если только соучастникъ не отказался отъ него, возникаетъ постоянно снова.

X т. ч. 1 550 ст. Никто не обязанъ оставаться соучастникомъ въ общемъ имѣніи, подлежащемъ раздѣлу, если не изъявилъ на то согласія.

Итакъ, отказаться отъ права требовать раздѣла можно, но каждый можетъ отказаться отъ этого права только за себя, а не за своихъ наслѣдниковъ.

Общее владѣніе является въ большей части случаевъ въ поземельныхъ имѣніяхъ. О нихъ имѣются постановленія и въ законахъ межевыхъ.

Въ ст. 1150 3 ч. X т. сказано: Къ утвержденію правъ владѣнія должны служить доказательствами по безспорно обмежеванымъ въ генеральное межеваніе дачамъ:. ... и давность владѣнія.

Ст. 1152. Споры между владѣльцами размежеваемой общей дачи или съ сторонними лицами о вотчинномъ или наслѣдственномъ правѣ.....разрѣшаются отдѣльно отъ межеванія... на основаніи общихъ гражданскихъ узаконеній.

Ст. 1157, примѣчаніе 1. Если въ дачахъ общаго или чрезполоснаго владѣнія откроются владѣльцы, которые будутъ поименованы въ планѣ генеральнаго межеванія... и окажется, что они своими участками владѣютъ безспорно впродолженіе десяти и болѣе лѣтъ, то такимъ владѣльцамъ назначать полное количество земли по наличному владѣнію только тогда, когда будутъ вполнѣ удовлетворены другіе соучастники по крѣпостямъ.

1158. Правила предшедшихъ статей относятся собственно до дачъ безспорно замежеванныхъ во время генеральнаго межеванія въ общее владѣніе; дачи же, кои при генеральномъ межеваніи утверждены были въ

единственное владѣніе, но послѣ того въ нихъ образовалось общее и даже чрезполосное владѣніе, разверстываются, на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго судопроизводства, по крѣпостямъ и давности.

На основаніи изложенныхъ законовъ оказывается:

Искъ о раздѣлѣ общаго имущества не подлежитъ давности: онъ можетъ быть начатъ во всякое время. Споры о вотчинномъ правѣ между владѣльцами общей дачи разрѣшаются на основаніи общихъ гражданскихъ узаконеній, значитъ и на основаніи давности. При спеціальномъ межеваніи дачи, утвержденной при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе и въ которой общее и даже чрезполосное владѣніе образовалось лишь послѣ генеральнаго межеванія, разверстываніе ея происходитъ на основаніи общихъ законовъ вотчиннаго судопроизводства, по крѣпостямъ и давности.

Все это вполнѣ согласно съ общимъ началомъ исковой давности. Остальныя же правила во многомъ противорѣчатъ симъ началамъ.

По отношенію къ дачамъ безспорно замежеванным во время генеральнаго межеванія въ общее владѣніе, при спеціальномъ межеваніи обращается вниманіе на давность владѣнія, лишь когда давностный владѣлецъ поименованъ соучастникомъ въ планѣ генеральнаго межеванія, и если остальные владѣльцы удовлетворены землями по крѣпостямъ. При этомъ давностные владѣльцы съ числившимися за ними при генеральномъ межеваніи крестьянами имѣютъ преимущество предъ давностными владѣльцами, за коими не числились крестьяне. Здѣсь очевидно, можетъ быть безсознательно, сказывается недостатокъ въ правильномъ учрежденіи давности владѣнія (usucapio). Чувствовалось, что нельзя же ставить на одну доску самовольнаго владѣльца съ другими, поэтому допускались къ участію въ раздѣлѣ общаго имѣнія лишь давностные владѣльцы, поименованные въ генеральномъ планѣ, и притомъ съ извѣстными ограниченіями, въ пользу владѣющихъ по крѣпостямъ, и такихъ владѣльцевъ, за коими числились крестьяне. По отношенію къ послѣднимъ по крайней мѣрѣ можно предполагать, что владѣніе ихъ не совсѣмъ безосновательное. Изъ этихъ постановленій опять слѣдуетъ вывести, что недостатокъ usucapio нельзя выполнить отдѣльными, отрывочными постановленіями. Устраненіемъ слишкомъ рѣзкихъ послѣдствій недостатка usucapio дѣло не поправляется, а только вводится противорѣчіе со всѣми остальными постановленіями о давности. Спрашивается, напримѣръ отчего давности владѣнія образовавшейся послѣ генеральнаго межеванія въ дачѣ замежеванной въ единственное владѣніе приписывается безусловное значеніе, между тѣмъ, въ дачахъ генерально замежеванныхъ въ общее владѣніе приписывается лишь значеніе ограниченное?

Во всякомъ случаѣ давностные владѣльцы, при межеваніи не получившіе участка въ общей дачѣ, не лишены права доказывать вотчиннымъ порядкомъ свое право на основаніи давности.

Кромѣ того, общее правило о непримѣнимости давности вообще къ спорамъ объ общемъ владѣніи противорѣчитъ положительнымъ постановленіямъ, узаконяющимъ примѣненіе давности къ подобнымъ дѣламъ [1]).

Подъ общимъ владѣніемъ подразумѣваются по русскому праву весьма различныя отношенія владѣльцевъ между собою. Называется общимъ владѣніемъ такое владѣніе, гдѣ право собственности на одно нераздѣльное имѣніе принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ и они владѣютъ имъ сообща, съ общаго согласія, обыкновенно чрезъ уполномоченнаго, который избирается изъ числа владѣльцевъ. Но соучастники могутъ даже общими силами обработывать землю, имѣя всѣ вмѣстѣ одно хозяйство. Пока это отношеніе существуетъ, давность не примѣнима, но какъ скоро одинъ изъ соучастниковъ завладѣваетъ опредѣленнымъ участкомъ въ свое исключительное владѣніе и тѣмъ нарушаетъ права другихъ соучастниковъ, возникаетъ съ ихъ стороны искъ. Если этотъ искъ не будетъ предъявленъ, то онъ можетъ погашаться давностью.

Общимъ владѣніемъ называется и чрезполосное смѣшанное владѣніе. Если оно есть перемѣняющееся, то пока эти перемѣны повторяются, о давности рѣчи быть не можетъ. Какъ же скоро кто нибудь завладѣваетъ извѣстнымъ участкомъ и не пуститъ его болѣе въ перемѣну, то этимъ онъ нарушаетъ права другихъ. Его дѣйствіемъ вызывается искъ со стороны прочихъ соучастниковъ, права коихъ нарушены. Искъ, сдѣлавшись положительно существующимъ, если не будетъ предъявленъ, начинаетъ задавнѣть и можетъ погашаться давностью.

Чрезполосное владѣніе, далѣе, можетъ быть такимъ, при которомъ каждый соучастникъ владѣетъ извѣстными полосами безъ перемѣны, владѣетъ ими постоянно и непрерывно; здѣсь, очевидно, давность можетъ и должна примѣняться. Именно, если одинъ владѣетъ полосами въ бо́льшемъ противъ владѣнія другихъ объемѣ, онъ этимъ нарушаетъ ихъ права, которыя, если не будутъ защищаться искомъ, прекращаются давностью вмѣстѣ съ искомъ.

Наконецъ, общимъ владѣніемъ называется и то, когда нѣсколько собственниковъ владѣютъ каждый извѣстнымъ участкомъ, совершенно отдѣленнымъ отъ всѣхъ прочихъ, но владѣнія ихъ окружены одной общею межею. Здѣсь объ общемъ владѣніи и не слѣдовало говорить, потому что между владѣльцами нѣтъ ничего общаго. Давность можетъ примѣняться къ такому владѣнію на общемъ основаніи.

Отсюда видно, что, придерживаясь строго понятія объ исковой давности и законныхъ ея условіяхъ, вопросъ о примѣненіи или непримѣненіи ея къ отдѣльнымъ случаямъ весьма легко разрѣшается.

Г. Побѣдоносцевъ различаетъ эти случаи совершенно правильно [2]). Однако, его образъ выраженія можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, будто въ случаяхъ общаго владѣнія примѣненіе давности исключается на основаніи какого-то особеннаго юридическаго значенія общаго владѣнія. Между тѣмъ, вопросъ о при-

---

[1]) X т. ст. 1242.

[2]) Курсъ гр. пр. ч. I. Вотчинныя права, I, стр. 141, 142; II, стр. 34, 41, 158, 516.

мѣненіи или непримѣненіи исковой давности есть вопросъ фактическій. Если условія, при коихъ примѣняется по русскому праву давность исковая, налицо— она примѣняется, если ихъ нѣтъ—она не примѣняется. Когда искъ не существуетъ положительно, не вызванъ нарушеніемъ вотчиннаго права, онъ и не можетъ задавнѣть. То же самое явленіе встрѣчается при отдѣльной частной собственности. Если она не нарушается, о примѣненіи къ ней давности иска, защищающаго ея неприкосновенность, не можетъ быть и рѣчи. Но это фактъ: совершенно лишне выставить правиломъ, что право собственности, которое ни кѣмъ не нарушается или нарушается только нарѣдка, съ перерывами, не можетъ прекращаться давностью. Это совершенно справедливо, но какъ правило оно лишнее, оно ничто иное какъ выводъ изъ общаго правила, что о давности иска можно говорить лишь тогда, когда искъ просуществовалъ въ теченіе срока и не былъ примѣняемъ. Приведенное правило, впрочемъ, совершенно безвредно. Но при общемъ владѣніи, при отсутствіи у насъ правильныхъ юридическихъ понятій, въ прежней нашей практикѣ примѣненіе или, лучше сказать, непримѣненіе давности къ нему было совершенно неправильное. Вотъ почему необходимо избѣгать всего того, что могло бы укрѣпить нашу практику въ ея неправильныхъ взглядахъ.

Въ нашей практикѣ именно образовалось и примѣнилось ученіе, что какъ скоро дѣло идетъ объ общей собственности, называемой въ законахъ общимъ владѣніемъ, какого бы рода она ни была, къ отношеніямъ владѣльцевъ между собою не примѣнима давность; что участки совладѣльцевъ не могутъ быть ни увеличиваемы, ни уменьшаемы вслѣдствіе давности. Въ такомъ общемъ смыслѣ это правило совершенно ложное, притомъ оно противорѣчитъ не только существующему понятію о давности, но и положительному закону, по которому, по крайней мѣрѣ въ дачахъ утвержденныхъ при генеральномъ межеваніи въ единственное владѣніе, когда послѣ того образовалось въ нихъ общее владѣніе, разверстка происходитъ по крѣпостямъ и давности [1]).

Примѣненіе давности и непримѣненіе ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ фактическихъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть весьма различнаго свойства. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, было-ли владѣніе такимъ, что вызвало искъ, и примѣняется-ли давность къ этому иску. Несообразности и несправедливость, которыя могутъ проявляться въ отдѣльныхъ случаяхъ, не происходятъ отъ примѣненія давности къ общему владѣнію, но отъ свойства нашей исковой давности, отъ недостатка въ русскомъ правѣ usucapio. Этотъ недостатокъ не можетъ быть устраненъ отдѣльными постановленіями, потому что они, нисколько не замѣняя собою правильнаго учрежденія давности владѣнія, запутываютъ дѣло, становясь въ противорѣчіе съ давностью исковой.

Въ доказательство приведемъ одно рѣшеніе втораго общаго собранія правительствующаго сената, отъ 19 февраля 1853 г. [2]), въ которомъ этотъ взглядъ

---

[1]) X т. 3 ч. ст. 1158.

[2]) Сборникъ рѣш. правит. сената, II, № 678.

высказывается съ совершенною ясностью. Помѣщица Зиновьева продала землю, состоящую въ полосномъ владѣніи съ другими помѣщиками, своимъ вольноотпущеннымъ, *всю безъ остатка, сколько ей досталось въ наслѣдство отъ матери, каковой земли она примѣрно полагаетъ мѣрою 20 десятинъ.* При совершеніи купчей взысканы пошлины съ цѣны продажной земли. Купчая явлена въ уѣздномъ судѣ 27 февраля 1830, а 22 декабря 1832 года вольноотпущенные введены во владѣніе. Наслѣдники пріобрѣтателей обратились 12 февраля 1842 года въ земскій судъ съ просьбою о выводѣ съ принадлежащей имъ земли крестьянъ бывшей ихъ помѣщицы, причемъ объясняли, что помѣщица, скончавшаяся въ 1829 году, при увольненіи ихъ отцовъ духовнымъ завѣщаніемъ постановила, чтобы съ принадлежащей имъ земли свести проживающихъ на оной крестьянъ, которые понынѣ изъ этой деревни не переселены, а проживаютъ въ оной и пользуются какъ принадлежащею имъ, просителямъ, землею и покосами, такъ и ободворочною. Наслѣдница помѣщицы Зиновьевой возразила: 1) что духовное завѣщаніе, какъ нигдѣ не явленное, не можетъ имѣть никакой силы и дѣйствія; 2) что мать ея продала земли мѣрою 20 десятинъ, по плану же въ окружной межѣ значится 750 десятинъ, изъ коей половина слѣдуетъ помѣщику Березину, а другая принадлежала покойной матери, изъ каковой половины продано 20 десятинъ, на остальной затѣмъ землѣ жительствуетъ ея крестьянинъ, поселенный назадъ тому 30 лѣтъ, и со стороны крестьянъ, купившихъ землю въ 1827 г., никакихъ споровъ не было, 3) что еслибы въ купчей не было оговорено о продажѣ 20 десятинъ и еслибы земля такимъ дѣйствительно вся принадлежала, то и тогда, по причинѣ истеченія давности, истцы не имѣютъ права требовать переселенія крестьянъ,—и просила дозволить ея крестьянину безпрепятственное пользованіе землею и лѣсомъ, впредь до полюбовнаго межеванія.

Уѣздный судъ постановилъ: землю, на основаніи купчей, по которой продана она вся безъ остатка, предоставить во владѣніе истца; крестьянъ вывести съ земли проданной деревни, отказавъ помѣщицѣ отъ владѣнія оною.

Палата опредѣлила: выдѣливъ наслѣдникамъ покупщиковъ 20 десятинъ, остальное количество оставить во владѣніи помѣщицы.

Общее собраніе сената находитъ, что такъ какъ въ купчей сказано *«всѣ земли деревни Озеровой безъ остатка, сколько ей досталось по наслѣдству отъ матери»*, то выраженіе, *«полагая примѣрно мѣрою 20 десятинъ»* не можетъ ослаблять опредѣлительнаго смысла предыдущихъ выраженій купчей крѣпости, а показываетъ лишь то, что въ то время неизвѣстно было количество земли, тѣмъ менѣе, что помѣщица, касательно удержанія за собою могущей оказаться въ излишествѣ противъ сего количества, никакой оговорки не дѣлала, что покупщики введены во владѣніе и спора противъ купчей въ теченіе двухъ лѣтъ не объявлено. Вслѣдствіе этого сенатъ: 1) призналъ, что, за продажею по купчей всего количества безъ остатка, наслѣдницѣ никакая часть по наслѣдственному праву принадлежать не можетъ; 2) по второму вопросу, имѣетъ-ли помѣщица право на какую либо часть земли, по давности проживанія въ оной доставшагося ей по наслѣдству отъ матери крестьянина, находитъ, что проживаніе крестьянина въ

этой деревнѣ не можетъ укрѣплять въ собственность помѣщицѣ какой либо части изъ земель, проданныхъ матерью ея вольноотпущеннымъ крестьянамъ, которые, владѣя оною, такъ безспорно имъ принадлежащею по покупкѣ, до размежеванія съ владѣльцемъ Березинымъ, не могли знать, что имъ дѣйствительно принадлежитъ, и не имѣли основанія предполагать, чтобы одно проживаніе крестьянина на ихъ землѣ могло присвоить бывшей помѣщицѣ какое либо право на оную, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался не особымъ участкомъ, а участіемъ во всѣхъ поляхъ. Сообразивъ законоположенія касательно общихъ чрезполосныхъ дачъ, оказывается, что давность въ отношеніи къ пространству владѣнія въ сихъ дачахъ не можетъ быть признаваема дѣйствительною, потому что манифестомъ 20 сентября 1765 г. п. 24, 19 [1]), землемѣровою инструкціею 13 февраля 1766 г. [2]) п. 36 и межевою инструкціею 25 мая 1766 г. [3]) пп. 44, 45, IV гл., повелѣно было: владѣльцевъ, которые между собою полюбовно не разведутся, оставлять безъ внутренняго размежеванія, обводя ихъ владѣнія одною окружною межею, впредь до будущаго спеціальнаго межеванія,—и слѣдовательно правительство, преградивъ раздѣлъ земель между этими владѣльцами и отложивъ разбирательство ихъ до спеціальнаго межеванія, тѣмъ самымъ отстранило возможность примѣненія къ подобнымъ дачамъ закона о земской давности въ томъ видѣ и пространствѣ, въ коихъ оный примѣняется въ дѣлахъ о полномъ правѣ собственности, ибо и по содержанію Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1845 г. мнѣнія государственнаго совѣта земская давность тогда только существовать можетъ, когда образуется безспорное владѣніе на полномъ правѣ собственности; помѣщики же общихъ дачъ оставлены были при генеральномъ межеваніи въ неопредѣленномъ владѣніи впредь до спеціальнаго межеванія. Изъ сего слѣдуетъ, что никакая часть деревни Озеровой, принадлежавшей до спеціальнаго ея размежеванія въ общее владѣніе Березину и помѣщицѣ Зиновьевой, а по продажѣ—мѣщанамъ (ея вольноотпущеннымъ), не можетъ быть подчинена земской давности, и что посему же самому основанію и помѣщица, по одному проживанію крестьянина ея въ этой дачѣ безъ всякаго законнаго на землю укрѣпленія, не можетъ воспользоваться оною по давности владѣнія. Вслѣдствіе сихъ соображеній, общее собраніе правительствующаго сената опредѣляетъ: находящагося на жительствѣ въ деревнѣ Озеровой крестьянина нынѣ же селить, а всю землю, поступившую при размежеваніи оной дачи, по любовному соглашенію съ помѣщикомъ Березинымъ, во владѣніе наслѣдниковъ покупщиковъ, предоставить въ единственное владѣніе сихъ послѣднихъ, взыскавъ притомъ съ нихъ за землю сію крѣпостныя пошлины въ казну по цѣнѣ, установленной въ табели, приложенной къ 363 ст. т. V уст. о пошл., изд. 1842 г.

Въ этомъ дѣлѣ совершенно правильно и согласно съ законами лишь рѣшеніе гдовскаго уѣзднаго суда. Рѣшеніе общаго собранія сената, по существу

---

[1]) П. С. З. № 12171.
[2]) П. С. З. № 12570.
[3]) П. С. З. № 12659.

дѣла, должно быть признано правильнымъ, но нельзя согласиться ни съ его доводами, ни съ опредѣленіемъ о взысканіи пошлины. Слѣдовало основывать это рѣшеніе на слѣдующихъ соображеніяхъ: право собственности пріобрѣтается совершеніемъ крѣпостнаго акта и вводомъ во владѣніе, купчая совершена 27 февраля 1830 г., покупщики введены во владѣніе 22 декабря 1832 г. Съ послѣдняго числа за ними укрѣплено полное право собственности. Такъ какъ въ ихъ землѣ проживалъ крѣпостной человѣкъ продавца, то этотъ человѣкъ нарушалъ ихъ право; это нарушеніе вызывало съ ихъ стороны искъ; такъ какъ они не вчинали иска, то теченіе давности по отношенію къ этому иску началось со дня укрѣпленія за ними полнаго права собственности на купленную землю. Передъ тѣмъ они не могли требовать удаленія крѣпостнаго, онъ могъ отговариваться, что проживаетъ въ деревнѣ по приказанію помѣщицы. Это возраженіе прекратилось лишь послѣ ввода, когда право собственности формально и окончательно укрѣплено за покупщиками. Покупщики начинаютъ искъ противъ помѣщицы этого крестьянина 12 февраля 1842 года, значитъ они не пропустили срока давности. Право ихъ доказано купчею крѣпостью, слѣдовательно, крестьянинъ долженъ быть сселенъ.

Съ соображеніями же, приведенными въ рѣшеніи сената, нельзя согласиться.

Въ рѣшеніи сказано: покупщики, находясь въ общемъ владѣніи, *не могли знать, что имъ дѣйствительно принадлежитъ.* Этого утверждать нельзя. Покупщики, владѣя сообща съ другими, знали, что имъ принадлежитъ все, на что имѣла право бывшая ихъ помѣщица; они поэтому должны были знать, что крѣпостной бывшей ихъ помѣщицы не имѣетъ никакого права участвовать во владѣніи пріобрѣтенными ими землями. Они это и знали: они сами объявили, что ходатайствовали о выводѣ крѣпостнаго и что помѣщица даже согласилась на это. Впрочемъ, крестьяне и не ссылались на приведенный доводъ.

Далѣе говорится: покупщики *не имѣли основанія предполагать, чтобы одно проживаніе крестьянина на ихъ землѣ могло присвоить помѣщицѣ его какое либо право на оную, тѣмъ болѣе что онъ пользовался не особымъ участкомъ, а участіемъ во всѣхъ поляхъ.* Этотъ доводъ также не состоятеленъ: незнаніемъ закона отговариваться нельзя. Покупщики должны были знать, что тотъ, который вмѣстѣ съ ними пользуется землею во всѣхъ поляхъ, безъ ихъ на то согласія, нарушаетъ ихъ право. Имъ это было извѣстно они искали сперва у помѣщицы, потомъ въ судѣ. Они и не приводили подобныхъ доводовъ эти: доводы приведены лишь въ рѣшеніи сената.

Затѣмъ, въ рѣшеніи сдѣлана попытка доказать исторически, на основаніи источниковъ, существующихъ законовъ, что давность не могла быть примѣняема въ этомъ случаѣ. Однако, въ приведенныхъ законахъ сказано только, что когда при генеральномъ межеваніи объявятся споры, то они должны быть рѣшаемы не при генеральномъ межеваніи, но при спеціальномъ, которое соучастники должны произвести на собственный счетъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, что *правительство, преградивъ раздѣлъ земель и отложивъ разбирательство ихъ до спеціальнаго межеванія, тѣмъ самымъ отстранило воз-*

можность примѣненія къ подобнымъ дачамъ закона о земской давности, въ томъ видѣ и пространствѣ, въ коихъ оный примѣняется въ дѣлахъ о полномъ правѣ собственности. Правительство спеціальному межеванію не ставило никакихъ преградъ. Постановляя, что спорныя дѣла не должны быть производимы при генеральномъ межеваніи, оно желало только устранить все то, что могло бы умедлить производство генеральнаго межеванія. Но оно даже не откладывало разборъ этихъ споровъ; разборъ могъ немедленно быть начатъ, не только по окончаніи генеральнаго межеванія въ извѣстной мѣстности, но и во время его производства, только особо отъ него. Такъ какъ предполагаемой преграды со стороны правительства не было, то основанное на этой мнимой преградѣ предположеніе о непримѣнимости давности рушится само собою. Дѣйствительно, *въ томъ видѣ и пространствѣ*, въ коихъ давность примѣняется въ дѣлахъ о полномъ правѣ собственности, она непримѣнима въ дѣлахъ о правѣ собственности общей. Но отсюда нельзя еще заключать, что она къ ней непримѣнима она примѣнима, насколько отношеніе соучастниковъ къ землѣ это допускаетъ. Мнѣніе государственнаго совѣта отъ 23 апрѣля также должно быть объяснено иначе, нежели это сдѣлано въ рѣшеніи сената. Въ приведенномъ постановленіи сказано только, что искъ собственника прекращается лишь тамъ, гдѣ владѣніе просуществовало 10 лѣтъ въ видѣ собственности. Если соучастникъ общаго имѣнія владѣлъ извѣстнымъ участкомъ общаго имѣнія въ видѣ собственности, то его владѣніе соотвѣтствуетъ требованіямъ закона и давностью оно превращается въ право собственности.

Въ рѣшеніи далѣе сказано, *что помѣщица по одному проживанію крестьянина ея въ этой дачѣ, безъ всякаго законнаго на землю укрѣпленія, не можетъ воспользоваться оною по давности владѣнія.* И этотъ доводъ лишенъ всякаго основанія. Выставить его—значитъ требовать, чтобы давность владѣнія основывалась бы на законномъ основаніи, требованія же этого по русскому праву не существуетъ.

Наконецъ, въ приговорѣ опредѣлено: взыскать крѣпостныя пошлины по цѣнѣ, установленной въ табели, приложенной къ 363 ст. т. V. Уст. о пошлинахъ, изд. 1842 г. По закону, крѣпостная пошлина взыскивается съ числа десятинъ по цѣнѣ ихъ если же земля не межевана, то съ цѣны, объявляемой по совѣсти. Купчая составлена въ такое время, когда земля не была еще размежевана, поэтому въ купчей цѣна объявлена по совѣсти и число десятинъ также. Нигдѣ не сказано, чтобы, если потомъ при межеваніи окажется, что число десятинъ больше чѣмъ объявлено, слѣдовало взыскивать добавочныя пошлины. Земля признается собственностью истцевъ на основаніи купчей, совершенной 20 лѣтъ тому назадъ; по истеченіи 20 лѣтъ оказывается, что по свѣдѣніямъ, имѣющимся нынѣ о величинѣ этой земли, слѣдовало бы взыскать болѣе пошлинъ и по поводу частнаго дѣла постановляется взыскать добавочную пошлину за переходъ права собственности, законно совершенный 20 лѣтъ тому назадъ.

Въ другихъ рѣшеніяхъ встрѣчается подобное ученіе о непримѣнимости давности къ дачамъ общаго владѣнія на основаніи закона о ненарушимости ге-

неральной межи [1]). Спрашивается, какое значеніе можетъ имѣть генеральная межа, окружающая участки нѣсколькихъ чрезполосныхъ владѣльцевъ, для опредѣленія ихъ отношеній къ землѣ?

Впрочемъ, встрѣчаются также рѣшенія, въ которыхъ проводится правильный взглядъ на эти отношенія: допускается увеличеніе участка одного изъ соучастниковъ въ общей собственности и притомъ отвергается, чтобы означеніе другаго владѣльца на планѣ генеральнаго межеванія могло его защищать отъ потери иска вслѣдствіе давности [2]).

5. Давности не подлежатъ права участія общаго въ выгодахъ чужаго имущества и изъ правъ участія частнаго права дороги.

Объ этихъ правахъ ср. выше въ 5 пунктѣ II главы.

6. Давности не подлежатъ безсрочныя довѣренности.

Такія довѣренности теряютъ силу свою только формальнымъ отказомъ повѣреннаго отъ принятой на себя обязанности, или формальнымъ уничтоженіемъ со стороны довѣрителя, или смертью довѣрителя [3]).

7. Давности не подлежитъ искъ отдавшаго вещь на сохраненіе, основанный на сохранной роспискѣ, выданной послѣ 21 ноября 1860 г.

Въ 1860 году 21 ноября постановлено было [4]): 1) сохранныя росписки не подлежатъ дѣйствію десятилѣтней давности; посему, принявшій что либо на сохраненіе, обязанъ возвратить принятое имъ по первому востребованію, когда бы таковое, во все время жизни его, владѣльцемъ отданнаго на сохраненіе имущества къ нему предъявлено ни (sic) было; 2) въ случаѣ смерти лица, принявшаго чужое имущество на сохраненіе, наслѣдники его обязаны, до вступленія ихъ въ права его по имѣнію, имъ оставленному, сдѣлать въ теченіе 6-мѣсячнаго срока со дня открытія наслѣдства, вызовъ въ числѣ кредиторовъ и должниковъ умершаго, и тѣхъ, кои имѣютъ у себя сохранныя отъ него росписки. Наслѣдники, неучинившіе сего вызова, или хотя и учинившіе, но до истеченія срока, для предъявленія по ихъ вызову сохранныхъ росписокъ, вступившіе во владѣніе имѣніемъ умершаго, обязаны отвѣтствовать по предъявленнымъ сохраннымъ роспискамъ; 3) вызываемые для предъявленія сохранныхъ росписокъ обязаны, въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня послѣдняго припечатанія вызововъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ, предъявить оныя, безъ чего они лишаются права на взысканіе по онымъ; въ случаѣ же благовременнаго предъявленія своихъ росписокъ, лица сіи пользуются впослѣдствіи правомъ иска во все продолженіе 10-лѣтней давности; 4) въ случаѣ смерти лица, оставившаго послѣ себя сохран-

---

[1]) Сборникъ I, № 564, II, № 489.

[2]) Сборникъ, I, № 445.

[3]) X т. 1 ч. 2330 ст. примѣчаніе.

[4]) X т. 1 ч. 2108 ст., по прод. 1863 г.

ныя росписки, наслѣдники его обязаны, также въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня открытія наслѣдства, вызвать, чрезъ публичныя вѣдомости, лицо, принявшее имущество на сохраненіе. Наслѣдники, неучинившіе подобнаго вызова въ теченіе сего срока, лишаются права на вчинаніе иска о возвращеніи имъ имущества по сохранной роспискѣ. Для наслѣдниковъ же, учинившихъ сей вызовъ въ установленный 6-мѣсячный срокъ, дѣйствіе 10-лѣтней давности къ начатію исковъ о находящихся у другаго лица на сохраненіи денежныхъ суммахъ или иномъ имуществѣ, считается со дня послѣдняго припечатанія вызова въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

Съ перваго взгляда видна сложность—чтобы не сказать, запутанность—сихъ правилъ: изъ нихъ могутъ возникнуть разныя сомнѣнія. Приведемъ только одинъ примѣръ: спрашивается, какъ быть,- когда отдавшій на сохраненіе умираетъ и вскорѣ послѣ него также принявшій имущество на сохраненіе. Наслѣдники перваго пропустили срокъ на публикацію. Наслѣдники же лица, принявшаго на сохраненіе, вызываютъ чрезъ публичныя вѣдомости лицо, отдавшее имущество на сохраненіе. Наслѣдники сего лица являются въ теченіе законнаго срока послѣ публикаціи и предъявляютъ имѣющіяся у нихъ въ рукахъ сохранныя росписки умершаго. По 4 ст. упомянутаго закона, они, не учинивъ вызова въ 6-мѣсячный срокъ со дня открытія наслѣдства, лишаются права на вчинаніе иска о возвращеніи имъ имущества по сохранной роспискѣ. Но по второй статьѣ закона, вызываются и всѣ тѣ, кои имѣютъ у себя сохранныя отъ умершаго росписки; такими должно признать и наслѣдниковъ лица, отдавшаго на сохраненіе. Далѣе говорится: вызываемые, благовременно предъявивъ свои росписки, пользуются правомъ иска во все продолженіе 10-лѣтней давности. Значитъ, этимъ правомъ пользуются и наслѣдники отдавшаго имущество на сохраненіе, хотя не учинили вызова.

Въ судебной практикѣ намъ не случалось встрѣчать дѣлъ, въ коихъ разрѣшались бы подобные вопросы. Законъ о сохранныхъ роспискахъ изданъ по случаю какого-то разногласія въ общемъ собраніи сената. Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта не изложены ни соображенія, на коихъ основанъ этотъ законъ, ни обстоятельства дѣла, подавшаго поводъ къ изданію его. Мы поэтому лишены возможности оцѣнить тѣ причины, на основаніи коихъ договоръ отдачи на сохраненіе считается съ одной стороны столь важнымъ, что при жизни договорившихся объявляется изъятымъ изъ дѣйствія давности, ограждается отъ давности наравнѣ съ правами, основанными на государственномъ правѣ, а съ другой стороны объявляется столь ничтожнымъ, столь шаткимъ, что, въ случаѣ смерти одного изъ договорившихся, можетъ совершенно прекратиться вслѣдствіе упущенія вызова въ 6-мѣсячный срокъ, хотя бы договоръ, можетъ быть, лишь недавно былъ заключенъ. Спрашивается, чѣмъ различается этотъ договоръ отъ всѣхъ прочихъ договоровъ и обязательствъ, что по отношеніи къ нему постановлены правила, столь исключительныя?

8. Давности не подлежатъ вещи, изъятыя изъ обращенія между частными лицами.

Такъ какъ подобныя вещи вообще не могутъ состоять въ частной собственности, то и не могутъ превращаться въ такую вслѣдствіе давности. Къ вещамъ, изъятымъ изъ частнаго обращенія, относятся:

1) *Res divini juris*: церкви, кромѣ домашнихъ, монастыри, общественныя кладбища, а изъ движимыхъ вещей священныя и освященныя вещи, т. е. употребляемыя только при богослуженіи, хотя бы были устроены иждивеніемъ самихъ священниковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ принадлежностей такихъ вещей [1]).

2) *Res communes omnium*: вещи, которыхъ употребленіе необходимо для всѣхъ и которыя по природѣ своей не могутъ подлежать праву собственности, такъ какъ нѣтъ физической возможности удержать ихъ во власти частнаго лица. Сюда относятся воздухъ, море, текущая вода.

3) *Res publicae*: вещи, которыя въ общемъ интересѣ объявлены государственною (а не казенною) собственностью и назначены или на общее употребленіе всѣхъ и каждаго, или на опредѣленное употребленіе въ общемъ интересѣ. Сюда относятся: морской берегъ, судоходныя рѣки, большія озера, никому въ особенности не принадлежащія, государственные и общественные мосты, государственныя, губернскія и уѣздныя дороги, крѣпости, порты, гавани, публичные памятники.

9. Давности не подлежатъ недоимки государственныхъ податей, пошлинъ и повинностей.

Въ новѣйшихъ законодательствахъ различается между правомъ государства требовать подать, и т. д., и правомъ взыскать окладъ, назначенный къ поступленію въ государственную казну къ извѣстному сроку. Первое—право требовать подати и т. д., по характеру своему, какъ право государственное, не можетъ подлежать давности. Но право взыскивать въ извѣстное время извѣстную сумму денегъ съ извѣстнаго лица, на основаніи закона, коимъ установлена подать, признается подлежащимъ давности. Когда наступилъ срокъ платежа, то возникаетъ искъ со стороны казны противъ извѣстнаго лица; этотъ искъ принимаетъ характеръ обыкновеннаго иска. Если казна не ищетъ въ теченіе срока давности, по собственной винѣ пропускаетъ давность, не взыскивая окладъ подати, она теряетъ право взыскать этотъ опредѣленный окладъ извѣстнаго года, который не взысканъ ею. По русскому праву не дѣлается различія между правомъ на подать вообще и правомъ взыскать опредѣленный окладъ ея въ извѣстномъ году, и давность ко взысканію недоимокъ не примѣняется [2]).

Въ первомъ изданіи нашего сочиненія мы упомянули еще о правѣ на пенсіи. Это право, какъ основанное на государственномъ правѣ, не можетъ подлежать

---

[1]) Ср. X т. 1 ч. ст. 1025, 1186, 1187.

[2]) Т. IV, Уст. о земскихъ повинностяхъ ст. 93; Уст. о рекр. повин. ст. 724; т. V, Уст. ст. 572; о подеУст. о тяхъпошл. ст. 539. Ср. Сборникъ рѣш. сената, I, №№ 180, 437; II, № 353.

давности, и поэтому сюда не относится. По этой же причинѣ и отдѣльные случаи, въ коихъ упоминается непрекращеніи права на пенсіи давностью, должны быть принимаемы въ видѣ примѣровъ примѣненія общаго правила—о нераспространеніи правила о давности на отношенія государственнаго права, и не должны быть толкуемы въ томъ смыслѣ, будто во всѣхъ прочихъ случаяхъ пенсіи примѣняется правило о давности.

Правило о нераспространеніи давности на рекрутскія квитанціи выпущено нами, потому что въ этомъ случаѣ о давности не можетъ быть и рѣчи. Рекрутскія квитанціи суть доказательства объ исправленіи повинности; когда повинность разъ исправлена, то доказательство исправленія ея не можетъ подлежать давности, потому что не существуетъ никакого иска, который могъ бы покрываться давностью. Наконецъ, рекрутскія квитанціи, въ томъ смыслѣ, въ которомъ здѣсь о нихъ говорится, какъ выданныя за рекрутъ, представленныхъ помѣщиками или обществами въ счетъ будущихъ наборовъ, принадлежатъ уже исторіи.

Что касается городскихъ выгоновъ, то считать искъ города о возвращеніи отдѣльныхъ участковъ выгона, занятыхъ частными лицами, неподлежащимъ давности, нельзя. Статьи 444, 445 3 ч. X т. не могутъ быть толкуемы въ этомъ смыслѣ. Онѣ содержатъ въ себѣ, очевидно, только правила о межевомъ разбирательствѣ и не касаются до споровъ о вотчинномъ правѣ. Давностное владѣніе участками выгоновъ, очевидно, можетъ быть превращаемо въ право собственности на томъ же основаніи, какъ вообще казенныя и общественныя земли.

Въ заключеніе мы должны еще упомянуть, что, несмотря на положительное постановленіе закона, что иски казны подлежатъ давности наравнѣ съ исками частныхъ лицъ—постановленіе, примѣненіе коего доказывается цѣлымъ рядомъ рѣшеній [1])—встрѣчаются въ Сборникѣ рѣшеній правительствующаго сената и такія рѣшенія, въ коихъ иски казны, равно иски, защищаемые на правѣ казенномъ, объявлены неподлежащими давности. Критикъ перваго изданія моего сочиненія старается доказывать, будто этого утверждать нельзя и будто въ частности изъ приведенныхъ мною примѣровъ слѣдуетъ вывести противоположный выводъ. Дѣйствительно, изъ приведенныхъ примѣровъ два несовсѣмъ убѣдительны, такъ какъ въ рѣшеніяхъ, отвергающихъ давность, приводятся и другіе доводы. Но зато остальныя дѣла вполнѣ доказываютъ мое положеніе.

Въ рѣшеніи отъ 2 марта 1843 г. [2]) сказано «При изслѣдованіи присяжными показаніями всѣхъ окольныхъ жителей утверждено, что лѣсъ съ сѣнокосомъ были издревле казенные, но оставлены во владѣніи отвѣтчика по прокладѣнію впродолженіе давности. Итакъ, давность была доказана. Примѣненіе ея отвергается сенатомъ на томъ основаніи, что отвѣтчикъ не можетъ опираться ни на покупкѣ, на которую не было совершено законнаго акта, ни на прокладѣніи

---

[1]) Сборникъ I, №№ 4, 253, 342, 593, 119, 122, 163, 509; II, №№ 18, 52, 120, 146, 201, 211, 216, 217, 218, 221, 283, 315, 425, 532, 626, 637, 700, 716, 748.

[2]) Сбор. II, № 311.

впродолженіе давности, по причинамъ, изъясненнымъ въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 11 ноября 1840 г., равно какъ и потому, что настоящее дѣло есть слѣдственное, каковой порядокъ установленъ собственно для охраненія правъ казны». Вслѣдствіе этого общее собраніе полагаетъ: «лѣсъ съ сѣнокосомъ возвратить въ казенное вѣдомство». Примѣненіе давности отвергается на основаніи Выс. утв. мн. гос. сов. 1840 г., между тѣмъ какъ давность, очевидно, давно прошла. Содержаніе этого мнѣнія неизвѣстно, но, очевидно, давно прошедшая давность не можетъ быть уничтожена имъ, такъ какъ оно обратной силы имѣть не можетъ. Не понятно для насъ значеніе довода: *что настоящее дѣло есть слѣдственное, каковой порядокъ установленъ собственно для охраненія правъ казны.* Значитъ-ли это, что всѣ дѣла, производимыя симъ порядкомъ, должны непремѣнно рѣшаться въ пользу казны?

Рѣшеніе 5 ноября 1845 г. [1]). Монастырь продалъ частному лицу землю. Покупная плата была обезпечена на купленномъ имѣніи и покупщикъ введенъ во владѣніе въ 1817 году. Въ 1836 году началось слѣдствіе по этому дѣлу. Общее собраніе сената находитъ, «что принадлежащія духовнымъ установленіямъ имущества, безъ Высочайшаго соизволенія продаваемы быть не должны; что спорный участокъ хотя и находился въ частномъ владѣніи съ 1817 по 1842 годъ, но какъ обезпеченная на ономъ сумма уплачена не была, а производились монастырю одни проценты, слѣдственно владѣніе не было вотчиннымъ, а только посессіоннымъ и по этой причинѣ давностью защищаемо быть не можетъ». Пріобрѣтатель былъ введенъ во владѣніе, провладѣлъ имѣніемъ 19 лѣтъ безспорно, но примѣненіе давности отвергается потому, что купленное имѣніе было заложено продавцу въ обезпеченіе всей покупной суммы.

Наконецъ, справедливость положенія, что въ практикѣ правительствующаго сената и даже государственнаго совѣта бывали примѣры, гдѣ отвергалось примѣненіе давности къ дѣламъ казны или защищаемымъ на правѣ казенномъ, доказывается совершенно неоспоримо изъ соображеній, на коихъ основанъ законъ о давности 1845 г. [2]). Тамъ положительно свидѣтельствуется, что судебная практика по этому вопросу была весьма разнообразна.

---

[1]) Сборникъ, I, № 195.

[2]) Ср. мотивы къ закону 1845 г. о давности, напечатанные нами выше.

ГЛАВА III.

УСЛОВІЯ ДАВНОСТИ.

Условія давности суть: невчинаніе иска въ теченіе десятилѣтняго срока [1]). Добросовѣстности или какого нибудь законнаго основанія со стороны того, который вслѣдствіе давности освобождается отъ обязательства, или пріобрѣтаетъ вещь или вещное право, по русскому праву, какъ мы видѣли, не требуется. Поэтому владѣніе, вызывающее искъ собственника, можетъ быть основано на преступленіи, на насиліи, обманѣ, недобросовѣстномъ отказѣ отъ принятаго обязательства, на противозаконномъ распоряженіи присутственнаго мѣста [2]) и и т. п. дѣйствіяхъ; искъ по обязательству можетъ быть вызванъ недобросовѣстными обманными поступками. Все это, по существующимъ законамъ, нисколько не служитъ препятствіемъ началу или истеченію срока давности, по возникшему такимъ образомъ иску. Законы наши не только не видятъ въ этихъ обстоятельствахъ препятствій для примѣненія давности, но даже не признаютъ за лицомъ, потерявшимъ свое право умышленнымъ дѣйствіемъ должника или нарушителя, ни права на возстановленіе (restitutio), ни права на вознагражденіе за вредъ и убытки [3]). Мы видѣли выше [4]), что, по буквальному смыслу закона, кто лишился своего права вслѣдствіе истеченія давности, не имѣетъ права на возстановленіе онаго, даже когда доказано, что истеченіе срока умышленно подведено его же повѣреннымъ. При этомъ мы могли выразить лишь наше личное мнѣніе о томъ, что въ случаѣ умышленнаго соглашенія повѣреннаго съ противникомъ довѣрителя, съ цѣлью подведенія давности, вѣроятно суды возстановятъ право послѣдняго, но что по закону ему предоставляется лишь искъ противъ повѣреннаго. По буквальному смыслу законовъ, пропустившій давность также не имѣетъ права на возстановленіе тогда, когда противникъ обманомъ или подлогомъ старался убѣдить его, что онъ не имѣетъ никакого права или что истекъ уже срокъ давности и, вслѣдствіе сихъ увѣреній, дѣйствительно пропускается срокъ давности безъ вчинанія иска. Въ такомъ случаѣ обманутый

---

[1]) X т. 1 ч. ст. 533, 557, 558, 559, 565, 692, 694, 1549, 1550; X т. 2 ч. ст. 213, 224, 226. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ установлены особые, болѣе краткіе сроки.

[2]) Сборникъ, рѣшеній правит. сената I, № 617.

[3]) X т. 2 ч. ст. 226; X т. 1 ч. ст. 692, 694, 1246, 1549.

[4]) См. въ концѣ 6 пункта I гл. втораго раздѣла.

имѣетъ только право предъявить уголовный искъ за обманъ или подлогъ о наказаніи и вознагражденіи за вредъ и убытокъ. Но изъ существующихъ законовъ нельзя вывести, что онъ имѣетъ право на возстановленіе пропущеннаго срока давности. Въ публикованныхъ до сихъ поръ рѣшеніяхъ, намъ не случалось найти указаній на правило, какими руководствуется практика по дѣламъ подобнаго рода.

Понятіе о непредъявленіи иска предполагаетъ, чтобы право на данный искъ существовало положительно и не было приводимо въ дѣйствіе, не было осуществляемо въ теченіе извѣстнаго срока времени. Искъ не можетъ уничтожаться давностью, если не существовалъ положительно (in concreto); только тогда истецъ имѣетъ возможность предъявить его и только въ этакомъ случаѣ законъ можетъ обязывать къ предъявленію онаго и постановить, что въ случаѣ непредъявленія искъ погашается. Самое важное поэтому будетъ: опредѣлить, когда право на искъ считается положительно возникшимъ (actio nata) Затѣмъ важно опредѣлить, когда прекращается положительное существованіе сего права, потому что если оно почему бы то ни было перестанетъ быть положительно существующимъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратится возможность привести его въ дѣйствіе. Право на искъ, переставшее существовать положительно, конечно не можетъ подвергаться уничтоженію чрезъ давность вслѣдствіе непредъявленія его.

Отсюда видно, что для рѣшенія вопроса о непредъявленіи иска важнѣе всего опредѣлить какъ начало давности, такъ и конецъ или истеченіе оной.

I. НАЧАЛО ТЕЧЕНІЯ ДАВНОСТИ.

Исходная точка исчисленія давностнаго срока опредѣляется положительнымъ возникновеніемъ права на искъ. Отвлеченное право на искъ принадлежитъ всякому, имѣющему извѣстное право. Но пока право осуществляется безпрепятственно, нѣтъ надобности и нѣтъ возможности предъявить иска: право на искъ не сдѣлалось положительно существующимъ. Правило о возникновеніи положительнаго права на искъ выражено въ слѣдующихъ статьяхъ:

Х т. 1 ч. ст. 691. Каждый имѣетъ право отыскивать свое имущество изъ чужаго неправильнаго владѣнія или дѣйствіемъ полиціи, или судомъ.

Х т. 1 ч. ст. 693. Каждый имѣетъ право въ случаѣ неисполненія по договорамъ и обязательствамъ, а также въ случаѣ обидъ, ущербовъ и убытковъ, искать удовлетворенія и вознагражденія посредствомъ полиціи или суда.

Въ статьѣ 691 говорится о тяжбахъ, т. е. объ искахъ о правѣ на имущество (искахъ вещныхъ, или—какъ выражается г. Побѣдоносцевъ—вотчинныхъ). Въ статьѣ 693 говорится объ искахъ по обязательствамъ, объ искахъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Право на тяжбу или на искъ объ имущественномъ или вещномъ правѣ считается положительно существующимъ и искъ можетъ быть осуществляемъ,

когда вещь находится въ чужомъ неправильномъ владѣніи. Значитъ, право на искъ возникаетъ положительно въ тотъ моментъ, когда вещь перешла въ чужое неправильное владѣніе; съ этого момента искъ о возвращеніи ея можетъ быть вчинаемъ. Положительный законъ требуетъ, чтобы искъ былъ вчинаемъ; въ случаѣ невчинанія, съ сего же момента начинается теченіе срока давности, истеченіемъ котораго право на искъ погашается.

Право на искъ въ тѣсномъ смыслѣ считается положительно существующимъ и искъ можетъ быть предъявленъ въ случаѣ неисполненія по договорамъ и обязательствамъ, а также въ случаѣ обидъ, ущербовъ и убытковъ. Слѣдовательно, право на искъ возникаетъ по договорамъ и обязательствамъ въ моментъ, въ который управомоченный можетъ требовать исполненіе по договору или обязательству или вознагражденіе за вредъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. при требованіяхъ, основанныхъ на договорахъ, положительное право на искъ не всегда возникаетъ вмѣстѣ съ установленіемъ обязательства, а можетъ быть обусловлено наступленіемъ срока или условія исполненія, прямо и положительно опредѣленныхъ или подразумѣваемыхъ по сущности договора или намѣренію договорившихся. Во второмъ случаѣ возникновеніе положительнаго права на искъ всегда совпадаетъ съ возникновеніемъ права на вознагражденіе или удовлетвореніе.

Новѣйшія изслѣдованія [1]) разъяснили, что, по ученію римскаго права, право на искъ считается существующимъ, какъ скоро установлено право, на которомъ онъ основывается, для защиты котораго онъ установленъ. Право на искъ (по выраженію, употребляемому Виндшейдомъ—Anspruch) ничто иное какъ право, само направленное противъ воли другаго. Это относится къ правамъ какъ вещнымъ, такъ и по обязательствамъ.

Право обязательственное заключаетъ въ себѣ право требовать исполненія извѣстнаго дѣйствія, совершеніе котораго должникъ принялъ на себя. Какъ скоро кто либо обязался совершить для меня извѣстное дѣйствіе, я вправѣ требовать совершенія этого дѣйствія; если онъ не исполняетъ принятаго обязательства, я могу принудить его къ тому при помощи суда. Для возникновенія иска поэтому не требуется положительнаго нарушенія права, по существу обязательственнаго отношенія достаточно неисполненія онаго, бездѣйствія обязавшагося оно уже заключаетъ въ себѣ нарушеніе права. Искъ поэтому будетъ имѣть цѣлью принудить отвѣтчика къ предпринятію извѣстнаго дѣйствія.

Напротивъ того, право вещное есть господство лица надъ вещью, болѣе или менѣе обширное, причемъ исключается вліяніе на вещь всѣхъ и каждаго въ той мѣрѣ, въ какой она подлежитъ господству управомоченнаго. Здѣсь нарушеніе права возможно лишь въ положительномъ дѣйствіи, а искъ направленъ къ тому, чтобы принудить отвѣтчика перестать дѣйствовать, къ опущенію извѣстнаго дѣйствія.

---

[1]) Windscheid, Lehrbuch des Pandectenrechts § 108.—Ср. Demelius, Untersuchungen aus dem römischen Civilrechte стр. 131 и сл.—Unger, System des oesterreichischen allgemeinen Privatrechts. II, § 116.

Эти роды правъ, по характеру своему, противоположны другъ другу. При обязательственномъ правѣ требуется извѣстное дѣйствіе извѣстнаго лица; бездѣйствіе сего лица составляетъ нарушеніе права. При вещныхъ правахъ требуется бездѣйствіе, отрицательное отношеніе къ этому праву всѣхъ и каждаго; дѣйствіе на предметъ права со стороны какого бы то ни было лица составляетъ нарушеніе права.

На этомъ основаніи, отношеніе между сущностью права и правомъ на искъ для защиты онаго различно по тому и другому родамъ правъ. Это видно изъ слѣдующихъ соображеній. Должникъ, исполняющій обязательство добровольно, устраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякое принужденіе, дѣлаетъ невозможнымъ принудительное исполненіе, которое могло бы производиться вслѣдствіе наступленія срока или условія. При обязательствѣ существуетъ положительно отношеніе между двумя лицами: совершенно опредѣлены какъ дѣйствіе, исполненіе коего можно потребовать, такъ и отвѣтчикъ, противъ коего искъ можетъ быть обращенъ.

Иначе при вещномъ правѣ. Осуществленіе его состоитъ въ господствѣ лица надъ вещью. Кто не нарушаетъ сего господства, не мѣшаетъ ему, тому нечего предупреждать принудительныяпротивъ себя мѣры, о коихъ пока ни вообще, ни по отношенію къ нему рѣчи быть не можетъ. Праву собственника соотвѣтствуетъ лишь общая, неопредѣленная обязанность всѣхъ и каждаго не нарушать его господства. До дѣйствительнаго нарушенія вещнаго права не существуетъ опредѣленнаго иска, ибо неизвѣстны: ни содержаніе будущаго иска—такъ какъ нарушеніе можетъ быть весьма разнообразное, ни лицо противъ коего искъ придется предъявить—такъ какъ нарушать право вещное можетъ всякій, между тѣмъ какъ нарушать обязательство можетъ лишь лицо обязавшееся. Право собственности можетъ быть нарушаемо, если кто либо присваиваетъ себѣ чужую вещь, но также если кто либо употребляетъ ее и т. д. Поэтому, для возникновенія иска вещнаго необходимо, чтобы воспослѣдовало дѣйствительное, положительное нарушеніе его, иначе по иску не имѣется ни предмета, ни отвѣтчика.

При правахъ по обязательствамъ это отношеніе является въ совершенно другомъ видѣ: неисполненіе не является необходимымъ условіемъ принудительнаго исполненія, а исполненіе является условіемъ устраненія такого. Право на принудительное исполненіе существуетъ положительно со времени наступленія срока или условія, хотя бы обязавшійся не имѣлъ намѣренія не исполнить, но только еще временитъ исполненіемъ.

Искъ самъ по себѣ не есть еще борьба права съ неправомъ, но только средство принудительнаго приведенія въ исполненіе существующаго права. На искъ можетъ послѣдовать процесъ, т. е. борьба права съ неправомъ, когда право оспаривается. Но это не необходимо: если отвѣтчикъ признаетъ предъявленный противъ него искъ, то искъ имѣетъ послѣдствіемъ своимъ только принудительное исполненіе. Это различіе между искомъ и процесомъ выражено въ нашемъ законодательствѣ съ совершенною ясностью. При прежнемъ порядкѣ судо-

производства оно выражалось и въ томъ, что безспорныя дѣла, по коимъ требовалось лишь принудительное исполненіе, вѣдались въ полицейскихъ, и лишь дѣла спорныя—въ судебныхъ мѣстахъ. По новому судопроизводству это внѣшнее различіе по подсудности болѣе не существуетъ, но существуетъ по прежнему различіе по производству. Иски всегда предъявляются въ судъ. Если право не оспаривается, то за предъявленіемъ иска слѣдуетъ простое исполнительное производство для принужденія отвѣтчика къ выполненію безспорнаго требованія истца. Если противъ иска заявляется споръ, то производится процесъ, называемый, смотря по предмету, тяжбою или искомъ.

Начало исковой давности, на основаніи всего вышеизложеннаго, опредѣляется разрѣшеніемъ вопроса: съ какого момента въ данномъ случаѣ требованіе управомоченнаго лица можетъ быть приведено въ исполненіе принудительно судомъ или полиціею. По различію правъ, моментъ этотъ опредѣляется различно. Въ русскомъ правѣ слѣдуетъ различать требованія, вытекающія изъ права собственности, изъ права залога, изъ наслѣдственнаго права, изъ обязательствъ, изъ судебныхъ рѣшеній.

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ исковъ, кромѣ общаго правила, выводимаго изъ возможности принудительнаго осуществленія, мы должны будемъ обратить вниманіе и на отдѣльныя положительныя постановленія о началѣ теченія срока давности, постановленія, весьма часто несогласныя съ приведеннымъ общимъ началомъ о зависимости начала теченія срока давности отъ положительнаго возникновенія и существованія того же самаго иска, о которомъ дѣло идетъ.

1. Начало теченія давности по искамъ о правѣ собственности.

Искъ о правѣ собственности возникаетъ положительно, какъ право на данный искъ противъ извѣстнаго лица, когда возникаетъ для собственника право требовать возвращенія себѣ своей вещи. Съ сего же момента начинается и теченіе давности по сему иску. Кто либо завладѣваетъ моей вещью; я, какъ собственникъ имѣю право требовать ея возвращенія,—право на искъ существуетъ положительно. Если я не осуществляю сего права, иска не предъявляю, то я бездѣйствую, между тѣмъ какъ могъ бы дѣйствовать, и по причинѣ моего произвольнаго бездѣйствія право на искъ начинаетъ задавнивать. Если я отдалъ вещь непотребляемую въ ссуду на срокъ для употребленія, то хотя вещь остается моею, въ моей собственности, но до истеченія срока я не имѣю права требовать возвращенія; право собственности мое употребленіемъ моей вещи не нарушается: вещь находится въ употребленіи другаго именно въ силу моего права собственности. Какъ скоро истекъ срокъ, возникаетъ для меня право требовать возвращенія вещи: она находится у другаго не въ силу моего распоряженія, но безъ моей воли. Если я не осуществляю мое право на искъ, начинается теченіе давности.

По статьѣ 691 Законовъ Гражданскихъ, право отыскивать свое имущество возникаетъ какъ скоро вещь перешла въ чужое неправое или, по выраженію закона, неправильное владѣніе.

Въ ст. 567 1 ч. X т. сказано: Давность владѣнія считается съ того времени, когда началось безспорное владѣніе имуществомъ. Владѣніе не считается начавшимся, когда прежній владѣлецъ можетъ доказывать актами, что въ сіе самое время онъ еще управлялъ и распоряжалъ тѣмъ имуществомъ какъ своею собственностью.

Изъ этихъ статей прежде всего видно, что право собственника на искъ о возвращеніи своей вещи возникаетъ, какъ скоро кто либо началъ владѣть этою вещью какъ своею, т. е. коль скоро во владѣніи сего лица выражается воля имѣть вещь своею. Съ того времени, какъ во владѣніи стала выражаться сія воля, начинается право собственника на искъ противъ владѣльца, и по иску этому начинается теченіе давности, пока не будетъ предъявленъ искъ.

Прежде всего необходимо, конечно, чтобы владѣніе дѣйствительно началось, и на самомъ дѣлѣ существовало. Доказать это обязанъ тотъ, кто на владѣніи основываетъ свое право. Собственникъ ссылается, при предъявленіи иска, не на владѣніе, а на принадлежащее ему право собственности; поэтому владѣніе за нимъ предполагается за все время, за которое владѣлецъ не докажетъ противнаго, т. е. своего владѣнія. Если онъ иску собственника противопоставляетъ отводъ о погашеніи его давностью, то обязанъ доказать, что искъ собственника просуществовалъ положительно въ теченіе давности, что въ теченіе срока давности онъ (отвѣтчикъ) владѣлъ вещью и этимъ владѣніемъ вызывалъ искъ (собственника), который, между тѣмъ, не былъ предъявленъ [1]). Притомъ, владѣлецъ долженъ доказать, что онъ на самомъ дѣлѣ положительно владѣлъ вещью. Если поэтому доказано, что владѣнія на самомъ дѣлѣ не было и ссылающійся на пропущеніе давности исковой со стороны собственника въ состояніи доказать только, что онъ когда-то былъ введенъ во владѣніе, то это не можетъ имѣть никакого значенія: владѣнія фактически не было поэтому и давность не считается начавшеюся [2]). Дѣйствительно, вводомъ во владѣніе искъ собственника былъ вызванъ, сдѣлался положительно существующимъ. Однако вводъ этотъ остался безъ послѣдствій; поэтому, поводъ къ предъявленію иска со стороны собственника прекратился, право на искъ перестало быть положительно возникшимъ и, слѣдовательно, не могло погашаться давностью.

Самое важное не доказательство начала владѣніе, но доказательство провладѣнія вещью въ видѣ собственности въ теченіе 10 лѣтъ. Поэтому нельзя считать правильнымъ рѣшеніе, коимъ отвергается примѣненіе давности потому, что владѣлецъ не могъ точно доказать, когда началось его владѣніе, между тѣмъ какъ онъ доказалъ, что владѣлъ болѣе 10 лѣтъ, считая назадъ со дня предъявленія иска [3]). Доказательство начала владѣнія въ подобныхъ случаяхъ могло

---

[1]) Рѣшенія пр. сената: отъ 12 ноября 1837 г. Сбор. I, № 23; отъ 23 апрѣля 1863 г. Сбор. I, № 724.

[2]) Рѣшенія: отъ 24 іюля 1856 г. Сбор. I, № 536; отъ 3 октября 1857 г Сбор. I, № 377.

[3]) Рѣшеніе отъ 20 іюня 1858 г. Сборн. I, № 594.

бы имѣть значеніе, если бы въ русскомъ правѣ существовало учрежденіе usucapio, или требовались добросовѣстность или законное основаніе со стороны владѣльца, нарушающаго своимъ владѣніемъ право собственности.

Ст. 567 1 ч. X т. не можетъ быть толкуема въ томъ смыслѣ, что будто владѣніе можетъ быть доказываемо только актами. Акты упомянуты въ статьѣ, очевидно, только въ видѣ примѣра. Владѣніе можетъ быть доказываемо и показаніями свидѣтелей. Это само собою разумѣется и неоднократно признано рѣшеніями сената [1]).

Далѣе, должно быть доказано владѣніе въ видѣ собственности, потому что только такое вызываетъ искъ собственника, дѣлаетъ его положительно существующимъ. Напротивъ того, зависимое отъ собственности владѣніе или содержаніе (detentio) не вызываетъ никакого иска, такъ какъ существованіе его нисколько не противорѣчитъ праву собственности, но служитъ ему выраженіемъ. Какъ скоро установлено владѣніе зависимое договоромъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, собственникъ получаетъ право требовать исполненія договора и, въ случаѣ неисполненія, право требовать возвращенія вещи, независимо отъ права награжденіе. Въ такомъ отношеніи къ собственнику состоятъ: наниматель, арендаторъ, управляющій, временный или пожизненный владѣлецъ, принятій вещь на сохраненіе или въ ссуду, залогопринимать, если заложенное имущество ему передано. Пока они содержатъ вещь на основаніи условія съ собственникомъ, до тѣхъ поръ искъ послѣдняго о возвращеніи вещи не вызывается, право на принудительное осуществленіе не возникло положительно, а поэтому и право на предъявленіе иска, не существуя, не можетъ погашаться давностью. Еслибы собственникъ сталъ предъявлять искъ о возвращеніи вещи на содержателя, то это не могло бы имѣть никакого значенія: искъ не осуществимъ, пока содержатель можетъ отвести его, ссылаясь на существующее между имъ и собственникомъ условіе. Въ подобномъ же отношеніи состоитъ тотъ, кому вещь предоставлена во владѣніе впредь до рѣшенія дѣла; здѣсь владѣніе, хотя не основано на условіи съ хозяиномъ, но передано судомъ подъ условіемъ [2])

Такъ какъ слово *владѣніе*, и также *владѣлецъ* употребляются для означенія какъ владѣнія въ видѣ собственности, такъ и содержанія (detentio) владѣнія условнаго, то въ данномъ случаѣ характеръ владѣнія долженъ быть положительно доказанъ, именно, что имъ нарушается право собственника.

Для примѣненія давности требуется только фактическое владѣніе, не требуется ни добросовѣстности, ни какого либо законнаго основанія сего владѣнія. Отсюда слѣдуетъ, что, по русскому праву, владѣніе вещью условно можетъ сдѣлаться владѣльцемъ въ видѣ собственности, какъ скоро онъ самовольно, обманомъ, подлогомъ, насиліемъ перемѣнитъ характеръ своего содержанія и, получивъ содержаніе вещи условно, самымъ дѣломъ станетъ распоряжаться ею какъ своею. Нарушивъ условіе и начавъ, хотя тайно, владѣть вещью въ видѣ собственности,

---

[1]) Напр. Сбор. 1, № 112.

[2]) Рѣшеніе отъ 18 іюля 1863 г. Сбор. 1, № 741.

владѣлецъ своимъ дѣйствіемъ вызываетъ искъ собственника; искъ же, сдѣлавшись положительно существующимъ, долженъ быть предъявляемъ и если его не предъявятъ, то по немъ начинается теченіе давности.

Правило, что владѣющій вещью по условію можетъ самовольно измѣнить основаніе своего владѣнія, выведено нами изъ общаго свойства, приписываемаго давности въ русскомъ законодательствѣ. Оно подтверждается и отдѣльными постановленіями онаго. Такъ, по 560 статьѣ, какъ одно пользованіе не составляетъ основанія къ праву собственности, то государственные крестьяне, городскія общества и духовныя установленія, равно всѣ тѣ, которымъ даны казенныя земли въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ или для извѣстнаго употребленія, не могутъ пріобрѣсти въ свою собственность, по праву давности, казенныхъ земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, какъ бы долго то пользованіе ни продолжалось. Какъ же скоро упомянутыя лица перемѣнятъ свое отношеніе къ землѣ: перестанутъ имѣть ее только въ пользованіи, прекративъ наприм. взносъ оброка, выполненіе обязательствъ и т. д., начинаютъ владѣть ею въ видѣ собственности, то они этимъ нарушаютъ право собственности казны—возникаетъ право казны на искъ о возвращеніи вещи или исполненіи условія. Если со времени начатія такого владѣнія въ видѣ собственности казна не предъявитъ иска, то по немъ начинается теченіе давности.

По отношенію къ казеннымъ землямъ практика сената весьма разнообразна: есть приговоры, въ которыхъ подобное произвольное измѣненіе основаній владѣнія признается началомъ теченія давности [1]); есть и другіе приговоры, гдѣ подобное измѣненіе характера владѣнія по отношенію къ казенной землѣ отвергается [2]).

Правило о возможности произвольной перемѣны характера и основанія владѣнія выражено въ законѣ весьма подробно по отношенію къ тому случаю, гдѣ одинъ изъ соучастниковъ общаго имѣнія владѣетъ имъ по условію съ другими.

X т. 1ч. 1242 ст. п 2. Владѣніе одного изъ соучастниковъ общимъ ихъ имѣніемъ, по заключенной между ними добровольной записи, или по узаконенной довѣренности, какъ зависящее отъ актовъ условныхъ, не можетъ быть превращаемо, чрезъ давность, въ право единственной или исключительной сего владѣльца собственности.

---

[1]) Рѣшенія: отъ 12 декабря 1835 г. Сбор. II, № 120; отъ 17 февраля 1849 г. Сбор. II, № 234; отъ 29 мая 1847 г. Сбор. I, № 253; отъ 5 марта 1853 г. Сборн. I, № 445; отъ 9 ноября 1855 г. Сбор. I, № 511.

[2]) Рѣшенія: 19 мая 1848 г. Сбор. I, № 298; 18 февраля 1848 г. Сбор. II, № 473; 9 февраля 1853 г. Сбор. II, № 673; 31 августа 1853 г. Сбор. II, № 709; 19 декабря 1855 г. Сбор. I, № 516.

п. 3. Если соучастникъ, владѣвшій имѣніемъ, хотя бы то было и безъ надлежащаго уполномочія, показывалъ оное предъ присутственными мѣстами собственностью, обще съ другими ему принадлежащею, или выплачивалъ соучастникамъ ежегодно доходы, а впослѣдствіи тожъ самое имѣніе началъ показывать исключительною своею собственностью, то въ семъ случаѣ давность считается для отсутствующихъ соучастниковъ.... со дня, въ который общее имѣніе показано единственною собственностью владѣющаго или въ который сдѣлана послѣдняя уплата доходовъ, смотря по тому, что было позднѣе.

Итакъ, соучастникъ въ общемъ имѣніи, владѣющій имъ по условію или безъ онаго, именемъ всѣхъ соучастниковъ, можетъ, какъ всякій другой содержатель по условію, произвольно измѣнить свое отношеніе къ имѣнію, начиная имъ владѣть исключательно въ свою пользу. Съ того времени, съ котораго это владѣніе началось исключительно въ его пользу, возникаетъ искъ всѣхъ прочихъ соучастниковъ противъ него, и если не будетъ предъявленъ, то по немъ начинается теченіе давности.

Не только въ этомъ, но и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ самый важный вопросъ будетъ фактическій—о томъ, доказано-ли безсомнѣнно дѣйствительное измѣненіе характера и основанія (titulus) владѣнія. Въ законахъ тамъ и симъ указано на признаки такого измѣненія. Напр. въ X т. 1 ч. 1242 ст. п. 3 сказано: *показаніе предъ присутственными мѣстами общаго имѣнія исключительно собственностью, прекращеніе по такому имѣнію платежа соучастникамъ ихъ части въ доходахъ.* Доказавъ то или другое, соучастникъ доказываетъ, что подобнымъ дѣйствіемъ нарушилъ права прочихъ соучастниковъ, вызвалъ съ ихъ стороны искъ противъ себя, который, вслѣдствіе непредъявленія, погашенъ давностью. Подобными мѣрами и опущеніями могутъ измѣнить свои отношенія къ вещи и къ ея собственнику, не только соучастникъ, но и всякій другой содержатель вещи по условію. Они именно могутъ доказать, что нарушили условіе и стали владѣть имѣніемъ въ видѣ собственности. По ст. 567, если собственникъ доказываетъ, что онъ, несмотря на то, продолжалъ управлять и распоряжаться тѣмъ имуществомъ, какъ своею собственностью, то теченіе давности не считается начавшимся.

Рѣшать, какія дѣйствія считаются признакомъ дѣйствительнаго управленія и распоряженія—дѣло суда. Изъ прежней практики можно привести слѣдующіе примѣры.

Рѣшеніемъ отъ 15 января 1845 г. [1]) сенатъ, признавъ, что взиманіе поземельнаго сбора въ качествѣ ежегоднаго дохода есть такое распоряженіе, которое дѣлаемо быть можетъ только на основаніи права собственности, а потому и

[1]) Сборникъ II, № 388.

платежъ съ хуторовъ Киселевскаго сбора въ пользу города представляетъ то самое обстоятельство, которое 480 ст. X т. [1]) поставляется изъятіемъ изъ 10-лѣтней давности, — полагаетъ: состоящую подъ хуторами Киселевскаго землю, признавъ рѣшительно собственностью города Кіева, оставить оную въ пользованіи Киселевскихъ, на общемъ положеніи, Высочайше утвержденномъ 17 сентября 1831 г. для города Кіева.

Этимъ рѣшеніемъ сенатъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что владѣніемъ земли по праву постояннаго пользованія изъ оброка не нарушается право собственности города; напротивъ, платежъ оброка служитъ доказательствомъ признанія права собственности города. Городъ поэтому не имѣлъ никакого повода искать; искъ его, не существуя положительно, и не могъ погашаться давностью.

Но когда собственникъ противоставитъ давностному владѣнію доказательство осуществленія своего права собственности, то требуется, чтобы его право собственности осуществлялось именно по отношенію къ владѣльцу, нарушающему оное. Такъ напримѣръ, платежъ городскихъ сборовъ и тому подобныя дѣйствія со стороны собственника, во время владѣнія другаго, не считаются доказательствомъ осуществленія права собственности [2]). Основаніемъ такого толкованія, очевидно, служитъ соображеніе, что нарушеніе права происходило со стороны владѣльца; право поэтому должно было быть осуществляемо или охраняемо противъ него, такъ какъ искъ возникъ противъ него. Осуществленіе своего права по отношенію къ городу исполненіемъ обязанностей, лежащихъ на собственникахъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на отношенія между владѣльцемъ и собственникомъ. Возникшій между ними искъ продолжаетъ существовать и поэтому продолжалось и теченіе давности по немъ, истеченіемъ коей искъ погасился.

Такимъ же образомъ, какъ при искѣ о возвращеніи вещи, исчисляется давность, когда право собственника нарушено не владѣніемъ, а простымъ пользованіемъ вещью. Собственникъ вправѣ запрещать каждому пользоваться его вещью. Если другой нарушаетъ его право тѣмъ, что пользуется выгодами его имущества, то возникаетъ противъ него искъ. Если этотъ искъ не будетъ предъявленъ, то по немъ начинается теченіе давности. Когда прошелъ 10-лѣтній срокъ давности, то искъ погашенъ; вмѣстѣ съ искомъ прекращается и право, которое имъ могло быть защищаемо. Нарушено было не право собственности въ сущности своей, но только одна сторона—право запрещать извѣстное пользованіе. Погашеніемъ иска прекратилось только право собственника запретить другому пользоваться его, собственника, имуществомъ въ извѣстномъ отношеніи. Вслѣдствіе того, другимъ нарушителемъ пріобрѣтено право пользоваться чужимъ имуществомъ въ извѣстномъ смыслѣ. Такимъ образомъ можетъ быть пріобрѣтаемо право постояннаго пользованія, потому что лишь оно есть самостоятельное вещ-

---

[1]) Изд. 1842 г. 567 ст. 1 ч. X т. изд. 1857.

[2]) Ср. рѣшеніе бѣлозерскаго окружнаго суда по дѣлу Агвазиныхъ съ Филиповымъ «Суд. Вѣстн.» 1868 г. № 44.

ное, а не личное право [1]). Напротивъ того, не можетъ быть пріобрѣтено такимъ образомъ ни срочное, ни пожизненное пользованіе [2]). Пріобрѣтеніе такого права возможно и вслѣдствіе давности, но на другомъ основаніи. Если, напримѣръ, пожизненное владѣніе установлено актомъ, который могъ быть своевременно оспоренъ, и если предъявленіе спора послѣдовало только по истеченіи срока давности, то актъ становится безспорнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основанное на немъ пожизненное владѣніе признается существующимъ на законномъ основаніи.

На такомъ же основаніи, какъ и при искѣ о возвращеніи вещи, находящейся въ чужомъ неправильномъ владѣніи, долженъ быть исчисляемъ срокъ давности по искамъ противъ самовольнаго участія частнаго въ выгодахъ чужаго имущества, гдѣ давность исковая примѣнима, т. е. со дня, когда началось такое участіе.

2. Начало теченія давности по искамъ о правѣ залога.

Искъ о назначеніи заложеннаго имущества къ продажѣ съ публичнаго торга начинаетъ погашаться давностью съ того дня, въ который обязательство, обезпеченное залогомъ, должно было быть выполнено, или въ который не уплачены слѣдовавшіе вѣрителю проценты. Такъ какъ искъ по залогу есть вещный искъ, то, по существу своему, онъ можетъ быть направленъ противъ всякаго хозяина заложеннаго имущества. Однако, въ русскомъ правѣ до сихъ поръ вещный характеръ права залога весьма мало развитъ и во многихъ законныхъ постановленіяхъ ему приписывается значеніе лишь характера личнаго обязательства. Вещный характеръ права залога проявляется лишь въ постановленіяхъ о закладномъ правѣ кредитныхъ установленій.

Х т. 2 ч. ст. 215. Переходъ имѣнія, заложеннаго въ кредитномъ установленіи, отъ одного владѣльца къ другому вслѣдствіе давности, не ослабляетъ правъ кредитнаго установленія, которое въ случаѣ неплатежа долга или просрочки, обращается къ заложенному имѣнію, въ чьемъ бы владѣніи оно ни находилось, но такое право кредитнаго установленія не можетъ служить должнику къ возстановленію собственнаго его права, если-бы оно было утрачено съ его стороны пропущеніемъ давности въ отношеніи къ постороннему лицу.

Уже по этой статьѣ можно судить, какъ мало развитъ въ русскомъ правѣ вещный характеръ закладнаго права. Если бы этотъ характеръ стоялъ прочно, то вся эта статья была-бы излишнею: правило, выраженное въ ней, само собою слѣдовало-бы изъ вещнаго характера закладнаго права. Изъ образа выраженія этой статьи слѣдовало-бы заключить, что въ подобномъ случаѣ закладное право

[1]) Ср. выше въ главѣ I въ концѣ 2 пунк. (сентябр. кн. «Ж. М. Ю.» стр. 266—267.).

[2]) Рѣшенія: отъ 10 іюня 1843 г. Сбор. II, № 315 отъ 6 іюня 1847 г. Сбор. I. № 251.

частнаго лица прекращается переходомъ заложеннаго имѣнія изъ рукъ одного владѣльца къ другому, вслѣдствіе давности. Подобныя недоразумѣнія и сомнѣнія будутъ, безъ сомнѣнія, навсегда устранены изданіемъ закона о гипотекѣ, который, какъ слышно, приготовляется на началахъ современной науки.

Ни изъ 215 ст. 2 ч. X т., ни изъ другихъ постановленій нынѣ существующаго закладнаго права нельзя вывести, что право залогопринимателя, хотя-бы это и было кредитное установленіе, не можетъ подвергаться прекращенію вслѣдствіе погашенія иска. Если, напримѣръ, должникъ прекращаетъ платежъ процентовъ или, при наступленіи срока, не платитъ капитала, то этимъ вызывается искъ заимодавца. Этимъ искомъ, въ первомъ случаѣ, залогоприниматель постарается принудить къ платежу процентовъ; если онъ въ этомъ не успѣетъ, равно во второмъ случаѣ, онъ можетъ потребовать удовлетворенія изъ залога. Если-же онъ не предъявитъ иска въ теченіе 10 лѣтъ со дня, по который проценты уплачены, или со дня наступленія срока, смотря по тому что позже, то его закладное право должно прекратиться, вмѣстѣ съ погашеніемъ иска. Въ судебной практикѣ намъ не случалось встрѣчать дѣлъ, въ которыхъ разрѣшались-бы подобныя дѣла. По отношенію къ кредитнымъ установленіямъ, они не встрѣчаются потому, что кредитныя установленія не нуждаются въ опредѣленіи суда о продажѣ: они властны приступить къ осуществленію закладнаго права, продажею заложеннаго имущества, безъ особаго судебнаго рѣшенія.

Что по русскому праву право залога можетъ прекращаться вслѣдствіе погашенія давностью иска объ осуществленіи его—видно изъ того, что въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ по Литовскому Статуту издавна существовало правило, что закладное право не можетъ прекращаться давностью, при введеніи 10-лѣтней давности въ 1815 году [1]) именно постановлено, что, на основаніи существовавшаго тогда еще въ нихъ Литовскаго Статута, право залога не можетъ прекращаться вслѣдствіе давности: «что касается до дѣлъ по губерніямъ, отъ бывшей Польши пріобрѣтеннымъ и малороссійскимъ, о имѣніяхъ, находящихся во владѣніи заставномъ или въ залогѣ, каковая застава или залогъ по правамъ ихъ и прежнему обыкновенію продолжается въ нѣкоторыхъ губерніяхъ отъ трехъ до трехъ лѣтъ, а въ другихъ безъ означенія таковаго трехлѣтія до тѣхъ поръ, пока выплатится долгъ, то одни токмо сіи дѣла оставляются никакой давности неподлежащими».

3. Начало теченія давности по искамъ о наслѣдствѣ.

Въ искахъ о наслѣдствѣ надобно различить два вида ихъ: А) искъ о признаніи наслѣдственнаго права, и В) искъ о выдачѣ отдѣльныхъ вещей, принадлежащихъ къ составу наслѣдства.

А. *Искъ о признаніи наслѣдственнаго права возникаетъ* положительно и, вслѣдствіе того, начинается теченіе давности иска по немъ:

1) *для наслѣдника по завѣщанію*—если онъ докажетъ, что пропустилъ годичный или двухгодичный срокъ для явки завѣщанія по незнанію о существо-

[1]) П. С. З. № 25883, п. 5.

ваніи завѣщанія или по другимъ законнымъ причинамъ—*со дня смерти завѣщателя* [1]). Если же наслѣдникъ по завѣщанію не въ состояніи доказать, что срокъ къ явкѣ имъ пропущенъ по законнымъ причинамъ, то о примѣненіи давности къ его иску не можетъ быть рѣчи, потому что искъ его пресѣкся истеченіемъ упомянутаго срока (Praeclusion, decheance);

2) *для наслѣдника вообще*, какъ по закону, такъ и по завѣщанію—если завѣщаніе было своевременно явлено, и притомъ какъ противъ другихъ наслѣдниковъ, введенныхъ во владѣніе, такъ и противъ казны, владѣющей наслѣдственнымъ имуществомъ въ качествѣ вымерочнаго—*со дня послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ вызова о явкѣ* для полученія наслѣдства [2]);

3) относительно того случая, *когда никакого вызова наслѣдниковъ не воспослѣдовало*, выражено мнѣніе [3]), что теченіе давности начинается со дня принятія наслѣдства и что въ случаѣ пропущенія давности по незнанію объ открытіи наслѣдства наслѣдники, лишившіеся своего права, могутъ имѣть право на искъ объ убыткахъ противъ судей, упустившихъ публикацію о вызовѣ наслѣдниковъ, но что сомнительно, можно ли подвергать судей взысканію сихъ убытковъ? Это мнѣніе, очевидно, правильно по отношенію къ такимъ случаямъ, гдѣ дѣло идетъ о правѣ требовать выдачу вещей, принадлежащихъ къ наслѣдству. Но съ нимъ нельзя согласиться по отношенію къ тѣмъ случаямъ, гдѣ дѣло идетъ о признаніи права наслѣдства. Это различіе совершенно упускается изъ виду въ приведенномъ мнѣніи.

Въ рѣшеніи сената отъ 20 февраля 1837 г. [4]) давность примѣняется, несмотря на то, что никакого вызова не было, и имѣніе оставляется за тѣми, которые завладѣли онымъ. Съ какого дня считается теченіе давности—не видно такъ какъ въ этомъ дѣлѣ прошло нѣсколько сроковъ давности.

Въ другомъ рѣшеніи, отъ 8 іюля 1847 г. [5]), гдѣ наслѣдники объясняютъ, что хотя они и не просили о вводѣ ихъ во владѣніе имѣніемъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ, но силы давности въ этомъ случаѣ на нихъ распространяться не можетъ, потому что срокъ 10-лѣтней давности на явку для полученія наслѣдства считается со времени послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ о вызовѣ наслѣдниковъ; наслѣдники же, по смерти лица, оставившаго наслѣдство, вызываемы по вѣдомостямъ не были,—общее собраніе находятъ, что подобныя постановленія (о вызовѣ наслѣдниковъ) тѣмъ болѣе необходимы, что отдаленнымъ родственникамъ трудно знать объ открытіи наслѣдства, а законъ долженъ быть общимъ и примѣненіе онаго не можетъ быть подчинено обстоятельствамъ случайнымъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, но не достовѣрнымъ, и потому полагаетъ, признать ихъ не пропустившими срокъ давности. Такимъ образомъ, здѣсь опредѣлено, что

---

[1]) X т. 1 ч. ст. 1066; X т. 2 ч. ст. 219.

[2]) X т. 1 ч. ст. 1162, 1164, 1166 и сл., 1241, 1244, 1246; X т. 2 ч. ст. 218.—Ср. Сборн. I, № 24.

[3]) «Юридическій Вѣстникъ». 1863 г. № 11.

[4]) Сборникъ, II, № 20.

[5]) Сборникъ, I, № 261.

по крайней мѣрѣ когда дѣло идетъ о выморочномъ имѣніи, теченіе давности не начинается, когда не было вызова наслѣдниковъ, т. е. правило, прямо противорѣчащее тому, которое выражено въ приведенномъ выше рѣшеніи. По отношенію къ иску о признаніи извѣстнаго лица наслѣдникомъ, нельзя не согласиться, что это правило совершенно справедливо и согласно съ закономъ. Однако, отъ этого иска должно различать искъ о выдачѣ наслѣдственнаго имущества.

Рѣшеніемъ сената отъ 15 октября 1851 г. [1]) опредѣлено, что въ томъ случаѣ, когда всѣ наслѣдники налицо, вызова чрезъ публикацію не требуется. Теченіе давности по иску о признаніи правъ наслѣдства, очевидно, начинается въ подобныхъ случаяхъ со дня смерти лица, оставившаго наслѣдство.

В. *Искъ о выдачѣ принадлежащихъ къ наслѣдству вещей* начинаетъ погашаться съ того дня, въ который эти вещи перешли въ чужое юридическое владѣніе,—значитъ:

1) по отношенію къ вещамъ, уже состоявшимъ въ чужомъ владѣніи противъ воли собственника (лица, оставившаго наслѣдство)—со времени начатія этого владѣнія, когда искъ наслѣдодателя сдѣлался положительно существующимъ;

2) по отношенію къ вещамъ, находившимся при жизни наслѣдодателя, съ согласія его, въ зависимомъ отъ него содержаніи—со дня смерти его, потому что съ этого момента воля его перестала существовать;

3) если, по особому соглашенію или по самому договору, срокъ зависимаго содержанія былъ точно опредѣленъ—то со времени наступленія сего срока; если подобнаго условія не существуетъ, то, вслѣдствіе смерти наслѣдодателя, зависимое содержаніе немедленно можетъ обратиться во владѣніе въ видѣ собственности,—это зависитъ единственно отъ воли содержателя.

4. Начало теченія давности по личнымъ искамъ.

Право требовать судомъ исполненія договора и вознагражденія за причиненные вредъ и убытки возникаетъ положительно, какъ скоро договоръ не исполненъ, хотя долженъ бы быть исполненъ, или вредъ и убытокъ причинены. Искъ не возникъ еще положительно, пока право требовать еще не основано окончательно, по причинѣ ненаступленія срока условія и т. д. При примѣненіи этого правила къ отдѣльнымъ случаямъ, самое важное будетъ опредѣлить—когда положительно возникаетъ право требовать исполненія обязательства.

Здѣсь слѣдуетъ различать слѣдующіе случаи:

А. *По всѣмъ обязательствамъ и договорамъ, по которымъ* какимъ бы то ни было образомъ *началось исполненіе, теченіе давности начинается*, когда исполненіе прекратилось, *со дня послѣдняго дѣйствія*, направленнаго къ исполненію договора или обязательства [2]). Это совершенно правильно, потому что, по общему правилу, лишь съ того дня искъ сдѣлался положительно

---

[1]) Сборникъ, I, № 404.

[2]) X т. 1 ч. ст. 1550.—Ср. рѣшеніе сената отъ 28 февр. 1838 г. Сбор. I, № 28.

существующимъ. Но, конечно, упомянутое дѣйствіе, хотя бы это былъ платежъ процентовъ, должно быть доказано тѣмъ, кто на него ссылается [1]).

Б. *По договорамъ и инымъ обязательствамъ срочнымъ*, включая и векселя, *теченіе давности начинается отъ срока*, назначеннаго положительно для окончательнаго дѣйствія договора [2]) или съ котораго, по сущности его, слѣдуетъ считать это дѣйствіе, т. е. съ того дня, когда договоръ долженъ былъ быть исполненъ или когда требованіе подлежало удовлетворенію.

В. *По отношенію къ обязательствамъ безсрочнымъ* нѣтъ общаго правила или, вѣрнѣе, постановлены различныя другъ другу и значенію давности противорѣчащія правила. Разсмотримъ поэтому вопросъ о началѣ давности по отдѣльнымъ видамъ обязательствъ.

1. *Векселя.* По отношенію къ нимъ постановлены слѣдующія правила:

а) По векселямъ, своевременно протестованнымъ, теченіе давности начинается лишь со дня протеста [3]).

б) По векселямъ, своевременно не протестованнымъ, теченіе давности должно быть исчисляемо со дня наступленія срока къ платежу.

Законныя постановленія, относящіяся сюда, слѣдующія:

Уст. торг. (XI т. 2 ч.) 610 ст. До срока ни плательщикъ — платить, ни векселедержатель — принимать платежъ по векселю, не обязаны.

Искъ до наступленія срока не возникъ положительно, не могъ быть предъявляемъ, поэтому и не могъ подвергнуться погашенію, по немъ теченіе давности не могло начинаться.

Уст. торг. 599 ст. Срокъ векселя, писаннаго по предъявленію, считается наступившимъ въ сутки послѣ его предъявленія къ принятію.

Ст. 600. Срокъ векселя, писаннаго во столько-то дней по предъявленіи, считается наступившимъ по истеченіи послѣдняго дня изъ того числа дней, какое въ векселѣ означено, исключая дня самаго предъявленія.

Ст. 603. Срокъ векселя, коего платежъ назначенъ по обычаю (a uso), считается наступившимъ пятнадцать дней спустя послѣ предъявленія къ принятію.

в) Если же векселя не были предъявлены къ принятію, то срокъ давности считается чрезъ сутки со дня написанія [4]), хотя бы въ нихъ было означено не только, что платежъ производится по востребованію, но и по востребованію въ столько то дней. Это правило, очевидно, основывается на томъ, что

---

[1]) Рѣш. отъ 24 авг. 1859 г. Сбор. I, № 630.

[2]) X т. 1 ч. ст. 1349; XI т. 2 ч. Уст. торг. ст. 573, 637.

[3]) XI т. 2 ч. Уст. торг. ст. 636.

[4]) Уст. торг. (XI т. 2 ч.) ст. 571, 573, 636 и 637.—Рѣшен. отъ 11 апрѣля 1852 г. Сбор. II, № 628.

когда вексель предъявленъ къ принятію, то векселедержатель акцептаціею на векселѣ можетъ доказать, что съ своей стороны онъ сдѣлалъ все, чтобы возбудить должника къ платежу, т. е. дѣйствовалъ; поэтому, срокъ давности считается со дня послѣдняго дѣйствія съ его стороны. Когда же онъ бездѣйствовалъ, то срокъ давности считается со дня возникновенія обязательства, хотя бы срокъ собственно и наступилъ лишь послѣ сего числа. Какъ давность исковая вообще установлена въ отмѣну права неосуществленнаго, такъ и это правило установлено въ невыгоду тому лицу, которое бездѣйствовало и упустило принять мѣры къ осуществленію своего права.

Правило русскаго вексельнаго права о началѣ теченія срока давности по безсрочнымъ векселямъ, срокомъ по востребованію или по востребованію въ столько-то дней, вполнѣ согласно съ ученіемъ римскаго права [1]).

2. *Сохранныя росписки.* На основаніи закона о поклажахъ [2]) слѣдуетъ заключить, что по сохраннымъ роспискамъ, выданнымъ до публикаціи закона 21 ноября 1860 г., теченіе срока давности исчислялось со дня заключенія договора, т. е. подписанія росписки [3]). Значитъ, и къ договору поклажи примѣнялось подобное постановленіе, совершенно согласное съ началами и значеніемъ исковой давности. По новому закону, начало давности исчисляется на совершенно другомъ основаніи, неподходящемъ ни подъ какое общее правило.

3. *По долговымъ обязательствамъ безсрочнымъ или выданнымъ срокомъ до востребованія* земская давность считается со дня представленія такого обязательства ко взысканію, или со дня смерти заемщика, смотря по тому, что воспослѣдовало прежде [4]).

Послѣднее постановленіе установляетъ правило, идущее въ разрѣзъ не только съ правилами о векселяхъ, но со всѣмъ значеніемъ исковой давности русскаго права. Исковою давностью отмѣняется право, оставшееся въ бездѣйствіи; здѣсь, напротивъ того, узаконяется, что право, оставшееся въ бездѣйствіи, сколько бы времени то ни было, не погашается давностью. Давность можетъ начинаться лишь когда заимодавецъ пересталъ оставаться въ бездѣйствіи.

По духу нашего законодательства, столь правильно выраженному въ Уставѣ торговомъ, въ подобныхъ случаяхъ искъ по безсрочнымъ обязательствамъ, такъ какъ по нимъ не нужно предъявленія къ принятію, дѣлается положительно возникшимъ со дня написанія акта; съ этого дня должно начинаться и теченіе срока давности по немъ. Конечно, это правило не должно примѣняться, когда изъ сущности договора слѣдуетъ заключить, что, по намѣренію сторонъ, окончательное дѣйствіе договора должно наступить лишь по истеченіи нѣкотораго времени. Равно приводимое правило непримѣнимо, если было частное исполненіе по договору или уплачены проценты: когда заимодавецъ получаетъ хотя бы

---

[1]) Windscheid, Pandekten. 1, §108, прим. 8.

[2]) Глава II, п. 7.

[3]) Рѣш. гражд. касс. деп. 1867 г. № 97.

[4]) X т. 2 ч. ст. 220, по продолж. 1863 г.; X т. 1 ч. ст. 1259, по продолж. 1863 г.

часть процентовъ, то онъ, будучи мало по малу удовлетворяемъ, не имѣетъ повода искать судомъ. Но когда обязательство его не признается, онъ по немъ ничего не получаетъ, то искъ его начинается, по крайней мѣрѣ, съ числа прекращенія платежа процентовъ, или, если такого платежа вовсе не было, со дня написанія обязательства; поэтому и теченіе давности должно начинаться съ того же времени. Законодательство, однако, рѣшаетъ эти случаи иначе. Къ сожалѣнію, мотивы закона неизвѣстны. По тому частному случаю, изъ котораго возникъ законодательный вопросъ о началѣ срока давности по безсрочнымъ обязательствамъ, рѣшеніе это можетъ быть совершенно справедливо. Но выведенное отсюда общее правило противорѣчитъ всему характеру исковой давности въ русскомъ правѣ. Этотъ случай наглядно доказываетъ опасность дополненія и измѣненія права по частнымъ случаямъ.

По безсрочнымъ обязательствамъ искъ возникаетъ положительно со дня передачи заимодавцемъ должнику денегъ. Съ этого дня начинается теченіе иска, если только не было частнаго исполненія или, по самому существу обязательства, долженъ быть назначенъ другой срокъ; напримѣръ, когда деньги даны въ займы для постройки домъ, и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ дѣло суда опредѣлить, когда срокъ долженъ быть признанъ наступившимъ.

Заимодавецъ по безсрочному обязательству съ самаго дня заключенія займа находится въ томъ же самомъ положеніи, какъ и тотъ, по требованію котораго срокъ уже наступилъ. Тотъ и другой вольны требовать уплату во всякое время. Выраженіе *по востребованію* не можетъ ни въ чемъ измѣнить дѣла. Заимодавецъ, по требованію котораго наступилъ срокъ, также воленъ требовать когда хочетъ. Если немедленно по наступленіи условленнаго срока начинается теченіе давности, безъ всякаго заявленія заимодавца о востребованіи, то не видно причины, почему при требованіяхъ, по которымъ можно требовать немедленно по заключенію обязательства, начало теченія давности должно быть въ зависимости отъ представленія обязательства ко взысканію.

Условіе *по востребованію* заключаетъ въ себя ограниченіе не кредитора, а должника, который, вслѣдствіе того, теряетъ право платить когда это для него удобно. Этимъ онъ уже поставленъ въ невыгодное противъ другихъ должниковъ положеніе. Постановленіемъ, что давность по его обязательству начинается лишь со дня представленія онаго ко взысканію, онъ поставленъ въ еще болѣе невыгодное положеніе.

Замѣтимъ, наконецъ, что подъ долговыми обязательствами понимаются, очевидно, заемныя обязательства. Однако, по образу выраженія закона, это правило можетъ быть примѣняемо и къ другимъ обязательствамъ.

4. Спрашивается: *на какомъ основаніи должно быть опредѣляемо начало теченія давности по всѣмъ прочимъ обязательствамъ и договорамъ?*

Правило, изданное для векселей, какъ частное правило, изданное для извѣстнаго рода обязательствъ, не можетъ быть распространяемо на другія, неимѣющія того же значенія, какъ и векселя.

Но это частное правило совершенно согласно съ общимъ правиломъ, выводимымъ изъ характера и значенія исковой давности. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ договоры и обязательства подходятъ подъ характеръ долговыхъ, придется примѣнить противорѣчащее правило объ исчисленіи давности со дня представленія ко взысканію.

Послѣднее правило придется примѣнить, кромѣ всѣхъ случаевъ займа, къ договору *ссуды на подержаніе*.

Напротивъ того, со дня установленія обязательства слѣдуетъ считать теченіе срока давности по слѣдующимъ договорамъ:

по иску одареннаго о выдачѣ подареннаго имущества—со дня подписанія дарственной записи или принятія дара, если оно послѣдовало позже;

по иску дарителя о возвращеніи подареннаго имущества за неблагодарность и т. п. дѣйствія—со дня совершенія ихъ;

по пожалованію—со дня объявленія о явкѣ къ отводу пожалованной земли, для лицъ, записавшихся кандидатами—со дня вызова ихъ чрезъ вѣдомости къ явкѣ для выбора, для лицъ пожалованныхъ, но не записавшихся въ кандидаты—со дня пожалованія или заведенія дѣла о внесеніи въ списокъ въ кандидаты [1]);

по иску покупщика о выдачѣ купленнаго имущества или о вводѣ во владѣніе имъ—со дня совершенія купчей крѣпости;

по иску о вознагражденіи за вредъ и убытки—со дня совершенія дѣйствія, причинившаго вредъ и убытокъ.

5. Начало теченія давности по судебнымъ рѣшеніямъ.

Т. X ч. 2 ст. 224. Рѣшенія судебныхъ мѣстъ, болѣе десяти лѣтъ не обращенныя къ исполненію, если въ теченіе сего времени не было ни съ чьей стороны ни требованія, ни просьбы о приведеніи сихъ рѣшеній въ дѣйствіе, или хотя и обращенныя къ исполненію, но оставшіяся болѣе десяти лѣтъ со времени полученія указовъ не исполненными, когда впродолженіе сего времени также ни съ чьей стороны о приведеніи ихъ въ дѣйствіе ни требованія, ни просьбы не было, теряютъ свою силу по общимъ правиламъ о давности.

Итакъ, искъ объ осуществленіи права, присужденнаго или признаннаго судебнымъ рѣшеніемъ, начинаетъ погашаться давностью со дня обнародованія рѣшенія. Однако, бывали примѣры, что теченіе срока давности исчислялось со дня постановленія рѣшенія [2]). Если же за этимъ временемъ послѣдовали какія-либо дѣйствія, имѣвшія цѣлью приведеніе рѣшенія въ исполненіе, то—со дня совершенія этихъ дѣйствій, безъ различія, состояли-ли они въ распоряженіяхъ или перепискѣ самого суда, или въ просьбѣ заинтересованной стороны объ исполненіи рѣшенія [3]).

---

[1]) Т. X ч. 1 ст. 966.

[2]) Ср. напр. рѣш. отъ 30 мая 1841 г. Сбор. II, № 50.

[3]) Ср. Сбор. I, №№ 41, 131, 186, 309, 661; II, № 651.

II. ИСТЕЧЕНІЕ СРОКА ДАВНОСТИ.

1. Общій срокъ давности.

Т. X ч. 1 ст. 565. Общій срокъ земской давности, какъ въ недвижимыхъ, такъ и въ движимыхъ имуществахъ, полагается десятилѣтній [1]).

Послѣднимъ днемъ сего срока будетъ тотъ, истеченіемъ коего исполнится десять лѣтъ. Срокъ, начавшійся 13 февраля 1858 года, окончится 12 февраля 1868 г. Собственно срокъ долженъ считаться оконченнымъ въ 12 часовъ ночью отъ 12 на 13 февраля 1868 г. Поэтому, если кто нибудь докажетъ, что старался подать исковое прошеніе вечеромъ до истеченія срока, но не могъ за тѣмъ, что некому было подавать прошеніе, то слѣдовало бы принять его прошеніе еще въ слѣдующій за истеченіемъ срока день. Не знаемъ, такъ-ли смотрѣла и смотритъ на истеченіе срока практика. Личная подача прошеній, кромѣ присутственнаго времени, не допускается. Поэтому, при личной подачѣ можетъ быть потребуется, чтобы прошеніе было подано въ послѣдній день срока до окончанія присутствія. Что касается принятія прошеній, присланныхъ по почтѣ, то въ правительствующемъ сенатѣ существуетъ принятіе пакетовъ, доставляемыхъ ночью по почтѣ, въ другихъ же судебныхъ мѣстахъ ночью пакеты не принимались.

Наконецъ, истеченіе десятилѣтняго срока можетъ упадать на неприсутственный день. Здѣсь, по справедливости, слѣдуетъ допускать подачу исковаго прошенія въ первый затѣмъ присутственный день, конечно, когда истецъ докажетъ, что своевременная подача исковаго прошенія до наступленія праздника была для него невозможна. По судебнымъ срокамъ существуетъ правило, что при короткихъ срокахъ въ подобныхъ случаяхъ допускается подача прошенія въ первый присутственный день за истеченіемъ ихъ, между тѣмъ какъ по болѣе продолжительнымъ срокамъ, напримѣръ годичнымъ, требуется подача прошенія до наступленія праздниковъ. Впрочемъ, спрашивается, можно ли примѣнять къ исчисленію срока давности правила, изданныя для исчисленія судебныхъ сроковъ? По нашему мнѣнію, такъ какъ при давности русскаго права всѣ выгоды на сторонѣ лицъ, пользующихся давностью, то, по крайней мѣрѣ при исчисленіи сроковъ, слѣдуетъ наблюдать, чтобы лицамъ, противъ которыхъ течетъ давность, десятилѣтній срокъ не былъ сокращаемъ ни однимъ часомъ.

По общему правилу, какъ лицо, въ пользу котораго течетъ давность, такъ и лицо, противъ котораго она течетъ, считаются съ ихъ правопреемниками за одно и то же лицо.

Т. X ч. 1 ст. 566. Наслѣднику или преемнику правъ вотчинника, не искавшаго о принадлежавшихъ ему имуществахъ менѣе десяти лѣтъ, должно оставаться столько времени для начатія иска, сколько оставалось

---

[1]) Ср. еще X т. 1 ч. 694 ст.; 2 ч. 213 и др. ст.

въ день смерти его предшественника или въ день перехода къ нему правъ на имущество [1]).

Исключеніе существуетъ только при поклажѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, между лицами, заключившими договоръ, и ихъ правопреемниками проводится рѣзкое различіе.

2. Частные сроки давности.

Кромѣ общаго срока десятилѣтней давности, встрѣчаются въ русскомъ правѣ, по разнымъ гражданскимъ отношеніямъ, постановленія о различныхъ срокахъ, замѣняющихъ собою давность или, по крайней мѣрѣ, исключающихъ примѣненіе ея. Выше [2]) мы объяснили основное различіе между давностью и судебными и другими сроками преклюзивными. По неразвитости закона, въ большой части случаевъ трудно опредѣлить характеръ того или другаго срока. Постановленія о нихъ большею частью такъ отрывочны, что не видно есть-ли это сроки давности и примѣняются-ли къ нимъ постановленія о десятилѣтней давности, или это только преклюзивные сроки. Приведемъ здѣсь тѣ сроки, которые вполнѣ собою исключаютъ примѣненіе давности; о судебныхъ срокахъ, значеніе которыхъ ясно, мы не будемъ говорить.

Сроки эти слѣдующіе:

1) *Однолѣтній срокъ для огражденія права на искъ о приплодѣ.* Приплодъ животныхъ, находящихся въ чужомъ неправильномъ владѣніи, принадлежитъ законному владѣльцу животныхъ тогда только, когда онъ подалъ жалобу въ теченіе года со дня завладѣнія тѣми животными [3]). Правило это основывается на постановленіи Уложенія [4]). Внесеніемъ этого правила въ систему гражданскихъ законовъ, по введеніи десятилѣтней давности, установлена особаго рода потеря иска о приплодѣ. Этотъ искъ хозяинъ самки можетъ удержать за собою лишь когда отыскиваетъ самку въ теченіе перваго года послѣ того, какъ она перешла въ чужое неправильное владѣніе. Итакъ, право отыскивать приплодъ принадлежитъ хозяину самки лишь въ теченіе года со дня завладѣнія самки-матери, а не со дня рожденія приплода. Собственно говоря, искъ о возвращеніи приплода возникаетъ лишь со дня самостоятельнаго существованія сего приплода. Отсюда видно, что здѣсь нельзя говорить о давности. Искъ о возвращеніи приплода прекращается, когда искъ о возвращеніи самки не предъявленъ въ теченіе перваго года послѣ завладѣнія, а не со дня возникновенія самостоятельнаго права на приплодъ. Значитъ, дѣло идетъ о преклюзивномъ срокѣ.

2) *Годичный срокъ о передѣлѣ наслѣдства.*

Т. X ч. 1 ст. 1335. Срокомъ для передѣла (наслѣдства) полагается одинъ годъ со дня утвержденія перваго раздѣла; по прошествіи же онаго просить о передѣлѣ запрещается.

---

[1]) Ср. т. X ч. 2 ст. 214 п. 1.

[2]) Раздѣлъ II, глава 1.

[3]) Т. X ч. 1 ст. 431.

[4]) Глава X ст. 285.

Этотъ срокъ при прежнемъ судопроизводствѣ было, очевидно, ничто иное, какъ общій одногодичный аппеляціонный срокъ. Такъ какъ о немъ говорится въ гражданскомъ правѣ, то онъ остается и по введеніи новаго судопроизводства, но получаетъ чрезъ это уже другое значеніе; кажется, его можно признать особымъ срокомъ давности. Впрочемъ, постановленіе о немъ слишкомъ коротко, чтобы можно было съ точностью опредѣлить его характеръ.

3) *Двухлѣтній срокъ для предъявленія иска о выдачѣ имущества, спасеннаго при кораблекрушеніи.*

Т. XI ч. 2 ст. 1191. Если въ теченіе двухъ лѣтъ со времени обнародованія (о кораблекрушеніи) никто не явится съ доказательствами о принадлежности ему спасеннаго, то теряется право иска.

Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ объ особомъ срокѣ давности.

4) *Трехлѣтній срокъ для выкупа родовыхъ имѣній.* Правило, постановленное объ этомъ срокѣ, слѣдующее:

Т. X ч. 1 ст. 1363. Родственники пользуются правомъ выкупа проданнаго имущества въ теченіе трехъ лѣтъ.... со времени выдачи купчей крѣпости покупщику.

По прежнему законодательству, право выкупа прекращалось лишь вслѣдствіе давности. По историческому происхожденію своему, срокъ для осуществленія права выкупа нельзя не считать срокомъ давности: однако, по нынѣ дѣйствующему праву, этотъ срокъ очевидно долженъ быть причисленъ къ преклюзивнымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Какъ мы видѣли, при давности лишается лицо своего права вслѣдствіе бездѣйствія; дѣйствіемъ оно прерываетъ давность, отмѣняетъ ея послѣдствія. При преклюзивномъ срокѣ оно не лишается права вслѣдствіе бездѣйствія, но ему предоставлено пользоваться правомъ въ теченіе извѣстнаго срока. До истеченія этого срока онъ долженъ воспользоваться имъ. Съ наступленіемъ срока все кончено, такъ какъ ему предоставлено было лишь временное, ограниченное право. Какъ бы онъ ни дѣйствовалъ, теченіе срока онъ ни въ какомъ смыслѣ удержать не можетъ. То же самое говоритъ русское право о трехлѣтнемъ срокѣ для права выкупа: онъ не можетъ быть прерываемъ. Кто, оспаривая самый актъ, по которому имѣніе перешло въ чужой родъ, пропуститъ срокъ выкупа, тотъ лишается сего права [1]).

5) *Шестилѣтній срокъ* со дня смерти наслѣдодателя для истребованія наслѣдникомъ срочныхъ капиталовъ, положенныхъ въ сохранную казну [2]). Срокъ этотъ можно признать давностнымъ. Впрочемъ, онъ не истекаетъ какъ таковой, но только подъ условіемъ, чтобы опекунскій совѣтъ, по истеченіи пяти лѣтъ, вызывалъ наслѣдниковъ чрезъ вѣдомости, не только въ Россіи, но и въ чужихъ государствахъ. Вслѣдствіе такого вызова срокъ получаетъ совершенно особое значеніе.

---

[1]) Т. X ч. 1 ст. 1366.

[2]) Т. X ч. 1 ст. 1252.

6) Упомянемъ наконецъ о томъ, что русскіе подданные, заключившіе обязательства и договоры въ какомъ либо иностранномъ государствѣ, на основаніи узаконеній того края, не могутъ и по возвращеніи въ Россію уклоняться отъ исполненія ихъ подъ предлогомъ истеченія срока земской давности, если сіи обязательства и поминованіи сего срока сохраняютъ свою силу по законамъ того государства, въ коемъ оныя составлены [1]).

Это постановленіе есть примѣненіе общаго правила: locus regit actum.

Кромѣ упомянутыхъ, мы должны поговорить еще объ одномъ срокѣ, за которымъ практика весьма часто не признаетъ никакого значенія, именно: о двухлѣтнемъ срокѣ для предъявленія споровъ противъ купчихъ крѣпостей.

Постановленія объ этомъ срокѣ слѣдующія:

Т. X ч. 1 ст. 1524. Буде въ теченіе двухъ лѣтъ со дня прибитія къ судейскимъ дверямъ листа и опубликованія въ вѣдомостяхъ о купчей крѣпости, никто не явится для спора, то впредь всякій споръ объ оной не долженъ имѣть мѣста.

Статья 1525. Объявившій на купчую крѣпость споръ долженъ непремѣнно, не пропуская вышеозначеннаго срока, войти и въ самый искъ и представить надлежащему суду свои доказательства; если же кто, объявя одинъ только споръ, но въ тѣ же два года къ разрѣшенію онаго судомъ доказательствъ своихъ не представитъ, то, по прошествіи уже того срока, никакой споръ и доказательства на оный приняты быть не должны.

Этотъ двухгодичный срокъ ничто иное, какъ оставшійся слѣдъ отказа. Отказъ имѣлъ цѣлью сдѣлать пріобрѣтенное право собственности безспорнымъ. По несовременной формѣ своей, по недостатку развитія законодательства, въ особенности по недостаточности примѣненія вообще существующихъ законовъ по недостатку юридическаго образованія прежнихъ практиковъ, онъ не примѣнялся, постановленія о его значеніи оставались мертвою буквою. Когда, наконецъ, постановленія объ отказѣ выпущены были изъ X тома, то это правило осталось въ немъ по отношенію къ купчимъ крѣпостямъ и духовнымъ завѣщаніямъ.

Практики, кажется, бо́льшею частью полагаютъ, что постановленія о двухгодичномъ срокѣ находятся въ прямомъ противорѣчіи съ закономъ о десятилѣтней давности и должны оставаться безъ примѣненія, такъ какъ значеніе десятилѣтней давности безусловное и по закону никакой искъ не можетъ прекращаться до истеченія сего общаго срока давности.

Значеніе двухгодичнаго срока опредѣлено въ приведенныхъ законахъ въ томъ смыслѣ, что имъ всякій споръ объ актѣ пресѣкается, таковой даже не

---

[1]) Т. X ч. 2 ст. 1000.

долженъ быть принятъ. Это опредѣленіе дѣйствительно можетъ вести къ недоразумѣніямъ и неясностямъ. Спрашивается, какое значеніе должно приписывать акту, сдѣлавшемуся безспорнымъ?

Точно также какъ въ основаніи «отказа» лежала совершенно правильная мысль о необходимости опредѣленія точки времени, когда право собственности пріобрѣтено окончательно и считается неоспоримымъ, и мысль эта была только неправильно выражена и вовсе непримѣнима,—точно также этотъ двухгодичный срокъ могъ бы намъ пригодиться, да, къ сожалѣнію, его значеніе въ законѣ очерчено неясно и на практикѣ понимается неправильно, или, лучше сказать, на его значеніе не обращается никакого вниманія. Двухгодичный срокъ могъ бы быть зерномъ учрежденія usucapio, въ родѣ древнѣйшей формальной usucapio римскаго права, которою недостатки формальнаго пріобрѣтенія восполнялись. Но, къ сожалѣнію, такого пониманія значенія двухгодичнаго срока не допускаетъ даже законъ. Законъ говоритъ только: впредь всякій споръ о купчей крѣпости, о завѣщаніи не долженъ имѣть мѣста. Законодатель, вѣроятно, хотѣлъ сказать о правѣ собственности, но не сказалъ. 10-лѣтнею давностью покрывается и защищается владѣніе, не взирая на то, что происхожденіе его не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго признака законности, даже когда положительно извѣстно, что оно основано на насиліи или обманѣ. Если затѣмъ законодательство постановляетъ, что возможныя ошибки, при законномъ пріобрѣтеніи права собственности крѣпостнымъ актомъ, могутъ покрываться давностью, то понятно, что примѣненіе къ такимъ случаямъ общаго 10-лѣтняго срока было бы несообразностью. Тамъ, гдѣ владѣніе основано на законномъ актѣ, гдѣ оно добросовѣстно, тамъ для окончательнаго его укрѣпленія, очевидно, достаточно истеченія болѣе краткаго срока времени. Вотъ, очевидно, основаніе и назначеніе двухгодичнаго срока. Но мы должны сознаться, что это значеніе его не изложено въ законѣ съ достаточною ясностью и опредѣлительностью. При образѣ выраженія закона должно сказать, что двухгодичнымъ срокомъ не устраняются споры о проданномъ или завѣщанномъ имѣніи, если только они не направлены противъ этихъ актовъ, а допускаются, если, напримѣръ, основываются на другихъ доказательствахъ, помимо ихъ. Напримѣръ, если доказывается, что продавецъ не былъ вправѣ распоряжаться проданнымъ имѣніемъ. Итакъ, приведенными постановленіями о двухгодичномъ срокѣ не ограждается неприкосновенность права собственности, но безспорность акта. Поэтому, истеченіемъ двухгодичнаго срока должно считать устраненными всѣ споры, направленные противъ купчей или завѣщанія.

Мы можемъ привести даже примѣры, что въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ—государственномъ совѣтѣ и сенатѣ—этотъ срокъ былъ понимаемъ въ этомъ смыслѣ.

Такъ, въ одномъ частномъ дѣлѣ рѣшено государственнымъ совѣтомъ, что двухгодичный срокъ установленъ лишь для оспариванія самаго крѣпостнаго акта. Почему, къ отысканію земель, кои не были означены въ крѣпостномъ актѣ,

но вошли въ вводный листъ, примѣняется общая 10-лѣтняя давность [1]). Подобнымъ образомъ постановлено сенатомъ: двухгодичный срокъ относится къ спорамъ о купчихъ крѣпостяхъ и не примѣняется къ искамъ лицъ, отыскивающихъ недвижимое имѣніе независимо отъ сего акта [2]). Далѣе, въ другомъ рѣшеніи общаго собранія сената [3]) совершенно правильно постановляется: двухгодичный срокъ не распространяется на споры, имѣющіе предметомъ пространство владѣнія или объемъ поземельной собственности, пріобрѣтенной покупщикомъ по купчей крѣпости. Такіе споры подлежатъ дѣйствію одного только общаго срока земской давности и срокъ этотъ долженъ быть исчисляемъ съ того времени, когда началось дѣйствительное владѣніе спорнымъ участкомъ, а не со дня совершенія крѣпостнаго акта.

---

1) «Ж. М. Ю.» 1865 г. № 4.
2) «Ж. М. Ю.» 1863 г. № 1.
3) «Ж. М. Ю.» 1860 г. № 4, стр. 92—96.

ГЛАВА IV.

ПРЕПЯТСТВІЯ ДАВНОСТИ

Существованіе извѣстныхъ обстоятельствъ можетъ препятствовать какъ начатію, такъ и продолженію и окончанію срока давности, хотя бы имѣлись налицо всѣ условія къ ея примѣненію.

Начатію давности препятствуетъ существованіе подобныхъ обстоятельствъ во всякомъ случаѣ.

Вліяніе на текущую уже давность можетъ быть, смотря по характеру ихъ, весьма различное. Оно можетъ состоять въ *пріостановленіи* дальнѣйшаго теченія давности, на все время существованія сихъ обстоятельствъ, но можетъ состоять и въ *перерывѣ* давности, т. е. въ уничтоженіи дѣйствія протекшей уже части давностнаго срока. По прекращеніи препятствія перваго рода, пріостановленный срокъ давности продолжаетъ свое теченіе. По устраненіи препятствія втораго рода, о продолженіи уничтоженнаго срока не можетъ быть рѣчи, но давность можетъ начинаться вновь.

1. Пріостановленіе давности.

Пріостановленіе давности имѣетъ своимъ послѣдствіемъ прекращеніе дальнѣйшаго теченія срока давности во все время, пока существуетъ препятствіе. Равно въ такомъ случаѣ теченіе срока давности не можетъ начинаться. Когда препятствіе устранено, пріостановленное теченіе давности опять начинаетъ продолжаться, съ тѣмъ, чтобы при исчисленіи срока слагались какъ время, истекшее до возникновенія препятствія, такъ и время, протекшее по устраненіи онаго.

1) Пріостановленіе давности бываетъ *по искамъ лицъ недѣеспособныхъ*, какъ-то: малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ, безумныхъ, сумасшедшихъ, глухонѣмыхъ, пока они находятся подъ опекою или попечительствомъ. По окончаніи опеки или попечительства пріостановленіе теченія давности прекращается, и со дня прекращенія или начинается теченіе срока давности, или продолжается теченіе его, когда оно началось до пріостановленія. Освобожденные изъ подъ опеки и попечительства имѣютъ право предъявить искъ въ теченіе всего періода времени, еще оставшагося до конца давностнаго срока при пріостановленіи давности [1]), т. е. въ теченіе оставшагося отъ его предшественника времени. Но

[1]) Если давность началась лишь со дня совершеннолѣтія, то въ теченіе цѣлаго срока давности.—Рѣш. гражд. касс. деп. 1867 г. № 418.

буде остающійся срокъ времени составитъ менѣе двухъ лѣтъ, то предоставляются полные два года на предъявленіе иска [1]).

Само собою разумѣется, что это пріостановленіе происходитъ единственно въ пользу опекаемыхъ, а не ихъ противниковъ.

Относительно безумныхъ, сумасшедшихъ, глухонѣмыхъ постановляетъ п. 4 ст. 214 2 ч. X т.:

По смерти умалишенныхъ и глухонѣмыхъ наслѣдники ихъ, если они были при нихъ опекунами или попечителями, не могутъ пользоваться никакимъ особымъ срокомъ давности, и право на начатіе исковъ въ теченіе двухъ лѣтъ отъ сего времени къ нимъ не примѣняется.

Постановленіе это не вполнѣ ясно. По буквальному смыслу, оно исключаетъ примѣненіе особыхъ сроковъ давности къ наслѣдникамъ, бывшимъ опекунами умалишенныхъ и глухонѣмыхъ. Подъ выраженіемъ *особый срокъ давности*, очевидно, подразумѣвается только особый способъ исчисленія срока давности, примѣняемый къ дѣламъ умалишенныхъ и т. д. Способъ исчисленія срока давности дѣлается особымъ вслѣдствіе пріостановленія теченія. Конечно, совершеннолѣтній наслѣдникъ, вступающій въ наслѣдство, можетъ воспользоваться лишь тою частью срока давности, какая оставалась при смерти опекаемаго наслѣдодателя; на два года онъ не имѣетъ права, если остатокъ срока менѣе двухъ лѣтъ. Это правило установлено исключительно для опекаемаго. Во время смерти опекаемаго искъ, если дѣло не рѣшено судомъ по ходатайству опекуна, находится въ томъ же самомъ положеніи, какъ во время наступленія обстоятельства, требовавшаго назначенія опеки. Во время жизни опекаемыхъ наслѣдники ихъ не имѣли возможности искать по спорному дѣлу отъ своего имени. Для нихъ возможность иска наступаетъ лишь со дня смерти опекаемаго; значитъ, съ этого дня для нихъ можетъ продолжаться теченіе пріостановленнаго срока. Поэтому, пріостановленіе теченія давности во время опеки должно оставаться въ дѣйствіи и для нихъ, и не можетъ быть уничтожено смертью опекаемаго.

Объяснимъ дѣло примѣромъ. Возникаетъ искъ; по истеченіи девяти лѣтъ со дня положительнаго возникновенія его умираетъ управомоченное лицо. Послѣ него остается малолѣтній; на время всего несовершеннолѣтія пріостанавливается теченіе давности. По достиженіи совершеннолѣтія онъ вправѣ предъявить искъ до истеченія двухъ лѣтъ. Но малолѣтній умираетъ до достиженія совершеннолѣтія. Наслѣдникъ его есть лицо совершеннолѣтнее; это лицо не имѣетъ права на двухлѣтній срокъ, но только на оставшійся срокъ времени, т. е. со дня смерти малолѣтняго или со дня послѣдняго вызова наслѣдниковъ онъ вправѣ предъявить искъ въ теченіе одного года. Сказать, что по смерти малолѣтняго для несовершеннолѣтняго наслѣдника пріостановленіе давности должно быть объявлено несуществовавшимъ—было бы несправедливо. Малолѣтній былъ недѣе-

[1]) X т. 2 ч. 214 ст. пп. 2 и 3.—Ср. Сбор. I, № 464.

способный, а между тѣмъ его наслѣдникъ, несмотря на то, не имѣлъ возможности искать. Дѣло дѣйствительно иначе, когда наслѣдникъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ опекуномъ.

Пунктъ 4 ст. 214 2 ч. X т. установляетъ не правило, общее для наслѣдниковъ всѣхъ опекаемыхъ по недѣеспособности, но правило частное, по отношенію къ наслѣдникамъ умалишенныхъ и глухонѣмыхъ, бывшихъ опекунами при нихъ. Непримѣненіе къ совершеннолѣтнимъ наслѣдникамъ двухгодичнаго срока есть общее правило, относящееся ко всѣмъ совершеннолѣтнимъ наслѣдникамъ. Частное исключительное правило можетъ заключаться лишь въ томъ, что наслѣдники умалишенныхъ и глухонѣмыхъ, бывшіе при нихъ опекунами, не могутъ пользоваться никакимъ особымъ срокомъ давности, т. е. никакимъ особеннымъ исчисленіемъ срока давности.

Спрашивается, что это значитъ? Объясненіе сего правила найдемъ въ мотивахъ закона 23 апрѣля 1845 г.

«По вопросу, какой срокъ полагать на предъявленіе иска по имѣніямъ безумныхъ, умалишенныхъ и глухонѣмыхъ, въ случаѣ завладѣнія тѣми имѣніями во время опекунскаго управленія, и какъ считать начало сего срока.— Находили, что, по различію состоянія безумныхъ, сумасшедшихъ, нѣмыхъ и глухонѣмыхъ, нельзя помѣстить ихъ въ одну категорію. Имѣнія безумныхъ, сумасшедшихъ, нѣмыхъ и глухонѣмыхъ поступаютъ въ опеку съ тѣмъ различіемъ: а) что имѣнія безумныхъ остаются въ опекѣ по самую ихъ смерть, а имѣнія сумасшедшихъ лишь впредь до ихъ выздоровленія, и б) что нѣмые и глухонѣмые, находясь подъ опекою до двадцати лѣтъ съ годомъ безусловно, могутъ потомъ или вступить въ управленіе и распоряженіе своимъ имѣніемъ, если по достиженіи совершеннолѣтія окажутся способными изъяснять свои мысли и изъявлять свою волю, или оставаться во всегдашней опекѣ, если они не обучены грамотѣ и лишены всякаго средства пріобрѣтать понятія и выражать свою волю. Изъ сего заключаютъ:

1) что когда опека надъ имѣніемъ безумныхъ, сумасшедшихъ, нѣмыхъ и глухонѣмыхъ продолжается во всю ихъ жизнь и будетъ находиться въ вѣдѣніи ихъ наслѣдниковъ, то десятилѣтнюю давность объ имуществѣ первыхъ должно считать на общемъ основаніи, ибо въ подобномъ случаѣ лица, завѣдывающія имѣніемъ, обязаны защищать оное и по праву наслѣдства, и по долгу опекуна;

2) что если сумасшедшій по выздоровленіи, а нѣмой или глухонѣмой по признаніи ихъ способными изъяснять свои мысли и выражать свою волю, вступятъ въ распоряженіе имѣніемъ и будутъ принуждены отыскивать часть онаго, которою завладѣлъ кто-либо по упущенію опекуновъ, то въ семъ случаѣ время нахожденія ихъ подъ опекою въ просрочку земской давности не полагать,

и 3) что если сумасшедшіе, нѣмые или глухонѣмые не будутъ имѣть родственниковъ, или родственники ихъ по малолѣтству сами будутъ находиться въ опекѣ, то въ первомъ случаѣ какъ выздоровѣвшимъ сумасшедшимъ, такъ равно и нѣмымъ и глухонѣмымъ, признаннымъ способными вступить въ распоряженіе своимъ имѣніемъ, предоставлять полный срокъ земской давности наравнѣ съ

малолѣтними; въ послѣднемъ же, срокъ давности для малолѣтнихъ считать со времени достиженія ими совершеннолѣтія.

Неудобства излишняго отдаленія срока давности по малолѣтству являются въ бо́льшихъ размѣрахъ по дѣламъ безумныхъ, сумасшедшихъ, нѣмыхъ и глухонѣмыхъ. Постановленное для малолѣтнихъ правило хотя и весьма отдаляетъ конечное прекращеніе давности, но, по крайней мѣрѣ, отдаляетъ на время опредѣленное, между тѣмъ какъ примѣненіе сего же правила къ лишеннымъ ума или способности выражать свою волю поставляетъ срокъ давности въ совершенную зависимость отъ обстоятельствъ случайныхъ, отъ бо́льшаго или мѐньшаго продолженія болѣзненнаго состоянія сихъ лицъ или ихъ жизни. Такая неопредѣлительность, кромѣ трудностей самаго судебнаго разбирательства исковъ и правъ, по коимъ въ теченіе, можетъ быть, половины столѣтія не было никакого производства, имѣетъ еще и ту невыгоду, что ею колеблется увѣренность и твердость добросовѣстнаго владѣнія и тѣмъ разрушается или, по крайней мѣрѣ, ослабляется благодѣтельное дѣйствіе закона о давности. Если, съ одной стороны, предлагаемое постановленіе полезно или даже необходимо для огражденія правъ безумныхъ и глухонѣмыхъ, находящихся въ такомъ же положеніи какъ и малолѣтніе, то съ другой—не столько-ли, или не больше-ли еще полезно и необходимо обезпечить и права добросовѣстнаго, хотя и незаконнаго владѣльца, который при такомъ постановленіи едва-ли можетъ въ теченіе продолжительнаго и—что̀ гораздо хуже—неопредѣленнаго времени положиться на неприкосновенность своей собственности, а слѣдственно и принимать мѣры для какихъ-либо въ ней важныхъ улучшеній. Состояніе лишенныхъ ума или способности выражать свою волю достойно сожалѣнія, но законодатель долженъ-ли, увлекаясь однимъ чувствомъ жалости, приносить ей на жертву благо другихъ и нѣкоторыя изъ основаній общаго благосостоянія, для котораго нужно спокойное, подъ щитомъ законовъ, владѣніе собственностью.

Посему можно бы ограничить срокъ давности относительно безумныхъ, сумасшедшихъ и глухонѣмыхъ двумя годами, ибо сей самый срокъ установленъ для малолѣтнихъ, вышедшихъ изъ опеки, на подачу аппеляціонныхъ жалобъ,

На сіе замѣчено: 1) что отдаленіе срока давности въ отношеніи къ правамъ и преимуществамъ лишенныхъ ума или способности выражать свою волю заставляло бы владѣльцевъ, присвоившихъ себѣ сіи права или имущества, страшиться не за свою, а за чужую собственность; 2) что продолжительность давности не менѣе обременительна и для завладѣвшаго сиротскимъ имѣніемъ, ибо три земскія давности или тридцать лѣтъ сряду легко могутъ остаться безполезными для завладѣвшаго сиротскимъ имѣніемъ въ томъ случаѣ, когда завладѣніе сдѣлано на первомъ году возраста малолѣтняго, и когда сей послѣдній воспользуется своимъ правомъ только передъ самымъ истеченіемъ земское давности со времени его совершеннолѣтія; 3) что число малолѣтнихъ, призрѣваемыхъ опекою, несравненно болѣе числа сумасшедшихъ и глухонѣмыхъ; однакожъ, законодатель, установляя право земской давности для сиротъ со времени ихъ совершеннолѣтія, не затруднился стѣснительными ея послѣдствіями для

завладѣвшаго сиротскимъ имѣніемъ; слѣдовательно, для достоинства правосудія, и сумасшедшіе, нѣмые и глухонѣмые должны находить въ законахъ тѣ же права и средства къ огражденію своей собственности, какими пользуются малолѣтніе.

Но предполагаемое ограниченіе срока земской давности имѣть цѣлью не покровительство тѣхъ владѣльцевъ, которые дѣйствительно завладѣли собственностью безумныхъ, сумасшедшихъ или глухонѣмыхъ, а успокоеніе тѣхъ, которые владѣютъ такимъ имуществомъ добросовѣстно, съ увѣренностью въ своемъ правѣ; а могутъ-ли они быть покойны, когда знаютъ, что для возобновленія пустаго, брошеннаго и даже забытаго въ судахъ дѣла, чрезъ 30 или 50 лѣтъ, нужны только капризъ или невѣжество того, кто вступитъ въ права, а въ томъ числѣ и въ мнимыя права настоящаго безумнаго или глухонѣмаго. Что касается до сравненія безумныхъ и глухонѣмыхъ съ малолѣтними, законъ о томъ, безъ сомнѣнія, будетъ справедливъ и полезенъ, и онъ не долженъ бы ограничиваться однимъ опредѣленіемъ срока давности въ ихъ дѣлахъ; но излишнее распространеніе времени оно и для малолѣтнихъ представляетъ также нѣкоторыя неудобства, какъ сіе замѣчено выше.

Впрочемъ, какъ бы сей вопросъ ни былъ разрѣшенъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что надлежитъ принять за непремѣнное правило лишать всякаго права на отдаленіе обыкновеннаго срока давности тѣхъ изъ наслѣдниковъ безумнаго или глухонѣмаго, которые были опекунами его.

При предварительныхъ о семъ разсужденіяхъ было указано еще на одно сомнѣніе, касательно правъ тѣхъ лишенныхъ ума или способности выражать свои мысли и изъявлять свою волю, надъ коими, вопреки закона, не будетъ учреждено опеки. Мнѣніе, что въ отношеніи къ симъ лицамъ во время несуществованія опеки никакая давность не должна бы быть исчисляема, ибо продолженіе онаго никто не могъ охранять права сихъ лицъ, конечно, вполнѣ справедливо, но едва-ли удобно нынѣ вводить сіе правило въ наши законы. Послѣдствіемъ онаго не будутъ-ли новые вопросы, какъ опредѣлить время, съ коего должно почитать сумасшедшаго въ семъ состояніи, когда онъ не былъ установленнымъ порядкомъ освидѣтельствованъ, и какимъ взысканіямъ, какому отчету подвергать тѣхъ, которые управляли его имѣніемъ безъ надлежащаго на то уполномочія? Сверхъ того, удобно-ли и прилично-ли въ новомъ законѣ предполагать, что существующій уже довольно давно объ опекѣ надъ безумными и глухонѣмыми законъ не исполняется. Не лучше ли дождаться имѣющихъ или могущихъ быть о семъ представленія?

Изъ изложенныхъ соображеній явно, что правило, содержащееся въ 1 п. 214 ст., должно быть объясняемо въ томъ смыслѣ, что для наслѣдниковъ, бывшихъ опекунами при умалишенныхъ и глухонѣмыхъ, теченіе давности не считается пріостановленнымъ недѣеспособностью опекаемыхъ ими лицъ. Такъ какъ они не только могли, но обязаны были предъявить искъ отъ имени лицъ, опекаемыхъ ими, то это несоблюденіе интересовъ послѣднихъ, пропущеніе давности, хотя не считается пропущеніемъ для опекаемыхъ, на случаи выхода изъ опеки,

по считается въ просрочку опекуну-наслѣднику. Послѣдній, конечно, не могъ искать отъ своего имени, но онъ могъ защищать собственные интересы въ интересахъ опекаемаго.

Правило о пріостановленіи теченія давности во время опеки и попечительства надъ лицами недѣеспособными, конечно, не распространяется на дѣла лицъ, имѣніе которыхъ находится подъ опекою не по недѣеспособности, но по другимъ причинамъ. До изданія закона 1845 г., кажется, по этому вопросу существовали сомнѣнія. По крайней мѣрѣ, въ одномъ рѣшеніи сената, отъ 22 іюля 1837 г. [1]), примѣняется правило о пріостановленіи теченія давности и къ случаю взятія имѣнія въ опеку изъ другихъ причинъ, кромѣ недѣеспособности.

Въ законѣ 1845 г., впрочемъ, этотъ вопросъ не рѣшенъ окончательно, но пока отклонено распространеніе правила о пріостановленіи на другіе случаи, кромѣ недѣеспособности [2]).

2) Пріостановленіе теченія давности имѣетъ мѣсто *по искамъ лицъ, находящихся въ плѣну* или состоящихъ на службѣ въ заграничныхъ походахъ, если въ началѣ войны была объявлена особая отсрочка теченія давности на время войны [3]).

3) Пріостановленіе давности должно предполагать въ случаѣ совершеннаго остановленія судебной расправы во время заразы, нашествія непріятеля и т. п., потому что въ подобныхъ случаяхъ лица, желающія предъявлять искъ, не могутъ этого дѣлать безъ собственной вины, поэтому истеченіе срока давности нельзя приписать ихъ бездѣйствію. По судебнымъ срокамъ подобныя причины прямо указаны, какъ причины, по коимъ истеченіе срока не считается въ просрочку.

4) *Теченіе давности не начинается* во время жизни оставшагося въ живыхъ супруга *по иску объ указной части.* Законъ выражается въ томъ смыслѣ, что пропущеніемъ десятилѣтней давности не лишаются какъ самъ супругъ, такъ и его наслѣдники, сей части, если только просьба о выдѣлѣ подана при его (овдовѣвшаго супруга) жизни [4]). Если супругъ вовсе не просилъ о выдѣлѣ, то считается отказавшимся отъ онаго; вслѣдствіе того его наслѣдники не имѣютъ уже права на искъ о выдѣлѣ. Если же супругъ предъявилъ искъ о выдѣлѣ и умираетъ, то наслѣдники могутъ продолжать производство по иску, но къ нимъ примѣняется уже десятилѣтняя давность со дня смерти супруга, искавшаго о выдѣлѣ указной части. Отсюда видно, что нельзя утверждать, будто указная часть не подлежитъ давности, но только, что теченіе давности, поиску о выдѣлѣ ея, не начинается при жизни управомоченнаго.

2. Перерывъ давности.

Перерывъ означаетъ, что примѣненіе давности встрѣчаетъ такое препятствіе, которое не только пріостанавливаетъ дальнѣйшее теченіе или истеченіе ея,

---

[1]) Сборникъ, I, № 20.

[2]) Ср. вышеприведенные мотивы закона 1845 г. по вопросу о примѣненіи давности къ дѣламъ умалишенныхъ и глухонѣмыхъ.

[3]) X т. 1 ч. 566 ст. примѣч. 1; X т. 2 ч. 225 ст. примѣч.

[4]) X т. 1 ч. 1152—1153 ст.

но уничтожаетъ ее совершенно, какъ будто никогда не начиналось теченіе. Поэтому, перерывомъ лицо, противъ котораго началось теченіе давности, возвращается въ то отношеніе къ своему имуществу или праву, въ какомъ находилось до начала теченія давности.

Чѣмъ же прерывается теченіе давности?

Теченіе давности начинается съ того времени, когда воспослѣдовало нарушеніе права положительнымъ дѣйствіемъ или неисполненіемъ обязательства. Вслѣдствіе этого, съ сего времени искъ, не будучи предъявленъ, сдѣлался положительно существующимъ. Перерывъ теченія можетъ воспослѣдовать или устраненіемъ нарушенія права, или предъявленіемъ иска. Когда право болѣе не нарушается вслѣдствіе прекращенія нарушенія вещнаго права или исполненія обязательства, искъ перестаетъ быть положительно существующимъ. Не существуя, искъ не можетъ быть предъявленнымъ, слѣдовательно, не можетъ подвергаться давности. Если воспослѣдуетъ новое нарушеніе права, то возникаетъ совершенно новый искъ, хотя можетъ быть однородный и сходный по содержанію. Пріостановленіемъ искъ не прекращается, но по личнымъ качествамъ управомоченнаго давность не считается текущею. Когда сіи обстоятельства прекращаются, то дѣло идетъ о томъ же самомъ искѣ, поэтому и протекшая часть срока должна быть принимаема въ счетъ. При перерывѣ же теченіе давности прекращается совершенно, потому что искъ прекратился и можетъ лишь возникать снова.

Тоже самое бываетъ когда перерывъ воспослѣдовалъ вслѣдствіе предъявленія иска. Искъ предъявляется, лицо перестаетъ бездѣйствовать и одного изъ главныхъ условій примѣненія давности — непредъявленія иска — уже не существуетъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ изъ сущности иска нельзя вывести, что предъявленіемъ его истекшая передъ тѣмъ часть срока давности уничтожается безусловно. Если за предъявленіемъ иска воспослѣдуетъ признаніе защищаемаго имъ права судебнымъ рѣшеніемъ, то первоначальный искъ совершенно прекращается за достиженіемъ его цѣли. Можетъ развѣ возникнуть искъ о приведеніи рѣшенія въ исполненіе. Но если бы за предъявленіемъ иска, почему бы то ни было, вовсе не воспослѣдовало никакого производства, или начатое производство не доведено до конца, такъ что оно прекратилось само собою, или же за невозобновленіемъ пріостановленнаго производства было уничтожено,—то искъ нельзя считать прекратившимся. Напротивъ того, онъ существуетъ положительно. Предъявленіемъ, неимѣвшимъ послѣдствіемъ своимъ судебнаго признанія защищаемаго имъ права, искъ не прекратился. Со для дѣйствительнаго прекращенія или формальнаго уничтоженія искъ находится въ томъ же положеніи какъ и до предъявленія, всѣ условія примѣненія давности налицо, она поэтому должна примѣняться. Притомъ, такъ какъ дѣло идетъ объ искѣ, существовавшемъ уже до предъявленія, то при исчисленіи давности и прежнее время должно быть принимаемо въ расчетъ. Не можетъ быть зачитаемо лишь время производства въ судѣ, потому что въ это время управомоченное лицо не бездѣйствовало.

Наше законодательство рѣшило это дѣло иначе, но постановленія его должно признать достаточно охраняющими интересы лицъ управомоченныхъ. По прежнему судопроизводству, предъявленіе иска прерывало теченіе навсегда, еслибы даже не имѣло послѣдствіемъ судебнаго рѣшенія, но производство по немъ прекратилось само собою. Теченіе давности могло развѣ начинаться вновь съ того времени, какъ движеніе и производство по дѣлу прекратились [1]). Предъявленію иска приписывается дѣйствіе болѣе сильное, нежели какое можно признать за нимъ по существу его. Впрочемъ, это болѣе сильное дѣйствіе вполнѣ оправдывается характеромъ давности исковой по русскому праву. Какъ мы видѣли, при ней всѣ выгоды на сторонѣ недобросовѣстнаго нарушителя чужихъ правъ; всѣ невыгоды на сторонѣ беззаботнаго кредитора или собственника. Поэтому, вполнѣ понятно и справедливо, что, по крайней мѣрѣ при исчисленіи срока, при опредѣленіи о перерывѣ законодательство озаботилось охранять интересы послѣднихъ. Конечно, подобными частными постановленіями положеніе сихъ лицъ не уравнивается, но пока существуетъ исковая давность въ нынѣшнемъ ея видѣ, то нельзя не предпочесть существовавшее до сихъ поръ правило о безусловномъ значеніи предъявленія иска примѣненію правила, вытекающаго изъ началъ строгой теоріи.

По новому уставу гражданскаго судопроизводства пріостановленное производство признается уничтоженнымъ, когда въ теченіе трехъ лѣтъ со времени его пріостановленія не было подано просьбы о возобновленіи онаго. Въ случаѣ уничтоженія производства, первоначальный искъ не прерываетъ теченія земской давности [2]). Это правило идетъ еще далѣе правилъ, выведенныхъ изъ строгой теоріи.

Изъ сущности понятія объ искѣ и о предъявленіи мы вывели, что во всякомъ случаѣ, и по уничтоженіи производства, время, пока оно продолжалось, не слѣдуетъ включать въ срокъ давности. По правилу, изображенному въ 692 ст. Уст. Гражд. Суд., это дѣлается. Однако, нечего опасаться вредныхъ послѣдствій отъ примѣненія сего болѣе строгаго правила. Трехлѣтній срокъ, въ теченіе котораго пріостановленное производство можетъ быть возобновляемо, долженъ быть признанъ достаточно ограждающимъ права истца или его наслѣдниковъ.

Перейдемъ затѣмъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ перерыва давности.

а) Теченіе давности прерывается *устраненіемъ нарушенія права*. Нарушеніе права устраняется:

1) *По всѣмъ искамъ вслѣдствіе признанія права* управомоченнаго лица со стороны того, въ чью пользу течетъ давность. Признаніе можетъ быть прямое и косвенное. Оно можетъ быть выражено объявленіемъ предъ судомъ, взатежомъ процентовъ, платою части долга, выполненіемъ части обязанностей, принятыхъ по договору, выдачею новаго акта, установленіемъ поручительства или

---

[1]) Подробности объ этомъ см. ниже.

[2]) Уставъ Гражданскаго Судопроизводства ст. 689, 692.

залога въ обезпеченіе обязательства, вообще такими дѣйствіями, въ которыхъ прямо или косвенно содержится признаніе права.

2) *По искамъ вещнымъ, вслѣдствіе невозможности продолжать нарушеніе права.* Напримѣръ, по иску о правѣ собственности—*потерею владѣнія*, хотя бы и насиліемъ со стороны собственника. Еслибы затѣмъ владѣлецъ былъ даже возстановленъ во владѣніи, то перерывъ все-таки былъ и владѣніе не есть уже непрерывное.

б) *Теченіе давности прерывается предъявленіемъ иска*, т. е. подачею исковаго прошенія въ установленномъ порядкѣ.

1) Предъявленъ долженъ быть *искъ*, поэтому подача явочнаго прошенія о нарушеніи права, объявленіе и т. п. не прерываютъ давности [1]). Послѣднее правило, по толкованію сената въ рѣшеніи отъ 16 ноября 1857, по дѣлу наслѣдниковъ Глинки съ наслѣдниками Филипова о взысканіи по заемному письму [2]), относится только къ дѣламъ спорнымъ и не можетъ быть примѣняемо къ взысканіямъ безспорнымъ. Въ приведенномъ рѣшеніи сказано:

1. Что Глинка заемное письмо, выданное ему Филиповымъ іюля 1826 г., я-ленное въ узаконенный срокъ, послѣ смерти Филипова, 12 мая 1836 года, предъявилъ подлинникомъ въ ржевское городское правленіе, при объясненіи, что дѣлаетъ сіе именно для того, чтобы, пропустивъ давность, не потерять права взысканія по оному; но просилъ самое взысканіе не производить до подачи о томъ особаго прошенія. Затѣмъ наслѣдниками Глинки 26 января 1846 г. подано вторичное прошеніе о произведеніи самаго взысканія по означенному заемному письму.

2. Что, по точному смыслу 2235 ст. X т. изд. 1842 г. [3]), для прерванія срока давности по обязательствамъ, необходимо предъявленіе ихъ ко взысканію до окончанія десяти лѣтъ, но не требуется то, чтобы взысканіе было дѣйствительно произведено; слѣдовательно, Глинка, представляя заемное письмо подлинникомъ въ надлежащее присутственное мѣсто и тѣмъ заявивъ, не пропуская давности, право свое на взысканіе по оному, дѣйствіемъ симъ прервалъ давность и сохранилъ право, которое онъ до своей смерти не терялъ и которымъ должны воспользоваться его наслѣдники, непропустившіе десятилѣтняго срока со времени представленія Глинкою заемнаго письма Филипова ко взысканію.

3. Что 1 прим. къ 2232 ст. X т. изд. 1842, въ которомъ говорится, что одно оглашеніе предмета, безъ предъявленія самаго иска въ надлежащемъ, закономъ установленномъ порядкѣ, не прерываетъ давности, по смыслу своему относится къ спорнымъ и исковымъ дѣламъ, а не къ взысканіямъ по безспорнымъ обязательствамъ, и потому не можетъ быть примѣняемо къ настоящему дѣлу.

---

[1]) X т. 2 ч. ст. 213 и прим. 1; X т. 1 ч. ст. 559.—Сбор. I, № 90; II, № 232.

[2]) Сборникъ, I, № 108.

[3]) Ст. 220 2 ч. X т. изд. 1857.

4. Что, независимо отъ сего, нельзя не принять во вниманіе, что Филиповъ въ духовномъ завѣщаніи назначилъ Глинку безотчетнымъ распорядителемъ своего имѣнія и возложилъ на него уплату всѣхъ лежащихъ на немъ долговъ; слѣдовательно, Глинка не имѣлъ никакой надобности производить взысканіе посредствомъ правительства, а могъ удовлетворить себя самъ, но не сдѣлалъ этого единственно съ цѣлью, чтобы не растроить имущества Филипова; изъ чего ясно, что Глинка заявлялъ только о правѣ своемъ на взысканіе для того, чтобы не потерять его на будущее время, и что, за исполненіемъ сего Глинкою, предъявленный наслѣдниками Филипова противъ претензіи его споръ не заслуживаетъ уваженія, по силѣ духовнаго завѣщанія Филипова, по которому послѣ смерти Глинки имѣніе должно было перейти въ завѣдываніе не къ нимъ, а къ другому душеприкащику, до приведенія дѣлъ въ совершенный порядокъ.

Рѣшеніе этого дѣла нельзя не признать вполнѣ справедливымъ, и соображенія, на коихъ оно основано, совершенно основательными и весьма тщательно собранными. Только съ выводомъ изъ нихъ, будто по дѣламъ безспорнымъ не примѣняется правило, что заявленіемъ о своемъ правѣ теченіе давности не прерывается—никакъ нельзя согласиться. Законъ ясенъ: заявленіе о своемъ правѣ не считается предъявленіемъ иска и непрерываетъ теченія давности. Но въ томъ-то и дѣло, что Глинка не дѣлалъ заявленія о своемъ правѣ, не подалъ явочнаго прошенія, но подалъ исковое прошеніе, положительно предъявилъ искъ и только просилъ о пріостановленіи взысканія. Это двѣ вещи разныя. Предъявленіемъ иска онъ прервалъ теченіе давности. Пріостановленіе взысканія было его воля; со дня пріостановленія иска началось теченіе новаго срока давности.

Искъ долженъ быть предъявленъ въ законномъ порядкѣ. Поэтому производство по дѣлу, неосновавное на формальномъ исковомъ прошеніи, не прерываетъ теченія срока давности [1]).

2) Искъ долженъ быть предъявленъ въ установленномъ порядкѣ. Въ этомъ лежитъ:

а) что искъ долженъ быть предъявленъ надлежащему присутственному мѣсту, которому по предѣламъ вѣдомства и власти подсуденъ. По прежнему порядку это были: по дѣламъ безспорнымъ—полицейскія мѣста и губернскія правленія, по дѣламъ спорнымъ—судебныя мѣста, по требованіямъ изъ договоровъ съ казною и по искамъ объ ущербѣ и убыткахъ съ казны—разныя казенныя мѣста и лица. По новому Уставу судопроизводства иски предъявляются всегда судебнымъ мѣстамъ. Если искъ предъявленъ не надлежащему мѣсту, то послѣдствія будутъ различны, смотря по тому, нарушены-ли постановленія о предѣлахъ вѣдомства, или только правила о подсудности въ тѣсномъ смыслѣ.

Постановленіями о вѣдомствѣ присутственныхъ мѣстъ опредѣляется какого рода дѣла подвѣдомы тому или другому мѣсту: другаго рода дѣлъ оно не можетъ принять къ производству, оно неспособно къ производству ихъ.

---

[1]) Рѣшеніе с.-петербургской судебной палаты по дѣлу Воейковыхъ съ Масловской. «Суд. Вѣстн. 1868 № 78.—рѣш. гражд. касс. деп. 1868, № 376.

Подачу исковаго прошенія съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства извѣстнаго мѣста, поэтому, нельзя признать предъявленіемъ иска. Такою подачею теченіе давности не можетъ прерываться, потому что хотя бы искъ по ошибкѣ былъ принятъ, но немъ никогда никакого производства исковаго или о взысканіи не могло воспослѣдовать. Если по подобнымъ дѣламъ даже послѣдуютъ распоряженія присутственныхъ мѣстъ, коимъ сіи дѣла не подвѣдомы, то все-таки ни подачею прошенія, ни распоряженіемъ сего присутственнаго мѣста, теченіе давности не прерывается [1]).

Такъ наприм., при прежнемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства подача иска по частному дѣлу, въ какое бы то ни было правительственное мѣсто, кромѣ полицейскихъ и губернскаго правленія, не могла прервать теченія давности, хотя бы воспослѣдовало принятіе прошенія. То же самое должно сказать относительно подачи прошенія о требованіи съ казны въ судебное мѣсто, о подачѣ прошенія для начатія тяжбы съ казной въ правительственное мѣсто, не исключая губернскаго правленія и полицейскихъ управленій, потому что тяжбы ни въ какомъ случаѣ не могли быть производимы въ нихъ.

Но по отношенію къ личнымъ искамъ должно предполагать, что предъявленіе иска о спорномъ дѣлѣ въ полицейское мѣсто и о безспорномъ въ судебное мѣсто могло прервать теченіе давности. Весьма часто съ перваго взгляда нельзя опредѣлить, спорно ли дѣло или нѣтъ. Подачу прошенія поэтому нельзя признать дѣйствіемъ ничтожнымъ, по прошенію могло воспослѣдовать производство. Мы видимъ подтвержденіе нашего взгляда въ томъ, что на практикѣ въ подобныхъ случаяхъ не всегда прошенія возвращались просителю съ надписью, но, по крайней мѣрѣ со стороны полицейскихъ мѣстъ, передавались въ судебныя мѣста и такимъ образомъ подача прошенія въ полицейское мѣсто могла служить началомъ исковаго производства.

По новому Уставу Гражданскаго Судопроизводства искъ можетъ быть предъявленъ только въ судѣ, поэтому подача прошенія мѣсту несудебному никогда не можетъ прервать теченія давности. По новому Уставу различаются предѣлы вѣдомства мировыхъ установленій отъ предѣловъ вѣдомства общихъ судебныхъ мѣстъ. Предъявленіе иска съ нарушеніемъ сихъ правилъ также должно быть признано ничтожнымъ, непрерывающимъ теченія давности, насколько мировые судьи неспособны къ производству подобныхъ дѣлъ, напр. по тяжбамъ. Но предъявленіе иска по дѣлу, которое по цѣнѣ неподсудно мировому судьѣ, можетъ прервать теченіе давности, если обѣ стороны согласны предоставить рѣшеніе дѣла мировому судьѣ; если такого согласія не будетъ, то слѣдуетъ признать, что предъявленіемъ иска теченіе давности по иску не прерывается.

Искъ можетъ быть начатъ лишь въ судѣ первой инстанціи; подача прошенія суду второй инстанціи, вмѣсто первой, не прерываетъ теченія давности

При предъявленіи иска, далѣе, могутъ быть нарушаемы правила о подсудности. Несоблюденіе сихъ правилъ нельзя считать равносильнымъ несоблюде-

---

[1]) Сборникъ, I, №№ 303, 311 —Рѣш. гражд. кассац. департ. 1867, № 97.

нію правилъ о вѣдомствѣ. Если данный случай собственно и долженъ бы былъ подлежать суду опредѣленнаго мѣста, то, при подачѣ просьбы другому, равному суду, все-таки производство возможно, потому что оно вправѣ рѣшать подобныя дѣла; поэтому подобная ошибка не имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ ничтожности дѣйствія. По отношенію къ судамъ прежняго строя возможна была передача дѣла отъ одного суда къ другому. Это прямо было сказано относительно различныхъ департаментовъ сената. Въ рѣшеніи сената отъ 8 марта 1845 года [1]) выражено, что подачею прошенія въ однородное мѣсто прерывается давность. «Хотя отъ срока заемнаго письма до представленія онаго ко взысканію въ с.-петербургское губернское правленіе и протекло болѣе десяти лѣтъ, однако впродолженіе этого времени помянутое заемное письмо было представляемо ко взысканію въ кіевское губернское правленіе.... Сказанныя просьбы нельзя признать простымъ оглашеніемъ предмета, ибо просьбы тѣ поданы были именно о взысканіи съ представленіемъ заемнаго письма».

При новыхъ судахъ въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ того, принимается-ли прошеніе или нѣтъ: если прошеніе возвращается, теченіе давности не считается прерваннымъ.

б) *Прошеніе должно* быть не только подано, но и *принято*; прошеніе, законно возвращенное за неформальностью, не прерываетъ теченія давности. Поэтому въ такомъ случаѣ истецъ долженъ подать новое прошеніе до истеченія срока давности. Если это болѣе невозможно, то срокъ считается пропущеннымъ. Присутственнымъ мѣстамъ предписано возвращать прошенія за неформальностью немедленно, однако въ законѣ не сказано, что проситель имѣетъ право на возстановленіе срока въ случаѣ несвоевременнаго возвращенія со стороны присутственнаго мѣста. Въ подобномъ случаѣ, впрочемъ, сенатъ опредѣлилъ, что истца нельзя обвинить въ пропущеніи срока давности, потому что срокъ сей миновалъ во время продолжительнаго задержанія управою благочинія присланнаго въ оную для возвращенія истцу заемнаго письма [2]).

Понятіе о *хожденіи* по дѣлу. Предъявленіе иска, какъ мы видѣли, состоитъ въ подачѣ прошенія истцомъ и принятіи онаго надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ. Этого достаточно для прерванія теченія давности. Совершенія дальнѣйшихъ процесуальныхъ дѣйствій для перерыва не требуется. Предъявленіемъ иска истекшая до сихъ поръ часть давностнаго срока уничтожается, такъ что давность уже болѣе не можетъ продолжаться, но можетъ начинаться снова [3]). Если истецъ, по предъявленіи иска, не ходатайствуетъ о продолженіи дѣла и, вслѣдствіе этого, производство по немъ не продолжается, то со времени прекращенія производства или, точнѣе, со дня послѣдняго дѣйствія по сему дѣлу начинается теченіе новаго срока давности по сему иску [4]).

---

[1]) Сборникъ, I, № 164.

[2]) Рѣшеніе сената отъ 8 марта 1845 г. Сборникъ, I, № 164.

[3]) Какъ мы увидимъ ниже, по новымъ Уставамъ сіе послѣдствіе предъявленія давности болѣе не безусловное.

[4]) Т. X ч. 2 ст. 213; т. X ч. ст. 692, 694.

Дѣятельность истца означается словами *имѣть хожденіе*.

По Уставу Гражданскаго Судопроизводства 20 ноября 1864 года, значеніе этого выраженія не можетъ подлежать сомнѣнію. Новое судопроизводство есть состязательное; оно требуетъ дѣятельности сторонъ; въ немъ весьма ясно опредѣлены послѣдствія бездѣйствія ихъ. Не то было при прежнемъ судопроизводствѣ. Оно было слѣдственное, а поэтому требуетъ особаго опредѣленія, какое значеніе можетъ имѣть хожденіе истца въ подобномъ производствѣ. Подъ словомъ *хожденіе* слѣдуетъ разумѣть представленіе тяжущимися объясненій, возраженій, опроверженій по исковому прошенію и отвѣту, свѣдѣній и документовъ, требуемыхъ судебнымъ мѣстомъ, или къ представленію коихъ вызывались сами стороны,—вообще совершеніе такихъ дѣйствій, которыя существенно необходимы для производства дѣла и безъ которыхъ дѣло останавливается въ производствѣ [1]). При апелляціонномъ производствѣ въ правительствующемъ сенатѣ дополнительныя къ апелляціонному прошенію не принимались, слѣдовательно хожденіе не только не дозволялось, но положительно было воспрещено. При апелляціонномъ производствѣ въ палатахъ хожденіе то считалось необходимымъ, то ненужнымъ. Есть рѣшенія сената, въ коихъ опредѣлено, что по дѣламъ апелляціоннымъ, когда апелляція разъ подана, дѣло не можетъ прекращаться вслѣдствіе нехожденія [2]), но есть и рѣшенія, по которымъ иски погашаются давностью вслѣдствіе нехожденія во время апелляціоннаго производства [3]). Вопросъ этотъ почти не имѣетъ болѣе практической важности, поэтому мы ограничимся замѣткой, что по началамъ ревизіоннаго порядка примѣненіе давности къ дѣламъ, поступившимъ на ревизію, при правильномъ дѣлопроизводствѣ, собственно невозможно. Если же дѣйствительно такое дѣло пролежало въ ревизіонной инстанціи десять лѣтъ безъ движенія, то, соображаясь съ безусловнымъ характеромъ исковой давности русскаго права, слѣдуетъ считать искъ погашеннымъ.

Правительствующій сенатъ не только по подобнымъ дѣламъ [4]), но и по такимъ, гдѣ стороны хожденія не имѣли, хотя однако судебныя мѣста еще переписывались [5]), несмотря на то, прекратилъ производство за нехожденіемъ истца въ теченіе срока давности.

Особыя правила существуютъ *по дѣламъ о начетахъ частныхъ лицъ на казну* [6]).

По дѣламъ о выдачѣ отъ казны частнымъ лицамъ денежныхъ суммъ, законъ о десятилѣтней давности имѣетъ примѣненіе лишь къ случаямъ, когда сумма присуждена и назначена къ отпуску окончательно, но получатель, бывъ извѣщенъ о томъ установленнымъ порядкомъ, въ теченіе десяти лѣтъ со дня

---

[1]) Т. Р. О давности при апелляціонномъ производствѣ. ЖМ. Ю. 1860 года, № 9, стр. 353—360.

[2]) Сборникъ, I, № 175; II, №№ 332, 169.

[3]) Сборникъ, I, № 699; II, №№ 3, 256.

[4]) Сборникъ, I, №№ 10, 89.

[5]) Сборникъ, I, №№ 14, 284, 452.

[6]) Т. X ч. 2 ст. 216; VIII т. ч. 2 ст. 146 приложеніе 4.

сего извѣщенія для пріема суммы не явится. Въ такомъ случаѣ онъ лишается невозвратно права на означенную выдачу и дѣло считается навсегда оконченнымъ.

Изъ этого правила Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 17 іюня 1846 г. [1]) установлено исключеніе: производящіяся въ государственномъ контролѣ дѣла о претензіяхъ частныхъ лицъ на казнѣ, какъ на будущее время, такъ и за прежнее, подлежатъ, на общемъ основаніи, дѣйствію давности, если теченіе оной не было прервано просьбами, поданными отъ истцовъ или въ государственный контроль, или въ правительствующій сенатъ.

Это правило установлено, хотя дѣла эти производятся въ административномъ порядкѣ, недопускающемъ участія частныхъ лицъ въ производствѣ. Еще въ рѣшеніи 13 мая 1846 года сенатъ опредѣлилъ: что такъ какъ десятилѣтняя давность не должна относиться до такихъ выдачъ, кои были пріостановлены предписаніями начальствъ за неокончаніемъ расчетовъ, а также на основаніи рѣшеній общаго собранія по совершенно однороднымъ дѣламъ, то дѣла, въ государственный контроль поступившія, какъ окончательно неразсмотрѣнныя, не могутъ быть уничтожаемы пропущеніемъ десятилѣтней давности.

---

[1]) П. П. С. З. № 20134.

ГЛАВА V.

ДѢЙСТВІЕ ДАВНОСТИ.

Дѣйствіе давности означается въ законахъ слѣдующими выраженіями: *искъ уничтожается и дѣло предается забвенію* [1]); *получатель лишается невозвратно права на выдачу и дѣло считается навсегда оконченнымъ* [2]); *право вчинанія тяжбъ и исковъ потеряно* [3]); *право отыскиванія пресѣкается* (о тяжбахъ), *искъ ограничивается* [4]); *судебное рѣшеніе теряетъ свою силу* [5]); *право теряется* [6]) — говорится какъ о вещныхъ, такъ и объ обязательственныхъ правахъ; *договоръ прекращается* [7]). Всѣ эти выраженія отрицательны: въ нихъ говорится лишь о потерѣ иска и права со стороны управомоченнаго лица. Выше [8]) мы доказали, что 533 статья 1 ч. X т., о превращеніи давностнаго владѣнія въ право собственности, также содержитъ въ себѣ не болѣе, какъ постановленіе о прекращеніи, уничтоженіи права прежняго собственника; что владѣлецъ истеченіемъ давности не дѣлается формально собственникомъ; что превращеніе, которое происходитъ вслѣдствіе давности, состоитъ въ томъ, что между тѣмъ какъ онъ прежде защищался въ своемъ владѣніи только противъ постороннихъ лицъ, нынѣ защищается и противъ собственника; что фактически его владѣніе равняется содержанію права собственности, но что формально послѣднее не признается за нимъ.

Итакъ, истеченіемъ срока давности уничтожается не только право иска, но и самое право, для защиты котораго служилъ искъ. Поэтому, если кто, лишившись своего права истеченіемъ срока давности, какимъ бы то ни было образомъ снова успѣлъ воспользоваться своимъ правомъ, осуществить его, то это ему не

---

[1]) Т. X ч. 2 ст. 213, 220, 221.
[2]) Т. X ч. 2 ст. 216.
[3]) Т. X ч. 2 ст. 226, 222.
[4]) Т. X ч. 1 ст. 692, 691.
[5]) Т. X ч. 2 ст. 221.
[6]) Т. X ч. 2 ст. 215; т. X ч. 1 ст. 692, 691.
[7]) Т. X ч. 1 ст. 1549.
[8]) Ср. 4 пунктъ I гл. II раздѣла.

послужитъ къ возстановленію потеряннаго права. Право его уничтожено, обязательственное вовсе не существуетъ, вещное не принадлежитъ ему, для него чужое. Если онъ пользовался имъ, то пользовался какъ чужимъ. Лицо, освобожденное отъ обязательства вслѣдствіе давности, если почему либо платило, ошибкою считая себя должникомъ, вправѣ требовать возвращенія уплаченнаго [1]). Такое исполненіе, такая плата не считается признаніемъ потеряннаго давностью права. Потеря безусловна. То же самое должно сказать о вещномъ правѣ. Съ потерею иска связана потеря вещнаго права.

Давностный владѣлецъ, отъ котораго прежній собственникъ отнялъ вещь или который самъ ошибкою передалъ ее послѣднему, вправѣ требовать возвращенія, на томъ основаніи, что прежній собственникъ лишился своего права.

Разсмотримъ подробно дѣйствіе истеченія давности на отдѣльные роды правъ.

Право обязательственное, по существу своему совпадающее съ искомъ, уничтожается давностью совершенно и вполнѣ. Обязавшійся освобождается отъ обязательства; значитъ, самое обязательство перестаетъ существовать, исчезаетъ изъ числа юридическихъ отношеній.

Право собственности, коего прежній собственникъ лишенъ вслѣдствіе истеченія давности, прекращается для него. Истеченіемъ давности прежде всего прекращается искъ собственника; вмѣстѣ съ искомъ уничтожается его право. Но вещное право, собственность, продолжаетъ существовать; содержаніемъ его распоряжается давностный владѣлецъ.

Сервитуты и *право пользованія* чужимъ имуществомъ истеченіемъ давности просто прекращаются. Они перестаютъ существовать. О переходѣ ихъ къ собственнику нельзя говорить. Собственникъ не имѣетъ особаго права пользоваться своимъ имуществомъ: оно лежитъ въ его правѣ собственности. Въ видѣ особыхъ правъ эти отношенія существуютъ лишь, когда принадлежатъ чужимъ лицамъ.

Закладное право по дѣйствующему нынѣ законодательству носитъ характеръ обязательственнаго права. Вещный характеръ его признанъ лишь въ уставахъ различныхъ банковъ. Поэтому, за исключеніемъ дѣлъ, относящихся къ симъ банкамъ, давностью оно должно погашаться съ тѣми же послѣдствіями, какъ и всякое другое право по обязательствамъ.

Истеченіемъ срока давности *по иску о наслѣдствѣ* уничтожается какъ право на признаніе лица наслѣдникомъ, такъ и право требовать выдачи вещей, принадлежащихъ къ наслѣдству.

Судебныя рѣшенія теряютъ свою силу касательно тѣхъ отношеній, которыя должны были быть опредѣляемы ими, но остаются какъ отвлеченныя положенія, которыми толкуется, изъясняется или примѣняется законъ.

---

[1]) Т. X ч. 2 ст. 220.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ИЗМѢНЕНІЕ ХАРАКТЕРА ДАВНОСТИ УСТАВОМЪ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 20 НОЯБРЯ 1864 Г.

Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. содержатъ въ себѣ нѣсколько статей, которыми характеръ и значеніе давности значительно измѣнены противъ прежняго. Кромѣ того, въ нихъ нѣтъ многихъ статей о давности, помѣщенныхъ въ прежнихъ законахъ гражданскаго судопроизводства.

Что касается тѣхъ постановленій о давности прежнихъ законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ, кои не вошли въ новые Уставы, то можно бы полагать, что они выпущеніемъ отмѣнены, и когда Судебные Уставы будутъ введены во всѣхъ губерніяхъ, то эти статьи слѣдуетъ считать вполнѣ и совершенно отмѣненными, и что при изложеніи постановленій о давности слѣдуетъ ограничиться постановленіями 1 ч. X т. и Устава Гражданскаго Судопроизводства.

Однако, съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться. Онъ вполнѣ правиленъ по отношенію къ постановленіямъ о порядкѣ судопроизводства. Новымъ Уставомъ замѣнено все то, что относится къ судопроизводству. Едва-ли возможно сочинить Уставъ судопроизводства такимъ образомъ, чтобы онъ вовсе не касался положительнаго гражданскаго права. Въ немъ всегда найдется болѣе или менѣе постановленій, касающихся гражданскаго права. Въ прежнихъ законахъ гражданскаго судопроизводства весьма много постановленій гражданскихъ опредѣлительныхъ, принимая это слово въ противоположность постановленіямъ охранительнымъ. Эти постановленія вошли въ законы о судопроизводствѣ или изъ законовъ гражданскихъ, или изъ обычнаго права, или судебной практики. Въ первомъ случаѣ нечего заимствовать оныя изъ законовъ о судопроизводствѣ. Но когда постановленія заимствованы изъ обычнаго права, изъ судебной практики, или вообще встрѣчаются только въ законахъ о судопроизводствѣ, то послѣдніе единственный источникъ ихъ и послѣ введенія новаго Устава. Они не могутъ быть отмѣнемы введеніемъ новаго Устава, ибо не суть постановленія судопроизводственныя, а постановленія гражданскаго права, и должны бы были войти въ систему гражданскихъ законовъ. Они вовсе не введены прежнимъ судопроизводствомъ, но или закономъ, который только случайно помѣщенъ въ судопроизводство, а если заимствованы изъ обычнаго права, то принятіе въ законы о судопроизводствѣ имѣетъ лишь значеніе свидѣтельства о томъ, что они существуютъ.

Всѣ подобныя постановленія законовъ о судопроизводствѣ слѣдуетъ признать дѣйствующими. Если бы это правило не соблюдалось, то введеніемъ новаго Устава измѣнялось бы положительно и существующее гражданское право, что̀ вовсе не имѣлось въ виду при изданіи новыхъ Уставовъ.

На основаніи вышеприведеннаго, Уставъ Гражданскаго Судопроизводства отъ 20 ноября 1864 г. измѣняетъ существующее гражданское право лишь настолько, насколько такое измѣненіе прямо и положительно постановлено въ немъ. Объ одномъ частномъ правилѣ нами упомянуто уже выше. Другое измѣненіе имѣетъ болѣе общій характеръ. Изложеніемъ его закончимъ наше сочиненіе.

Въ ст. 132 и 706 Уст. Гр. Суд. постановлено: Судъ не имѣетъ права возбуждать вопроса о давности, если тяжущіеся на нее не ссылались. До постановленія сего правила значеніе давности было безусловное. Въ законахъ гражданскихъ она является въ широкихъ размѣрахъ; примѣненіе ея обязательно для судовъ. Въ историческихъ источникахъ она объявляется однимъ изъ главныхъ основаній, коренныхъ постановленій гражданскаго права. Такое значеніе можно приписать правильно устроенному учрежденію usucapio, но оно вовсе не соотвѣтствуетъ значенію и характеру исковой давности. При прежнемъ слѣдственномъ производствѣ, судъ вообще обязанъ былъ собирать доказательства. Когда оставлено было начало слѣдственное и введено состязательное, то, вслѣдствіе того, сія обязанность суда не только прекратилась, но суды не вправѣ обращаться къ доказательствамъ и доводамъ, непредъявленнымъ сторонами. Прежнее постановленіе, очевидно, ухудшило положеніе, уже безъ того невыгодное, лица управомоченнаго. Весьма часто давность могла начинаться безъ вѣдома его; онъ могъ лишиться права иска, не замѣчая того. Могло случиться, что и противникъ его не замѣтилъ этого. Однако истцу это ни въ чемъ не помогало: въ судебномъ производствѣ истеченіе срока давности не скрывалась отъ зоркаго взгляда производителя. Установленіемъ приведеннаго правила новаго Устава законодательство наше стало на научно правильную точку зрѣнія, по которой исковая давность не есть учрежденіе, основанное на правдѣ и справедливости, но введено лишь изъ видовъ внѣшняго порядка и пользы, для такихъ случаевъ, въ которыхъ примѣненіе строгаго права оказалось бы слишкомъ крутымъ. Очевидно, что дѣло каждаго заботиться о выгодахъ, которыя ему предоставляетъ сіе средство.

Опечатки.

Стран.	Строк.		Напечатано:	Должно быть:
I	12	снизу	сдѣланы	сдѣланные
I	5	„	давносси	давности
II	4	сверху	терчется	теряется
II	5	„	формою его	формально ею
10	1	снизу	опущено послѣ слова *на*, слово:	оный
21	12	„	такъ союзные говоры, . . .	такъ и союзные договоры
35	1	„	№№ 1 и 2	№№ 11 и 12
97	15	„	у насъ	у насъ
104	16	сверху	дно	одно
107	11	снизу	поличается	почитается
108	2	„	этого	приведеннаго въ текстѣ
110	4	сверху	совпадаются	совпадаютъ
113	6	снизу	acquie	acquise
—	1	„	priscrit	prescrit
116	12	сверху	получитъ	получается
—	10	снизу	превращается. Мы	превращается, мы
121	1	сверху	ненарушенномъ	нарушенномъ
125	5	„	высе-	выс-
126	15	„	anvordenkliicher	unvordenklicher
136	8	„	Proclans	Proclam
147	16	„	то въ	то есть въ
150	20	„	ин	не
150	8	снизу	называемое	называемые
—	7	„	tolérence	tolérance
151	21	сверху	на вознагражденіе	о вознагражденіи
—	30	„	слѣдующемъ	слѣдующихъ
152	9	„	можетъ	можемъ
153	13	снизу	Klageäerjährung	Klageverjährung
158	13	сверху	ихъ слѣдуетъ	ихъ не слѣдуетъ
171	10	„	владѣлцъ	владѣльцы
190	17	снизу	размеживаемой	размежевываемой
194	23	сверху	въ началѣ строки послѣ слова: *жала* слѣдуетъ вставить . . .	покупщикамъ
198	10	„	права дороги	право дороги
201	2	„	предъ словомъ: *не прекращеніи* прибавить	о
—	5	„	пенсіи	къ пенсіямъ
209	16	„	награжденіе	на вознагражденіе
221	10	„	исчисленія	истеченія
224	7	„	sedit	regit
225	10	снизу	продажнымъ	проданнымъ
229	17 и 18	сверху	срока. — Находили	срока — находили

K

[redacted]

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

K
E5746
V417
1868

Engel'man, Ivan Egorovich
O davnosti po russkomu
grazhdanskomu pravu

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 04 20 06 002 8